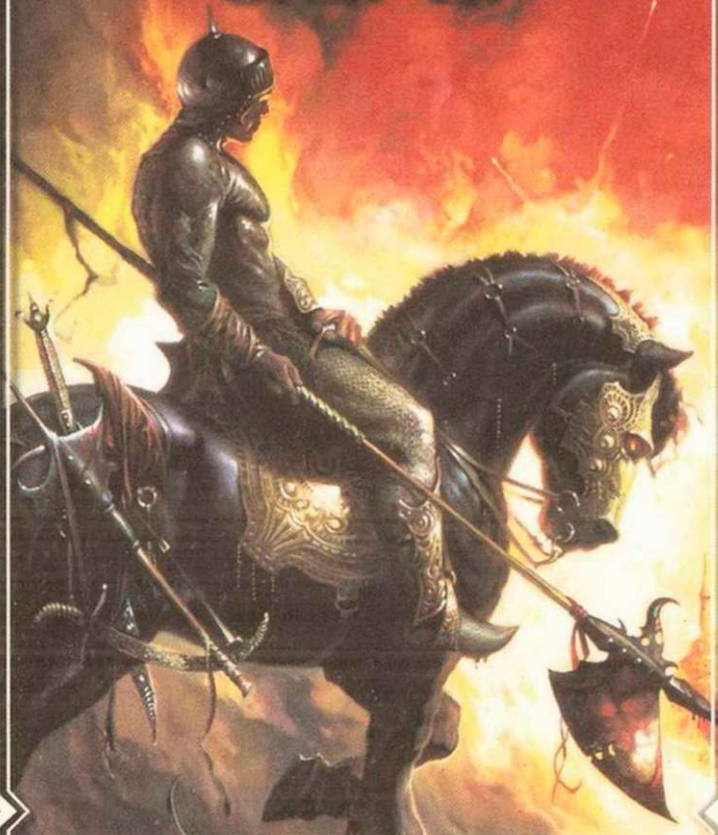


ЭЖУА™

КУЛЛ И ДЫХАНИЕ СМЕРТИ



Северо-Запад®

ЖУЛ

КУЛЛ
И
ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ



Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1998

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)
К 90

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

К90 Кулл и Дыхание Смерти.: Роман и повесть.— СПб.: Северо-Запад, 1998.— 496 с.

ISBN 5-87365-049-7

УДК 820(73)
ББК 84.7(США)

ISBN 5-87365-049-7

© Ken Kelly, обложка, 1991
© «Северо-Запад», подготовка текста,
серийное оформление, 1998

ЭЖУАА

ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ







ПРОЛОГ



Холодный бездымный факел зеленоватым мертвенным светом заливал пещеру. Он был воткнут в железную скобу у входа и, стало быть, освещать мог только дверь да три грубо вытесанные ступени, ведущие вниз.

Однако — странное дело... Свет заливал всю пещеру: кое-как выровненный пол, стены, сужающиеся к выходу, низкий свод, старый, вытертый до дыр сложенный вдвое ковер у стены, вбитые в стены железные кольца, цепи, чуть не в руку толщиной...

Толстый железный обруч охватывал худую ногу пленника, одетого в жалкое подобие рубахи и штанов. Худоба его была, скорее всего, следствием заточения в темнице, хотя, вероятно, таким он был всегда: маленьким, хрупким, тонкокостным. Правда, кроме внешности ничто в человеке не наводило на мысль о слабости. Пленник сидел на своей убогой подстилке очень прямо, поджав ноги; его узкие темные глаза не мигая смотрели в одну точку, а лицо, при этом мертвенном свете казавшееся серым, в своей неподвижности напоминало маску. Все мус-



кулы пленника были расслаблены, казалось, тело его вот-вот утратит жесткость и растечется по полу, скинув столь ненавистные цепи.

Но вот что-то неуловимо изменилось. Худая грудь приподнялась, и тотчас узкие плечи узника, шея, неподвижные руки, спина, поджатые ноги словно бы начали наливаться силой, на глазах обретая крепость железа и гибкость виноградной лозы. Несколько мгновений на продавленном ковре сидело неведомое божество, исполненное немислимой мощи, но вновь шевельнулась драная хламида, и сила начала неудержимо вытекать из тела, оставляя лишь пустую оболочку. Вдох — выдох. Великое божество — беспомощный пленник. И только бесстрастная маска, которую боги дали ему вместо лица, ничуть не менялась. Нечеловеческое могущество — слабость младенца, вдох — выдох...

Внезапно узник странным слитным движением словно бы взмыл вверх, как неудержимая волна во время прилива. Голова чуть наклонилась вперед, длинные гибкие руки медленно поплыли вверх, словно выпуская невидимую птицу, голова поднялась за ними... Прикованная нога дрогнула, цепь зазвенела, но это не разрушило сосредоточенности пленника и гармонии его странного танца. Руки так же медленно и плавно поплыли вниз, словно некая таинственная сила внезапно наполнила их свинцовой тяжестью, словно узнику не терпелось уронить их, сбросить непосильную ношу, но он боролся с собой, боролся с собственной телесной слабостью и хоть не побеждал, понемногу уступая неведомой силе, но и не сдавался. Чуть согнув ноги в коленях он



медленно и осторожно опустил наземь незримую тяжесть.

Так начался его странный танец — танец человека, прикованного к стене. Тело его то воспаряло ввысь, то растекалось по земле, то наливалось тяжестью, то обретало легкость пушинки в воздушном потоке, то гнулось, как тонкая бечева, то обретало твердость сухого древесного корня, то взрывалось неистовым каскадом движений, то замирало и словно прислушивалось к чему-то далекому, или говорило с кем-то, или просто дышало...

Странный факел горел ровным зеленоватым светом и даже не думал гаснуть. Узник привык к этому, как и ко многому другому. Впрочем, «привык» не то слово. «Привык» — значит смирился, отказался от надежды, веры, борьбы. Человек, прикованный к стене, ни с чем не смирился и ни от чего не отказался. Он просто ждал. Ждал терпеливо, спокойно, не обнаруживая ни малейших признаков гнева или нетерпения, ждал малейшего шанса, чтобы, не медля ни секунды, ухватиться за него и действовать.

Он не был магом, вопреки убеждению многих, считавших его искусство даром светлых Богов или порождением злобного Йог-Сагота — смотря с какой его гранью им пришлось столкнуться. Он не ведал будущего, ибо не был и прорицателем.

Он просто ждал, как ждет до времени скрытый в ножнах клинок. Над его подземельем поднималась громада Призрачной Башни. Когда пленник думал о ней, он мог ясно представить себе внутреннее расположение комнат, каждый переход, каждую лест-



ницу от угрюмых подземелий до открытой всем ветрам площадки на самой вершине Башни. Долгое время он был здесь гостем. До того, как его радушный хозяин решил, что гость слишком опасен.

Тело повторяло годами отточенные движения, а мысли пленника бродили далеко. В тех давних счастливых временах, когда они трое, он, его ученик Делви и мудрый старец из камелийского княжества Траориин сломили силу мага-лемурийца и вошли в Призрачную Башню как победители. Чтобы сделать это, он, теперешний пленник, прибег к помощи своего ученика, который волей судьбы был в дальнем родстве с прежним хозяином Башни. Память крови и глубокое внутреннее чутье Делви помогло миновать магические ловушки и одолеть чародея.

Но ничто не дается даром. Справедливые Боги за все начисляют свою плату, которую и взимают в должный срок с беспристрастием истинных владык. И настал день, когда Учитель Дзио-ка собрал их в круглом зале, где пол был выложен мозаикой с изображением Йог-Сагота. Магическим, исполненным особой силы, как утверждал Делви. Но Учитель бестрепетно наступил ногами, обутыми в мягкие туфли, на оскаленную пасть Великого Змея. Сила Йог-Сагота была побеждена и укрощена. Совсем она, конечно, не пропала, но никто ее здесь больше не боялся. Они сели на пол: мудрый старик и напротив него — он и Делви. Выцветшие от времени глаза Дзио-ка были печальны и строги.

— Никому не миновать жребия, определенного Богами, — тихо начал он, — никому не миновать того, что предначертано. У нас есть лишь один выбор:



встретить судьбу достойно или потерять лицо. Линии наших судеб пересеклись здесь, в Месте Силы. Мы сокрушили великое зло, но для этого нам пришлось свершить малое — столкнуть меж собой родичей. И за это каждому из нас придется заплатить свою цену.

— К чему ты говоришь это, Учитель? — спросил Делви. — Зачем ты мучаешь нас?

— Не мучаю, а пытаюсь подготовить к встрече с неизбежным, — возразил Дзио-ка, — немногие могут заглянуть ему в глаза и сохранить необходимую отрешенность. Но если ты, Делви, считаешь, что готов к испытанию, так вот тебе правда: этой ночью наш небесный покровитель, Сияющий Ранхаодда послал мне сон. Он приоткрыл завесу будущего. Вскоре мы расстанемся. Каждому из нас предстоит своя дорога и своя битва, и прежде, чем мы встретимся вновь, каждому придется сразиться со своим врагом в одиночку и победить. И цена победы будет высока.

— Что ты видел, Учитель? — спросил Дзигоро.

— Ты тоже готов к встрече с неизбежным? — старик неожиданно улыбнулся. — И тоже уверен, что устоишь? Хорошо. Слушайте. Тебе, Дзигоро, предстоит выковать меч, который возьмет жизнь твоего ученика и друга.

Дзигоро хорошо помнил, как ошеломило его невероятное пророчество. Он взглянул на бледного Делви и встретил такой же растерянный взгляд.

— Этого не может быть, Учитель. Ты, должно быть, ошибся, — возразил он. — Мои руки никогда не прикасались к оружию. Ранхаодда запрещает



отнимать жизнь, и я всегда следовал его Учению. Я не стану ковать этот меч. Да я и ковать-то не умею.

— Разве может смертный противиться воле Богов? — строго спросил Дзио-ка.— Если ты действительно следуешь Учению, то ты не позволишь своему невежеству судить их мудрость. А твоя собственная мудрость будет заключаться в том, чтобы как можно лучше и точнее исполнить предначертанное.

— А в чем будет заключаться моя мудрость? — спросил Делви.

— Твоя мудрость должна будет помочь тебе без страха и злобы принять неизбежное, и в этом будет суть твоей битвы,— ответил Дзио-ка,— а я поступлю мудро в том случае, если не стану мешать вам своими советами. Моя мудрость будет заключаться в бездействии,— Учитель улыбнулся, но тут же снова стал серьезным,— я отдал вам столько мудрости, сколько смог, а вы взяли столько, сколько сумели в себя вместить. Как вы ею распорядитесь — решайте сами, тут я вам не помощник. Мы встретимся снова, когда будет откован меч и проснется Дыхание Смерти. И больше не спрашивайте меня ни о чем. Я открыл ровно столько, сколько позволил Ранхаодда.

В тот день Учитель действительно больше не сказал ничего. Но когда с первым попутным караваном Дзио-ка отправился домой, в далекие Закатные Земли, то вместо слов прощания он тихо сказал Дзигоро:

— Ранхаодда поведал мне в том сне, что, когда будет откован меч, оборвется еще одна жизнь.

Дзигоро не спросил ни о чем.



Он понял, что хотел сказать его старый Учитель. Понял и принял.

А вот Делви не хватило мудрости. Страх скорой смерти оказался сильнее, и однажды, побуждаемый им, он услышал зов своей древней коварной крови. И откликнулся.

Старые манускрипты с заклятиями жрецов Йог-Сагота ожили вновь под огненным взглядом Делви. Совсем нетрудно заставить врасплох того, кто верит тебе безоглядно. В этот раз орудием Темных сил послужил чай, напиток, заваренный Делви по древнему рецепту. Сделав всего лишь глоток, Дзигоро надолго лишился сил, а из гостя превратился в пленника. Убить его Делви все-таки не решился...

Прошло три года.

* * *

Тяжелая дверь протяжно заскрипела в давно не смазанных петлях. Человек замер. Обернулся к двери и неспешно «стек» на старую циновку, принимая прежнее положение. Поднял бесстрастное лицо.

По ступеням спускался плотный коренастый человек в богато расшитом халате и мягких туфлях с загнутыми носками. Он был мрачен. Полная физиономия выражала мировую скорбь, словно ему предстояло поменяться с узником местами на неопределенный срок. Это был его новый страж, Кошиф. Он остановился напротив и долго молчал, разглядывая мускулистое, лоснящееся от пота тело. На



лицо человека он уже давно не смотрел — какая радость рассматривать маску, словно высеченную из камня.

— Я смотрю, ты не сдаешься,— произнес он наконец, видимо, устав от молчания.

Узник не проронил ни слова, продолжая смотреть сквозь внушительную фигуру в халате. Страж с шумом выдохнул.

— Ты упрям, Дзигоро, это я уже понял. Но и я упрям. Если ты думаешь, что твое упорство когда-нибудь надоеет мне и я разомкну эту цепь — то ты еще больший глупец, чем я думал. У меня достаточно терпения, чтобы переубедить сотню упрямцев. Тебя сегодня уже кормили?

Дзигоро по-прежнему молчал, но его тюремщик и не нуждался в ответе.

— Кормить тебя больше не будут. Если через два дня не поумнеешь, то перестанут и поить. Потом уберут свет...

Маленькие светлые глаза впились в неподвижное лицо пленника, надеясь отыскать признаки страха или неуверенности, но с таким же успехом они могли ощупывать серый камень за спиной Дзигоро.

— Тьфу! — сплюнул тюремщик,— говорил хозяину: одна морока с тобой. Я ведь исполню то, что обещал и все твои хваленые Силы тебе не помогут.

Узник по-прежнему молчал, но темные брови его шевельнулись в изумлении.

— Честное слово, ты мне нравишься, и я бы давно отпустил тебя,— со вздохом проговорил тюремщик,— но ведь хозяин выпустит мне потроха и сва-



рит похлебку для своих жутких тварей. Он дал мне три луны сроку, чтобы сделать тебя покладистым, и, право, лучше бы тебе подчиниться. Сделай ты этот меч, пусть хозяин замкнет его у себя в Башне каким-нибудь заклятьем покрепче, и ты свободен. Подумаешь, Ранхаодда не разрешает прикасаться к оружию. Я слышал, твой Бог добр. Он тебя простит. Мне не слишком-то хочется показывать тебе, на что я способен. Да, честно говоря, я и сам не горю желанием это узнать.

Тюремщик горестно вздохнул, глядя на Дзигоро с притворным сожалением. Но тот уже утратил интерес к болтовне, и взгляд его, миг назад живой и внимательный, обратился в себя. Дзигоро безмолвствовал.

— Ну, как знаешь,— обозлился тюремщик,— не хочешь по-плохому, как хочешь, но имей в виду — по-хорошему будет еще хуже!

Он двинулся к выходу, шаркая по полу мягкими туфлями. Уже у самой двери, на ступенях, он обернулся и серьезно спросил:

— Твоя вера хоть стоит того, чтобы из-за нее умереть?

Дзигоро промолчал. Он снова дышал медленно и ритмично, готовясь продолжить прерванный танец.



ГЛАВА ПЕРВАЯ



— Валка и Хотат!

Наверное, впервые в жизни Кулл не знал, что предпринять. Он стоял, незыблемый, как скала, тяжело придавив широко расставленными ногами землю, чтобы не вывернулась ненароком в самый неподходящий момент...

Караван, который атлант вел на этот раз, был не самым большим. Куллу случалось видеть и больше. Даже самому бывать в них проводником. Но он предпочитал длинным растянутым вереницам тяжело навьюченных верблюдов малочисленные подвижные отряды. В таких обычно хозяева везли товары, столь нетерпеливо ожидаемые, что задерживаться до того времени, когда соберется больше купцов, они не имели ни желания, ни возможности.

Бывали и другие причины для спешки, например, желание во что бы то ни стало оказаться на новом базаре раньше собратьев по ремеслу. А для



Кулла во всех случаях выпадала прямая выгода — платили такие купцы проводнику вдвое дороже.

Ведь и вести такой караван, и идти в нем опаснее. Нет большой охраны. Легче стать добычей охотников за чужим товаром. Да и проводник ведет не обычной проторенной тропой, а кратчайшей дорогой через барханы. И переходы без всякой надежды на долгожданный колодец вдвое длиннее.

Кулл водил караваны по Турании с зимы, и, когда по-летнему жаркие лучи солнца обожгли землю, не было в этих богатых торговых краях купца, да и простого жителя, который не знал бы Кулла, Кулла-атланта, лучшего проводника. Его караваны всегда приходили целые и невредимые, все люди были живы, товар в полной сохранности, ни одно животное, будь то верблюд, лошадь или осел — не пало в дороге. Заполучить Кулла в проводники хотели многие караванщики, но он своим особым, почти животным, чутьем безошибочно определял, где хозяин действительно не поскупится на награду.

Вот и на этот раз он повел маленький караван: всего в восемь верблюдов, двух купцов и трех погонщиков. Поклажи было немного, но зато все товары предназначались для гейрема эберского правителя. Тончайшие шелка, великолепные по рисунку и качеству работы ковры, розовое масло в запечатанных сосудах из обожженной красной глины, чтобы не смог исчезнуть дивный аромат цветущих долин, заключенный в них. Ну и, конечно, драгоценности.

Один из двух купцов оказался знакомым Куллу, как-то по весне он уже вел его караван. Им еще по-



счастливилось отбиться от орды диких кочевников-грабителей, но слуг у них тогда было больше, и везли они прекрасные клинки, которыми можно было перепоясаться, без риска сломать дорогое оружие, и кольчуги, сияющие живым, текучим серебром, которые можно пропустить кольцо за кольцом в ножной браслет уличной танцовщицы.

Ашад — так звали знакомого купца — на этот раз выбрал в проводники Кулла не случайно. Одних шкатулок с жемчугом он вез больше двух десятков. Золотые кувшины и подносы с огромными рубинами и сапфирами, чаши, украшенные алмазами самой разной величины — от тончайшей пыли до «бычьего глаза», а уж о разных коробочках из слоновой кости и нефрита с перстнями, ожерельями, подвесками просто говорить не приходилось.

И доставить все нужно было как можно скорее и в полной сохранности. Иначе правитель мог лишиться последней радости и утешения в жизни: любви и почитания своего гейрема. Всего лишь из-за того, что, как на ушко шепнули Ашаду, а он, в свою очередь, в такой же тайне пересказал своим попутчикам, посчастливилось правителю купить для себя новую наложницу. Она была стройна, прекрасна лицом, белокожая, светловолосая, с таинственно мерцающими зелеными глазами. Огромные, широко расставленные, они лишали разума всякого, кто отваживался в них заглянуть.

Правитель не был исключением, он был мужчиной. Его даже не насторожила слишком низкая цена, запрошенная за нее. Она стояла среди торговцев и евнухов такая хрупкая, нежная, трогательно-



беззащитная в своем восточном наряде. Все в этой женщине говорило, что она достойна гей-рема любого правителя, непонятным было лишь то, кто же захотел расстаться с такой драгоценностью своего сердца.

Правитель понял это сразу же, как только белокурая красавица воцарилась в его доме.

Она тут же заявила, что более нищего гейрема ей в жизни своей не приходилось видеть, что правитель — скупец и скряга и за те жалкие подачки своим женам достоин разве одной сухой улыбки и пяти вырванных волосин из бороды, что такому скопидому лучше держать вместо целого гейрема одну ослицу себе под стать. Кроме того, она пригрозила правителю, что, если он попытается от нее избавиться, она расскажет о его скаредности всем в Эбере.

С ней одной еще можно было бы сладить, так нет! Она взбаламутила весь гейрем. Все жены одновременно отказали правителю в утешении. Он стал раздражителен и зол, гневался по любому поводу и вымещал свое раздражение на верных слугах и ни в чем не повинных приближенных. Ашад смеялся до слез, рассказывая, как о голову одного из них правитель расколотил блюдо с сахарной патокой и как бедолагу отмывали потом в бассейне у фонтанов в саду правителя. И все бы кончилось благополучно, но в нем, оказывается, жили редкие золотые рыбки, которые то ли от испуга, то ли от сахара, повсплывали кверху брюхом, и слуги долго ловили их за скользкие широкие хвосты и носили на кухню.



Поглядев на лазурную гладь бассейна, покрытую ярко-желтыми телами пузатых пучеглазых рыб, правитель грустно вздохнул и решил одарить своих жен так, как никто в мире, чтобы снова во дворце воцарились мир, покой и благоденствие. А еще приказал не селить больше рыб в бассейн отныне и впредь.

— Теперь ты понимаешь, приятель, какой важный караван ведешь сейчас,— вытирая слезы, проговорил Ашад.

— Клянусь Валкой, эта девица знает, чего хочет и как этого добиться. Видно, не один владелец почувствовал на себе ее хватку. Поэтому и продавалась по дешевке,— похохатывая, откликнулся Кулл.

— Да, самый ненадежный товар — это женщины. Никогда не можешь знать наверняка, сколько она стоит на самом деле,— поддержал второй торговец.

Смеялись все долго, до слез, до рези в животе. Вместе с ними смеялось небо, опаленное солнцем, грозя опрокинуться на землю и придавить все живое своей выцветшей твердью. Хотя сейчас казалось, что единственными живыми существами в этом безбрежном океане песка был только сам Кулл и его маленький отряд.

Уже через два перехода от Сатрама караван затерялся среди бесконечных цепей песчаных холмов, то похожих на застывшие желто-коричневые волны, то напоминающих по своим очертаниям горящие в ночи многолучевые звезды, то изогнутых, словно лезвия сабель, барханов, то округлых огхурдов.



Иногда песчаные наносы лишь слегка приподнимались над поверхностью, словно морская зыбь, открывая взорам путешественников далекие окрестности, а иногда вздымались в высоту, скрывая за своими громадами все видимое пространство, кроме светлого неба и ослепительного белого солнца над головой. Эти сыпучие гряды были разбросаны во всех направлениях и создавали такую путаницу, что даже знатоки пустыни могли сбиться с дороги и бесцельно плутать в лабиринте песков в течение многих дней. До тех пор пока счастливая встреча с караваном или смерть от жажды не прекращала их мучений.

Но Кулла не так-то просто было сбить с пути. Атлант знал, был твердо уверен, что еще до заката они достигнут колодца на проторенной караванной тропе, выйдя к нему с точностью до четверти лиги. Потому что атлант находил путь не по солнцу и даже не по звездам. И, уж тем более, не по очертаниям барханов. Он, как собака, «держал нос по ветру». Нет, не то чтобы он мог учуять запах свежей воды. Просто ветер — хозяин пустыни. Он встает и ложится вместе с солнцем. Ветер жаркий, сухой, пыльный, распахивающий щетинистые песчинки в самые мельчайшие щелочки, под одежду, растирающий влажную от пота кожу в кровь — это проклятие путешественников может стать настоящим спасением для человека, знакомого с его повадками. Ветер в пустыне дует постоянно в одном направлении. Только ходить по ветру умеют далеко не все караванщики, даже те, кто провел в песках больше лет, чем прожил в человеческих жилищах.



А вот Кулла ветры словно полюбили. Или просто новичкам везет, как рассуждали старые проводники. «Кулл — это поветрие,— говорили они между собой,— с ветром пришел, с ветром и уйдет. Только пыль следом завьется».

Атлант знал многие ветры пустыни: гебли, хамсин, шехили, исфири, когда какой из них дует и где. Только одного не знал варвар — что не он один «ловит ветер удачи». И кажущееся одиночество их каравана в пустыне на деле оказалось не таким уж полным.

Когда по приметам Кулл ожидал увидеть тропу, навстречу путешественникам, из-за высокого бархана, вылетел вооруженный отряд. Их было семеро. Конные.

«Лошади совсем свежие,— оценил Кулл,— верблюдам не уйти». А то, что это был противник, сомневаться не приходилось. Все семеро неслись к каравану Кулла на таких широких махах, что было ясно: поворачивать они не собираются.

— Великий Скорпион! Только бы это был не Хайрам-Лисица,— взмолился вдруг Ашад.

— Есть разница? — холодно поинтересовался Кулл, внимательно наблюдая за приближением незнакомцев.

— Я не слышал, чтобы хоть раз Хайрам ушел без добычи,— откликнулся Зикх.

Варвар зло сощурился. Он не терпел подобных разговоров. Атлант не раз слышал рассказы караванщиков о многих лихих людях, но справедливо считал, что рассказчики сильно преувеличивают.



Во-первых, для того, чтобы превознести свою доблесть, во-вторых, чтобы скрыть свою трусость.

Меж тем всадники очень быстро приближались. Уже видны были белые бернесы, закрывающие лица до самых глаз, такие же, как у самого Кулла и его спутников. Кольчуг не видно, но сабли, даже судя по ножнам, не тупые и зазубренные, а самые что ни на есть «отточенные на короткий замах». По железным узорам на сбруях коней плясали солнечные блики. Такие же вспыхивали в глазах всадников. Вожак на горбоносом, тонконогом гнедом коне закричал, вернее, дико завыл, предвещая гибель каравану. Ашад поежился. Слуги постарались вжаться в седла. Кулл остался невозмутим. Те времена, когда его мог напугать крик, сколь угодно жуткий, минули давным-давно.

Подчиняясь приказу главаря, семерка всадников стала стягиваться и вскоре превратилась в огромную хищную птицу с клювом, направленным прямо на Кулла. Не торопясь атлант перекинул ногу через верблюжий горб и соскользнул на землю, обнажив топор. И, поправив выбившуюся из высокого кожаного голенища штанину, пошел навстречу всадникам.

«Похоже, от такой жары у кого-то кровь забурлила в жилах,— подумал он с недоброй усмешкой.— Что ж! Придется немного остудить эти горячие головы».

Кулл криво усмехнулся и сомкнул руки на рукояти топора. Он ждал. Разбойники не заставили его ждать долго. Налетели, неся за собой, как тот же хамсин, тучу песка и пыли, и остановились, резко



осадив низкорослых темно-гнедых коней всего в каком-нибудь лошадином скаке от Кулла. Тот, что был одет намного лучше, чем его спутники, видимо предводитель, спешил и направился напрямик к атланту. Это был человек, статью лишь немного уступающий могучему варвару. Меча при нем не было, но на широком поясе висело с десятков ножей для метания. Он был молод, как и Кулл, и так же, как и Кулл, уже научен безжалостной жизнью смирять свойственные юности порывы. Он подошел к Куллу спокойно и уверенно. И остановился, разглядывая его с холодным любопытством, явно оценивая. Вот тогда Кулл и помянул Валку и Хотата.

Услышав его голос, молодой предводитель разбойников нахмурился, словно что-то припоминая. И вдруг преобразился. Глаза его вспыхнули.

— Ты — Кулл из Атлантиды,— воскликнул он. Это был не вопрос, а утверждение.

— Допустим,— нехотя отозвался Кулл,— а кто ты такой?

— Я — Керам,— произнес парень с такой же интонацией, с какой говорят «правитель Турании» или «король Валузии». Впрочем, ни это имя, ни тон не сразили Кулла. Отчасти потому, что его вообще было трудно сразить, а отчасти от того, что он уже начал догадываться, кто перед ним. Слава Керама, лихого грабителя караванов, опережала его на три лиги.

— Мои люди искали тебя, Кулл,— проговорил он.



— Незачем меня искать. Вот он — я,— тоном, даже отдаленно не напоминающим приветливый, ответил атлант.

— Ты мне нужен.— Керам, а это действительно был он, словно в подтверждение своих слов распахнул бернес и одарил атланта широкой улыбкой. Кулл подумал, что так не радуются даже при встрече дорогого и любимого брата, которого считали погибшим, а он неожиданно-негаданно нашелся как раз тогда, когда родственники поделили меж собой его имущество. И больше всех радуется тот, кому досталась самая ценная и дорогая вещь.

— Я многим нужен,— лениво протянул он.

— Конечно! Кто может сравниться с Куллом, о чьих подвигах знают все от мала до велика и в Гайбаре, и в Эбере, и в Курдахаре. Я не удивляюсь, что такой доблестный муж многим нужен. Я был в Сатраме, но не застал тебя. Знающие люди сказали, что в пустыне Кулла-атланта искать бесполезно. Но, знаешь, у нас в Турании есть поговорка: «Если двум тропам суждено пересечься, то будь одна из них горной, а другая пролегай среди песков — они сойдутся на дне моря».

Кулл неожиданно усмехнулся. Тураниец ощутил перемену в отношении атланта. Он оглянулся на своих людей, замерших позади него плотной группой — шесть всадников. Махнул рукой, приказав всем спешиться, искоса взглянув на Кулла. Тот остался стоять там, где стоял, всем своим видом демонстрируя если не доверие к Кераму, то свое знаменитое бесстрашие. Теперь тураниец окончательно убедился, что перед ним тот, кого он искал.



— Ждите,— бросил Керам и, обернувшись к Куллу, предложил: — Отойдем в сторону. Надо поговорить.

Это было совсем не по правилам, но, видно, желание поговорить с атлантом пересиливало в его новом знакомом все писанные и неписанные законы встреч в пустынях проводников и грабителей караванов.

— У меня нет тайн от тех, кто мне доверяет свою жизнь.— Атлант чуть повел головой в сторону своего каравана. Купцы, зная, какой груз они везут, не решались подойти ближе, чтобы лишний раз напомнить о своем существовании.

— Зато у меня они есть,— тихо проговорил Керам и повторил движение Кулла, указывая, понятно, на своих людей.

— И дело не терпит...

— Терпит, но с трудом.

Кулл мгновение помедлил, потом решительно потряхнул головой так, что края его бернеса, и до того едва прикрывавшие подбородок, разлетелись в разные стороны. Они отошли на десяток шагов, миновав невысокий барханчик слева от них, шагая плечом к плечу так, словно делали это всегда. И сразу стало ясно, что один другому не уступит. Меч и камень — у кого из них больше шансов уцелеть в противостоянии? Мудрый человек не станет ставить последнюю монету ни на то, ни на другое. Разве только камень превратится в воду. Воду, которая пропустит меч сквозь себя и вновь сомкнется за ним. На воде не останется и следа, а меч от неосторожного соприкосновения с таким «текущим кам-



нем» может заржаветь и рассыпаться в прах. Когда их голосов не смог бы слышать даже человек с самым тонким слухом (который наверняка имелся в отряде как Керама, так и Кулла), они остановились. Варвар встал так, чтобы ни на миг не упускать из виду разбойников, атланта терзали сомнения на счет беспрекословного подчинения приказам в этом оборванном отряде.

— Есть дело,— многозначительно проговорил Керам.

— Я догадался.

Не глядя на туранийца, Кулл убрал свой топор.

— Дело рискованное. Вроде бы тебе такие нравятся.

— Врут люди.

Керам с удивлением окинул взглядом атланта с головы до ног. Но так и не понял, смеется над ним варвар или нет.

— Я люблю верные дела,— снизошел до объяснения Кулл,— а рискованное оно или нет...— Варвар красноречиво пожал плечами.

— Это — верное,— откликнулся Керам. Пожалуй, слишком поспешно для такого утверждения. Могучий варвар скрестил руки на груди и, повернув голову к туранийцу, ожег его стальным пламенем взгляда.

— Послушай, друг. Если ты хочешь, чтобы мы с тобой сделали дело, так и скажи об этом прямо. Не ходи вокруг да около, словно шакал вокруг падали. И есть хочется, и в рот брать противно. Говори быстро и ясно или ищи другого на мое место.



— Если ты об оплате,— сразу сообразил Керам,— так ведь не только не обижу, а все, что унесешь,— твое.

— Ну да, я как-то уже слышал подобное. А уносить пришлось лишь свои собственные ноги,— недоверчиво буркнул варвар.

— Все возможно,— отозвался Керам,— в некоторых случаях собственные ноги — это много. Но в этом деле тебе понадобятся не столько ноги, сколько руки. Сначала — чтобы поработать твоим знаменитым топором, потом — чтобы выгрести из одного скверного места пару сундуков с побрякушками, которые очень любят женщины. Так как, договорились? — Керам нетерпеливо положил руку на плечо атланту. Кулл медленно опустил голову и стал разглядывать руку туранийца так, словно раньше ничего подобного не видел. Керам снял руку с плеча атланта и положил на свой пояс с ножами.

— Пару сундуков,— недоверчиво хмыкнул атлант,— что же это за «скверное место»? Часом, не сокровищница правителя Турании?

— Подробности узнаешь потом. Сейчас не время и не место.

— Угу,— с готовностью кивнул Кулл,— вот потом,— он сделал заметную паузу,— и договоримся. Когда...

Закончить мысль он не успел, со стороны, где они с Керамом оставили своих людей, раздались отчаянные крики, брань, проклятия, подхваченные верблюдьим ревом и лошадиным ржанием. Кулл отпихнул Керама, одним движением выметнул топор и, одним прыжком перелетев через гребень



бархана, съезжая по осыпавшемуся склону к оставленному им каравану, наконец увидел, что произошло: троим особо нетерпеливым разбойникам как-то удалось подобраться к одному из крайних верблюдов с поклажей, что были без седоков и стояли чуть поодаль. Своими острыми кривыми саблями они разрубили веревку, на которой крепился тук с поклажей, и хотели было раскатать его да поглядеть, что за добро везут на базар Эбера господа купцы.

Но вдруг тук развернулся сам, выпала шкатулка, и желтый песок пустыни вспыхнул рубинами и алмазами. Солнечные лучи отражались в их отшлифованных гранях, дробились и путались, и над горкой драгоценных камней вспыхнули сотни крохотных радуг. Зрелище было завораживающее, и не только для троих грабителей. В тихой панике уставились на него купцы, с детским интересом и любопытством смотрели на необыкновенное зрелище нанятые в Сатраме погонщики. На одно мгновение оцепенел и Керам. Видно, светловолосый грабитель и не рассчитывал на такую удачу.

— Назад!

Повелительный голос его легко перекрыл небольшое расстояние и заставил разбойников вздрогнуть и обернуться. Зрелище рассыпанных по песку драгоценностей влекло их несказанно, и эту тягу они поборолі не сразу. Но привычка слушаться этого негромкого вообще-то голоса сделала половину дела. Вторую половину доделали широкие ладони Керамы, которые мягко опустились на пояс. Видимо, это движение предводителя знали в шайке, и



оно не сулило ничего хорошего. Пожалуй, этот молодой, обаятельный и красноречивый человек не замедлил бы положить на песок рядом половину своих людей — в случае неповиновения. Купцы кинулись подбирать тюки, а Керам, стоя по колено в песке, обернулся и встретился взглядом с невозмутимыми глазами проводника. Для Кулла не было новостью, что за караван он ведет. Видно, и плата была соответствующей. Десятая часть, а может, и пятая...

— Послушай, атлант,— рискнул Керам после недолгого раздумья,— а ведь здесь богатства королей.

Кулл шевельнул могучими плечами и не ответил ни «да», ни «нет».

— А чем мы с тобой хуже королей? — продолжил Керам, ободренный молчанием варвара.— Я не знаю тебя, атлант, но слышал о тебе достаточно. Согласись, глупо оставлять такое богатство в руках жадных купцов и глупых разбойников.

Серые глаза не мигая смотрели на Керама и были похожи на два зеркала, которые отражали все, не выражая ничего.

— Если мы сговоримся,— решился Керам,— так ведь мы сейчас, вдвоем, всех этих «искателей удачи» здесь и закопаем. А караван поделим пополам.

Брови Кулла грозно сдвинулись.

— Или тебе две трети, а мне треть,— торопливо добавил Керам, что-то прикидывая про себя.

— А то твое верное дело? — низким голосом, похожим на рык, проговорил Кулл.

— Деньги лишними не бывают,— резонно возразил разбойник.— Тем более для тех, кто знает, как



их потратить. Решайся, друг, и мы с тобой — два богача.

— Или два покойника,— хмыкнул Кулл.

— Трусись? — презрительно сощурился Керам. Слово это было безотказным средством, и тот, кому бросали в лицо такое обвинение, обычно вспыхивал, как порох, и кидался с головой в любое безрассудство. Но Кулл лишь усмехнулся:

— Ты сказал, что слышал обо мне,— произнес он.

— Я слышал, что Кулл из Атлантиды — отважный воин.

— Тот, кто ценит свое слово дешевле бабьих побрякушек, не ходит дорогой отважных, грабитель караванов.— Ладонь Кулла легла на рукоять топора, и это движение не осталось незамеченным.

— Будем драться,— добавил он.

На мгновение Керам, казалось, смутился, но почти сразу лицо его озарилось широкой белозубой улыбкой:

— Драться не будем, атлант. Керам не грабит своих. А что до «верного дела» — забудь о нем. На время. Дороги судьбы сплетают и расплетают звезды — так говорят свитки мудрости. И у нас, в Турании, не спорят с ними. Возможно, звезды еще раз сплетут наши дороги в одну, и тогда мы поговорим более откровенно.

С этими словами Керам повернулся спиной и пошел к каравану, совершенно не заботясь о том, что не видит вооруженного атланта. И Кулл подумал о том, что грабитель либо глуп (что сомнительно), либо слишком умен. Конечно, человек, который отверг его предложение, не станет бить в спину.



Кулл поспешил за ним на тот случай, если шайка не послушает предводителя. Однако его опасения оказались напрасными. Несколько повелительных слов, брошенных Керамом, остудили горячие головы. Та троица, один из которых щеголял огромным синим носом, похожим на крупную сливу, поогрызалась, но возражать не посмела. Видно в том, что рассказывали люди о Кераме, было много правды. Через некоторое время разбойники скрылись за горизонтом, и купцы, словно сбросив оцепенение, заговорили все разом. Чудесное избавление от разбойников вознесло Кулла на такую высоту, что атлант начал смутно надеяться на повышение обещанной платы. Впрочем, на этот счет, зная Ашада, можно было не обольщаться. После короткой остановки караван снова тронулся в путь, среди барханов, почти белых в косых лучах солнца, в море сыпучих песков, вслед за ветром.

Ночью над пустыней висят близкие, почти ручные звезды. Кажется, стоит лишь протянуть руку — и в ней окажется таинственно мерцающий хрустальный сосуд, наполненный светом, благодать богов, песня вечности, красота мира. На многие лиги простираются пески с горбами барханов, и кажется в темноте, что вокруг колодца на тропе расположился караван исполинских верблюдов, которые спят чутко и тревожно, и их глубокое дыхание иногда слегка шевелит горбы. Может быть, это только чудится в темноте под звездным небом. А может быть, пустыня действительно дышит.



Пески бесконечны, как время, и жестоки, как жизнь, и прекрасны, как вечные звезды над ними, и непредсказуемы. Как женский каприз, и незыблемы, как небесный свод.

Маленький караван расположился на ночлег. Сняв с усталых животных поклажу, напоили верблюдов. По давней традиции, неизвестно где и кем установленной, но свято хранимой, ночевку торжественно «огородили» веревкой из конского волоса. Считалось, что эту преграду не могут преодолеть ядовитые пауки и змеи. Купцы и погонщики слепо верили этой легенде и улеглись спать в огороженном пространстве так же спокойно, как у себя дома. Кулл не спал, хотя очередь сторожить была в общем-то не его. Просто отчего-то не спалось. Странное чувство овладело Кулл ом. Он знал эти бескрайние и непредсказуемые пески почти так же хорошо, как родные горы. Знал слишком хорошо, чтобы спать спокойно. Например, в отличие от наивных погонщиков и суеверных купцов, Кулл знал совершенно точно, что, если какой-нибудь гюрзе взбредет в голову полакомиться верблюжьим молоком, она минует волосяную веревку совершенно свободно и горе тому, кто окажется у нее на пути, да еще шевельнется не вовремя. И Кулл всматривался в ночную тьму, понимая, впрочем, что не его глазам увидеть крадущуюся в ночи змею и не его ушам слышать слабый звук трущегося о песок гибкого тела. Понимал он и то, что встревожили его и прогнали сон не змеи с пауками, а мысли, которые подчас бывают такими же смертельно опасными и умеют подкрадываться так же неуловимо.



Дневное происшествие не волновало Кулла. Он бывал в переделках и поопаснее. Одни из них оставили на теле его страшноватые отметины, другие не оставили ничего, даже воспоминаний. «Хочешь жить — умей забывать» — так гласили кстати упомянутые Керамом свитки мудрости. Кулл умел забывать, но лишь тогда, когда дело закончено. Эта встреча, Кулл чувствовал это, должна была иметь продолжение.

Внезапно в ночи послышался звук. Далекий и неясный, он нарастал с каждым мгновением, и Кулл с беспокойством приподнялся на локте, всматриваясь в темноту.

Погонщики верблюдов безмятежно спали, но часовой тоже привстал и беспокойно завертел головой. Зашевелились и купцы. Спустя совсем немного времени звуки стали явственнее, и уже можно было различить глухой топот множества копыт по песку, звяканье сбруи и далекие пока человеческие голоса. По ритмичности звука Кулл определил, что идут не верблюды, а лошади. Через мгновение он был уже на ногах, а рукоять топора удобно лежала в ладони. За спиной встали, словно выросли из темноты, оба купца. Видно, нападения конных грабителей никто не забыл, и появление ночных всадников разбудило самые худшие подозрения.

Небольшой отряд подъехал почти вплотную и спешил. Раньше, чем прозвучали приветствия, чем выяснилось, кто и зачем пожаловал, люди и животные потянулись к воде, и Кулл посторонился, давая им дорогу. «Если твой враг умирает от жажды — дай ему напиться. Он станет тебе братом», — го-



ворили здесь. Поступали, конечно, по-разному, но говорили именно так. Впрочем, Кулл уже видел, что подъехавший отряд ничуть не похож на оборванцев, которые наскочили на него днем. Во-первых, их было почти в два раза больше. Во-вторых, их лошади были гораздо крупнее и упитаннее разбойничьих. Это вообще-то говорило не в пользу пришельцев. Их лошади выглядели красивее, да и нагрузить их можно было изрядно, но по выносливости они далеко уступали неказистым собратьям, которых предпочитали «псы пустыни».

Когда люди и животные утолили жажду, Кулл, уже не рискуя показаться невежливым, поинтересовался:

— Кто? Куда? Откуда?

На что раздалось неторопливое:

— Купец Патмарк. В Эбер. Из Сатрама.

Быстро прикинув в уме расстояние, Кулл решил, что это вполне возможно. Хорошая лошадь под седлом шла вдвое быстрее верблюда. Конный караван купца Патмарка вполне мог выйти из Сатрама позже и догнать их как раз у этого колодца. Человек, который назвался Патмарком, вышел вперед, поклонился и произнес цветистое туранийское приветствие: что-то о том, что боги благословили всех продающих и покупающих, дающих и отнимающих, странствующих и ожидающих. Кулл попытался сообразить, кого туранийские боги обделили благословением, но бросил это занятие. Человек, подошедший к Ашаду и Зикху, не вызывал у него ни симпатии, ни доверия.



Испросив, как это положено по здешним правилам вежливости, разрешения ночевать у колодца и получив его, Патмарк махнул своим людям, чтобы скидывали поклажу на землю, многословно извинился и исчез, но почти сразу возник опять с флягой, в которой была не вода. И даже не кислое вино, которое продавалось в тавернах Сатрама, а сладкое валузийское, и Кулл, в свою очередь, отведал его (поскольку угостили), и с большим удовольствием, но подумал про себя, что скорее разделит бы ночлег с Керамом и его шайкой, чем с этим вежливым и предупредительным человеком. Атлант мог бы поклясться, что никогда прежде не встречал купца и не слышал про него ничего, ни плохого, ни хорошего, тем более необъяснимой была внезапная неприязнь к незнакомцу.

И только отведав вина, после того как развели костер, Кулл наконец понял, что его насторожило. Уж больно пристально приглядывался ко всему ночной гость. И больше не к Ашаду и Зикху, не к тюкам с поклажей. С жадным вниманием, словно не веря в негаданную удачу, купец рассматривал его, Кулла. И когда варвар сообразил это, купец понравился ему еще меньше.

Впрочем, Ашад настроения проводника как будто не разделял. Потрескивал костер. Языки пламени, оранжевые и медно-красные, плясали, освещая руки и лица, и от этого ночь вокруг казалась еще темнее. Кулл прислушался. В разговоре об общих знакомых купцы ушли далеко и обсуждали сейчас не Сатрам, и даже не Эбер, а Гай-бару, до которой было сейчас «как до Камелии ползком».



— А знаешь ли ты, почтенный, Рашудию-ювелира? — спрашивал Ашад, разглядывая приезжего сощуренными глазами.

— А как же! — отзывался тот. — Кто же из нашего брата-купца не знает Рашудию-ювелира. Того, кто богат, как сам правитель Балгез, и щедр, как базарный меняла. Как-то раз один купец из Эбера помог ювелиру выгодно сбыть три больших алмаза...

Народ у костра оживился. Те, кто уже спали, проснулись и потянулись к огню, не сколько для того, чтобы согреться и глотнуть сладкого вина, которым без устали оделял всех без разбора щедрый Патмарк, сколько потому, что нюхом угадали притчу. А здешний народ лепешке с медом в голодный год предпочтет послушать что-нибудь новенькое, поучительное и желательно смешное.

— Так вот, — продолжал Патмарк, когда установилось молчание, — человек тот, купец, рассчитывал на щедрое вознаграждение, но ювелир сделал вид, что не понимает купца, и принялся ласково, но настойчиво выпроваживать его из своего дома. Купец же, сообразив, что его обманули, решил сам перехитрить ювелира и, чтобы сделать невозможным его отказ, повел речь так:

— Почтеннейший, я полюбил тебя, как родного отца, и хотел бы вечно помнить тебя, твое мастерство и твое гостеприимство. Дай мне на память один из своих перстней. Вот хотя бы тот, с изумрудом, — к общему удовольствию, искусный рассказчик указал на большой перстень на руке Ашада, — в далеком пути, глядя на него, я буду вспоминать тебя.



На что хитрый ювелир ответил:

— Смотри на палец, где нет моего кольца, и вспоминай меня на здоровье.

Дружный хохот раздался в остывающем воздухе и взметнул искры костра. Даже Кулл криво улыбнулся: притча о жадном купце и хитром ювелире показалась ему забавной, и он повторил ее про себя, чтобы при случае рассказать кое-кому в Эбере. Его подозрения стали мало-помалу затихать. Он уже не помнил, что недавно смотрел на купца из Сатрама как на разбойника, если не на кого похуже. И, широко улыбаясь, Кулл спросил, подражая Ашаду:

— Почтенный, а не знаешь ли ты некоего Керама?

Брови Патмарка взметнулись в изумлении:

— Кто из купцов, ведущих караваны по этой дороге, не знает про Керама? — ответил он словно бы нехотя. — Слышали о нем все. Некоторые даже видели. А кое-кто из тех, кто видел, даже живой ушел. Говорят, сам он — юноша не злой, но люди его — сущее отребье.

— Твоя правда, почтенный, — перебил Кулл, — действительно отребье, которое доброго слова не стоит. Но предводитель их и в самом деле неплох. Хотел бы я знать, так ли он ловок со своими ножами, как об этом говорят.

Патмарк вопросительно посмотрел, но не на Кулла, а на Зикха. И тот едва заметно кивнул головой, словно подтверждая какую-то догадку купца из Сатрама. Погруженный в свои мысли Кулл этого не заметил.



Они проснулись с рассветом. Сухая утренняя прохлада бодрила. Ветер тоже проснулся и звал в путь. У колодца возникла неизбежная толчея: поили лошадей и верблюдов, пили сами, наполняли водой бурдюки. Погонщики навьючивали животных, покрикивая на своем гортанном, малопонятном наречии. Впрочем, верблюды и лошади их понимали. Тех верблюдов, которые не хотели вставать, приходилось поднимать пинками. Колодец оказался вычерпан до самого дна. Кулл подумал, что пройдет немало времени, прежде чем он снова наполнится водой и сможет утолить жажду тех, кто идет за ними. Но сейчас его беспокоило другое.

Утром выяснилось, что Патмарк не прочь «сократить путь» и для этого желает присоединиться к каравану Ашада и Зикха. Разумеется, услуги Кулла будут оплачены, пусть доблестный воин не сомневается. Кулл и не сомневался. В Эбере он сумел бы получить с Патмарка все, что ему причиталось. Не больше, разумеется, но и не меньше. Но Кулл весьма сомневался, что они доберутся до Эбера. Будь у Патмарка верблюды, объяснение выглядело бы вполне правдоподобно. Но лошади, двигаясь по проторенной караванной тропе, вполне могли достичь Эбера вровень, а то и раньше верблюдов, идущих напрямик. Идя же в одном, общем караване, Патмарку поневоле пришлось бы придерживать своих скакунов, принаравливаясь к медлительности кораблей пустыни. И вдобавок Кулл не был уверен, что лошади Патмарка выдержат такой переход.

Но Патмарка это, казалось, не беспокоило, и Куллу не оставалось ничего иного, как примириться



с присутствием подозрительного купца и удвоить бдительность. Палевого цвета клочковатый верблюд полностью разделяя мнение хозяина, подозрительно косясь в сторону лошадей, неспешно встал и, гордо выбрасывая свои лохматые ноги с широкими копытами, уверенно повернул на восход. Следом за ним потянулись другие верблюды с поклажей и всадниками, сзади пристроились лошади и, вытянувшись в цепочку, подобно гигантской пестрой змее, караван углубился в пески.

Эбер встретил караван суетливым гамом. Впрочем, ничего иного Кулл и не ожидал. Шумели торговые площади, ломились лавки купцов от изобилия товаров, навезенных туда со всего света. Ехал торговый люд из Турации в далекую Валузию, а кто побойчее, забирались и дальше, в Тулу. И уж оттуда, с новым грузом, отправлялись назад, домой. Везло, конечно, не всем. Тысячи следов искателей прибыли затерялись среди бескрайних пустынь и снежных перевалов. Кто будет искать их? На смену им придут новые. Быть может, более удачливые. И круг вновь, вот уже в который раз, замкнется. Вот снова идут выючные животные по улочкам Эбера. Мрачные лемурийцы косо поглядывают на своих недавних данников, молча пристраиваясь к длинному торговому ряду. Атлант проталкивался среди бурлящей толпы к ближайшему постоялому двору. Верблюды ревели, теснимые со всех сторон людским морем. Лучшие верулийские товары везли перекупщики из Термелы.



На одной из маленьких улочек, круто уходящих вбок, Кулл с сожалением простился с Ашадом, получив оговоренную плату сполна. На другой без всякого сожаления расстался с Патмарком, хотя деньги тоже получил. Любезный купец из Сатрама на своем сумасбродстве потерял трех лошадей, но не выглядел из-за этого чрезмерно опечаленным, напротив, казалось, что Патмарк был чем-то чрезвычайно доволен, и это не нравилось Куллу. По мнению атланта, для всякого удовольствия должна была быть причина, но в положении Патмарка он никакой причины не видел.

На прощание, одарив его улыбкой, Патмарк предложил:

— Ты далеко не исчезай, атлант. Мне вскоре понадобится хороший проводник, и я скупиться не буду.

Кулл кивнул, принимая деньги, а про себя решил, что лучше наймется в погонщики верблюдов, чем выйдет из Эбера с этим скользким и непонятным человеком. О чем он немедленно сообщил Зикху, как только Патмарк скрылся из виду.

Проводник и купец свернули на узкую улочку, удаляясь от суеты. Против компании приятеля Ашада Кулл не возражал. Молчаливый торговец нравился ему тем, что не лез с праздными разговорами, был не прочь хорошо выпить, но не пьянел и не имел дурной привычки через слово именовать Кулла варваром.

Шум постепенно стихал. В узких изгибах переулков вполне можно было заблудиться, но Кулл был здесь не впервые и знал, что приличными таверна-



ми изобилует любая улица, и на какую-нибудь из них он точно наткнется, куда бы ни направился, а это было все, что он сейчас хотел знать о планировке Эбера. Кто ищет, тот найдет. Вскоре Кулл и Зикх наткнулись на заведение, которое показалось им подходящим, с какой стороны ни взгляни. Маленькая потерянная вывеска с надписью «Приют уставших» понравилась приятелям. Открытая дверь ненавязчиво приглашала зайти.

— Валка! Подходящее название,— сказал варвар, спешиваясь. Зикх последовал его примеру. Откуда ни возьмись появился темнокожий мальчик и смело ухватил за узду сразу обоих верблюдов. И упрямые твари мальчишку послушались.

— Держи.— Кулл на ходу бросил пареньку мелкую монетку и шагнул внутрь. Зикх задержался на пороге и поманил паренька.

— Знаешь таверну «Красавица Гюлли» на соседней улице? — вполголоса спросил он. Мальчик кивнул. Тогда Зикх отсчитал ему сразу три монеты и так же тихо приказал:

— Найдешь там купца Патмарка, скажешь, что друг его остановился в «Приюте уставших», но в гости не ждет. Все понял? Повтори!

Мальчик послушно повторил, не переврав ни слова.

— Умница,— кивнул Зикх,— а теперь беги, да поживее.

И мальчуган стремглав бросился исполнять поручение.



Кулл проснулся оттого, что в дверь негромко постучали. Рука его метнулась к топору раньше, чем атлант открыл глаза.

— Заходи,— зевнув, разрешил он.

Потревожил его сам хозяин.

— Пусть господин простит меня,— с ходу начал тот,— но там ваш друг-купец. Он ждет внизу.

— Иду,— коротко ответил атлант, легко поднимаясь с постели.

Снизу доносились громкие голоса пьяных гуляк, и Кулл немедленно пожалел, что проспал так много интересного. Рука по привычке нащупала перевязь. Старый друг был на месте. Нельзя сказать, что народу было много, но зато все как на подбор. Хмельные дельцы, денежная братия, хотя и не такая родовитая как те, что сидят в роскошных дворцах, но любить жизнь тоже научились.

Кулл неторопливо пошел к приятелю, огибая столы, и краем глаза заметил любопытные взгляды, которыми награждали его завсегдатаи. Зикх сидел, склонившись над чашей вина.

— Зачем звал? — спросил он.

Прежде чем ответить, Зикх сделал знак, чтобы принесли еще вина и мяса. Сам он со своим обедом расправился уже давно и сидел в этом шумном зале, ожидая лишь его, Кулла. Но потом, видно, терпение у него лопнуло, и Зикх послал за ним хозяина. Широкий жест Зикха был кстати, желудок Кулла ворчал, как вулкан, готовый вот-вот проснуться. Кулл сам налил себе вина и энергично принялся за угощение. Зикх ждал, но, как вскоре выяснилось, не окончания его трапезы. Мягким широким шагом к



столу подошел человек: высокий и светлокожий. На нем был легкий халат с причудливым рисунком, который так искусно мог нанести только истинный мастер. Белый тюрбан из тонкого шелка плотно облегал его голову, но слишком крупные черты лица и светло-серые внимательные глаза окончательно подтвердили подозрения варвара: этот человек родом с севера. Скорее всего, из Коммории.

Чужак с ног до головы оглядел варвара, и только после этого кивнул Зикху и сел.

— Придуманно неплохо, но кое-что ты не учел,— первым заговорил Кулл,— в этом наряде ты, конечно, сойдешь за полукровку, но тебя выдает взгляд. Туранийцы не имеют привычки смотреть в глаза. Богач смотрит поверх голов, бедняк — в землю.

— Спасибо за науку, Кулл из Атлантиды,— усмехнулся сероглазый и в ответ на его удивленный взгляд кивнул на Зикха: — Вот он рассказал мне о тебе и, похоже, вопреки обычаю, не особо приврал.

— У господина Ритула есть для тебя работа,— вставил до этого молчавший Зикх. Комморийское имя окончательно убедило Кулла, что сероглазый «носит халат с чужого плеча».

— Умеешь ли ты держать язык на привязи, атлант? — понизив голос, спросил Ритул.

— Смотря сколько стоит веревка,— серьезно ответил Кулл.

Ритул улыбнулся одними глазами.

— Не обижу,— заверил он.

Кулл проглотил последний кусок мяса, полил его вином прямо в желудке и, справившись с отрыжкой, выразил полную готовность слушать.



— Завтра на рассвете из Эбера выходит караван,— тихо проговорил Ритул.— Караван большой, сильная охрана, но нужен надежный проводник. Именно ты,— сказал Ритул.— Я слишком не надеялся найти тебя тут, но, слава Богам, я искал там, где нужно.

— Куда идет караван? — деловито спросил Кулл, ковыряя в зубах.

— Не очень далеко. В Гайбару,— сдержанно ответил Ритул. Кулл поморщился.

— Не люблю я Гайбару,— проговорил он,— да и она меня не слишком любит.

— Но ты не отказываешься? — не то утвердительно, не то вопросительно проговорил Ритул.

— Что везешь?

Вопрос был не из тех, которые было принято задавать в подобных случаях. Обычно о содержимом сумок проводники не спрашивали, а спросивший попадал под подозрение и рисковал остаться без нанимателей. Все купцы знали, что Эбер, Гайбара и даже Курдахар кишат людьми Хайрама-Лисицы. Но комморец ответил без колебания:

— Везу женщину. В подарок одному вельможе.

Кулл удивленно взглянул на Ритула и Зикха.

В том, что один вельможа решил подарить другому свою дочь, сестру или красивую наложницу, не было ничего необычного. Почему же такая тайна? Внезапно его осенило.

— Неужели та самая? — прошептал он.

Зикх и Ритул с усмешкой переглянулись.

— Я говорил тебе, что он догадлив,— купец выпрямился и улыбнулся,— похоже, в сераль прави-



теля тебе лезть не придется. Заклад сам плывет в руки. Пока шел караван с подарками, наложница до того извела своего повелителя, что он решил от нее избавиться как можно скорее и так, чтобы никто об этом не знал. Правитель не желает, чтоб на всех базарах говорили, что он не смог справиться со вздорной женщиной. Поэтому он щедро заплатит и за работу, и за молчание.

Караван медленно полз по пустыне. Горячее солнце нещадно жгло все живое. Тяжело нагруженные верблюды, усталые, еле переставляли ноги. Их было около трех десятков. Зикх знал точнее, а погонщики говорили просто, что верблюдов «много». Тяжело навьюченных лошадей было десять — это знали все. До десяти в караване Зикха умели считать даже погонщики. Кулл восседал на спине гнедого скакуна и наблюдал: в бескрайних желтых песках с однообразными горбами барханов медленно и величественно проплывали полосатые тюки. В самом хвосте, на спине большого рыжего верблюда, покачивался белый шелковый паланкин, окруженный отрядом суровых комморийцев.

Этот караван шел проторенной тропой, от колодца к колодцу, и от этого, на взгляд Кулла, двигался излишне медленно. Кроме того, присутствие в караване женщины изрядно замедляло ход. Кулл невольно думал, что, если бы ему пришлось идти пешком и нести эту красотку на себе, он и то двигался бы намного быстрее. Все началось с того, что в пяти лигах от Эбера (город едва успел скрыться из виду) караван вдруг стал замедлять ход и охранник



поскакал вдоль длинной череды верблюдов, выкрикивая приказ остановиться. Оказалось — госпожу укачало. И чуть ли не под самыми стенами они стояли до полудня, лошади стояли, верблюды лежали, погонщики сидели, вода тратилась, солнце палило, время шло, женщина приходила в себя.

Ближе к полудню тронулись, но не прошли и лиги, как снова встали. Кулл злился, призывал на помощь всех богов, но его молитвы и его проклятия действовали одинаково, то есть никак. Когда они вышли из Эбера, Кулл был уверен, что караван придет в Гайбару через два раза по десять дней. После первой остановки он решил, что они придут туда через две луны. Когда солнце село в пески, стих ветер, опустилась тьма и цепочка усталых верблюдов сбилась в кучу, располагаясь на ночлег, Кулл уже был уверен, что караван в Гайбару вообще не придет.

Он лег спать злой и недовольный жизнью, а поднялся еще до солнца и, как это с ним частенько случалось, в прекрасном настроении. Приключения бывают всякие. Бывают, наверное, и такие. Путешествие только началось, женщина в караване еще не привыкла к мерной поступи верблюда, жаре и неудобству походной жизни. Кулл невольно думал: как она там, хрупкий цветок гей-рема, в душном паланкине, закутанная в шелк так, что видны одни глаза, зеленые, как изумруды? Деревянное сиденье, накрытое постоянно съезжающей подушкой, и узкое пространство, ограниченное плотными шелковыми стенами. И больше ничего. Ни посмотреть вокруг, ни поговорить.



А в конце пути — гейрем какого-нибудь захудалого гайбарийского вельможи. И это после сераля самого правителя. Впрочем, судя по рассказу Зикха и поведению прежних хозяев, Кулл мог ставить все, что он получит от Ритула, против скорлупы от прошлогодних орехов, что надолго она в Гайбаре не задержится.

Когда караван снова встал, Кулл уже не сердился. Он подъехал к узорному паланкину, охрана тут же сомкнула ряды и обнажила оружие, и учтиво предложил Ритулу:

— Может быть, госпожа желает выйти, размять ноги, подышать воздухом?

— Госпожа не желает выходить,— оборвал его Ритул, не двигаясь с места.

Кулл возвысил голос и повторил свое предложение, надеясь, что достигнет ушей дамы в паланкине. И верно, шелковые занавески слегка дрогнули. Кулл устремил туда взгляд, надеясь, что увидит хотя бы силуэт незнакомки, но Ритул, тоже возвысив голос, мрачно повторил:

— Госпожа не желает выходить. Ей уже лучше. Мы можем двигаться, проводник.

Куллу ничего не оставалось, как вернуться на свое место во главе каравана. Жизнь понемногу налаживалась. Госпожу укачивало уже не так сильно. На второй день пути они стояли всего два раза и не слишком долго, но, прикидывая пройденный путь, Кулл с тревогой начинал думать, что, двигаясь с такой скоростью, до колодца они не дойдут. Им просто не хватит воды.



Над песками висела серая предрассветная марь. Привычный рисунок звездного неба сместился далеко на закат. Первые лучи рассвета уже тронули лохматые «горбы» барханов, ветер вздохнул, шевельнув бескрайние пески, шелохнулась до половины зеленая, до половины бурая трава у неприметного источника, не ведомого ни одному проводнику караванов. Да если б и проведали о нем, вряд ли это внесло хоть какое-то оживление в безмятежную картину.

Старый колодец, некогда аккуратно выложенный плитами, но теперь заброшенный и полужасыпанный сырым песком, находился в стороне от караванных троп. Неподалеку от жалкого оазиса торчали из земли развалины не то дворца, не то древней крепости, не то целого города, занесенного песками за века так, что остались лишь венцы башен, торчащие из земли, подобно обломанным зубам. Они стойко сопротивлялись неумолимо наступающей пустыне и времени, и в этом бродячие ветры были им верными союзниками.

Одинокий всадник, неторопливо приближавшийся со стороны восхода, на низкорослой пегой лошаденке, видимо, прекрасно знал об источнике в развалинах. Лошаденка уверенно шлепала по песку широкими неподкованными копытами, направляясь напрямиком к колодцу.

Всадник бросил поводья, спешился и, опустившись на колени, жадно припал к воде. Лошадь фыркнула, переступила копытами и после недолгого раздумья сунула в чашу свои мягкие губы, толкнув всадника лбом, чтобы посторонился. Солнце



медленно поднималось над развалинами, и розовые, еще нежаркие лучи его скользили по старой, выветрившейся от времени кладке. В разгорающемся рассвете все четче обрисовывался силуэт сторожевой башни, похожей на исполинскую голову в островерхом шлеме, а остатки древней стены могли бы напомнить огромные лапы какого-нибудь спящего зверя или голову свернувшейся змеи. И то и другое было одинаково неприятно, чтобы не сказать — страшно. Казалось, древняя магия живет в этих стенах, живет и не собирается их покидать, живет, на горе и на погибель случайно заглянувших сюда путников.

Неожиданно конек фыркнул и прынул ушами. Не раздумывая, всадник пригнулся, метнулся в сторону и пружинисто вскочил на ноги, сжимая в руке обнаженную саблю.

— Последнее отребье не решается осквернить кровью источник, — проговорил он, — а тем более в Санджапуре.

С этими словами он обвел глазами компанию, которая незаметно окружила его и, вне всякого сомнения, собиралась его здесь и закопать. Их было шестеро. Свет еще не видел такого пестрого и такого оборванного сборища: опухшие лица, глубоко запавшие глаза с нехорошим, почти безумным огоньком в глубине, неуверенные движения, халаты с чужого плеча с полами, вымазанными конским дерьмом. Из них особо выделялся один — с огромным носом цвета недозрелого винограда.

— Мердек, — растерянно произнес он.

Неопределенного возраста худощавый человек



с жидкой бородкой и темными хитрыми глазами со стуком кинул саблю в ножны. Разбойники чуть помедлили... и повторили его движение. Со стороны развалин послышалось конское ржание. Лошаденка Мердека задорно отозвалась, словно услышала знакомый голос.

— А где Керам? — спросил Мердек. Шестеро оборванцев, едва не зарубивших его у колодца, пугали его не больше, чем не в меру расшалившиеся дети. Да и смотрел он на них примерно так же.

Синеносый злорадно скривился:

— А кто знает, его где-то носит. Может, демоны прибрали?

— Что так неласково? — спросил Мердек без особого, впрочем, интереса.

— На одиночество его, видишь ли, потянуло,— оскалился тот,— любит, понимаешь ли, один гулять. Когда-нибудь догуляется.

— «Золотой караван» ему, подумать только, не добыча! — поддержал его второй, с запавшими глазами.— Это надо же!

— Из-за того, что одних «своих» ему грабить честь не позволяет, другие «свои» должны с голоду пухнуть,— буркнул толстяк с черными мешками под глазами.

— Стало быть, это он привел вас в Санджапур,— криво улыбнулся Мердек.

— Как это «привел»?! — возмутился синеносый.— Мы не слепцы, не невольники и не женщины. Мы сами пришли. Место хорошее, вода есть. Правда, добычи маловато.



— И куда вы отсюда направитесь? Назад, к Хайраму?

Мердек задал вопрос безразлично, как будто из пустой вежливости, но темные глаза мигнули, выдав живой интерес.

— Никуда не направимся. Здесь будем,— ответил толстяк.

— В Санджапуре? — уже открыто удивился Мердек и даже всплеснул руками: — Да заплатили ли вы положенную дань?

Лица разбойников вытянулись в безмерном удивлении.

— Ты что, Мердек, вина опился? — осторожно поинтересовался синеносый.— Города давно нет, какая дань?

Мошенник, который в одиночку не боялся шестерых разбойников, загадочно улыбнулся:

— Давным-давно,— начал он, когда все семеро расселись в тени высокой каменной башни и фляга его, со сладким вином, сделав круг вернулась пустая,— когда благословенный Эбер еще не вздымал среди песков свой неприступный вал, а богатая Гайбара была лишь нищим поселением вокруг одного колодца, жил на свете великий воин Фуручи. Однажды надоело ему скитаться, и он решил осесть на одном месте. Прямо среди пустыни Фуручи ударил копьем, и возник источник. И вскоре вокруг него зашумел базар и выросли дома. Богат и славен был город Санджапур, и все купцы восхищались этим благоуханным цветком пустыни. Не было города богаче, и не было людей счастливее, чем его жители. Но однажды перед городскими воротами



появился нищий, умирающий от жажды. Он просил именем Валки пустить его в город или хотя бы дать ему напиться. Но, поскольку у нищего не было денег, жадный стражник не пустил его в город. И тогда нищий сказал:

— Почтенный, нет у меня монет, но есть мудрый совет. Прими его вместо платы и пропусти к источнику старика, умирающего от жажды.

— Хорошо,— ответил стражник,— говори. А я посмотрю, стоит ли твой совет хотя бы одной медной монеты.

— Не обольщайся блеском сокровищ, золото горит, пока светит солнце,— медленно, нараспев произнес старик,— с наступлением ночи сокровища обращаются в прах. Бойся одного — остаться нищим, когда закатится солнце твоей жизни.

Молодой стражник выслушал и рассмеялся:

— Это мудрость детей и нищих,— сказал он.— Она ничего не стоит. Убирайся вон.

Страшно разгневался старик. И произнес слова, которые и по сей день помнят мудрые:

— Будь же по-твоему, жадный юноша. Я не войду в эти стены. А ты не выйдешь отсюда. И будешь сторожить ворота до тех пор, пока кто-нибудь не принесет тебе сокровище, равное моему совету, который ты отверг.

В тот же миг потемнели небеса и страшная песчаная буря обрушилась на город, а когда все стихло, уже не было ни богатого города, ни базара, ни дворца правителей. Исчез город Санджапур, и имя его забылось. На закате вырос благословенный Эбер, на



восходе — богатая Гайбара, и караванные тропы пролегают теперь в стороне от города Фуручи.

Но дух жадного юноши стражника до сих пор бродит в развалинах, и горе тому, кто войдет в город и не заплатит богатой пошлыны. Великие несчастья обрушатся на его голову. Нищета будет ходить за ним по пятам, в руках его не станет силы, в голове — разума, он будет пить воду вместо вина и носить халат с чужого плеча.

Нет, как хотите, а я ни за что не останусь на ночлег в городе, который некогда предпочел монету мудрому совету. Жадных и глупых не любит никто. Ни Боги, ни Демоны. Вот только обожду, пока отдохнет мой конь и покину это проклятое место.

С этими словами Мердек кинул под голову седло и растянулся прямо на песке, весьма довольный сказкой, которую только что сочинил.

— Эй, Мердек,— через некоторое время позвал синеносый,— если это правда, то отчего с нами до сих пор ничего не случилось?

— А разве вы счастливы? — изумился Мердек,— Разве нищета не ходит за вами по пятам? Разве не пьете вы воду вместо вина и не носите халат с чужого плеча?

Разбойники переглянулись.

— Эй, Мердек,— снова позвал синеносый. Мошенник открыл один глаз, притворяясь, что уже задремал, и только оклик разбойника разбудил его.

— А что делать, Мердек?

— Что делать, что делать... Седлать коней и уходить из проклятого города, пока не поздно,— ответил Мердек.



— А куда уходить-то? — растерялись разбойники.— Керам оставил нас без добычи, сам ушел. Хайрам не примет нас назад. Когда мы уходили от него, то прихватили шестерых самых лучших коней. И в Эбер нам не войти. И в Гайбару не вернуться. У нас нет денег, чтобы заплатить стражнику за вход.

— Попробуйте расплатиться мудрым советом,— зевнул Мердек и повернулся на другой бок, спиной к озадаченным разбойникам.

Через некоторое время он услышал фыркание коней, шум бестолковых сборов, стук копыт по камням, и вскоре все стихло. Разбойники покинули мертвый город, и Мердек готов был заложить свою голову, что скоро они не вернуться. Хитрец напугал их изрядно. Должно быть, отправились грабить караваны. Не будет им удачи. Но не оттого, что переночевали в мертвом городе, а от того, что отроду глупы. Хайрам-Лисица на них напрасно злился, право же, шесть коней совсем не дорогая плата, чтобы избавиться от таких дурней.

Однако глупцы не глупцы, а когда-нибудь они поймут, что Мердек их попросту одурачил и, пожалуй, вернуться, чтобы спросить, какая тому корысть в обмане. Так что лучше бы ему этим шестерым больше не попадаться. Мердек снова сел, и убедившись, что разбойники и вправду уехали, встал и торопливо пошел вдоль стены. Через несколько шагов хорошее настроение его и довольство жизнью испарились. Тайник, который он и был послан отыскать, был завален рухнувшей стеной. И так завален, что одному дай Боги управиться за целую луну. Если это вообще возможно.



Могучий рык встряхнул землю и небо. Жалобно заревели верблюды. Гнедой конь Кулла жалобно заржал и попытался сбросить седока. Варвар с трудом удержался, намотал на руку поводья и попытался направить коня назад, туда, где случился переполох, но тот хрипел, косился, прижав уши, и с места не двигался, только перебирал копытами и тонко, жалобно ржал. Кулл бросил упрямое животное, соскочил и поспешил на звук, расталкивая широкими плечами бестолково мечущихся купцов и погонщиков. Охрана красавицы сбилась в кучу, заслоняя паланкин. Воины не мигая смотрели в одну точку.

Кулл повернулся туда же. И, не смотря на все свое северное хладнокровие, едва не попятился. Огромный палевый зверь, почти не отличимый цветом от песков, возник на тропе, словно из ниоткуда. Припав на передние лапы, он переводил свой жуткий взгляд с людей на сбившихся в кучу верблюдов, и гибкий длинный хвост его метался из стороны в сторону. Верный признак того, что лев зол. Или голоден. А скорее — и то и другое.

Воздух прорезал тонкий испуганный крик. Это мог быть один из мальчиков-погонщиков, но Кулл был отчего-то уверен, что крик раздался из паланкина. Мечи охранников давно покинули ножны, но пускать их в ход комморийцы не торопились. Лев снова рыкнул. Странно прозвучал этот рык. Грозный и яростный, он закончился нотой, весьма похожей на жалобное мяуканье. Кулл выхватил огромный топор и сжал двумя руками. Расставил ноги.



Глянул серыми холодными глазами в янтарные глаза зверя. На миг в них мелькнула тоска и смятение, но лишь на миг. Лев зарычал и прыгнул вперед, на него. Упав на одно колено, Кулл выбросил руку с топором, принял на лезвие страшный удар и рухнул, придавленный тяжелой, скверно пахнувшей тушей. Кровь зверя плеснула в лицо тугой волной, и Кулл невольно зажмурился.

Охрана подоспела вовремя. Как раз, когда зверь перестал шевелиться. Для того чтобы оттащить его в сторону и помочь подняться залитому кровью Куллу. Атлант зыркнул на них с плохо скрытым презрением и перевел взгляд на распластанного льва.

— Интересно, откуда он здесь взялся? — задумчиво проговорил Ритул. — Зубы сточены по самые десны. Лет тридцать зверю, если не больше. — И с легким сожалением добавил: — Было.

— Должно быть, подыхать сюда пришел, — предположил Зикх, которого необычное происшествие отвлекло от своих верблюдов с поклажей.

Ритул подошел к паланкину и, похоже, выслушав какое-то приказание, вернулся.

— Атлант. — Он тронул Кулла за рукав. — Госпожа давно хотела послать весть своему будущему супругу и повелителю. Теперь она благодарит Валку, что не сделала этого раньше.

— Почему? — не понял Кулл. — И при чем тут я?

— Госпожа благодарна тебе за спасение и хочет, чтобы вестника послал ты, из своих собственных рук.



С этими словами Ритул подал атланту белого голубя.

— Просто подбрось его вверх, — посоветовал он, — голубь знает дорогу в Гайбару.

Голубь взмыл в небо и уверенно устремился на восход. Похоже, он действительно знал дорогу.

Маленькое происшествие было забыто, и караван тронулся в путь. Потом, Кулл знал это, глупый случай с издыхающим львом, неосторожно уснувшим на караванной тропе, обернется целой чередой страшных рассказов о десятках свирепых львов, растерзанных верблюдов и одном герое победителе, получившем кошелёк с золотом и поцелуй от зеленоглазой блондинки. И этим героем будет кто угодно, только не Кулл.

Ближе к вечеру, как и рассчитывал проводник, они подошли к очередному колодцу в развалинах деревни. Солнце садилось за их спинами, косые лучи скользили по остаткам глинобитных стен. Длинные тени верблюдов, лошадей и людей бежали впереди каравана, словно старались как можно скорее добраться до места, где будет вода и отдых. Пески казались розовыми и словно светились.

Кулл подъехал первым и, разглядывая землю, нахмурился. У колодца обнаружили следы костра. Собственно, ничего удивительного в этом не было, караваны пересекали пустыню по одним и тем же путям, длинным или коротким, это уж как позволял кошелёк, опытность твоего проводника и выносливость верблюдов, но в основном «корабли пустыни» утаптывали одни и те же тропы. Случа-



лось, они встречались посреди бескрайних песков, узнавали и передавали новости.

К примеру, пару дней назад им навстречу попался «шелковый» караван из самой Камелии, и шел он не в Эбер, и даже не в Сатрам, а еще дальше. Возможно, в Зарфхаану. Но тот караван прошел здесь давно, и следы его сгладил ветер, да и много их было. Небось вычерпали колодец до самого дна. И, уж наверное, не один жгли костер, если ночевали. А где им еще ночевать? Те, кто оставил эти следы, крупные. Но уже верблюжьих — следы неподкованных лошадиных копыт должны были все время идти впереди их каравана, во что Кулл не верил. За семь дней пути он еще ни разу не наткнулся на следы их присутствия. Значит?.. Что это могло значить?

«Все, что угодно, кроме хорошего»,— решил варвар.

Комморийцы удвоили посты. Это было правильно. Но после случая со львом на комморийскую охрану Кулл больше не полагался.

«Спать не буду»,— решил он, пристраивая под голову попону и укрываясь плащом. И тут же провалился в мертвый, каменный сон.

Соблюдая предельную осторожность, одинокий всадник следовал за караваном. Словно тень, он крался за ними, след в след, значительно отставая днем, так как зоркие глаза проводника то и дело озирали горизонт. Кроме того, в этом караване были и другие глаза, не менее зоркие, и быть замеченным теми глазами всадник не хотел ни в коем слу-



чае, даже ненамеренно. Иное дело теперь, ночью. Надежно скрытый от любых глаз, даже самых зорких, он нагонял караван. Не тот это был человек, чтобы упустить добычу.

Он спешил. Конь его чуял воду и рвался вперед, но всадник осадил его железной рукой и ласковым словом:

— Все тебе будет, только не сейчас. Утром. Терпи, как я терплю.

Конь, казалось, понял. Во всяком случае он спокойно позволил хозяину положить его на бок и застыл. Всадник знал, что так конь будет лежать до тех пор, пока условный свист не поднимет его с места, и, больше не беспокоясь о нем, медленно и осторожно пошел вперед, к развалинам, где расположился на ночлег караван. Темный халат позволил ему подобраться к спящим шагов на двадцать. Ближе он подойти не решился, до и незачем было. Человек остановился. Прислушался. И тихо, протяжно взвыл, подражая голосу далекого волка. Ничто не отозвалось в ночи на этот тоскливый призыв. Но человек знал, что его слышали.

Прошло не так уж много времени. Тот, кто следил за караваном, еще не успел потерять терпение, когда прямо перед глазами его из темноты возникла плечистая фигура. Он отпрянул, ладонь метнулась к поясу, но замерла на пол-дороге, услышав тихое:

— Все в порядке. Это я, Ритул.

— Вовремя ты подал голос,— так же тихо отозвался одинокий путник,— еще мгновение, и я бы утыкал тебя стрелами...



— Пока все в порядке. Устроили ночлег. Завтра, с восходом, двинемся дальше.

— Отлично, дружище,— ответил тот,— а как варвар?

— Хвала богам, пока ничего не заметил,— ответил Ритул,— он смотрит вперед, а не назад. Но тебе стоит поостеречься. В караване человек Абад-шаана, а у них, как известно, глаза вокруг головы.

— Я знаю,— путник кивнул, но в чернильной темноте движение его головы осталось незамеченным,— в караване даже два человека Абад-шаана.

— Два?! — по-настоящему удивился Ритул.— Я не знал этого. В самом деле.

— Верю. Кто может сказать, что знает всех людей Абад-шаана? И кто может сказать, скольких из них привлекает та же добыча. У нашего общего знакомого развелось немало друзей-доброжелателей. И всему виной — щедрость правителя. Золото, обещанное за голову варвара, притягивает многих. Варвар стоит дороже, чем готов заплатить повелитель. Он силен и смел, и только он способен помочь, если захочет.

— А те, с кем ты собирался поговорить в Эбере? Что сказали они?

— То же, что и ты. В преисподней алмазные россыпи ни к чему.

— Варвар скажет тебе то же самое.

— Надеюсь, что нет,— ответил Керам,— за ним уже есть несколько убитых колдунов, и не все сидели на сокровищах. Главное, чтобы он мне поверил.

Ритул покачал головой:

— Я бы на его месте не стал.



— И это называется старый друг,— фыркнул Керам.

— Кто знает нас лучше, чем старые друзья?

Двое приглушенно рассмеялись. Уже прощаясь, Ритул предостерег одинокого путника.

— Будь осторожен. Здесь шастает кто-то еще. Варвар заметил следы.

— Ты думаешь, это они?

— Те, кого ты бросил в одном переходе от Эбера? Кто знает. Может, они, может, другие. В этих краях не стоит бродить одному.

Керам не успел ответить. Тонкий, пронзительный волчий вой возник в барханах, взметнулся высь и с силой вонзился в небо.

Приятеля переглянулись.

— Это не я,— сказал Керам.

Звук повторился, на этот раз ближе и через мгновение ему ответил еще один.

Зверь выскочил из темноты внезапно и стремительно. Огромный, от неожиданности и силы его броска он показался еще больше. И не серый — седой. В лунном свете он был словно облит жидким серебром. Сверкнули глаза и белые, как алебастр, ощеренные клыки. Человек взмахнул мечом, но зверь нырнул под руку. Коммориец растерялся и закрутил головой. И тогда на спину обрушился мощный удар, и человек упал, неловко взмахнув руками. Он не успел взять зверя на меч, не успел даже позвать на помощь. Он успел только хлюпнуть порванным горлом.

Тонко заржала и забила копытами лошадь. Шархнулась в сторону и, словно споткнувшись, не-



ловко повалилась. Шагах в двадцати точно такое же ржание оборвалось так же внезапно. Но уже ревели верблюды, бестолково метались погонщики, со свистом ползли из ножен мечи. Вспыхнул факел. Потом другой. Мелькнула серебряная тень.

Возле самых ног опешившего воина скользнула гибкая серая спина. Он взмахнул оружием и разрубил темноту. На земле подыхали две зарезанные лошади, один воин-комморец, два погонщика и четыре волка. Стая ушла в пески так же стремительно, как и появилась.

Ушли они, конечно, недалеко. Когда караван снимется с места и пойдет дальше, наскоро похоронив погибших, волки вернутся за своей добычей. Но никому и в голову не пришло преследовать стаю в песках.

«Охраняй нас от волка и от волчицы, сбереги нас от вора, и мы пройдем спокойно, о ночь»,— вспомнил Кулл, некстати разбуженный от своего волшебного сна.

У ног его лежал серый зверь, разрубленный пополам. Ночь не уберегла караван, не спасли и удвоенные посты. Впрочем, могло быть и хуже. Если б напала другая стая. Та, что оставила на песке следы неподкованных копыт.

Солнце стояло почти над головой. В такую пору самым мудрым, что мог сделать правитель, было спрятаться в каменной прохладе дворца и с помощью охлажденного напитка постараться пережить эту, совершенно нестерпимую жару. Господину Абад-шаану, начальнику гайбарийской конной



стражи, казалось, что даже лошади смотрят на него с осуждением. Впрочем, ни один из всадников его сотни, лучшей конной сотни во всей Гайбаре, не смел роптать. Абад-шаан и сам молчал, хотя их сомлевший от жары отряд продвигался к стенам Гайбары гораздо медленнее, чем солнце к высшей точке на небосводе. Причиной этого была «охотничья добыча» повелителя, крупный, испачканный кровью кулан. Привязанный к длинному крепкому шесту, он мотался в такт шагам мускулистых, обнаженных до пояса невольников. Спины рабов блестели от пота. Непокрытые головы были гладко выбриты. Они несли добычу повелителя Гайбары так легко и неторопливо, что казалось, для них это вообще не тяжесть, а раскаленная пустыня — благоуханные сады богов. Их мерная поступь сводила Абад-шаана с ума, но он не смел их поторопить.

Конечно, рассуждая здраво, не так уж все это было ужасно. Короткая утренняя вылазка на охоту. Ну, несколько растянувшаяся. Случалось и не такое. Преследуя неутомимых грабителей караванов, всадники гайбарийской стражи рыскали по пустыне день и ночь, не помышляя об отдыхе. «Они пили пыль и спали в седлах», как гласила известная поэма длиной в двадцать четыре локтя. Но то было дело мужчин, дело чести. И бесспорно, это было куда занятнее, чем караулить детей.

Абад-шаану не пришлось искать глазами тонкого, гибкого всадника в белом шелковом халате, гордо восседавшего на горячем вороном жеребце, едва лишь обьеженном, едва лишь узнавшем хозяйскую руку. Абад-шаан и так не сводил с него глаз. Пото-



му, что этот юноша, почти мальчик, был его повелителем. Владыкой Гайбары.

Неожиданно юный правитель повернулся в седле и послал Абад-шаану быстрый, нетерпеливый взгляд. Тот поспешил догнать повелителя.

Юноша не торопился начинать разговор. Он хмурился, кусал губы, теребил узорную рукоять хлыста, и господин Абад-шаан нехотючи, а может быть, как раз кстати подумал, что этот хлыст без всякой видимой причины вполне может прогуляться по его спине.

— Повелитель, Боги благосклонны к тебе,— то-ропливо произнес Абад-шаан,— ты удачно начал свой день. Воистину, в охоте, как и в верховой езде. Ты не знаешь себе равных.

Юноша повелитель не повернул головы:

— Ты прав,— холодно ответил он,— повелителю нет и не может быть равных. Того, кто осмелится встать с ним вровень, укорачивают на голову.— Он немного помолчал и добавил: — Та же участь ждет и нерадивых слуг.

Несмотря на жару, Абад-шаан почувствовал, что холодеет. Повелителю ничего не стоило отправить его к палачу или просто отмахнуть голову своей легкой саблей. Исключительно ради того, чтобы показать свою власть и утвердиться в своем праве карать и миловать подданных.

— Если я чем-нибудь вызвал твое недовольство, повелитель, казни меня, я буду счастлив умереть от твоей руки,— быстро произнес Абад-шаан,— но, может быть, ты позволишь мне узнать, и чем виновен твой нерадивый слуга.



— Вот уже три луны я жду от тебя известия, что варвар пойман и заточен в темницу,— ответил повелитель, по-прежнему не глядя на Абад-шаана,— и сейчас мне пришло в голову что, возможно, я жду слишком долго.

— Слава Валке, твое ожидание, повелитель, близится к концу,— с облегчением ответил Абад-шаан,— сегодня утром я получил известие от своего человека. Видимо, голубь прилетел еще вчера, но Смотритель Голубятни его не заметил. Я приказал дать ему десять плетей.

— Сколько же плетей я должен дать тебе за то, что ты получил известие утром, а я узнал об этом лишь к полудню? — насмешливо спросил повелитель и наконец удостоил Абад-шаана пристального, недоброго взгляда.— Что же сообщил тебе твой человек? Где варвар?

— Как раз сейчас, повелитель, он ведет караван из Эбера в Гайбару. Мне известен каждый его шаг, и, клянусь, я достойно встречу Кулла-атланта.

— Если он не сбежит по дороге,— тихо проговорил юноша.

Тонкие ноздри повелителя несколько раз расширились и опали. Взгляд был упрям и холоден, но в голосе неожиданно прозвучала печаль. Почувствовав перемену в настроении своего юного владыки, Абад-шаан решился спросить:

— Как смог этот варвар, которого ты никогда не видел, заслужить твою ненависть? Ведь он всего лишь проводит караваны.



— Он убил моего отца,— ответил юноша,— разве одной этой причины недостаточно, чтобы возненавидеть?

Абад-шаан обескураженно покачал головой! Он не имел представления о том, что мальчику известна история, которую во всем дворце знали, кажется, всего трое — он и двое рабов, которых на следующий день казнили.

— Лучшую причину трудно выдумать, повелитель,— признал Абад-шаан.

— Тем более что я ее не выдумал.

— Ничто не может укрыться от ока твоей мудрости, повелитель,— отозвался Абад-шаан,— и тебе, должно быть, известно, что Кулл не только погубил твоего отца, но и отстоял трон для тебя.

Юноша пожал плечами:

— Возможно, отец мне нужен был больше, чем трон. Возможно, наоборот. Но, в любом случае это должен был быть мой выбор, а не варвара.

Абад-шаан смиренно склонил голову в знак согласия и больше до самой Гайбары не проронил ни слова. Молчал и повелитель. С юношей было очень трудно, и каждый подобный разговор грозил обернуться бедой. И все же хитрый царедворец не сомневался, что со временем сделает молодого владыку своим послушным орудием.

* * *

— ...и вот этот человек вышел из города и повел караван к своему хозяину. И было в том караване ровным счетом десять верблюдов, считая и того, на



котором ехал он сам. Отойдя от города на три лиги, человек обернулся в седле и пересчитал свой караван. И что бы вы думали? — Зикх прищурился, покачиваясь на рыжей спине зверя и обнимая ногами горб. Кулл, Ритул и двое погонщиков смотрели купцу в рот, ожидая, чем кончится рассказ.

— Верблюдов оказалось всего девять,— проговорил Зикх улыбаясь.— Тогда человек слез со своего верблюда и снова пересчитал их. Теперь верблюдов было снова десять. Он опять взобрался на спину своему зверю, пересчитал караван. Девять! Тогда этот честный человек сплюнул на землю, слез с верблюда и решил: «Лучше уж я пойду пешком, но чтобы счет все время сходился».

Кулл рассмеялся первым, запрокинув голову и скаля в улыбке великолепные зубы. Его поддержал Ритул, а через некоторое время, и оба погонщика.

Притчи Зикх рассказывал отлично, ничуть не хуже Патмарка. Впрочем, здесь, в Турании, трудно было найти человека, который бы не умел рассказывать притчи и не знал их великое множество, на все случаи жизни.

Караван длинной цепью растянулся среди песков. Усталость долгого пути, изнуряющий зной, пыль изрядно притупляли бдительность. Тем более что уже несколько переходов прошли вполне благополучно. Если не считать того, что под седло лошади проводника попала пыль и бедное животное в кровь стерло спину. Пришлось Куллу оставить коня и снова пересесть на верблюда. Впрочем, притчи Зикха, которыми он развлекал их с Ритулом всю дорогу, почти примиряли атланта с верблюдом.



— Лошади,— неожиданно и как-то вроде растерянно, произнес Ритул.

Кулл и Зикх держались во главе каравана. Ритул пристроился рядом. Может, чтобы послушать притчи, может быть, еще для чего. Куллу молчаливый комморийец нравился не слишком, а вот купец его привечал. Впрочем, глаз воин имел ястребиный. Среди барханов действительно темнели лошадиные спины. Рыже-бурые, лохматые, те самые, которых «псы пустыни» отродясь не подковывали и которые в выносливости не уступали верблюдам, а в скорости превосходили их почти вдвое. Лошади были полностью оседланы и взнузданы, но без поклажи. Ровным счетом шесть. Целый табунок бесцельно бродил посреди песков.

Всадников нигде не было видно. Впрочем, подъехав поближе, Кулл понял, что ошибся. Всадники тоже были здесь. Только не все. Четверо. И эту четверку атлант определенно уже где-то видел. Они лежали на песке навзничь. Кулл видел позы мертвых тел и более жуткие, но сейчас не мог вспомнить, где и какие. Рядом валялись легкие туранийские сабли. Рваные халаты, пропитанные кровью, явно с чужого плеча. Не ожидая, пока подтянется караван и охрана, они втроем: Кулл, Зикх и Ритул — не торопясь, поглядывая по сторонам, подъехали к месту побоища. Зикх слез с верблюда, хлопнул ладонью по мохнатой морде, посылая в сторону, и шагнул вперед. Наверное, только Боги знают, отчего у Кулла шевельнулось в душе тревожное предчувствие. Легкий шорох, быстро мелькнувшая мысль... Или не было никаких мыслей. Никаких



предчувствий. Просто рука привычно вытянула топор, обхватив рукоять.

Синеносый покойник неожиданно шевельнул ресницами.

— Проклятие, обман! — взвыл Зикх.

Сабли, кое-как разбросанные по песку, мгновенно обрели хозяев. Ритул со стоном сполз с седла, оглушенный ударом сзади.

— А ну снимай поклажу, я Керам! — рявкнул толстяк.

— Как, и ты тоже? Сколько же вас здесь бродит на мою голову!

Зикх шагнул было к верблюду, но испуганно отшатнулся назад. Прямо из земли выросли еще двое, с запорошенными песком бровями, страшные, как песчаные демоны, и один из них рванул на себя тюки.

Кулла осадили двое.

Интересно, пробовал ли кто сражаться с пешими верхом на верблюде? Неповоротливом, старом и, похоже, глупом верблюде. Зверь бестолково метался, не давая возможности размахнуться как следует, и спрыгнуть на землю не было никакой возможности. Озлясь, Кулл сдавил коленями мохнатые бока, перегнулся с седла и под жалобный рев снес толстяку голову и часть плеча. Верблюд шарахнулся в сторону, косясь на мертвеца, и застыл. Уперся в землю всеми четырьмя копытами, словно корни пустил. Раздумывать было некогда. Уравновесив в руке топор, Кулл с силой метнул его в того, кто осаждал Зикха.



От каравана отделились темные точки. Стремительно приближаясь, они превращались во всадников в сверкающих кольчугах.

Торопливо навьючив добычу, синеносый вскочил в седло. Лошадь тонко заржала и двумя прыжками вынесла его из схватки.

Кулл скатился на землю, подскочил к убитому разбойнику, рванул меч, окрашенный кровью, и торопливо оглянулся. Зикх сидел на песке, зажимая раненую руку. Лошади уносили разбойников прочь. Четыре фигурки быстро уменьшались и вскоре исчезли совсем. Охрана опять опоздала.

— Четверо! — рявкнул Кулл. — Валка! Четверо ушли!

— Трое, — спокойно поправил его Зикх, — четвертый унес в боку мой кинжал. До заката он не доживет. А может, и мы не доживем.

Ритул со стоном шевельнулся. Кулл с недоумением посмотрел на враз помрачневшего Зикха. Прислушался.

Тонкий, почти на грани осязаемости, а не слуха, холодно-звонящий звук заставил нервы ответить таким же нестерпимо противным дрожанием. Он словно свивал из воздуха невидимые струны, которые соединяли между собой и небо, и землю, и людей, затерянных в песках между землей и небом.

Золотые нити текучего песка, серебряные струи ветра, еще теплого, но уже остывающего на лету.

И эта страшно чарующая мелодия повторяющая одно и то же, одно и то же... «Песня Блуждающих Душ» — что-то, а уж ее Кулл узнал бы, даже оглохнув. Переспрашивать Зикха варвар не стал. Не



имело смысла. Он понял, что имел в виду купец, говоря об этом. Небо над их головой темнело. Стремительно и неотвратно. Беспощадно. Попавшему в такую переделку впервые могло показаться — безвозвратно.

— У нас мало времени.— Движения Кулла были быстры, но точны.— Стой! — Его зычный окрик и в другое время мог производить такое же магическое действие на людей и животных. Теперь же караван остановился так, точно он врос в землю на этом самом месте. Те, кто уже не в первый раз оказывались в подобном положении, тут же начали укладывать верблюдов, лошадей, накрывая им головы попонами. Паланкин казался не совсем надежной защитой. Поэтому к нему со всех сторон кинулись охранники, таща на себе все кошмы и попоны, которые еще могли пойти в дело. Зикх внимательно осмотрелся по сторонам, не было спешки и суматохи, каждый знал свое место и то, что он должен сделать. Он знал, с кем идет в пески.

Не успела бы догореть и самая короткая травинка, как от каравана осталось на поверхности песков несколько лишних барханов. «Странно,— подумал про себя Кулл,— не слышно ни одного взвизга, точно и нет в караване женщины. Или она не такого нрава, чтобы устраивать переполох, когда дело действительно принимает серьезный оборот». Перед тем, как самому накрыть голову попоной, Кулл еще раз взглянул в ту сторону, откуда впервые донеслась до них «Песня Блуждающих Душ». Темнота стала выпуклой, нависла над еще не поглощенной ею пустыней И протянула к ней свои гибкие, жад-



ные руки. Нет, то не руки, а гигантские черные вихри, исполинские колонны, постоянно меняющие свою форму, то замирающие на мгновение на одном месте, то в один миг преодолевающие расстояния не одного дня пути.

Встревоженное ржание лошадей и рассерженный рев верблюдов неожиданно смолкают, и эта тишина становится действительно угрожающей. Кулл едва успел спрятать голову, как тут же почувствовал, что не может дышать от навалившейся на него тяжести.

Сухой песчаный дождь обрушился на людей и животных. Ливень, но не животворящий, а убивающий все живое. Но это не навсегда. Проходит совсем немного времени — и все успокаивается.

Кулл шевельнул могучими плечами и с некоторым усилием освободился из-под верблюжьей попоны, на две ладони засыпанной песком. Волосы атланта потеряли свой природный иссиня-черный цвет и сделались темно-рыжими. Всколоченные брови топорщились. Варвар сел и некоторое время ожесточенно плевался. Верблюд, которого ничуть не обеспокоила песчаная буря, смотрел на атланта внимательно, пытаясь сообразить, чем же тот занят. Наконец ему показалось, что он это понял. Верблюд неторопливо, с царственным достоинством встал, встряхнулся, обдав Кулла тучей пыли, и величественно плюнул в песок.

— Да, приятель,— кивнул атлант,— у тебя получается лучше. Тут с тобой не поспоришь.

Минула четверть луны, когда на горизонте показались темные точки, которые через две-три лиги



должны были превратиться в цветные башни Гайбары. Долгий путь наконец-то приблизился к благополучному концу. Гортанными выкриками понукая верблюдов, Кулл и Зикх взобрались на песчаный горб и замерли, всматриваясь в даль. То, что темнело, едва возвышаясь над волнами желтого песка, не могло быть ничем иным, кроме городского вала.

— Наконец-то добрались,— выдохнул Зикх, обтирая потное лицо.

— Я же обещал,— проговорил атлант, искоса поглядывая на купца,— тебе, Зикх, не в чем меня упрекнуть, а потому — давай деньги.

— Но мы еще не в городе.

Атлант грозно свел брови над заледеневшими серыми глазами:

— Разговор был о башнях, вот они.

Атлант не угрожал, но у Зикха отчего-то захолодели лопатки.

— Не будем ссориться,— торопливо проговорил он, доставая из переметной сумы увесистый кошель. Кулл протянул руку, и пальцы ощутили сквозь тонкую материю тяжелые кругляши.

— Золото...— с наслаждением изрек купец, придав особую значимость своему жесту.

— Золото — это, конечно, хорошо, но, впрочем, какая разница, я бы и на серебро погулял неплохо,— тоном выдавшего виды человека молвил атлант.

Он уже собирался спрятать кошель за пазуху и вежливо распрощаться, как вдруг внимание его



привлек яркий отблеск в песках. Он привстал шурясь.

— Всадники.

— Что? — вроде бы не расслышав, переспросил Зикх.

— К нам приближаются всадники,— повторил Кулл,— и мне это не нравится.

— Ну наконец-то,— с облегчением вздохнул купец и успокоил Кулла,— это свои.

Следуя за Зикхом, атлант спустился вниз, к каравану. Но что-то внутри, какое-то неясное предчувствие говорило ему, что ждать приближения этих неизвестных всадников — самое распоследнее дело из всех, которые он когда-либо поделывал. Хотя и убегать, не разобравшись, от чего бежишь, тоже было не в его характере. Однако, сколько ни думал Кулл о том, кто же мог так уверенно, по-хозяйски приближаться к каравану Зикха, ничего в голову не пришло. Оставалось одно — ждать.

В раскаленном воздухе появились клубы серо-коричневой пыли. Казалось, облако опустилось на землю и, изменяя окраску, медленно покатилося вперед. Всадники были еще далеко, но глухой топот копыт уже достиг каравана. Земля дрожала пока еще не слишком заметно, но вскоре даже самые тугие на ухо различили эту дрожь — явный признак приближающейся конницы. Всадники вылетали из тучи пыли, словно сверкающие стрелы. Сначала Кулл различал лишь передние шеренги, но по мере их приближения вырисовывались и остальные. Солнечный свет играл на островерхих шлемах, и



нестерпимо вспыхивали начищенные, видно, для пущего страха.

— Конная стража,— сообразил Кулл и яростно обернулся к Зикху.— Это и есть «твои люди»?

— О нет,— улыбнулся купец,— у них другой хозяин. Ты скоро с ним познакомишься, варвар.

Меж тем всадники приблизились достаточно, чтобы разглядеть усиленно махавшего им Зикха. Придержав коней, гайбарийцы подъехали уже шагом. Копья, пристегнутые к седлу позади всадника, грозно топорщились, и солнце играло на острых наконечниках. Кольчуги, терпеливо откованные лучшими мастерами Турации, плотно облегали статные фигуры воинов.

Впереди, на белоснежной кобыле, с достоинством поистине королевским, восседал воин в позолоченном панцире. С левого плеча его спускался плащ, застегнутый красивой фибулой. Сам же плащ, настолько светлого оттенка, что материя в лучах солнца казалась прозрачной, был таким длинным, что скрывал круп кобылы. Широкие штаны из такого же материала были аккуратно заправлены в сапоги из тонкой кожи. Причем нашлись умельцы, которые выкрасили их в такой же цвет. Не иначе, воин любил именно этот, бледно-голубой цвет. Не нужно было быть слишком умным, чтобы догадаться, что он и есть предводитель.

Лицо его закрывал белый шелковый шарф по самые глаза.

По знаку «бледно-голубого» воина отряд гайбарийцев натянул поводья. Вымуштрованные лоша-



ди, подчиняясь команде, встали, причем все одновременно.

Увлеченный зрелищем варвар не заметил, как воины Ритула ненавязчиво взяли его в кольцо, а сам комморийец оказался позади Кулла.

— Зикх,— вымолвил «бледно-голубой» всадник.

Купец шагнул навстречу, приветственно поднял правую руку и приложил ее к груди, учтиво кланяясь:

— Приветствую тебя, Абад-шаан, верный слуга великого владыки, да продлят Боги его дни.

Господин Абад-шаан в ответ лишь слегка кивнул головой, не думая покидать седло. Глаза его, не мигая, смотрели на Кулла, и тот понял, что, не поверив предчувствию, сделал большую глупость.

— Связать,— бросил всадник.

Кулл потянулся было за топором, но, взглянув на плотное кольцо комморийцев и шеренги гайбарийской конной стражи, опустил руки и с показным спокойствием вытянул их перед собой. Умереть было очень легко, но умирать было пока не время.

Зикх тут же связал атланта, а недавний приятель Ритул освободил его от топора.

В это время поднесли паланкин таинственной красотки. Занавески дрогнули, и Кулл, как ни был взбешен, все же повернул голову, надеясь увидеть «зеленоглазую блондинку».

Из паланкина выбралась неуклюжая фигура и, путаясь в цветных покрывалах, подошла к Абад-шаану.

— Я выполнил твою волю, почтенный.— Голос показался варвару знакомым, и через мгновение он



узнал его. «Госпожа» откинула покрывало, явив миру хитрое лицо Патмарка, купца из Сатрама.— Варвар схвачен. О Хайраме-Лисице ничего не слышно — должно быть, он снова ушел в горы.

Есть у меня еще одна хорошая новость: шайка Керама уменьшилась ровно на половину. Благодаря за это твоего верного слугу Зикха. И если бы варвар не вмешался раньше времени, от нас не ушел бы ни один разбойник...

Кулл окатил Патмарка ледяным презрением и едва слышно буркнул:

— Конечно, не ушел бы. Пока весь караван не разграбили.

Абад-шаан милостиво кивнул Патмарку и мотнул головой назад. Подчиняясь его знаку, Ритул подтолкнул Кулла в спину. Впрочем, достаточно мягко.

Никто не заметил, что со стороны заката появился одинокий всадник в туранийских одеждах и замер. Его внимательные глаза следили за всем происходящим внизу. Они не пропустили ничего, в том числе и пленения Кулла. Всадник нахмурился, но через мгновение загорелое и обветренное лицо ожило ухмылкой:

— Радуйся, почтенный,— язвительно проговорил он и многозначительно добавил: — До вечера.

Вероятно, Патмарк был на атланта порядком-таки зол. Недоверие варвара обрекло его на путешествие в душном паланкине, и расплата не за-



медлила. Связав не только руки, но и ноги, Кулла столкнули в глубокую яму.

Он тотчас выпрямился во весь рост и вскинул связанные руки, но не смог дотянуться до края. Не удержавшись на ногах, Кулл упал...

Во что он упал, Кулл понял сразу. Навозную жижу мало с чем путаешь.

— Не люблю я Гайбару,— отплевываясь, проворчал Кулл. Как только он умудрился перевернуться на бок, а затем сесть, над его головой слышались шаги.

— Как тебе нравится мое гостеприимство, атлант? — Голос Абад-шаана был язвителен до отвращения. Раздался смех Патмарка. Конечно, и этот был тут. Где же еще? Отсмеявшись, купец «успокоил» Кулла:

— Раз ты такой драгоценный, что многие хотят заплатить за твою голову ровно столько, сколько она весит, утешься тем, что алмаз, хоть брось его в грязь — все равно алмаз. Так что яма тебе не повредит.

— Будьте вы трижды прокляты! — зарычал варвар.— Дерьмо издыхающего осла и то стоит дороже, чем ваши паршивые душонки!

Лица Абад-шаана он не увидел, но услышал, как тот в бешенстве сплюнул и отошел прочь.

Атлант заскрежетал зубами, проклиная город, схвативших его палачей и предателей-купцов. Он не знал, что ждет его впереди. Но отчаяния не чувствовал. Звериное чутье, никогда не подводившее варвара, твердило, что нынешним злоключениям длиться недолго.



И точно.

Когда быстро наступившая южная ночь накрыла землю своим непроницаемым плащом, неся прохладу и облегчение от нестерпимого зноя, слышались легкие, осторожные шаги. Внезапно на плечи варвара упала петля, и чей-то, как показалось, знакомый голос тихо приказал:

— Руки вверх!

Кулл, не задумываясь, продел руки сквозь петлю и пропустил ее себе под мышки. Веревка тут же натянулась, и его выдернули из ямы, как пробку из бутылки. Даже с меньшим шумом. Но с большей вонью. Освободившись от петли, Кулл поднял глаза на своего спасителя:

— Ритул?! Ты!

— «Не всяк тот враг, кто тебя обгадил, не всяк тот друг, кто тебя из дерьма вытащил, а уж если ты попал в дерьмо, то сиди и не разговаривай»,— ответил Ритул известной среди особо проворных людей гайбарийских базаров поговоркой.— Бери свой топор, варвар, и знай: если ты действительно хочешь найти и друга, и дело, и деньги, то отправляйся-ка в таверну «Одногорбый верблюд». Не ошибешься, там на вывеске синий верблюд нарисован среди барханов,— видимо, Ритул сомневался, умеет ли Кулл читать,— да, все-таки не забудь помыться. Ручей неподалеку,— напутствовал Ритул Кулла, разрезав острым ножом его путы, и, не дожидаясь его благодарности, исчез во тьме.

Варвар, впрочем, и не собирался его благодарить. Сказал же Ритул: «Не всяк тот друг...» Но Кулл вынужден был признаться самому себе, что



чего-то не понимает. Не понимает, но очень хочет разобраться.



ГЛАВА ВТОРАЯ



Уронив голову на руки, Кулл блаженно спал. Блюдо с остатками жаркого и огромная пивная кружка сухая, как колодец на заброшенном караванном пути, были сдвинуты на край стола.

Маленький квадратный зал таверны с одnogорбым синим верблюдом серди желтых барханов на вывеске едва освещался тусклыми масляными светильниками. Из кухни тянуло каким-то непотребством, которое здешние завсегдатаи, видимо, по врожденному недомыслию принимали за приличную еду. Толстозадые девки в грязных юбках шныряли по залу, разнося мерзкую отраву, и улыбались, не разжимая зубов. В дальнем углу, сдвинув столы, шумная компания играла в кости, видимо на одну из девок, стук костей и пьяные вопли были слышны квартала за три, но Куллу было псе равно. Прервать его сон сейчас могло бы разве крушение мира, да и то вряд ли...

Крушения мира, однако, не потребовалось. Его вполне заменил легкий толчок в бок. Кулл еще не



открыл глаза, а его могучая ладонь уже метнулась к топору, когда варвар наконец проснулся и сообразил, где он и что с ним.

Напротив сидел молодой светловолосый парень, тот самый, кто пытался облегчить жизнь верблюдам Ашада и Зикха, да потом вдруг передумал. Меча при нем опять не было — видно, грабитель караванов мечей не признавал, но широкий пояс с ножами был на месте.

Увидев синюю сталь топора, он не шелохнулся и смотрел на Кулла спокойно и твердо: глаза в глаза.

— Если собираешься зарубить туранийца, застав его врасплох, не смотри ему в глаза. Прوماхнешься,— медленно произнес он.

— Снова ты? — Про себя Кулл подивился такой настырности.— А где еще трое?

— Пока что хватит и меня одного,— ответил Керам,— а почему трое?

— А потому,— Кулл ухмыльнулся,— что вторая половина уже не беспокоит ни тебя, ни меня.

— Твоя работа?

— Точно.— Кулл сощурился и незаметно передвинул ноги, чтоб упредить быстрое движение правой руки разбойника. Но тот лишь презрительно пожал плечами:

— Ну и демон с ними. Умные люди, увидев тебя во главе каравана, поняли бы, что солнце их удачи закатилось. А дураков не жалко.

Кулл хмыкнул. Керам был, конечно, прав, но когда тебе льстит в глаза кто-нибудь кроме хорошенькой девчонки, держи ухо востро. Тем более в Гайба-ре.



— Так, значит, ты не хочешь, чтобы солнце твоей удачи закатилось, и разбудил меня не для того, чтобы посчитаться за тех олухов? Так зачем я тебе нужен? — спросил он уже мягче.

Керам помолчал несколько мгновений, словно раздумывал, с чего начать. Кулла это не удивило. Парень назвался туранийцем, а их порода известна — никогда слова в простоте не скажут, а если такое чудо и случится, то значит одно из двух: либо мать его была валузийкой, либо отец — комморийцем.

— Ты слышал когда-нибудь о Призрачной Башне? — спросил наконец Керам, глядя куда-то мимо варвара. Кулл поморщился. Надо же! А ведь так хорошо начинался день! И парень, судя по всему, хороший, и обижать его совсем не хотелось, но ведь глупость сморозил...

— Я много чего слышал о Призрачной Башне, — кивнул атлант. — И в числе всего прочего я слышал, что оттуда еще никто не возвращался.

— Это сказки, — усмехнулся Керам, — оттуда никто не возвращался потому, что никто туда не ходил. Туда просто так не пройти. Час надо знать. Я открою тебе тайну, атлант. — Керам снова немного помолчал и тихо, равнодушно произнес: — Я был в Призрачной Башне. И вернулся оттуда. И теперь снова собираюсь туда.

Варвар в задумчивости перевел холодный взгляд с лица грабителя караванов на пояс метательных ножей. Светловолосый разбойник пробудил в нем любопытство, одинаково присущее кошкам, детям и варварам.



— И что там такое в этой Призрачной Башне? — спросил он.

— Сокровища, — спокойно проговорил Керам, — перед которыми даже сокровищница самого светлейшего, великого и несравненного — просто склад дешевых побрякушек.

Серые глаза атланта на миг сощурились, но только на миг.

— И кому принадлежат эти сокровища? — спросил Кулл.

— Тебе не все равно? — Светловолосый жестко усмехнулся. — Принадлежат самому Великому скорпиону, стережет их лемурийский маг, а владеть будет тот, кто сумеет взять. — От этих слов, сказанных ровным тоном, по спине варвара пробежал холодок. Как и все северяне, он не любил магов, а если совсем честно, так просто боялся. Но Кераму он не признался бы в этом даже за все сокровища Призрачной Башни. Он откинулся на спинку стула, тот жалобно заскрипел, а атлант обвел таверну внимательным скольльзящим взглядом и небрежно уронил:

— Так ты искал меня, чтобы позвать в гости к лемурийскому магу?

— Ты проницателен, Кулл, — кивнул тураниец. Кулл подпер кулаком подбородок и задумался.

— Это случилось не так давно, две луны назад, даже чуть меньше, — заговорил светловолосый грабитель караванов, — я отстал от своих ребят... по правде сказать, нарочно. О Призрачной Башне я слышал от Хайрама-Лисицы... Ты знаком с ним?

— Нет, — коротко ответил варвар.



— Твое счастье. А я вот знаком. Даже вроде бы родственники. Отец он мне... Ладно, то дела прошлые. Отец сам не ведал, что творит, когда решил обзавестись наследником, иначе бы поостерегся. Хотя вряд ли. Он мало чего боится. Даже проклятой бутылки...

— Какой бутылки? — очнулся Кулл, который от монотонных рассуждений Керама начал было засыпать.

— Нет никакой бутылки,— отмахнулся Керам,— тебе приснилось. У меня язык без костей... Давай для пользы дела забудем. Отец мой любит всякие магические штучки больше, чем женщина — побрякушки. Про Призрачную Башню я слышал от него и с тех пор загорелся. Он рассказывал, и я могу поклясться, что это правда, я был там и видел... Вход в Башню лежит через Врата Заката.— В ответ на вопросительный взгляд Кулла разбойник мечтательно улыбнулся: — Врата эти открыты всегда, только видеть их смертному не дано. Но в ясный вечер перед полнолунием, когда закатное солнце и восходящая луна находятся друг против друга и розовый свет смешивается с золотым... их можно увидеть и войти. Это не легенда, я был там, и я прошел через Врата Заката...

Почти против воли увлеченный рассказом Кулл молчал, боясь пропустить слово.

— Отец говорил, что своим верхним венцом Башня подпирает тучи, и это правда. Она действительно огромна. За Вратами царит тишина, словно даже ветер не может миновать невидимой преграды и бессильно бьется о невидимую стену, но это где-то



там... где-то в другом мире. А Башня погружена в безмолвие. Я подошел и толкнул створки высоких ворот, и они распахнулись, словно хозяин ждал меня. Нигде я не увидел ни стражи, ни прислуги, словно Башня была давно заброшена. Я пересек мощный двор, подошел к дверям и уже хотел постучать... но они открылись сами.

Призрачные бездонные глаза, как две живые звезды, поглотили меня в один миг. Веки, напоминающие своей формой зрелые плоды горного миндаля, окаймленные агатовыми густыми ресницами, вздрогнули и опустились вверх-вниз. Сердце мое тоже вздрогнуло и, взлетев, упало куда-то, где я уже не мог ощущать его.

Лицо девушки, словно дивное творение самого искусного мастера, поразило меня своей страстностью, сквозившей во всех чертах, и чуть полных, цвета спелой вишни, губах, уголки которых прихотливо изгибались каждый раз, стоило красавице улыбнуться, и в изящном, почти хищном, вырезе крыльев прямого носа, и в гордом своенравии открытого лба, который точно возносили к небу два ровных крыла тонких бровей. И вся ее фигура, закутанная во что-то невообразимо легкое и почти прозрачное, но все же не на столько, чтобы не оставить место воображению, начиная от иссиня-черных волн упрямых волос, выбивающихся из-под белой чалмы, и заканчивая маленькими ступнями, в остроносых туфлях, вся она хотя и была мне едва по плечо, но казалась величественнейшей богиней, сошедшей со своего трона, чтобы открыть дверь.

— Врешь,— убежденно произнес Кулл.



— Клянусь Валкой! Ты слушай дальше...

Красавица приветливо улыбнулась мне, словно ждала меня, и кивком пригласила в дом. Я, конечно, последовал за ней, да и кто бы поступил по-другому, когда сама богиня Любви зовет в гости. Мы поднимались наверх и спускались вниз по винтовой лестнице, освещенной странным зеленым светом. В Башне царило то же гнетущее безмолвие, что и во дворе, казалось, неземная красавица — единственная обитательница страшного замка. Я видел распахнутые двери, ковры, в которых утонет нога, драгоценные шелка и парчу, небрежно брошенные на край дивана, павлиньи перья в огромных и прекрасных вазах. Все это великолепие лежало под ногами, словно хозяйка и представления не имела, что ее маленькая, стройная ножка ступает по бесценным сокровищам. Долгое время я думал, что красавица нема, она ведь не обронила ни слова и даже не поприветствовала меня, но неожиданно она обернулась и заговорила. Глубокий и чистый голос ее был низким, усталым и равнодушным:

— Я вижу, ты удивлен, путник? А меж тем удивляться нечему. Мой повелитель, Тумхат, собрал здесь величайшие сокровища всего обозримого мира. Ты хочешь увидеть сокровищницу Тумхата?

Я смог только кивнуть. Красавица улыбнулась пренебрежительно, словно иного и не ждала, но почувствовалось мне, что, доставая спрятанный на груди маленький ключик, она вздохнула печально и разочарованно.



— Как тебя зовут? — спросил я, уверенный, что имею дело если не с богиней, то с одной из прекрасных принцесс Турании.

— Наконец-то догадался,— она рассмеялась без веселья,— зови меня Малика.

— Отец твой, должно быть, какой-нибудь могущественный правитель?

— С чего ты взял,— спросила она в то время, как длинный коридор, залитый мертвым светом зеленых факелов, в который раз завернул и я в который раз подумал, что без своей прекрасной проводницы дороги назад не найду,— тебя удивляет мое равнодушие к богатству? Скажи, умирающий от жажды в пустыне станет ли радоваться, найдя в песках алмаз... пусть даже с голову осла.

— Ты несчастна? — вырвалось у меня. Малика ничего не ответила, но ее поникшие плечи были красноречивее пленительных уст.

— Тумхат увез меня из Аграпура, где я танцевала на городской площади и была совсем бедна, но свободна.

...Когда-то давно, так давно, что в те времена даже звезды на небе имели иной рисунок, жил правитель, который не хотел править... Но наследники его были так многочисленны и так часто ссорились, что, назови он своим наследником одного из них, другие разорвали бы его в клочья... а заодно и несчастную страну. И он решил назначить своим преемником человека, который наверняка не был с ним в родстве,— самого бедного и незнатного, которого только можно было отыскать. Он отослал тысячи гонцов во все концы страны, и вскоре такой че-



ловец нашелся. Он был псарем, и единственными его друзьями и сотрапезниками были собаки, с которыми он ел с пола и спал в углу на соломе. Тряпье, которым он прикрывал свое тело, никогда не видело воды, а густые спутанные волосы — гребня.

Правитель приказал отвести его в баню, постричь волосы и ногти и одеть в чистую одежду, а после этого псаря привели во дворец и вручили власть над богатой страной и ее народом. Человек этот очень обрадовался и без конца благодарил правителя и в знак того, как высоко он ценит его милость, издал первый указ: старый правитель навсегда оставался его властелином и любое его повеление псарь обязался исполнить как свое собственное. На этом они расстались — прежний правитель отправился читать мудрые книги, а псарь остался править государством. Через несколько лет ко дворцу подошел нищий бродяга, у которого ничего не было, кроме двух толстых книг и куска черствого хлеба. Он сказал, что хочет видеть повелителя. То время было временем благоденствия, и нищих не гнали от порога. Каково же было удивление бывшего псаря, когда в нищем ученом он узнал своего благодетеля.

— Приказывай,— сказал он, преклонив колени, потому что догадался, что срок пришел.

— Но что я могу приказать тебе? — удивился ученый.— Ты правишь хорошо и мудро, под твоей рукой моя страна процветает, и я с восторгом нахожу, что мне нечего поправить. Ты оказался здесь вполне на своем месте.



— Ах, великий,— отозвался правитель,— прикажи мне вернуться к моим собакам...

Я смотрел на нее неотрывно, ожидая продолжения.

— Ты не понял? — грустно рассмеялась Малика, отворачиваясь от меня,— каждый должен быть на своем месте. Правитель — во дворце, псарь — на псарне. А вольной птице не место в клетке, даже если она золотая.

Так, разговаривая, мы незаметно спустились вниз и оказались у массивных дверей.

— Смотри, если хочешь,— равнодушно сказала Малика и повернула ключ в замке...

Великий Валка! Назови меня лжецом, если когда-нибудь у скажу, что уже видел такое! Но не зови меня лжецом сейчас... Все стены и потолок огромной пещеры были выложены, как я подумал сначала, белым мрамором, но, приглядевшись, я заметил в нем зеленые прожилки. Это был редчайший белый нефрит...

Кулл, который давно уже не спал, с громадным интересом слушая Керама, на этих словах внезапно зевнул и махнул рукой.

— А, ерунда все это...

— Да? А это ты видел? — отчего-то шепотом спросил разбойник и, окинув таверну быстрым взглядом, выложил на стол лучистый золотой перстень с огромным дивным сапфиром такой густой синевы, что камень казался почти черным. Только одно мгновение свет тусклой лампы играл его гранями, потом разбойник накрыл его ладонью.



— Мне продолжать? — спросил Керам. — Или тебе, может, спать хочется?

— Спать хочется, — опять зевнул атлант, — но ты продолжай...

— На золотых цепях, — как ни в чем не бывало заговорил Керам, — с потолка свешивались зажженные лампы в виде чудовищных полуптиц-полульвов с красными рубиновыми глазами. Я не знаю, в чем там дело... Может, это был ветер, хотя с того мгновения, как я ступил под сень Призрачной Башни, я не ощущал даже легкого дуновения... Но крылья чудовищных созданий шевелились, а головы с уродливыми клювами, казалось, поворачиваются вслед за нами, чтобы не упустить из виду меня и Малику. Вдоль стен стояли раскрытые сундуки, и на мгновение мне показалось, что я ослеп, так нестерпимо было сияние алмазов, сапфиров, рубинов и изумрудов... Я стоял неподвижный, боясь вымолвить слово, словно голос мой обладал разрушающей силой и мог прогнать дивный сон...

А Малика скучала.

— Ну, нагляделся наконец? — спросила она, потеряв терпение. — Достаточно здесь, чтобы купить твою храбрость?

— Здесь достаточно, чтобы купить всю Турацию, — потрясенно произнес я, но Малика лишь презрительно сощурилась.

— Этого оказалось недостаточно, чтобы купить меня!

Не знаю, что подействовало на меня, ее презрительный взгляд или гордая усмешка, но я вдруг опомнился:



— Ты хочешь бежать от своего повелителя? Так бежим, пока замок пуст!

И тут она расхохоталась. Она смеялась, как девчонка, закидывая голову и стряхивая выступившие от смеха слезы.

— Бежим...— повторила она, все еще задыхаясь от смеха,— и сокровища прихватим. А замок пуст! Лемуриец, значит, оставил меня одну в пустом замке с ключом от сокровищницы, а сам преспокойно отправился в Гайбару. Ты развеселил меня, путник, и за это я готова тебе простить даже то, что на эти холодные камни ты глядел дольше, чем на меня... К сожалению, милый, мне не уйти отсюда. И ты, если попытаешься набить карманы здешними сокровищами, тоже останешься здесь, и со временем Тумхат наденет на тебя вторую кожу. Ты видишь, что Башня пуста, но не верь своим глазам. У Тумхата есть и воины и другие стражи. Просто, когда они не нужны, он их не показывает. Я не знаю, откуда он их берет, может быть, вынимает из рукава, только каждый раз их появляется ровно столько, сколько нужно, чтобы встретить незваных гостей. А когда воинов нет, Башню сторожат демоны.

— Какие демоны? — опешил я.

— Такие, как я,— ответила красавица.— Мне следовало бы убить тебя,— продолжала она,— но я не хочу. Я отпущу тебя. Это разозлит Тумхата, но я привыкла к его гневу.

— Как мне спасти тебя? — воскликнул я.

— Меня? — Малика улыбнулась.— А ты уверен, что тебе нужна я, а не эти сокровища? Впрочем, если ты достаточно смел, ты можешь получить и то и



другое. Но чтобы спасти меня и завладеть сокровищами, нужно уничтожить мага. Другого выхода нет.

Высказав это, красавица смолкла и, как я ни старался ее разговорить, не вымолвила больше ни слова. Только дала мне этот перстень и проводила к Вратам Заката, которые из Призрачной Башни выглядели как обычная дверь.

Керам закончил и залпом осушил полупустой кувшин. И замолчал, видимо, надолго.

Тонко зазвенела струна.

Кулл оглянулся. У стены, на полу, сидел бродяга в грязном халате. В мелодичный перебор вплеся голос низкий, чуть хрипловатый, но приятный.

*Где найдешь, усталый путник,
ты приют последний свой,
Средь долин на жарком юге?
Среди гор земли родной?
Иль тебя в песках пустыни
чьи-то руки погребут,
Или с волнами морскими
ты уйдешь в последний путь.
Невозвратный! Ты потерян,
Навсегда лишен покоя.
Жизни срок тебе отмеряй
Был на бой с самим собою...*

— В одной мудрой книге,— проговорил Керам,— сказано, что песнь совы предвещает чью-то смерть. Если это так, то голос этого певца предвещает смерть совы...



Тот, услышав, не замедлил с ответом.

— Бывает так,— он необидчиво улынулся,— что отшвырнешь ногой, то потом поднимаешь зубами...

— Ну его,— отмахнулся Кулл,— пусть себе воет. У настоящих мужчин есть занятия поинтереснее, чем слушать его тоскливые стоны...

Он опрокинул в себя очередную кружку с огненной влагой, и Керам, чтобы не отстать, опорожнил свою. Сквозь туман хмеля варвар заметил, что к их столику подошел бородатый стражник и, тронув Керама за плечо, сказал:

— Ты и есть Керам?

— Да, это я,— неохотно ответил тот.— Что тебе нужно? Говори быстрее, не видишь — я с другом.

— А мне начхать, в любом случае тебе придется пойти со мной.

— Вот это да! — воскликнул атлант.— А если я его не отпущу?

Бородач посмотрел на незнакомца из-под густых нависших бровей. Затем он повернул голову в сторону и негромко свистнул:

— Эй, парни! Идите сюда!

Десятка два вооруженных людей ввалились в таверну и заполнили собой все свободное пространство.

Не уразумев, что происходит, Керам уставил на него любопытный взгляд:

— Ты что, шутишь?

— Какие там шутки.— Бородатый стражник грубо схватил под руки Керама и оторвал его от стула,— когда тебя разыскивают в четырех государствах.



— А ты прыткий,— заметил Кулл с уважительным кивком.

Один из стражников подошел и к нему.

— Что с этим будем делать, Рэтк? — поинтересовался он у старшего.

— Берем с собой. Потом разберемся, кто он такой и что у них за дела. Кстати,— тут он внимательнее взглянул на Кулла и нехорошо сощурился,— не тот ли это парень, который так нужен господину Абадшаану? По описанию так больно похож: здоровый наглый варвар с огромным топором. Будь я проклят, если это не он! Берем и этого.

— А получится? — спросил Кулл, поднимаясь с места. Он оттолкнул чужака и неспешно обнажил увесистый топор.

— Вот об этом топоре говорил господин Абадшаан? — Кулл взял его обеими руками и крутанул над головой так, что стражников шатнуло в стороны.— А ты уверен, что не ошибся?

— Рэтк,— дернув за рукав бородача, позвал один из стражников,— похоже, это не тот варвар.

— Жалкий трус! — огрызнулся начальник, влевив подзатыльник нерадивому подчиненному.— Тем хуже для вас обоих,— закончил Рэтк, обращаясь к варвару, и добыл длинный меч из складок своего халата.

Повинуясь его взгляду, туранийцы стали обходить стол, за которым пировали Кулл с Керамом, стараясь взять их в кольцо. Подпустив их поближе, Керам взял глиняный кувшин и хладнокровно расколотил его о голову ближайшего стражника. Тот



пошатнулся и сел на залитый вином деревянный пол.

— Брать живьем! — завопил Рэтк, кидаясь на Керама.

Однако сказать это оказалось легче, чем сделать. В таверне творилось что-то неопишное! Столы и скамьи разлетались, словно сметенные ураганом. Посреди зала топталось, выло, рычало и извергало проклятия многорукое и многоногое чудовище. Посетители жались по углам, пытаясь проскользнуть к выходу. Время от времени зал оглашал мощный рев: «Валка!» И один из стражников, приподнятый могучими руками летел через головы своих товарищей. Однако, постовав и потеряв ушибленные места, поднимался и снова кидался в драку.

Топор Кулл давно уже убрал. Северное представление о благородстве и чести мешало ему обработать клинок против безоружных, поэтому он яростно работал кулаками, отбиваясь от наседавших стражников, и, кривя рот в ухмылке, сплевывал сквозь зубы крепкие туранийские ругательства. Нападавших было слишком много. В толчее Кулл потерял своего приятеля. Видно, его сумели-таки сокрушить и сейчас волокли по крутой лестнице вниз. «Встретимся у Врат», — донеслось до Кулла сквозь гневные крики, стоны и треск столов. Он рванулся было за ним, но понял, что помочь Кераму не сможет. Оставалось только надеяться, что ему самому удастся пробиться к выходу и исчезнуть в узких лабиринтах улиц Гайбары — города, который Кулл больше чем просто не любил.



Однажды он уже дал себе мысленное обещание обходить Гайбару десятой дорогой, и это было хорошее обещание. Жаль, что его не удалось сдержать.

Крепкий удар сзади, по затылку, на мгновение оглушил Кулла. Он покачнулся и краем глаза заметил, как прямо ему в лицо плывет громадный туго сжатый кулак. Он двигался неестественно медленно, Кулл подумал, что мог бы пять раз остановить его и оторвать напроць, но послушное тело на этот раз отказалось повиноваться, да и мысли были какими-то ленивыми. Внезапно перед глазами возникла тонкая рука. Действуя так же медленно, она перехватила руку стражника за запястье и, легонько сдавив, потянула вниз. Рядом с Куллом кто-то упал на колени и яростно, но не слишком благочестиво помянул Валку и Хотата. Перед глазами, все еще затянутыми мутью, появилось лицо — смуглое, с мелкими чертами и властным взглядом узких темных глаз. «Камелиец», — подумал Кулл в сонном удивлении.

В тот же миг лавина звуков обрушилась на него, туман в глазах растаял, и Кулл успел присесть как раз вовремя, чтобы уберечь лоб от летящего па него большого медного блюда.

— Сюда!

Голос был незнаком, но Кулл сообразил, что что и есть его неожиданный союзник. Гадать, откуда он взялся и что ему нужно от атланта, было не время и не место. Кулл нагнулся, подхватил самый большой стол и опрокинул его на своих преследователей. Никого он, конечно, не придавил, стражники брыз-



нули в стороны с проворством ящериц, но это все-таки задержало их на мгновение.

— Сюда! — вновь услышал Кулл. Терять было нечего, и он решил довериться незнакомцу. В два прыжка он оказался у низенькой двери. Кулл с разбегу ударил по ней ногой, и они стремительно покинули негостеприимное заведение.

Крепкие ноги варвара несли его по темным улочкам Гайбары, к окраине. Оглядываясь, он удивлялся, что человек не отстает, часто перебирая маленькими ножками. Шум погони стих, затерялся где-то в переулках, и Кулл сбавил темп, дав время незнакомцу на то, чтобы поравняться с ним.

— Откуда ты взялся? — на ходу спросил варвар.

— Не время,— коротко ответил человек, прибавляя шаг.

Впереди показались огоньки. Два стражника с факелами совершали ночной обход. Беглецы сбавили скорость, надеясь, что никому не придет в голову останавливать двух подвыпивших гуляк. Городские ворота были уже рядом. К счастью, их еще не успели закрыть на ночь.

Воздух был сухим и теплым, настоящим на запахах нагретой земли и увядающих трав; смешиваясь, эти запахи одновременно дурманили и будоражили. Солнце уже село, и только подпаленные им, лежащие над городом ночные облака помогали угадать закат и определить направление на бескрайней высушенной равнине.

От погони их спрятал неглубокий овраг. Камни под ногами чуть разъезжались, скользя по влажной глине,— наверное, где-то поблизости был выход на



поверхность какого-то подземного ручейка, но найти его было бы достаточно трудно. Достаточно, чтобы не возникло желания ползать в темноте, натываясь друг на друга и рискуя, что тебя заметят.

— Пить хочется,— шумно вздохнул Кулл,— но придется терпеть до утра.

Ни слова не говоря, его странный спутник зашарил руками в темноте. Кулл с сомнением глядел на его манипуляции, но после случая в таверне он проникся, к маленькому камелийцу определенным уважением. По крайней мере настолько, чтобы не мешать ему чудить, если уж пришла охота.

Однако колдовство камелийца привело к неожиданному результату: слабо охнув, он отвалил камень, и Кулл услышал тихое бульканье.

Запахло землей после дождя и мокрой травой. Вода была молочного цвета и точно светилась в темноте. Кулл надолго припал к родничку губами. Холодная, до ломоты в зубах, вода точно била из камня, никогда не видевшего тепла и света. Напившись, Кулл отодвинулся, давая место у родника, но спутник его качнул головой. Он сидел прямо, положив руки на скрещенные ноги, и, казалось, не обращал на спутника никакого внимания. Кулл проверил крепость ремня, на котором крепилось оружие, и, удовлетворенный результатами проверки, вытянул свой внушительный топор. Воин должен заботиться сначала об оружии, потом о себе. Сосредоточенно варвар принялся очищать лезвие от крови.

— Скажи, неужели это было так необходимо?



Атлант нехотя повернул голову и впервые внимательно рассмотрел своего случайного спутника. Он был уже далеко не молод, ростом едва ли по грудь Куллу, а сложением больше всего напоминал хилого подростка. Но Кулл слишком хорошо помнил, как он разметал городских стражников, как дверь таверны разлетелась в щепки.

— Я воин,— Кулл пожал плечами.— В этом мире каждый убивает, чтобы жить.

Маленький человек покачал головой:

— Очень легко загасить божественный огонь, но в твоих ли силах возжечь его вновь?

Кулл взглянул на него в некотором раздражении.

— Если тебе так не по вкусу драки, зачем влез?

Спутник его легко улыбнулся:

— Я плохо вижу, прости, если ошибся, но мне показалось, что ты в беде и тебе нужна помощь.

— Да? — криво ухмыльнулся Кулл.— А мне показалось, что в беде эти винные бурдюки, которым их хозяин по недомыслию привесил оружие.

Камелиец ничего не ответил. Он молча смотрел на восходящую луну и яркие звезды, которые висели над головой так низко, что только не заглядывали в глаза.

— Существует старинное предание,— тихо проговорил он наконец,— что тот, кто не может побороть зверя в себе, когда-нибудь натянет звериную шкуру и она станет его кожей.

— Сказки,— зевнул Кулл. Спутник внимательно взглянул на него, но промолчал.



— А в какого зверя он превращается? — все-таки спросил атлант, не в силах побороть любопытство.

— Это зависит от того, каким он был человеком,— ответил камелиец.— Сильный становится медведем, хитрый — лисой, а трусливый оборачивается зайцем. Кто знает, из тех змей, которые шныряют поблизости, сколько настоящих, а сколько в недавнем прошлом ходило на двух ногах... Вернее, ползало на брюхе и брызгало ядом исподтишка.

Кулл невольно рассмеялся и взглянул на своего спутника с одобрением.

— А какой зверь мог бы выйти, скажем, из меня?

Маленький человек окинул могучего варвара пронизательным взглядом.

— Из тебя...— он помедлил,— мог бы выйти недурной лев. Или леопард.

Кулл самодовольно хмыкнул:

— У тебя верный глаз. И, если честно, я бы не прочь.

— Будь осторожен,— спокойно предостерег камелиец,— твоё желание может исполниться.

При этих словах, таких тихих и вроде бы не содержащих никакой угрозы, Кулл почувствовал знакомый холодок и тихо рыкнул:

— Ты что, решил меня переделать?

Неожиданно спутник тихо рассмеялся:

— Вряд ли у меня получится. Но попробовать можно. При условии, что ты не против.

— Ну вот что, не знаю, как там тебя,— рявкнул не на шутку взбешенный варвар,— я тебе, конечно, благодарен и все такое, и если мне когда-нибудь за-



хочется послушать сказку, я скажу тебе об этом, а до тех пор...

— Договорились, Кулл,— неожиданно легко согласился тот.— Зови меня Дзигоро.

На этом разговор как-то сам по себе кончился. Кулл стал готовиться к ночлегу. Раскладывая по земле свой выдавший виды, потертый плащ, он вспомнил, что вообще-то не называл новому знакомцу своего имени.

Камелиец посидел еще некоторое время в ослабленной позе, затем медленно встал и, чуть пригибаясь на крутом склоне, начал подниматься к верхнему краю балки. И почти сразу ощутил, как громадная ладонь варвара с быстротой атакующей змеи выметнулась из темноты и крепко ухватила его за лодыжку.

— Запад еще светлее востока. Заметят.

— Я думал, ты спишь,— растерянно отозвался камелиец.

— Правильно подумал.— Хватка ослабла, и спустя всего мгновение тихий храп с присвистом огласил овраг.

Камелиец спустился вниз, лег прямо на землю, неподалеку от Кулла, вытянулся во весь рост, не доставая атланту до плеча как стоя, так и лежа, и моментально безмятежно заснул, в считанные мгновения успокоив сердце и дыхание. Отдыхало его тело, но мозг бодрствовал, глаза были закрыты, но слух и обоняние обострились чрезвычайно, поэтому он не мог точно сказать самому себе, что произошло раньше: почувствовал он запах дыма или услышал мягкий шорох подле себя, тут же прекра-



тившийся, однако он успел нагнать Кулла уже почти у самого верха. Конечно, спать варвар и не соби-
рался...

Кулл осторожно всматривался в ночь, едва при-
поднимая голову над краем овражка. Когда рядом с
ним опустился Дзигоро, он отметил его появление
кратким: «Полночь. Костер на юго-востоке за на-
ми,— он еще раз оглядел в темноте своего щуплого
помощника.— Нельзя терять время. Может быть,
они все сидят у костра, а может, и не все. Надо сбить
их со следа. Придется разойтись». Говоря это, вар-
вар уже прикидывал в уме, сколько лиг он успеет
пройти до рассвета. Он уже почти забыл о своем
случайном товарище и невольно вздрогнул, почув-
ствовав на своем плече легкое прикосновение его
сухой ладони.

— Удачи тебе, воин. А на прощание скажу —
есть сила более великая, чем мощь мускулов, даже
твоих...

— Что это? — спросил Кулл.

— Узнаешь со временем,— с едва уловимым пре-
восходством знания улыбнулся Дзигоро и тут же
растаял во мраке. Будто и не было его, не сидел он
рядом, не говорил загадочных слов, не дышал в
ухо... Не улыбался тепло, но отстраненно.

— Точно кошка,— ухмыльнулся Кулл.— И где он
так научился видеть в темноте?

Но этот вопрос, оставшийся без ответа, недолго
тревожил Кулла. Он направился на юго-запад, к
почти не различимой, но все-таки ощущаемой, еще
более темной, чем густая чернота ночи, громаде
черного хребта. Шаг его был уверен и ровен. Так он



мог идти всю ночь напролет и при этом устать не больше, чем гайбарийский торговец, одолевший путь от своего дома до лавки на торговой площади. Тысячи глаз многоликого звездного неба молчаливо провожали Кулла, чуть подрагивая то ли от ветра, то ли от напряжения и тревоги, словно желали предостеречь его от опасности.

Но человек не понимал их язык.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ



Над Призрачной Башней догорали последние лучи заката. В этой обители тьмы ночь наступала необыкновенно быстро, словно спешила на свидание.

Возле этой Башни Куллу, варвару из Атлантиды, делать было совершенно нечего. Возможно, прав был его случайный знакомый, маленький камелиец Дзигоро, в варваре было очень многое от зверя. Сейчас какой-то безошибочный инстинкт, похожий на волчье «верхнее чутье», говорил ему, что нужно уносить ноги, пока еще полыхают за спиной таинственно прекрасные Врата Заката, и желательно лиг за двадцать. Но прощальный крик Керама: «Встретимся у врат», да врожденное упрямство, да неистребимое любопытство тащили его вперед, как на аркане.

Это да еще странное чувство.

Кулл мог бы поклясться, что, подходя к Врагам, он отчетливо видел темную фигуру, шагнувшую в розово-золотую дымку и пропавшую в ней. Если это был Керам, значит, грабитель караванов не дож-



дался Кулла. Должно быть, решил, что Кулл попал в руки Абад-шаана... или просто не поверил грабителю.

Он и не верил. До тех пор, пока не увидел своими глазами полыхающие Врата и зловеще огромную Призрачную Башню. Но теперь, увидев ее, он тем более не мог отступить.

Мягким, стелющимся шагом, почти сливаясь с темнотой, Кулл подкрался к самым стенам, выщербленным ветрами, и затаился. На любезное приглашение загадочной красавицы он все-таки положиться поостерегся.

Жилище лемурийского колдуна (если он действительно там жил) было погружено во тьму. Кулл долго прислушивался, но его тонкий слух не уловил ни малейшего признака, что в Башне кто-то бодрствует.

Однако Кулла не отпускало чувство, что все, что он делает, хорошо известно лемурийцу и все его предосторожности здорово веселят колдуна. Вспомнились рассказы, слышанные в Эбере, о магическом серебряном зеркале, которое показывает колдуну все, что тот пожелает видеть, хотя бы это было на краю света.

«И зачем меня несет прямо в пасть колдуну?...— рассуждал Кулл, не забывая оглядываться по сторонам и чутко прислушиваться.— Конечно, сокровища... Может, и врал Керам. А может, и нет... Должен же был тураниец хоть раз в жизни сказать правду. Хотя бы для разнообразия».

Деньги, Кулл знал это слишком хорошо, лишними не бывали. Правда, собственная голова атланту



тоже совсем не казалась лишней, но голову он крепко надеялся сохранить.

Кулл поежился и отогнал непрошенные мысли. Думать надо было раньше. Сейчас следовало действовать. Через некоторое время Кулл заметил то, что вполне могло показаться любезным приглашением,— маленькое окошко на высоте примерно в три человеческих роста. Оно, конечно, было забрано решеткой, но атланта не смутило.

Он аккуратно разобрал скрученную на поясе тонкую, но очень крепкую веревку, продел конец ее в кольцо «железной лапы», огляделся, как следует раскрутил его и бросил. Тихий скрежет железа о камень в этой тишине показался ему оглушительным. Кулл замер, готовый при первом признаке опасности исчезнуть в ночи. Но все было тихо. Кулл несколько раз потянул веревку, потом повис на ней всей своей тяжестью — «железная лапа» вцепилась в решетку мертвой хваткой.

Замок не отпирался уже, наверное, лет сто. Он порядком заржавел, но все же поддался, хотя и не сразу. Управившись с ним, Кулл осторожно открыл окно и, с трудом протиснув свое большое тело в узкую бойницу, спрыгнул на каменный пол.

В комнате было светло.

В первое мгновение это насторожило Кулла, он уже решил, что попался, и рука сама потянулась к топору, но вокруг стояла густая, ничем не нарушенная тишина, и Кулл медленно выдохнул, опуская руку. Зеленоватый свет, заливающий комнату, был неярким, но давал возможность отчетливо разглядеть даже малейшие детали. Комната была не-



большой, шагов пять в длину и столько же или чуть больше в ширину. В ней едва помещался узкий топчан, покрытый толстым ковром, маленькая трехлапая жаровня с остывшими углями и низкий столик с ворохом бумаг и свитков. Комната слуги, решил Кулл и повернулся к двери.

И обмер.

Он разглядел источник странного света, который так его озадачил. Прямо над дверью был прибит выбеленный временем лошадиный череп и глаза его, пустые, незрячие, холодно тлели колдовским, зеленым пламенем.

— Змей тебя заberi! — выразился Кулл, разглядывая оригинальный светильник. Когда атлант отошел от первого изумления, он заметил, что в глазницы черепа вставлены два недурных изумруда очень редкой огранки и это именно они изливали из потухших глазниц этот мертвый свет. Когда Кулл сообразил, что череп не живой и видеть его не может, ему стало намного легче.

«Сокровищница, скорее всего, в подвале».

Убедившись, что в коридоре тихо, Кулл потянул ручку на себя, и она легко поддалась. Выковырять изумруды из лошадиного черепа ему и в голову не пришло.

А в коридоре было темно. Но это была не та темнота, к которой со временем привыкают глаза, и она становится проницаемой. Этот мрак был густым, как деготь, и казался вязким. Кулл мотнул головой, прогоняя пустые мысли, и осторожно выскользнул в коридор. Однако не тут-то было. Лемурийский маг, если это была действительно его работа, оказался



не таким уж ослом, как можно было предположить, увидев замки на оконных решетках. И если безопасность слуг заботила его не слишком, то свою собственную он сумел оградить. С первых же шагов Кулл почувствовал, что ему что-то мешает, и чем дальше он углублялся, тем сильнее становилось сопротивление.

Атлант был не на шутку озадачен. Его не держали, не связывали, и тем не менее каждый шаг давался с великим трудом, словно ноги налились свинцом. Через минуту он почувствовал, что завяз, завяз окончательно и бесповоротно, завяз в темноте, которая держала его не хуже капкана. Он попытался вытащить нож и вспороть невидимую преграду честной сталью, свободной от всяких магических штучек, но оказалось, что придумать это легче, чем осуществить. Рука завязла на полпути к ножнам, завязла так основательно, что Кулл вспотел от бесплодных усилий. Он был пойман. Пленен. Рассвет застанет его здесь, связанного по рукам и ногам, и он ничего не сможет сделать — беспомощный, как спеленутый младенец. Подходи и руби — он даже не сможет обнажить топор. Кулл зарычал и дернулся... Бесполезно. Колдовская паутина держала его крепче, чем железные цепи.

Сколько он так простоял — Кулл впоследствии так и не вспомнил. Ему казалось: прошли века. Густая тьма давила на грудь свинцовой тяжестью, мешая не то что шевелиться — просто дышать. Кулл взмок от усилий, пытаясь дотянуться до ножа, но раз за разом терпел поражение. Наконец он затих и перестал бороться.



Он не сдался.

Он просто решил поберечь силы.

Рано или поздно это сонное царство проснется, лемурийский маг, или кто там еще, высунет свой нос хотя бы для того, чтобы посмотреть, что за птица попала в силки, и вот тут он себя покажет. Пусть только развеется эта черная тьма и освободится рука для топора, и он обрушит эту Башню на голову проклятому волшебнику.

...Сначала во тьме возник призрачный зеленый свет. Он расходился косыми лучами низко, где-то на уровне коленей, и Кулл почувствовал боль в сведенных икрах. Потом в них впились тысячи иголок, и, хотя это ощущение больше всего напоминало утонченную пытку, Кулл молча возликовал. Ноги оживали. Зеленый свет приближался, и мягкое живое тепло поползло от полностью «размороженных» ступней выше. Вскоре Кулл почувствовал, что может дышать, и первым делом неловким, скованным движением потянулся за топором.

И вовремя!

Она выскочила из темноты прямо на атланта — огромное, гибкое тело, быстрое, как молния, и такое же смертоносное. Кулл едва успел увернуться и, почти не глядя, обрушить тяжелый топор ей на голову. Раздался ужасающий хруст, пронзительный рык, переходящий в жалобный стон, и она рухнула на пол у ног Кулла, заскребла в агонии когтистыми лапами, забила хвостом и вдруг вытянулась и затихла. Только сейчас Кулл разглядел недавнего противника. Это была огромная черная пантера. Видимо, лемуриец держал ее за домашнюю кошку,



а мышками были некоторые не в меру любопытные гости Призрачной Башни. Но в этот раз киска просчиталась и вместо пугливой мышки налетела на боевого пса, и к тому же злющего, как... собака.

Варвар перевел дух и огляделся, не выпуская из рук топора, но в коридоре по-прежнему было тихо, словно Призрачная Башня вымерла и погибшая пантера была ее единственным обитателем. Зеленые глаза кошки тускнели, и Кулл почувствовал, что жуткое, похожее на смерть оцепенение снова начинает охватывать его и скоро опять спеленает, как мумию. Одним огромным прыжком он преодолел расстояние от мертвого зверя до комнаты слуги, сорвал со стены лошадиный череп со светящимися глазами и выскочил в коридор.

На этот раз тьма пропустила его...

...Пройдя короткий коридор, Кулл оказался у широкой лестницы. Тусклый зеленый свет из пустых глазниц черепа в его руках едва разгонял мрак. Тишина успокаивала, но атлант всем своим нутром чувствовал исходившую от нее опасность. Не решаясь ступить на первую ступень, он стоял, крепко сжимая в правой руке топор. Неожиданно он услышал в темноте что-то. Точнее, Кулл сказать не мог. Что-то весьма похожее на удары железных подков по камню. Но это было не здесь. И даже не внизу. Кулл не знал, откуда эта уверенность, но был убежден, что звук, настороживший его, звучит не где-то, а когда-то. Когда-то здесь провели лошадь, а эхо ее шагов осталось, завязнув в какой-нибудь магической ловушке вроде той живой темноты, которая едва не поймала его в коридоре.



Осторожно ступая по крутым ступеням, Кулл поднялся вверх, стараясь не производить ни малейшего шума.

Он прошел в узкую дверь и остановился в двух шагах от входа. Он находился в круглом зале. Варвара окружали наполовину утопленные в стены резные колонны из черного мрамора, холодно сиявшие в лунном свете. Высокий потолок был похож на плоское блюдо, а по углам лежала густая темнота. Кулл пригляделся и различил смутные очертания высокого каменного изваяния. Преодолевая собственное нежелание, атлант поднял череп на вытянутой руке и заставил его взглянуть на статую изумрудными глазами.

Зеленый свет встретился с таким же жестким желтым и на мгновение вспыхнул так, что Кулл чуть не выронил светильник. Взгляд встретился с другим взглядом, и лишь спустя некоторое время Кулл понял, что мастерство древнего скульптора сыграло с ним злую шутку. Взгляд желтых глаз с неподвижными вертикальными зрачками не был живым. Или был? Кулл не стал бы ручаться, что это не так. Уж больно живо выглядел зловеще красивый змей, глядевший на него из темноты своего святилища. Свет змейками струился по мозаике его грациозных колец, бледно-зелеными бликами ложился на аккуратные пирамидки из черепов, расположенных по обе стороны, и застывшим огнем мерцал в сверкающей короне. Это был Йог-Сагот, Великий Змей, Отец Тьмы. И он был до дрожи настоящим.



Кулл хмыкнул. Собственно, этого стоило ожидать. Кому еще мог поклоняться лемурийский колдун, не Валке же?

Он оглянулся назад. В узком окне все так же мирно сияла луна. Звезды казались близкими. Одна из них, видимо самая любопытная, заглядывала в окно, и тонкие нити, ее невесомые лучи, не мог рассеять даже свет полной луны. Кулл заметил, что отбрасывает длинную тень и эта тень почти коснулась статуи Йог-Сагота. А глазницы черепа почти потухли.

Он решительно пересек зал, не заботясь о тишине. За изваянием Йог-Сагота он различил темный проем коридора. Великий Змей не шевельнулся, когда Кулл прошел мимо, едва не задев локтем, и дерзко заглянул в желтые глаза. Они были пусты и стеклянно блестели. Жизни в них не было никакой.

Темный проход в стене дохнул на него холодом и мраком. Атлант отбросил череп с потухшими глазницами к груде таких же белых костей и под сухой треск раскатившейся пирамиды шагнул вперед. Сзади послышался легкий вздох, и Кулл похолодел, потому что не ощутил под ногами пола. Только легкое покалывание в ступнях. Он дернулся было назад, но странная чуждая сила схватила его за ноги, подобно удаву, хватающему свою жертву, сдернула его с мозаичного пола и поволокла за собой. Это не было падением. Скорее это был путь. Сложный, извилистый, со множеством поворотов, который пролегал в пустоте, где не было ни земли, ни неба. Кулл никак не мог определить, что схватило его. У этой силы не было даже подобия тела, невидимая,



неслышимая, неосязаемая, она тащила его неизвестно куда, и не было никакой возможности ей помешать. Варвар попробовал дотянуться до нее топором и ударить, но лезвие разрубило пустоту.

Внезапно хватка ослабла, и Кулл понял, что уже не движется в безмирье и безвременье, влекомый таинственной силой, а просто летит вниз, сам по себе, и, похоже, с порядочной высоты.

Удар о камень оглушил атланта. Пальцы разжались, и топор со звоном скатился по крутой лестнице вниз. И в тот же миг тьма беспамятства, более плотная, чем темнота Призрачной Башни, поглотила его и погасила боль.

* * *

Кулл с трудом разлепил ресницы, слипшиеся от крови, и подумал, что после этого похода у него прибавится шрамов гораздо больше, чем после стычки с туранийцами. Имело ли это какое-нибудь значение?

Варвар не имел ни малейшего понятия, где находится и может ли двигаться. Свет изменился, став из зеленого красноватым. Кулл попытался встать, но что-то держало его. «Что-то» было холодным и тяжелым. И весьма похожим на цепи. Кулл был прикован к стене. Топора при нем не было.

В центре пещеры возвышался черный, закопченный треножник с огромной чашей — полусферой такой же черной и закопченной. Вся видимая Куллу поверхность чаши была испещрена какими-



то знаками, которые словно бы проступали из-под толстых слоев сажи и окалины.

В самой чаше плавилась красно-бурая масса, она время от времени порывалась маслянисто поблескивающими пузырями, которые затем взрывались с мерзким бульканьем, извергая клубы зловонного пара. Очаг под треножником был выложен крупными белыми камнями, острые края которых говорили, что некогда они составляли одно целое, а теперь, раздробленные безжалостной и нечеловеческой силой, прижаты один к другому, но уже не властные соединиться вновь.

Треножник с чашей, покрытые грязью и копотью, теперь вызвали у Кулла здоровое любопытство, ведь огня в очаге не было. Вместо этого в центре круга, очерченного острозубыми каменными осколками, чернел провал, по всему видно глубокий.

«В самую преисподнюю, не иначе», — мелькнуло в голове атланта. Это предположение подтверждалось еще и тем, что откуда-то снизу долетали отблески чудовищно громадного кострища, всполохи которого отражались на отполированных неведомым доселе жаром стенках тянущегося вниз узкого жерла-топки. То и дело над ним взметывались фонтанчики искр, беззвучно гасших на лету.

Над самым котлом-чашей на длинной с массивными звеньями цепи, конец которой уходил куда-то ввысь и терялся в густой черноте под сводами пещеры, куда не могли уже дотянуться всполохи подземного пламени, висел матовый, точно из белого хрусталя, шар. Внутри этого шара тоже происходила какая-то странная подозрительная работа: что-то



непонятное клубилось там, то сворачиваясь кольцами, то взвиваясь протуберанцами. Движение это точно находилось в строгом согласии со зловещей игрой света и тьмы на стенах самой пещеры. Сполохи подземного пламени выхватывали из мрака то одну стену из грубо обработанного камня, то другую, то сразу обе облизывал узкий, как жало, язык багрового света. От этого вся пещера кажется бездонным ущельем меж высоченных, скребущих небо, скал, и не к каменному своду крепится цепь шара, а к самому небесному своду.

Чуть в стороне от жертвенника, ближе к стене, виднелся стол, почти скрытый под грудой свитков, часть из которых лежала на нем аккуратными рядами, а по большей части валявшихся в беспорядке как на самом столе, так и под ним. Зеленоватый свет, к которому Кулл начинал привыкать, здесь освещал только нишу в самом дальнем от варвара конце пещеры мага. Ниша была отгорожена от всего остального пространства решеткой с частыми прутьями, больше походившими на ветви драконова дерева.

Череп на этот раз освещал то, что могло бы видаться только в кошмаре. Скорее всего, это кошмар и был, потому что наяву, Кулл знал это точно, его бы вывернуло наизнанку от мерзости, которую он увидел... А сейчас ничего, даже не тошнило.

В большой клетке сидело создание, которое могло бы быть крысой... Крыс здесь хватало... всяких... Наверное, были и такие. Мохнатое туловище покоилось на шести паучьих лапах, а длинная мордочка с умными черными глазками оканчивалась



Волосатым белым хоботком с тонкой иглой жала. Зато хвост был точно такой, как надо,— голый и розовый. Кулл почувствовал, что его все-таки мутит, и отвернулся, но тут же пожалел об этом. Из клетки напротив на него внимательно глядело чудовище, похожее на питона, но с головой маленькой симпатичной обезьянки. Чудовище смотрело на него с печальным сочувствием, словно пыталось что-то сказать, и Кулл испытал настоящее потрясение, когда понял, что оба эти уродца — разумны.

По сторонам от Кулла в самую каменную плоть стен были всажены толстенные кольца из витого железа, на этих уродливых выростах безвольно и безучастно висели обрывки цепей, некоторые куски, рассыпающиеся в прах, валялись беспорядочной грудой тут же рядом. Их густым слоем покрывала мохнатая вездесущая пыль. Черный пол пещеры тоже местами скрывали серые пласты, нанесенные временем.

Так сначала показалось Куллу, но, приглядевшись внимательно, он понял, что видит на полу кусок изображения свернутого кольцами гигантского змея, изготовившегося к броску. Его огромная голова упиралась в острые обломки камней вокруг черного устья жерла, и теперь они казались ядовитыми зубами мерзкой твари. В пещере стоял тошнотворно сладкий запах тления — по всей видимости, исходил он от жуткого варева в котле.

Внезапно из темноты выступил человек. Сначала Кулл не видел ничего, кроме блестящей лысины в завитках седых волос, потом разглядел прямой



нос с широкими ноздрями, тонкие, сжатые в ниточку губы, узкую бородку и непонятного цвета глаза.

Маг внимательно разглядывал атланта, словно тот был диковинным зверем, и наконец все-таки не выдержал и негромко произнес:

— Кто ты такой?

Против ожидания, голос у него оказался почти приятный.

— Откуда ты взялся? — с недоумением спросил маг и добавил нечто совсем уже странное, — я ждал другого.

Несмотря на боль, Кулл криво ухмыльнулся:

— Не повезло тебе, приятель.

— Ты зря явился сюда, — произнес лысый поклонник Йог-Сагота, рассматривая рельефные мускулы и развернутые плечи варвара. — Если бы ты не был так ловок, возможно, я бы тебя отпустил. — Маг выдержал паузу и буднично добавил: — В преисподнюю.

— По-твоему, я должен горевать, что ты этого не сделал? — озадаченно спросил атлант.

Маг усмехнулся и мотнул лысой головой в сторону помеси питона с обезьяной.

— Этот тоже поначалу радовался. Потом сообразил, что к чему, и тут же попытался собственным хвостом удавиться, да Кошиф устерег. — И голова мага мотнулась в другую сторону. Жутковатый крысеныш вздрогнул и моргнул глазами.

Неожиданно маска спокойной отрешенности слетела с мага, он побагровел и, вцепившись в прутья клетки маленькими руками, заорал, брызгая слюной:



— Что, грабитель караванов, может, тебя на волю отпустить?

Несмотря на душную жару, мороз пробрал Кулла до костей. Этого не могло быть. Ведь он же собственными глазами видел входящую в закат фигуру. Сколько же времени он проблуждал по коридором Призрачной Башни и провалился в беспамятстве? Почти против воли он повернулся к несуразному созданию в клетке и хрипло спросил:

— Керам?

Обезьянья морда поморщилась и стала похожа на личико забавного старичка.

И вот тут Кулл, варвар из Атлантиды, первый раз в жизни по-настоящему испугался. Потому что понял: маг, хозяин Призрачной Башни, попросту сумасшедший. Кулл не боялся ни сумасшедших, ни колдунов по отдельности, но вместе это было сочетание настолько немыслимое, что атлант почувствовал, как волосы на голове зашевелились.

Разум вернулся к магу так же внезапно.

— Значит, эта тварь — твой приятель? — деловито осведомился он. — Пришлось мне с ним поговорить. Никак в змеиную шкуру влезать не хотел. Отбивался, за руку укусил. Пришлось сверху обезьяний череп нахлобучить, вот и вышла такая странная зверюшка. Можно на базаре за деньги показывать. Только кормить трудно. Обезьянки-то больше фруктами да насекомыми питаются, у них и зубы к этому приспособлены, а питону раз в месяц кролик нужен обязательно. Но ты не горюй, варвар. Теперь я умнее буду. Иногда у меня даже и очень неплохо выходит. Пантеру видел? Ах да! — Маг хлопнул се-



бя по лысине,— Бедная Малика. Как танцевала! А как ножи кидала! Твой приятель, кстати, обманул тебя, варвар. Никаких сокровищ здесь нет. И быть не может. Было одно, да из него ты своей железкой два сокровища сделал. Ведь он же за Маликой сюда вернулся!

Обезьяно-питон в клетке словно обезумел. Тонкий визг и грохот громадного хвоста по прутьям клетки заглушили слова мага. Да, правду сказать, Кулл вовсе не старался его дослушать. То, что он услышал, потрясло атланта. Он убил женщину, возлюбленную своего приятеля. По незнанию, Для защиты, но убил, и теперь этого уже не поправишь. Видя, как беснуется в клетке Керам, Кулл думал, что отдал бы многое, чтобы вернуть время назад и ударить Малику плашмя... или вовсе обойти тот коридор стороной.

«Так легко погасить божественное пламя, но сможешь ли ты зажечь его вновь?»

Кулл опустил голову и низко, страшно зарычал и изо всех сил рванул цепи. Штыри, вбитые в стену, не шелохнулись. Колдун не замечал его. Встав на четвереньки, он рылся в каких-то свитках, выставив на обозрение свой тощий зад, обтянутый шароварами.

Кулл смотрел на него и чувствовал, как раскаяние покидает его и он вновь наливается злобой. И это было неплохо, а главное, вовремя, потому что злость, как и боль, отбивает страх. А Куллу было страшно.

Наконец маг вылез на свет с большим, мерзко пахнущим свертком.



— Осталась только эта,— произнес он огорченным тоном. Но Кулл мог бы поклясться, что его огорчение — чистейшей воды притворство. Старикан был чем-то страшно доволен и даже не дал себе труда скрыть это как следует.

— Хотел я сделать из тебя вторую Малику.— При мысли, что из него могут сделать женщину, Кулл впал в столбняк. Но оказалось, что маг имел в виду не это.— Была у меня где-то шкура пантеры, но что-то я никак не могу ее найти. Придется обойтись тем, что есть.

С некоторых пор довольные лемурийские маги внушали Куллу мрачные подозрения...

— А это... чья? — спросил он, проклиная себя за неспособность сдержаться.

— Это очень редкий зверь,— объяснил маг, из всех сил налегая на мех, раздувающий угли. От маленькой жаровни потянуло теплом.— Это белоголубой хряк.

— Что?! — опешил Кулл.— Ты, отрыжка демонов, собираешься превратить меня в...

— В свинью,— невозмутимо закончил маг.

Внезапно до Кулла дошло, что старик над ним просто потешается. Все эти сказки о женщине-пантере и о питоне — грабителе караванов просто пыль в глаза. А он ему поверил, трясся, как щенок и, наверно, здорово развеселил Йог-Сагота. Но больше такой радости он магу не доставит! Кулл выпрямился и сплюнул. От жаровни валил густой синеватый дым с тошнотворным запахом плохо выделанной шкуры. Маг бормотал что-то себе под нос,



видимо заклинание. Кулл огляделся в поисках подходящего оружия. Пожалуй, он загостился в Прозрачной Башне. Нельзя забывать о правилах хорошего тона. Пора вежливо попрощаться с хозяином и уходить. А по пути неплохо бы все-таки заглянуть в сокровищницу... А если там еще какая-нибудь пантера, то тем хуже для нее.

Кулл напряг свои могучие мускулы, шея затрещала, но на мгновение ему показалось, что толстый штырь шевельнулся в стене. Он удвоил усилия. В ушах шумело, пот заливал глаза, но атлант не замечал ничего, кроме этой маленькой железки, медленно, но верно уступающей его звериной силе. Он остановился, чтоб несколько раз глубоко вздохнуть, и заметил, что маг внимательно смотрит на него и молчит. Тем хуже.

— Слова забыл? — насмешливо спросил атлант. Маг не ответил, продолжая смотреть в ту же точку. Кулл проследил за его взглядом и невольно вздрогнул. Штырь, наполовину вытянутый из стены, снова обрастал камнем прямо на изумленных глазах варвара. Заметив, что лемуриец наблюдает за ним, Кулл выпрямился во весь свой огромный рост, сложил руки на груди и спросил, презрительно щурясь:

— Ты произвел дым и страшную вонь. Что дальше, ублюдок?

— Увидишь,— загадочно обронил маг и тихо забубнил какую-то ерунду, склоняясь над жаровней. Кулл помимо воли прислушался, но слов не разобрал, уловив лишь четкий ритм.



Призрачный дым клубился под потолком, постепенно меняя окраску на серо-голубую и обретая некое подобие формы. Кулл вглядывался в висящее над головой облако и различал низкий лоб, плавно спускающийся вниз. Он заканчивался рылом. В воздухе маячили толстые ляжки и острые копытца.

Маг поднялся с колен, из складок своей хламиды извлек длинный кривой нож и сделал резкое движение, словно взрезал свинье брюхо. Кулл невольно пригнулся, ожидая, что сейчас на него посыплются вонючие внутренности, но вместо этого шкура свиньи распласталась в воздухе и плавно двинулась к нему. На него!

Кулл дернулся и глухо зарычал. Первобытная, звериная ярость проснулась в нем. Дым пеленал его, пригибая к земле, но атлант упорно поднимался, сбрасывая с себя вязкую массу, рвал ее пальцами, зубами. Вся его воля, вся жажда жизни, все врожденное упрямство сплелись в единый порыв «Не сдаваться!», и варвар с яростным рычанием раз за разом отбрасывал напоздавшую тьму, поднимаясь на задние лапы...

На что? Кулл внезапно обмер. С ним определено что-то произошло. Глаза заволокло мутиью, и то, что он еще совсем недавно различал отчетливо, превратилось в скрытые туманом силуэты. Зеленоватый свет, так раздражавший его, пропал. Вместо него в комнате колыхалась серебристая дымка. Зато слух обострился чрезвычайно, Кулл мог бы поклясться, что слышит размеренные шаги недобитых стражников далеко внизу, копошащихся летучих мышей на чердаке, он слышал в отдалении щемя-



ще-печальный волчий вой, и сердце откликнулось на эту древнюю как мир песню.

Что с ним? Что?

Взгляд его упал на лемурийца, и Кулл возликовал. Маг, побледнев, отступал в угол, вытирая вспотевший лоб рукавом хламиды, и в маленьких глазках его плескался изумленный ужас. Цепи упали, и освобожденный Кулл ринулся вперед, даже не вспомнив о топоре. В одном великолепном прыжке он достал своего врага, ударил его плечом в грудь, повалил и с наслаждением рванул зубами тощее горло. Соленый вкус крови показался ему отвратительным. Кулл опомнился и закружил по комнате в поисках своего топора. Что-то мешало ему, сковывало движения, и Кулл рванул зубами это что-то, даже не пытаясь сообразить, чем его связали. Поддалось оно на удивление легко, и Кулл, извиваясь, освободился от остатков... собственной одежды.

С нарастающим ужасом он понял, что двигается как-то странно. Не то чтобы это причиняло какие-нибудь неудобства, отнюдь. В его теле была сила и ловкость, движения были полны грации и какой-то дикой красоты, и все же что-то было не так.

Он двигался на четырех конечностях!

Попытка встать на ноги ни к чему не привела. Некоторое время он балансировал, как жонглер на канате, пытаясь удержать тяжесть своего тела, но не выдержал и с облегчением упал на передние лапы.

Кулл стал зверем!

В атланте пробудился и властно заговорил инстинкт. Тот, о котором Кулл-человек не имел ни



малейшего понятия, но который был отлично знаком Куллу-зверю И этот инстинкт властно командовал: «Вперед!»

Кулл взлетел, как стрела, выпущенная из тугого лука, ударил в дверь могучими передними лапами и снес ее напрочь. В нос ударили острые запахи. Большинство из них было знакомо, но один, новый, показался особенно отвратительным. Звериная половина Кулла без тени сомнения знала, что так пахнет человеческий страх. Здесь были люди! Стражники! Рассказ Керама оказался правдой — они появились ниоткуда, словно лемуриец вытащил их из рукава перед тем, как умереть. Кулл бросился по коридору вперед.

Ненавистный запах подстегивал. Он был совершенно ясен, как какому-нибудь мудрецу совершенно ясна любая строка в десять раз прочитанном свитке.

Зверь увидел стражника у самой лестницы. Это он стоял тут со своей глупой железкой и боялся на всю Башню. Чего? Зверя или вызвавшего его хозяина? Кулл опрокинул его без труда. Перепрыгнув через поверженного человека, он преодолел лестницу, промчался по коридору, не обращая внимания на открытые двери, подозрительные шумы и мерзкие запахи из них, и вышиб еще одну дверь. Пахло немытым полом, звериными шкурами и кислым вином. Зверь вернулся и принюхался. Потянуло свежим воздухом. Это был запах свободы.

Во дворе зверя ждала засада. Он знал это так точно, словно видел каждого человека сквозь толщу каменных стен. Запах страха, запах ненависти, за-



пах железа — полудикий варвар различал их и раньше, но и вполовину не так остро. Он знал, кто и где его ждет. Он знал, как избежать ловушки. Он знал, что все они умрут еще до рассвета, возможно, пролив и его кровь. Он не собирался убегать. Даже в звериной шкуре Кулл остался воином!

Впереди показался просвет. Человек вырос будто из ниоткуда, массивным телом закрывая выход. Времени на раздумья у пса не было — позади слышался тяжелый бег охраны. Кулл, впервые пробуя на прочность новое тело, оттолкнулся и одним прыжком покрыл разделяющее их пространство. Передние лапы уперлись стражнику в грудь, и, как тот ни был силен, не устояв, упал. В воздухе пропела стрела, неся на острие вечную спутницу воинов — смерть. Кулл отскочил к стене и бросился вперед. Бледный лик луны освещал тусклым светом внутренний, мощный булыжником, двор. Повсюду были люди. Они размахивали мечами и факелами. Рослый воин взмахнул топором, но тут же взвыл от боли, падая навзничь. Кулл уже понял, как пользоваться новым телом, и в считанные мгновения оказался на другом конце двора. Взвыли луки. Зверь припал к земле, и несколько стрел, едва не задев его, пролетели мимо. Вскочив, он услышал совсем рядом вздох и шум падающего тела. В темноте стрела угодила в кого-то из своих. Перепрыгнув через труп с торчащим из груди оперением, пес метнулся к стене одного из строений, но наткнулся на копье. Слепой случай спас ему жизнь. Воин в суматохе схватил копье не той стороной, и Кулл не за-



медлил воспользоваться этой промашкой. Человек упал с перекушенной глоткой.

Узенькая лестница вела на крепостной ярус. Зверь, не задумываясь, в два прыжка очутился наверху. Но и тут к нему уже спешили. Оставался единственный свободный путь — налево по деревянному помосту. Кулл влетел в проем сторожевой башни. Вокруг было темно, но зоркий глаз зверя различил во мраке ступеньки, что вели куда-то вниз. Метательное копьё звонко ударило о камни башни, и Кулл метнулся на лестницу. Перемахивая через четыре ступеньки, пес мчался без оглядки. Он свернул, и яркий свет на миг ослепил его. Два стражника преградили ему путь. Отблески пламени зловеще играли на холодных лезвиях мечей. Зверь, скалясь и рыча, стал отступать перед извечным врагом всех диких созданий — огнем. Люди, вытянув факелы перед собой, делали колющие удары. Ему не оставили выбора. Там, наверху, могут опомниться и кинуться за ним, окружая со всех сторон. А это означало лишь одно... смерть, в лучшем случае — плен. Ни то ни другое его не устраивало. Присев на задние лапы, он оттолкнулся. Жгучие языки пламени обожгли гладкую шкуру пса, но только больше разъярили его. Он очутился на плечах одного из них, опрокинул и перемахнул через стену.

Падая, зверь едва не повредил лапы. Земля оказалась немного дальше, чем он предполагал. Это была еще не свобода, всего лишь второй, узкий и маленький дворик, глухой, если не считать темной щели между строениями. Куда она могла вести?



Был только один способ узнать. Зверь нырнул туда и вылетел прямо на свет факелов.

— Закружили! — взорвалось в мозгу и острой болью отозвалось в теле. На зверя надвигалась темная гора. Великолепные мышцы сами, без участия сознания, собрали тело и бросили вперед и вверх с силой камня, выпущенного из пращи. В уши ударил истошный, животный крик, зверь почувствовал кровь и человеческий страх, спину обожгла резкая боль. Мелькнуло в темноте белое лицо человека с перекошенным ртом и упало куда-то во тьму. Что-то большое, живое и обезумевшее от страха взвилось под ним, раздался треск, вопль, запахло паленой шерстью. Лапы зверя разъехались в разные стороны, он почувствовал рывок и скатился на землю едва не под копыта ошалевшей лошади. Крики людей и жестокий огонь остались позади. Взбесившаяся кобыла вынесла его за ворота. На зверя обрушилась тьма: прохладная, свежая, с ветром и звездами, и он нырнул в нее, ища спасения.

Опомнившиеся люди принялись метать стрелы. Темный силуэт метавшейся лошади привлекал их внимание, и они, не заметив, что зверя на ней уже не было, добили ее несколькими неудачными залпами. Она печально заржала и, устало храпя, сбавила шаг, опускаясь на передние ноги. А Кулл бросился наутек в другую сторону, оставив бедное животное наедине со смертью. Отбежав, как ему казалось, достаточно далеко, он последний раз бросил через плечо прощальный взгляд назад, злобно оскалился, отвернулся и побежал прочь, поклявшись в душе обязательно вернуться.



* * *

Каменистая гряда черной громадой виднелась впереди. Туда-то и устремился Кулл. Он бежал, а ветер больно холодил раны. Жутко заныло все тело, но варварская выносливость помогала ему не раз, и быть может, сейчас тоже... Он остановился у первого валуна. Усталое опустил на задние лапы, восстанавливая сбившееся дыхание. Призрачная Башня осталась позади, призраком страшных легенд, которыми матери пугают непослушных детей. Вдалеке послышался негромкий стук копыт по попадавшимися на пути камням. Кулл оглянулся. Ночь расцвела огнями факелов. Они быстро приближались. «Погоня!» — догадался Кулл. Разглядят ли его в ночи? Кулл не стал это проверять. Любопытство грозило обойтись слишком дорого. Он просто бросился изо всех оставшихся сил подальше от огней и от людей, надеясь скорее на чудо, чем на свое израненное тело.

Сухой черный щебень, едва остыв за ночь, снова наливался неистовым огнем, как и восходящее светило. Тысячи острых, словно кинжальные лезвия, осколков камней вспарывали кожу. За псом тянулся кровавый след. Спускаясь все ниже, стремясь уйти как можно дальше от того страшного места, зверь инстинктивно жался в тень расщелин, но с каждым сто полусагом-полупрыжком они становились все короче. Кулл-зверь хотел затаиться, залечь, не в силах больше выносить эту накатывающую мощ-



ными волнами боль. Кулл-человек знал, что в горах сто найдут. Он должен выйти на равнину под Солнце и за день найти укрытие понадежнее. Мышцы спины онемели, ног он почти не чувствовал. С отчаяньем обреченного он гнал прочь мысль о том, что произойдет, когда это поистине нечеловеческое напряжение, двигавшее им, оставит его истерзанное тело. Вперед! Среди выжженных небесным огнем земель нет укрытия как для него, так и для его преследователей. Они не смогут напасть из-за угла. Он увидит их приближение и дорого продаст свою жизнь, «если она сама, по доброй воле не покинет меня», — метнулось в воспаленном мозгу.

«Нет! Не отпущу!» — оскалился в звериной усмешке Кулл. Он уходил, уходил от погони, уходил от Призрачной Башни, от темного животного ужаса. Мутный раскаленный песок скрипел под тяжестью мощного тела. Желто-красные откосы остались позади. Перед ним раскинулось до самого края земли песчаное море, раскаленное добела, дышащее тысячами тысяч солнц в каждой песчинке. Чуткие ноздри опалил зной, серая пыль покрыла пепельным саваном серебристое тело зверя. Вперед! Он должен уйти от погони, затаиться, замереть. Песок нестерпимо режет глаза. Уже нет сил повернуть голову, чтобы увидеть хоть что-нибудь в колышущемся вокруг пса раскаленном мареве.

Еще усилие! Еще один шаг... или нет, он уже только ползет, беспомощно волоча за собой задние лапы. Но боли еще нет. То ли она не успевает за ним, то ли сама боится войти в это страшное тело. Силы оставляли зверя медленно, но верно. От жары



мутилось сознание. Кулл презрел свое человеческое достоинство и вывалил наружу длинный красный язык, облегчая грудь частым дыханием. Хуже всего было то, что его обостренный нюх нигде не различал запаха мокрых ив, который говорил бы о воде — ручейке, озере... Колодец сейчас не годился. Кулл чуть не сошел с ума, думая о том, что, будь он по-прежнему человеком, все решилось бы гораздо проще. Кулл знал, что рано или поздно боль настигнет его, так же как знал, что куда бы он ни ушел от Призрачной Башни — ему не уйти от себя. Так же как Кераму и тем, другим. Значит, он вернется. Если останется жить. Если он не расплавиться между двумя огнями сверху и снизу. И еще один огонь горел в нем самом. Огонь мести. Он был так силен, что по сравнению с ним меркли два других. Оскалив чудовищные клыки в угрозе самой смерти, Кулл полз, рывком отрывая грудь от земли и отталиваясь подрагивающими от напряжения передними лапами. За ним тянулась глубокая борозда, тут же затягиваясь ручейками песка, словно он не полз по пустыне, а плыл по сухой воде.

Чувство жажды сводило с ума. В пасти пересохло. Распухший язык висел меж зубов, на которых хрустел все тот же вездесущий песок.

Мертвые песчаные волны и мертвые песчаные ветры вокруг еще живого, но умирающего зверя. Он полз туда, где темными силуэтами темнели несколько камней, полз в смутной надежде найти поду. И знал, что не доползет. Не потому, что его оставят силы. Ему просто не дадут это сделать.



Он чуял поблизости запах свалявшейся шерсти и падали. Он слышал шум крыльев над головой.

Зверь из последних сил подтянул непослушное тело, ставшее обузой, и ткнулся мордой в передние лапы.

Шум крыльев возник снова. Кулл поднял голову. На стоящий торчком одинокий камень в некотором отдалении от него, но все же не слишком далеко опустил стервятник. Потом еще один. Зверь ощерился, и это до странности напомнило кривую ухмылку прежнего Кулла. Пусть нападают! Как он ни слаб, он встретит их зубами. Да, зубами. А был бы он человеком, одного движения его руки хватило, чтобы они убрались отсюда подальше. Тут Кулл злобно ощерился, вспомнив, что его доблестный топор остался в Призрачной Башне. Боевая добыча сумасшедшего чародея.

Как поступит с ним этот злобный прислужник Йог-Сагота? С боевым спутником и единственным верным другом варвара! Только свой меч считал Кулл своим другом, который никогда не предаст его в любой битве, не оставит и не подведет. Атлант и его топор были единым существом — так легко отзывалась боевая сталь на любое движение руки хозяина. Рукоять топора, точно сцепленные в крепком пожатии руки братьев, не выскальзывала из широкой ладони Кулла даже при самом тяжком ударе врага. Выкованный из железа, он был продолжением железной воли Кулла, видимым воплощением его стальных мышц.

Кулл никогда не носил щита, а теперь его тело покрывал панцирем слой запекшейся крови, на-



мертво въевшейся в кожу вместе с песком. От любого, даже малейшего движения, панцирь этот немилосердно рвал шерсть и кровоточил. Кулл слабел. Это новое приключение, в которое он ринулся, как всегда, не раздумывая, грозило оказаться последним. Но расчетливый мозг варвара искал выход. Искал и... не находил. Кулл — сын природы, первобытный, первозданный, рожденный землею и водой... Огонь в его глазах подернулся белесой дымкой, как выгоревшее небо над ним. Такое же белое и выжженное, как песок...

Хр-рм, хр-рм, еще два рывка вперед, хр-рм, хр-рм, еще два. Хр-р-рм, один. Передышка. Если обожженное горло еще может глотнуть, почти за-талкивая горячий воздух в разрывающуюся на части грудь. И снова рывок. Пока есть силы. Пока не ослабела воля. Пока горит огонь внутри. Огонь мести. Огонь смерти и жизни. Валка! Валка! Посмотри, что сделали с сыном твоим! Воины-наемники, псы войны, не люди, а звери! И вот он, лучший из лучших, сильный, ловкий, самый удачливый... ползет по песку, спасая свою шкуру.

Растрескавшиеся до крови черные губы вздернулись кверху, в презрительной звериной усмешке Кулла-человека. Еще одна передышка. И тут Кулл ощутил удар в спину. Его могучие мышцы наконец изменили своему хозяину и выпустили из тисков разбитый, наверняка огромным камнем, хребет. Дикая, раздирающе-жгучая боль пронзила тело, подобно молнии. И остановилась в нем, готовая, однако, при малейшем движении пригвоздить его к месту, не хуже тяжелого валузийского копья.



На мгновение Кулл ослеп, затем вместе с возвращающимся зрением пришло отчаянье, затопив его волной безразличия к своей дальнейшей судьбе. Кулл-человек упал, прикинув головой к раскаленному песку. Кулл-зверь сделал новый рывок, боль, прорезавшая его, притупила сам страх боли. У него еще есть силы, а потом... А потом, не так то просто убить Кулла-варвара — и зверя, и человека. Силы оставляли его медленно, но неотвратимо...

Птицы смотрели на него с мудрым терпением, и Кулл понял, что они не станут нападать. Во всяком случае, пока он жив. Они подождут. Птицы не хотели причинять ему зло, они были просто голодны. И не желание досадить или испугать привело их сюда. Они просто стерегли добычу, чтоб никто из вечно голодных собратьев не отнял этот, может быть первый за несколько дней, кусок. Птицы были очень голодны, но то, как они основательно устраивались на камне, без слов сказало Куллу, что стервятники дождутся своего.

Запах свалявшейся шерсти стал ближе. Кулл услышал осторожные, крадущиеся шаги. Он рыкнул, поднимаясь и ощерил пасть. Стервятники дружно, но как-то лениво взмахнули крыльями и не двинулись с места. Каждый должен бороться за жизнь, пока может. Их это не злило и не возмущало. Птицы знали, что их добыча никуда не денется.

Из-за камней показались буро-желтые полосатые морды. Круглые глаза горели алчностью. «Гиены! Легки на помине», — подумал Кулл-человек. «Эти ждать не будут», — понял Кулл-зверь.



Он подтянул непослушные лапы и приподнял верхнюю губу. Из горла вырвался короткий глухой рык. Но гиены не спешили убраться. Они знали, что этот странный зверь почти мертв.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ



Сощутив дальнозоркие глаза, Дзигоро с изумлением разглядывал странного пса. То, что это был пес, не было никаких сомнений. Но таких собак Дзигоро никогда не видел. Он вообще сомневался, что такие бывают, что это не морок, навеянный жарой. Он не собирался останавливаться здесь. Стая гиен, кружащая около падали, пара стервятников, наблюдавших за ними с невозмутимым спокойствием философов. Видимо, стервятники уверены, что их не обойдут на этом пиру. Дзигоро ни в коем случае не собирался вмешиваться в то, что считал естественным и само собой разумеющимся. Трава растет для того, чтобы ею питались сайгаки. Сайгаки нагуливают жир, чтобы обеспечить пищей стаю волков. Волки отсекают слабых и больных чтобы не пресекался род сайгаков, и чтобы снова зазеленела трава под солнцем. Один кормит другого. Жизнь — Смерть. Вдох — Выдох. Гибель — Возрождение. Природа мудра, и тот, кто дерзнет вмешиваться в колебания этого естественного маятника, изменяя



его режим по собственному разумению, кто угодно, только не мудрец.

Но, присмотревшись, Дзигоро понял, что странная добыча гиен и стервятников еще шевелится. Возможно, это было агонией. В любом случае это стоило того, чтобы увидеть. Все, что происходит в мире, может чему-нибудь научить, если человек достаточно терпелив и смирен, чтобы учиться. Дзигоро подошел ближе.

С первого мгновения этот пес поразил Дзигоро. Начать с того, что он было огромен. Камелиец не отличался ростом и могучей статью и, прикинув, что получится, если этот пес встанет на задние лапы, даже слегка присел. Зверь был воистину невероятен. Шерсть, сейчас темная от грязи и крови, местами отливала дивным серо-голубым перламутром. Огромные лапы, похожие на львиные, едва заметно вздрагивали. Яростно щерившаяся пасть открывала устрашающие клыки. Но глаза почти потухли. Пес издыхал и боролся не потому, что надеялся выжить, а лишь потому, что сдача на милость победителя — изобретение человека и принадлежит исключительно ему. Звери не дают пощады и не просят ее никогда. Просто пока теплится хотя бы слабая искра жизни, надо бороться, а что из этого выйдет — совсем не важно.

Дзигоро подошел и посохом разогнал гиен. Недовольно ворча, полосатые любители падали отползли за камни, но продолжали наблюдать за человеком яркими, хищными глазами.

Камелиец наклонился над собакой, не обращая внимания на грозные клыки, и первым делом ощу-



пал зверю хребет. Он оказался цел. Дзигоро взялся за задние лапы. Пес предостерегающе зарычал.

— Успокойся,— ровно произнес человек,— я хочу помочь. Твое мужество тронуло меня, зверь. Живое должно жить, а этим полосатым разбойникам придется поискать другую жертву.

Пара стервятников первыми поняла, что обед отменяется. Смерив человека презрительным взглядом, птицы взмахнули крыльями и вскоре исчезли за горизонтом.

Осторожно проведя рукой вдоль лежащего на боку зверя, Дзигоро почувствовал провал, как будто кто-то притянул его сухую ладонь к спине собаки. Еще раз внимательно осмотрев громадного пса и не отметив для себя никаких видимых повреждений, Дзигоро теперь уже двумя руками исследовал пространство вдоль хребта животного на некотором расстоянии от него, совершенно не прикасаясь к телу. И снова воронкообразное изменение в равновесии сил затащило в себя руки Дзигоро.

— Это мог быть камень или...— Не договорив, Дзигоро задумался.— Нет, вряд ли это могло случиться. Но если случилось, то для тебя, приятель, лучше был бы камень. Хотя сейчас мы выясним все окончательно.

Дзигоро коротким движением погладил пса за ухом, тот скосил на человека глаз, сверкнув белком, и сдержанно предупредил его тихим, но внятным ворчанием, что терпит присутствие помощника только по необходимости.

— Тихо, тихо, приятель.— До этого легкие, почти невесомые, пальцы Дзигоро, точно железные крью-



чья, впились в спину обездвиженного животного. Собака взвизгнула от неожиданности, но тут же задохнулась от ярости, Дзигоро одним неуловимо-текущим движением оказался по другую сторону от пса и, взяв его за холку обеими руками, рывком оторвал его от земли, чего Кулл никак не мог предполагать в таком тщедушном теле, хотя уже видел его в деле в таверне, а Дзигоро в это время коленом уперся псу в поясницу и еще раз рванул недвижимое тело на себя.

Яростный рык потряс окрестности. Кулл никогда не отличался завидным терпением, но этот негодай еще и пользуется его беспомощностью. Зря он надеется, что не получит причитающееся за свою наглость сполна. Одним молниеносным броском Кулл опрокинул человека наземь, припечатав к месту, встав ему на грудь передними лапами. Клыки длинной с хороший дасар остановились на расстоянии волоса от горла Дзигоро. Серые полубезумные глаза уперлись в черные точки зрачков отшельника. Камелиец тихо рассмеялся, увидев, как оттаивает ледяной оскал звериной морды и глаза становятся теплыми и прозрачными. Яростный гнев сменился удивлением. Пес вдруг зашатался и рухнул, придавив Дзигоро всей своей тяжестью.

— Я же говорил, тише, приятель,— коротко выдохнул камелиец.— Придется попробовать еще раз.

Зверь чуть дернулся.

— Нет, есть и другой способ.

Камелиец легко надавил несколько раз за ушами Кулла и вдоль холки. Подождал, надавил еще раз. К немалому удивлению Дзигоро, все получи-



лось. Пес поднялся и некоторое время стоял, пошатываясь и не решаясь шагнуть. Потом сделал шаг. Второй. Третий. Глаза его все еще были затянuty мутью. Вряд ли он хоть что-нибудь соображал, но так даже лучше — не будет чувствовать боли. Только бы дошел. Только бы в этом израненном теле хватило запаса жизненных сил.

— Пойдем со мной,— тихо приказал Дзигоро, поднимаясь вслед за собакой и отряхиваясь ладонью. Легкое облачко серебристой пыли медленно осело за ним. Тихо, мягко, но приказал. И пес подчинился. Отчасти из-за магии Дзигоро, а отчасти из-за того, что ему было все равно. Он был уверен, что через двадцать шагов упадет и издохнет и глени все-таки им пообедают. Он ошибся. Пес прошел двадцать шагов, потом еще двадцать. И еще. И еще. А сколько их было потом — этого не сумел бы сосчитать не то что Кулл-собака, но и Кулл-человек.

Пес свалился, когда до жилища Дзигоро, просторной и сухой пещеры в горах, оставалось совсем немного, и как ни колдовал камелиец — поднять его он не смог. Запас жизненных сил был вычерпан до самого дна, и Дзигоро подумал, что, несмотря на все его усилия, пес все-таки умрет.

Он оставил его, накрыв своим плащом, и отправился к себе, чтобы нагреть воды и приготовить целебную мазь из трав. Дзигоро поступал так, как только что, в бесконечной мудрости своей, научила его природа. Он не надеялся, что пес выживет. Но действовал так, словно никаких сомнений для него не существовало. Дзигоро решил сделать все для



выздоровления собаки, а если пес все-таки умрет, что же, гиены водятся и здесь...

Дзигоро сидел на плоском камне, поджав ноги, неподвижный, как статуя в храме Валки. Над спящим миром висело ожерелье серебряных звезд. Все вокруг дышало покоем, умиротворенностью и пребывало в равновесии. Дзигоро ждал. Так, замерев в полнейшей неподвижности, он мог ждать несколько часов. Но то, чего он ждал сейчас, должно было свершиться через несколько мгновений, об этом ясно говорил просветлевший на востоке край неба.

Вершины точно ожили. Потрясли головами в снежных шапках, повели плечами, сжатыми тесными каменными одеждами. Они стали еще четче, рельефнее, словно наливались силой, питаемой от самых корней земли. Солнце еще не показалось из-за вершин, но оно уже начало свой неукротимый подъем, и казалось, что все замерло в напряженной тишине последних мгновений перед началом нового дня. Горы точно разделяли прошлое и будущее своим настоящим зримым вечным присутствием. По эту сторону от них оставалась тьма, холодная голубоватая дымка окутывала предгорье, точно дымка беспамятного забвения прошлых бед и разочарований, а там, по ту сторону гор, видимый край неба становился все прозрачнее и прозрачнее, словно очищающаяся от сомнений душа. Два легких, едва различимых, облачка вспыхнули вдруг ярким, почти нестерпимым, огненным сиянием, и первая нестерпеливая птица вспорола оживающий, сбрасывающий с себя ночное оцепенение, воздух.



Утренний ветер, пробуждаясь от дремы, слетел с вершин, разнося на своих легких крыльях одну только весть — ночь прошла, не вечна ее власть, но вечен жизненный круг сменяющих друг друга света и тьмы. Вечна жизнь, потому что вечна любовь.

И вот он, долгожданный миг рождения нового дня, когда узенький огненный язычок вынырнул на дне самой глубокой межгорной расселины, тут же заполнив ее и выплескиваясь наружу, мгновенно затопляя светом и долины, и темные ущелья, и межскальные расселины с гладкими отвесными краями. Травы, опаленные солнечным ветром, зажглись в ответ золотым сиянием, приветливо кивая его первым порывам. Ароматы, спрятанные до этого в глубине дремавших цветов, вспорхнули на невидимых крылышках, кружа голову и пробуждая воспоминания о далеких днях, когда казалось, что ночь приходит на землю навсегда, и страх рождался в душе: наступит или нет новый день.

Самым тяжелым был тогда последний миг перед рассветом, когда бешено колотилось сердце в благоговейном испуге и замирало восторженно, так же заполняясь светом, счастьем и силой, как и все вокруг. И одновременно с рассветом в одной стороне света таяли звезды, и растворялась черная мгла ночи во все удаляющемся от земли небе. А мир продолжал заливать своими золотисто-струящимися волнами свет восходящего солнца. Точно великая сияющая горная река сорвалась с вершин и беззвучно для постороннего взгляда, но для Дзигоро с мощными величественными трубными звуками изливалась в долины сего мира из мира внешнего.



Она текла, не сдерживаемая никакими горными преградами, заполняя собой самые глубокие ущелья, устремляясь с головокружительной высоты в бездонные пропасти, расселины межгорных откосов. Безудержный бег этой реки точно поглощал в себя все сонное, застывшее, погруженное во тьму и выплескивал позади совершенно иное по сути и по духу пространство. Сверкающий золотистыми нитями ветер верховий сплел свои струи с серебристыми ветерком низин, и воздух заискрился мириадами вспыхивающих и тут же гаснущих искр.

Точно все вокруг Дзигоро было заполнено жизнью, пронизано живо силой, страстью и в то же время умиротворением, всепроникающим жизнелюбием, пониманием и принятием всего, что происходит вокруг в природе и во всем живущем и дышащем. И каждая искорка — это чья-то радость или боль, печаль или веселье, страдание или безмятежность, и все это связывает воедино мир, сплетаясь, переплетаясь, а затем вновь рассыпаясь из единого бытия во множество событий прошлых, настоящих и будущих. Словно живая ткань времени и пространства текла от конца времен к началу, возрождаясь вновь и вновь от века к веку с каждым восходом солнца, с каждым новым днем. И наконец над заснеженными горными пиками медленно и неотвратимо возшла над проснувшейся землей огненная звезда, дарующая жизнь и смерть, изливающая, подобно огненному богу Хотату, свет на праведных и неправедных. Так же как и Ранхаодда, храня в мире ту хрупкую грань равновесия, которую очень трудно найти и еще труднее сберечь.



Высохший в серую пыль песок и пробивающаяся даже и здесь к свету зелень, которую солнце за несколько месяцев превращало в колючие тернии, безжалостно впивающиеся в неосторожных путников, отваживающихся пускаться в одиночку в эти отдаленные от проторенных и многолюдных караванных дорог места. Белые, выветренные всеми ветрами обломки песчаника причудливыми своими силуэтами хоть немного разнообразили довольно скучный пейзаж на много-много лиг вокруг. Все было как всегда, но словно какая-то лишняя тень легла на залитую солнечным светом степь.

Мир оживал. Рождался новый день. Ночь умирала. Рождение — Смерть. Вдох — Выдох. Равновесие в природе определялось ее вечным ритмом, которому подчинялось все, что существовало под небесами. Дзигоро ощущал себя частью этого мира и великолепно вписывался в этот вечный ритм.

Он танцевал, разминая железные и гибкие мускулы, не столько славя всеблагого Ранхаодду и исполняя свой религиозный долг, сколько просто подчиняясь вечному ритму, в котором жила Вселенная и который он чувствовал каждой клеткой своего тела. У Дзигоро не было определенного распорядка. Он вставал еще до рассвета, чтобы встретить солнце, а потом занимался тем, что просила душа: собирал травы, готовил лечебные отвары, разыскивая в горах редкие минералы и шлифуя их, чтобы открыть спрятанную красоту. Или просто бродил, наблюдая за жизнью природы, и учился у нее, как вчера, как неделю назад, как всегда. Дзигоро не пытался постичь тайны мироздания, проникнуть мыслью в



сущность Богов или открыть тайну бессмертия. В своем великом смирении он просил Природу научить его жить в равновесии с миром, принимая и отдавая, вдыхая и выдыхая, умирая и возрождаясь вновь.

Дзигоро был мудр, хотя сам так не считал.

Сегодня у него было дело — раненый пес. За ночь он выспался и отдохнул. Дзигоро положил легкую, сухую ладонь на громадный лоб собаки и тихо приказал: «Спи!» но пес не подчинился. Это удивило камелийца. Обычно его сила, которую он называл Даром Ранхаодды, а городские невежды именовали магией, действовала на всякую живую тварь. Однако хоть пес и не заснул, но враждебности не проявлял и спокойно позволил Дзигоро осмотреть раны и заменить повязки. Он был все еще очень слаб и двигаться не мог. Прошлую ночь Дзигоро вспомнил с содроганием. Чтобы дотащить тяжеленную собаку до пещеры, понадобилась вся его сила до капли, и все-таки ее не хватило. Пришлось немного зачерпнуть из того источника, откуда Дзигоро черпать избегал, потому что это могло нарушить равновесие, и только Боги знали, в какую сторону и насколько отклонятся чаши весов.

Камелиец приготовил немудреный завтрак, отложил в миску и заботливо остудил. Пес посмотрел на темно-бурое месиво и отвернулся, не соизволив даже понюхать.

— Я понимаю, тебе нужно мясо,— вздохнул Дзигоро,— но тогда тебе следовало попасть к другому лекарю. Видишь ли, моя вера запрещает мне проливать кровь не только человека, но и животного.



Ранхаодда, которому я поклоняюсь, призывает к мирной, добродетельной жизни в равновесии с природой. Мы не употребляем в пищу ни рыбу, ни мясо и довольствуемся плодами и злаками.

Пес презрительно фыркнул. Это было так человечески, что Дзигоро невольно рассмеялся.

— Тебе это не интересно. Понимаю. Но, видишь ли, в неизъяснимой мудрости своей Ранхаодда запретил своим последователям силой тащить всякую тварь на путь добродетели. И поэтому, как только ты поправишься, я отпущу тебя на все четыре стороны. Ты сможешь охотиться сколько твоей душе угодно, но только не здесь. Вблизи пещеры звери ручные, они не ждут от человека беды. Поэтому я отведу тебя поближе к Гайбаре. Или в куда-нибудь другое место.

Собака смотрела на Дзигоро внимательно, словно понимала каждое слово. Камелиец почувствовал беспокойство. Оно было вроде бы беспричинным, но Дзигоро был достаточно мудр, чтобы знать, что ничто в этом мире не происходит без причины. Он почувствовал это еще вчера, но отнес насчет Призрачной Башни, в тень которой он так неосмотрительно забрел. А сегодня, когда встречал солнце, с новой силой ощутил странную тяжесть или, скорее, тревогу. Это не была тревога за жизнь собаки. Это было нечто чуждое спокойствию и гармонии, которые установились в его жилище. Нечто, похожее на угрозу, высказанную вполголоса.

— Очень странно,— пробормотал Дзигоро,— но меня не покидает мысль, что где-то я тебя уже видел. Этого, конечно, не может быть. Я вообще не по-



нимаю, откуда ты взялся. Я думал, что последние псы твоей породы вымерли столетия назад. Но мне почему-то кажется, что твои серые глаза я уже где-то видел. И определенно расстались мы не слишком дружески. Что это? Может быть, я начинаю сходить с ума?

Пес зевнул, глядя на Дзигоро без интереса. Все его рассуждения навели скуку, а от миски с тушеными овощами воротило, но в целом здесь было неплохо — сухо, уютно, спокойно. Боль в ранах затихла, но слабость осталась, и Кулл решил не думать о своем положении до тех пор, пока не окрепнет. А потом все решится само собой. Такому великому магу, который за одну ночь перенес его по воздуху от Призрачной Башни до своей пещеры, конечно, ничего не стоит расколдовать его обратно в человека. Когда он окрепнет, он найдет способ растолковать камелийцу, кто он такой, тем более что маленький человек был далеко не глуп. Потом он выскажет Дзигоро все, что он думает по поводу его лошадиной пищи и сумасшедшего Бога, который запрещает убивать мышей и давить тараканов, и пойдет искать Керама.

Кулл и сам не терпел излишней роскоши, считая, что она разнеживает тело и превращает воина в евнуха или женщину. В пещере Дзигоро ему понравилось: очаг, топчан, покрытый мешком с душистой травой, стол, низкая скамья, пара мисок, несколько горшочков. Вертела, чтобы жарить мясо, Кулл не заметил, и в первую минуту удивился, но потом речь камелийца объяснила ему эту странность. Если бы мог, Кулл пожал бы плечами, но он



не мог и только фыркнул. Получилось это достаточно выразительно. Во всяком случае, Дзигоро понял и от души посмеялся.

Внезапно Кулл почувствовал, что куда-то проваливается. Темное, жестокое и беспощадное захватило его своими щупальцами и потянуло вниз. Он почувствовал, что сознание гаснет, и последним усилием воли воззвал к камелийцу: «Дзигоро, помоги мне!» Но его глотка издала лишь истошный собачий вой.

Дзигоро чуть не погиб. Огромный пес, только что дремавший у очага мирно и безучастно, неожиданно взвыл, как потерянная душа в преисподней. А потом серые льдистые глаза вспыхнули яростным белым пламенем безумия, и пес метнулся к нему, целя своими страшными челюстями в горло. Только годы ежедневных тренировок позволили камелийцу отскочить, принять боевую стойку и отразить натиск взбесившегося пса, грянув меж ним и собой стену синего пламени. Пес ударился о нее, взвыл, словно пламя и впрямь опалило ему шкуру, заскреб лапами и припал к земле, намереваясь поднырнуть и, обрушившись на Дзигоро всей своей тяжестью, подмять его под себя.

Лучшая оборона — это нападение. Учитель за такую мысль заставил бы Дзигоро стоять полдня в позе «танцующая обезьяна» и держать на голове и колене полные плошки воды. Но Учитель был далеко. Синее пламя обратилось в клинок и ударило пса. Он взвыл и покатился по полу. Боль, которую испытывала бедная бессловесная тварь, была нестерпимой. Дзигоро забыл, что едва не погиб, за-



был, что пес взбесился, забыл, что только защищался. Он кинулся на колени, обеими ладонями сдавил голову пса и вцепился своим темным властным взглядом в его бешенные глаза.. Что-то знакомое коснулось его. Знакомое, грязное и противное. Что-то тянулось к нему сквозь серые глаза собаки, пытаясь схватить за горло и придушить. Дзигоро понял, что борется не с собакой. Он борется за собаку. За это сильное тело, в которое, пользуясь временной слабостью, вошла чужая воля.

«Кто ты такой? Или что ты такое? Когда-то я знал тебя. Ты слишком легко впадаешь в ярость и поддаешься опьянению боем. Это твое слабое место. Уж его-то я ни с кем не спутаю. Говорят, что путь змеи на камне непостижим для мудрецов. Я не мудрец, но я различу след на камне, если он оставлен Йог-Саготом. Кто же ты такой, пес?»

Дзигоро гладил обессиленную тварь, мысленно прося прощения за то, что ударил слишком сильно. Пес дремал, положив огромную голову ему на колени. А камелиец думал, что набрел на загадку, которую ему не разгадать. И пожалуй, это вообще никому не под силу, кроме его старого Учителя. А значит — его снова ждет дорога. В княжество Траориин. Как только окрепнет этот пес, который не пес. А до тех пор придется спать вполглаза, потому что хозяин Призрачной Башни вряд ли ограничится одной неудачной попыткой.

— Успокойся,— Дзигоро ласково потрепал пса по массивному загривку, — я не дам тебя в обиду.

Кулл-собака спал и видел человеческие сны...



ГЛАВА ПЯТАЯ



— Как только окрепну, пойду на охоту», — решил Кулл засыпая. Раны затягивались на удивление быстро. На второй день Кулл уже смог встать и подойти к миске, но заставить себя проглотить то, что приготовил Дзигоро, он все-таки не смог. Пес вздохнул совсем по-человечески и плюхнулся на подстилку у очага.

Хищная, звериная натура вновь властно заявила о себе. Псу захотелось убить. Убить, но не ради убийства, нет, он хотел есть. А что может быть вкуснее свежего, еще теплого мяса? Варварская душа Кулла жаждала схватки, в которой он одержал бы победу и добыл себе пищу. А раз задумав что-нибудь, он делал это обязательно. Борьба за существование среди себе подобных с себе подобными — разве не этим он занимался, когда был человеком? Что же изменилось? Разве дело только в том унижении, которое Кулл пережил по воле прихвостня Йог-Сагота и не расплатился за это? А долго быть в должниках Кулл не любил — ни к чему хорошему



это обычно не приводило, кроме разве к такому же голодному беспокойству, которое заставляло его отправляться на поиски все новых и новых приключений, чем он как раз и занимался в данный момент. Для бродяги поиски пищи и жилища — это всегда приключения. И начатое им дело по всему подходило к этому.

Он осторожно двигался по незнакомой местности. Прислушивался, приглядывался, обнюхивая попадавшие на пути следы. Потревоженная змея, извиваясь, выползла из-под камня. Пес отскочил в сторону. С любопытством посмотрел на гадину и пошел прочь. Навстречу стали попадаться редкие кусты. Эта перемена обрадовала его. И оживившись, пес затрусил дальше.

Пейзаж заметно менялся. Все чаще попадались на пути раскидистые кусты колючек. Показались и тонкие деревца акаций с тусклой желто-зеленой листвой.

Охотничий инстинкт подсказывал Куллу, что там, впереди, он найдет добычу. Пес почувствовал, что в желудке заурчало от нестерпимого голода, и лапы сами понесли его туда... Он бежал по открытой местности, невольно радуясь травке, пробивавшейся сквозь песок и камни. Небесное светило спешило занять свое место, даря свою любовь и нежность всему живому, и согревая воздух.

Свежий ветер донес до него далекий, едва различимый звук. Кулл остановился. Навострил уши прислушиваясь. Теперь он гораздо явственней различил песню ветра. Щуря глаза от напряжения, пес заметил на горизонте маленькую точку.



«Находит только тот, кто ищет»,— мелькнула мысль, и пес опустился на землю. Тело прижалось, сливаясь на фоне низкой, местами выгоревшей травы.

Он затаился, приготовившись к встрече. Оправдывая его ожиданиям, неясная точка приближалась, вырастая на глазах.

«Всадник,— подумал Кулл, размышляя над причиной, занесшей человека в такую глухомань.— А впрочем, какая разница...» — и не закончив мысль, он еще плотнее вжался в траву. Между тем незнакомец на великолепном скакуне, которому позавидуют даже королевские конюшни, остановился. Он, приложив руку ко лбу, защищая глаза от яркого солнца, стал пристально оглядывать степь. Кулле показалось, что именно на нем всадник задержал долгий взгляд.

«Неужели заметил?» — вихрем пронеслось в мозгу. А человек уже тронул повод. Красавец конь с места рванул в карьер и, подбадриваемый плетью, перешел на крупную рысь. «Ближе, ближе, ближе»,— колотило сердце о ребра в предчувствии боя. Пес с каждым шагом пройденного всадником расстояния все четче различал мельчайшие детали. Благородная осанка жеребца, его широкая грудь и мощные ноги значительно подняли его цену в глазах голодного зверя. Голова наездника, доселе прижатая к гриве скакуна, приподнялась, и невольный крик раздался в душе у Кулла: «Патмарк! Вот так встреча!»



У пса не осталось и тени сомнения в том, что он обнаружен. В руках у человека мелькнул лук и заложенная на тетиву стрела.

Куллу оставалось только догадываться, за какого зверя его принял Патмарк. Прекрасно зная, что тот отличный стрелок, пес продолжал лежать. Расстояние между ними стремительно сокращалось. И теперь оно было как раз достаточное для полета стрелы. Еще пара прыжков лошади, и Кулл заметил, как два пальца правой руки Патмарка разжались. Тетива зажужжала от напряжения, направляя стрелу к цели.

Звериный инстинкт пса заставил его вскочить, и сильные лапы оттолкнули тело прочь. Стрела, разрезая потоки воздуха, впиалась ровно в то место, где еще секунду назад был Кулл.

«Валка!» — Пес ринулся навстречу всаднику. Он летел, от бешеного напряжения сил задрожали лапы.

Патмарк наложил новую стрелу. С жужжанием она устремилась к жертве. Только миг разделял Кулла и жало стрелы, но он присел именно в тот момент, когда она пронеслась над его головой. Медлить было нельзя.

«Нельзя допустить, чтобы он выпустил еще одну!» — понял атлант и, обгоняя шальной ветер, кинулся навстречу Патмарку. Вот он, совсем рядом, враг. Еще чуть-чуть — и конь растоптал бы пса, но чутье хищника пришло на выручку и сейчас. Вкладывая всю ярость, всю злобу, вскипевшую внутри, пес оттолкнулся от земли. Мелькнула морда жеребца в нарядной сбруе...



От ураганного напора всадник вылетел из седла, покотившись кубарем по траве. А пес, мягко приземлившись на передние лапы, развернулся, готовый к поединку. Разгоряченный скачкой конь, потерявший хозяина и почувствовавший свободу, умчался вперед, к неведомой цели. Оглушенный падением человек тяжело поднялся на ноги, уставив на разъяренного пса растерянный взгляд. Большого унижения он в жизни не испытывал. Какой то псбродяга посмел напасть на... на кого он посмел напасть?! Сейчас он поплатится за это!

Однако глаза зверя показались ему знакомыми. «Да ну, что за чушь? — подумал Патмарк. — Я никогда не видел таких собак». Патмарк вяло улыбнулся, потянувшись к ножнам на поясе. Кулл встретил действия человека угрожающим рычанием. Тот, ошеломленный, отступил назад. Серые глаза «старого знакомца» тревожно забегали по сторонам, ища спасительный выход. Может, вернется конь, разыскивая хозяина?

Мышцы Кулла дрожали от напряжения. Зоркий глаз следил за каждым движением человека. И стоило тому пошевелиться, как пес скалился, издавая грозное рычание. Ему явно нравилось это затянувшееся противостояние. Он смаковал свое превосходство, видя растерянность человека. Не таким, нет, не таким помнит его Кулл. От прежней самоуверенности и наглости не осталось и следа.

«Что же ты, прихвостень Абад-шаана, испугался бродячего пса?» — спросили прищуренные серые глаза собаки. Возможно, в каком-то странном озарении почувствовав непримиримость пса, Патмарк



рывком попытался извлечь из ножен меч. Оружие еще только наполовину показалось из богато отделанных ножен, а пес уже летел к человеку. Сверкнула холодная сталь на волос от морды, они встретились взглядом, и Кулл впился клыками в мягкое горло.

Руки Патмарка в последний миг выронили меч и сжались на шее зверя. Пес рванул теплое человеческое мясо, и фонтан крови обдал его липкой влагой. Мертвая хватка рук разжалась, и Патмарк, увлекая за собой пса, повалился наземь. Атлант в слепой ярости продолжал терзать горло противника, превращая его в кровавое месиво. Тело человека конвульсивно дернулось и застыло. Смрадный запах помойной ямы ударил в нос. Варвар вспомнил то отвратительное место, в которое он попал по воле Патмарка. Он почувствовал облегчение. Еще один старый должок уплачен.

Мысль об умчавшемся жеребце вернула его к действительности. Голод, отступивший на время, теперь вновь дал о себе знать. Пробовать человечинку ему совсем не хотелось.

След был четким, и пес, призвав на помощь чуткое обоняние, двинулся на поиски. Он нашел его на окраине зарослей кустарника. Благородное животное мирно стояло, зацепившись поводом за одну из колючек. Жеребец настороженно поднял морду, озираясь по сторонам, наострил уши, учуяв приближение хищника.

Кулл, готовый в любой момент броситься на животное, медленно подходил к коню. Но тот как ни в чем не бывало продолжал наслаждаться неподвиж-



но стоять у куста, лишь изредка косясь на пса. Голод сдавил внутренности. Атлант закружил вокруг жертвы, примеряясь для броска. Умное животное, видя маневры собаки, все время поворачивалось к нему крупом, готовое при малейшей опасности пустить в дело мощные задние ноги.

Пес сделал ложный выпад, нацеливаясь в передние ноги. Конь с быстротой молнии развернулся крупом и врезал по воздуху обоими копытами. Трюк удался. Кулл отскочил, прыгнул и уцепился клыками за бок жеребца.

Собрав все силы, конь помчался, надеясь, что тяжелое тело собаки само сорвется в этой бешеной скачке. Но после некоторого времени жеребец понял, что далеко ему не уйти,— силы уже сдавали. Чувствуя, что пес все так же крепко висит на боку и, видимо, не отпустит его, конь решился на последнюю попытку, которая могла принести либо смерть, либо жизнь. Он резко остановился, встал на дыбы и, подмяная под себя пса, повалился на бок.

Не успел еще конь рухнуть на землю, а варвар, разжав свою мертвую хватку, отскочил в сторону. Едва тело жеребца коснулось травы, Кулл был уже около горла своей жертвы. Бьющаяся, сопротивляющаяся плоть пробудила в атланте жажду крови и дикую силу. Он в остервенении рвал живое мясо.

Дзигоро перепрыгивал с камня на камень, подерживая корзину с лечебными снадобьями, когда прямо перед ним возник воплощенный кошмар.

Меж камней, опираясь на длинный и гибкий хвост, покачивался питон. Это был самый настоя-



щий питон, Дзигоро мог бы поклясться, но длинное тело его заканчивалось мохнатой обезьяньей мордой. В сомнении камелиец отступил назад, споткнулся и едва не сел на плоский камень, где строилось еще одно невероятное создание. Большая крыса на волосатых паучьих ножках. Из пасти зверька торчало длинное белое жало, и, судя по всему, он умел им пользоваться. Дзигоро не стал щипать себя за руки. Тревожная струна звенела в нем с того дня, когда камелиец отбил у гиен раненую собаку. Гармония в природе оказалась нарушенной. Чаши весов склонились в сторону зла, ибо созданием Света этот кошмар быть явно не мог.

За спиной послышалось сдавленное рычание. Дзигоро обернулся. Большая черная кошка стояла, чуть согнув упругие лапы, и в раздражении водила длинным хвостом. Огромные зеленые глаза тлели холодным огнем, как еще не погасшие угли.

— Что вам нужно, создания? — мягко спросил Дзигоро.

— Кровь!

Ответ прозвучал согласно, в три голоса, хотя, Дзигоро мог в этом поклясться, ни одно из животных не открывало пасти.

— Моя кровь? — уточнил камелиец.

В жарком воздухе возникло нечто похожее на зловеющий смешок.

— Твоя кровь — это вода. Она ни на что не годится. Ты жил слишком долго и слишком праведно. Нам нужна кровь, которую прольешь ты!

— Это невозможно, — улыбнулся Дзигоро. — Моя вера запрещает мне проливать кровь.



Пантера сдавленно зашипела и бесшумно прыгнула вперед. Из ее пасти вырвался сдавленный рык. Огромная лапа взметнулась, мелькнули когти, похожие на кинжалы. Дзигоро не шевельнулся, и пантера с недовольным рычанием опустила лапу.

— Почему ты не убил меня?

— Моя вера запрещает проливать кровь,— повторил Дзигоро.

— Даже защищаясь?

— Для того чтобы защититься, мне не нужно убивать,— улыбнулся камелиец.— Великий Ранха-одда подарил мне Искусство.

— Так, значит, ты все-таки воин, Человек? — спросил присевший на камень крысеныш. Слова возникли в голове Дзигоро, но он отчего-то сразу понял, что обращается к нему именно он.

— Я не воин,— оживленно ответил камелиец.— Я не нападаю, не проливаю крови, не пытаюсь изменить мир и переделать людей. Я лишь храню равновесие. У меня и оружия-то нет...

Дзигоро развел руками, демонстрируя, что сказал правду.

— Но если ты не убьешь одного из нас, мы убьем тебя,— заметила пантера. Она уселась, грациозно обернув лапы хвостом и чуть сощутив зеленые глаза. Дзигоро догадался, что перед ним — самка, и не просто самка, а царица среди больших кошек. Ее манеры были утонченно-аристократичны.

— Зачем вы ищете смерти? — спросил Дзигоро.

— Смерть одного из нас освободит других,— отозвался обезьяно-питон, впервые подавая голос.

— И кого из вас я должен убить?



— Кого сможешь. Мы все опасны.

— Я это заметил,— кивнул камелиец,— но, видите ли, создания, Ранхаодда хранит меня, пока мои руки чисты, пока кровь не осквернила мой порог и мой очаг.

— Так что ради чистоты твоих рук мы должны всю оставшуюся жизнь носить звериные шкуры? — прошипела пантера.— Ведь мы такие же люди, как и ты! Неужели ты этого не понял?

— Почему бы вам не найти кого-нибудь другого? — спросил Дзигоро, чувствуя мучительную вину перед этими несчастными созданиями.

— В тебе есть Сила,— отозвался крысеныш.— Когда человек, владеющий Силой, проливает кровь, сдвигаются мировые колеса, и все становится возможным.

— Кто вам наплел такую чушь? — возмутился Дзигоро.— Мир не нужно переворачивать, он устроен правильно и мудро. Это у того, кто думает иначе, мозги расположены вверх дном!

Питон метнулся к камелийцу и приблизил к его лицу сморщенную обезьянью морду. Глаза его горели диким огнем.

— Мы тоже часть мира, человек. Не находишь ли ты, что я устроен правильно и мудро?

— Нет,— признал Дзигоро,— но в этом виноват не тот, кто хранит Равновесие, а тот, кто его нарушил.

— И ты позволишь нам остаться такими? Умоешь руки и скажешь: «Мне жаль, но я в этом не виноват. Идите и спросите с виноватого»?! — осведомилась пантера.— Я только храню равновесие. Раз-



бирайтесь сами. Очень удобная позиция. А тебе не кажется, мудрец, что это позиция труса?

Дзигоро опустил голову.

Он чувствовал свою правоту и знал, что ни в чем не провинился ни перед Ранхаоддой, ни перед другими Светлыми Богами. Он жил так, как заповедовал ему Учитель, и считал это правильным.

Но и в словах большой кошки была своя правда.

— Мне не разрешить этой загадки,— смиренно признался Дзигоро.— Убить вас я не могу. Вскоре я отправляюсь в путь, в княжество Траориин, что на юго-востоке Камелии. Там живет мой Учитель, и он — мудрейший из людей. Если хотите, я возьму вас с собой.

— Мне не дойти,— тихо отозвался питон,— я — неудачный зверь. Я не могу есть и живу лишь потому, что бедный питон был сыт тогда, когда его настигла смерть. Но этого запаса не хватит на дорогу до Камелии...

Пантера холодно сощурилась.

— Ты все время стараешься уйти от ответственности. Спихнуть ее то на лемурийца, который нарушил любимое тобой Равновесие, то на Учителя, который достаточно мудр, чтобы вынести это бремя. Но ты немножко опоздал, человек.

— Что ты хочешь сказать, создание? — встревожился Дзигоро.

Пантера замерла, словно прислушиваясь к чему-то.

И камелиец почувствовал, как ветер сорвался с горных вершин, неся с собой что-то неотвратимое и непонятное. Шум невысокой травы заглушил на



миг все живые голоса природы. Голос пантеры прозвучал как приговор:

— Твой порог уже осквернен,— произнесла она медленно, с некоторой торжественностью,— на твоём пороге пролита кровь... Двери открыты, человек, и тебе придется в них войти...

— Ты был хранителем Равновесия, но Равновесия больше нет,— добавил крысеныш.

— Тебе больше нечего хранить,— вставил питон с головой обезьяны.

— Тебе придется выбрать и принять ответственность за свой выбор,— произнесла пантера.— Это случится очень скоро. Мы подождем. У нас еще есть время. Немного, но есть.

С этими словами большая кошка отступила, давая проход, и длинным грациозным прыжком метнулась в заросли кустарника. С едва слышным шорохом исчез питон. Дзигоро взглянул на плоский камень. Крысеныша не было. Кошмарные звери и еще более кошмарный разговор словно привиделись ему.

Дзигоро пожал плечами и неожиданно вспомнил слова пантеры: «Твой порог уже осквернен. На нем пролита кровь».

Камелиец заторопился, перепрыгивая с камня на камень и поглядывая на солнце, клонившееся к западу.



* * *

У входа в пещеру камелийца ждал пес. Морда его и огромные клыки были в крови, а серые глаза — сытыми и довольными.

— Что же ты наделал? — растерянно спросил Дзигоро, без сил опускаясь на землю.

Кулл-пес взглянул на него, не понимая, что, собственно, произошло. Он отлично поужинал, хотя поймать такого зверя в его новом теле было очень трудно. Но он справился и был горд. Дзигоро вздохнул и почесал бедного, ни в чем не виноватого пса за ушами. Второй удар Призрачной Башни достиг цели. В этом не было никаких сомнений.

Камелиец встал, перешагнул порог, вытащил несколько свитков и бережно уложил в заплечную кошелку, спутницу дородного мудреца, познавшего, по преданию, Вечный Покой и Умиротворенность.

Больше у Дзигоро ничего не было. Он перешагнул через порог и кивком головы пригласил пса следовать за ним. Уходя от пещеры, камелиец не оглянулся назад. Она больше не была ему домом. Пантера была права: час настал, и бежать от него было все равно что бежать от собственной судьбы — бесполезно и недостойно.

* * *

Летний жаркий день клонился к вечеру. Маленькие курчавые облачка плыли высоко над землей, словно стайка волшебных серебристых рыбок



— казалось, они погружаются в самые глубины этой безмятежной, чистой лазури.

Путникам на третий день пути не пристало вроде бы любоваться красотами природы, тем более что желтые пески, текущие под ногами, да синее небо, упиравшееся своим краем в линию горизонта,— вот и все разнообразие. Дорогу оживляла лишь смена закатов да восходов и чахлые оазисы, попадавшиеся по пути так часто, как оброненные тугие кошель с деньгами.

Оба путешественника, покрытые с ног до головы пылью и потому одинаково серые, представляли удивительную пару: худая, легкая фигура человека, идущего по пустыне, как по нахоженной тропе, почти не проваливаясь и легко, словно играючи, оставляя за спиной тяжелые лиги, и огромное, мощное тело собаки — тяжело вздымающиеся бока, с судорожным всхлипом втягивающие воздух, язык, уже даже не мокрый, а только чуть-чуть влажный, не помещаясь в пасти свесился набок, почти доставая до земли, когда пес опускал голову. Держать ее больше не было сил. Услышав негромкий голос человека, пес нехотя шевельнул ушами, пытаясь сообразить, что еще от него нужно Дзигоро. Он и так сделал все, что мог, и не его вина, что такой большой собаке нужно намного больше воды, чем такому маленькому человеку...

— ...оазис,— разобрал Кулл,— мы в дневном переходе от Гайбары, значит, скоро должен быть. Жаль, конечно, что ты не верблюд или, скажем, не варан, не было бы с тобой таких хлопот. Но ты не унывай, мы и так не пропадем.



Кулл еще раздумывал, что он должен чувствовать — обиду или благодарность, когда чуткие ноздри его уловили слабый запах мокрого дерева, и этот волшебный запах оказался подобен эликсиру жизни. Пес воспрянул, черный влажный нос заходил, определяя направление, и, подчиняясь этому удивительному, сладкому запаху, Кулл тяжело затрусил вперед, даже не заметив, как обогнал Дзигоро.

С огромного песчаного бархана, на который он взбирался, как ни на одну крепостную стену, почти не надеясь добраться до верха, пес увидел чарующую взор картину — в низинке, на расстоянии полета стрелы, торчали из земли несколько бурых, чахлах деревьев, почти неотличимых цветом от окружающих песков. И оттуда, оттуда пахло волшебным, пахло водой! К чудесному запаху примешивался еще один, не такой приятный, но Кулл, измученный пустыней, не обратил на него внимания, решив разобраться с ним попозже, когда утолит жажду, и с вершины бархана съехал в оазис почти на брюхе. В маленькое озерцо с прозрачной водой, где серобурые акации поили свои белесые корни, он влетел с разбегу, подняв фонтаны брызг и взбаламутив воду не хуже, чем целый караван истомившихся от жажды верблюдов. Вода, только что стекляннопрозрачная, в один миг превратилась в мутную коричневую жижу, но счастливый пес этого не замечал. Он пил, рискуя лопнуть, то жадно лакая воду по-собачьи, то, от нетерпения втягивая ее ртом, захлебывался почти по-человечески.



Когда Дзигоро, ступая своим размеренным, неторопливым шагом, наконец достиг оазиса, пес уже блаженствовал, развалившись в озерце, больше всего похожем на поросычью лужу.

Увидев своего спутника, Кулл запоздало сообразил, что напрасно взбаламутил воду, и теперь Дзигоро волей-неволей придется ждать, пока песок осядет. Он ждал упреков, но их не последовало. Камелиец смотрел на него с улыбкой. Неспешно Дзигоро подошел, присел у воды и проговорил:

— Ты мне напомнил старую притчу про одного военачальника, которому тоже очень хотелось пить...

Этого известного в свое время воина звали Хаджад. Однажды во время охоты он оказался вдали от своего войска и решил утолить жажду в таком же оазисе, как и тот, что сейчас приютил нас. Он направил своего коня к воде и там увидел нищего, который выбирал из своего рубища насекомых. Нищий, не поднимая головы, раздраженно крикнул:

— Кто ты, отродье демонов, появившееся из пустыни в сверкающем платье?

Хаджад подъехал ближе и сказал:

— Да благословит тебя Валка, добрый человек.

— Да проклянет он тебя, — отозвался нищий.

Хаджад, видя в руках у него чашку, смиренно попросил ее, чтобы не ронять своего достоинства и не пить с земли, как это делают животные. С этими словами Дзигоро достал из заплечного мешка свою чашку и зачерпнул воды, которая к тому времени уже немного очистилась. Правда, совсем немного,



но видно, хваленая выдержка Дзигоро на этот раз подвела камелийца. Впрочем, Кулл его понимал.

— Так вот,— продолжил он, неспешно осушив первую чашку.— Нищий сунул чашку в руки Хаджаду и грубо ответил:

— Сойди с коня и напейся, клянусь Валкой, я тебе не работник и не слуга.

Хаджад так и сделал, а утолив жажду, снова сел в седло и сказал:

— Эй, нищий, кто самый лучший из живущих на земле?

— Верховный жрец Валки, да продлятся его дни,— ответил нищий.

— А что ты скажешь о нашем правителе?

Нищий ничего не сказал.

— Ответь же мне.

— Плохой человек,— ответил нищий,— он поставил править благочестивыми людьми моего города невоздержанного развратника Хаджада.

Тот промолчал. Вдруг над ними пролетела птица и прокричала что-то. Нищий повернулся к Хаджаду и спросил:

— Кто ты?

— Почему спрашиваешь?

— Эта птица известила меня, что приближается войско, а его предводитель — ты.

В это время подъехало войско Хаджада, и тот приказал схватить нищего. На следующий день, как только рассвело, принесли еду, собрался народ. Привели и нищего. Как только тот увидел Хаджада, он громко закричал:

— Да благословит тебя Валка, великий воин.



— Я не отвечу тебе так, как ты мне,— ответил Хаджад,— да благословит он тебя. Ты голоден?

— Еда твоя,— ответил нищий,— если разрешишь — буду есть.

— Разрешаю,— ответил Хаджад.

Нищий сел и сказал:

— Во имя Богов, все, что случится после еды, будет добром.

Хаджад засмеялся и сказал своим приближенным:

— А вы знаете, что я претерпел от этого человека вчера?

— Высокочтимый, вчерашнюю тайну не стоит разглашать сегодня,— вмешался нищий.

Тогда Хаджад сказал:

— Слушай, нищий, выбирай одно из двух — или останешься при мне и я сделаю тебя своим советником. Мне нужны люди, которые умеют говорить правду. Или я отправлю тебя к правителю и сообщу ему то, что ты говорил о нем.

— Ты назвал две возможности, но есть и третья,— ответил нищий,— отпусти меня, чтобы я в полном здравии добрался до другого города и чтобы ты меня больше не видел, ни я тебя.

Хаджад засмеялся, велел выдать ему тысячу монет и отпустил его.

Кулл слушал внимательно, стараясь, насколько возможно, скрыть недоверие. На своем веку он повидал всякого: видел он и добрых правителей, и щедрых, и милостивых, а вот справедливые ему что-то не попадались.



— Пойдем,— мягко сказал камелиец — Время никогда не спешит, а попробуй его догони...

По выходе из оазиса Кулл, взбодренный купанием, поначалу спокойно трусил рядом с камелийцем, ни на что не обращая внимания, но через некоторое время стал водить влажным носом из стороны в сторону, явно пытаясь обнаружить источник какого-то неприятного запаха. Долго гадать не пришлось. Как сказал бы мудрец — Дзигоро, у которого на каждый случай жизни была мудрая пословица,— есть запахи приятные, есть противные, а есть такой, что ни с чем не спутаешь. Запах, настороживший Кулла еще на входе в оазис, был сладковатым запахом тления, и вскоре они увидели его источник.

Первым, что бросилось путникам в глаза, были две зарубленные лошади гнедой масти со снятыми седлами и сбруей. Рядом лежал, видимо, не слишком удачливый хозяин лошадей — человек с кровавой маской вместо лица. Трупы густо облепили полчища жирных мух, их мерное гудение напомнило Кулле мясные ряды Гайбарийского базара. Чуть поодаль лежал еще один покойник, такой же счастливец... Лицо у него, правда, было в полном порядке, но мух над ним кружило не меньше — он лежал на боку, подтянув колени. Похоже, в последнюю минуту он, потеряв голову от боли и страха, пытался запихнуть обратно собственные внутренности, брызнувшие из вспоротого живота. Заметив, что Дзигоро прошел чуть дальше, Кулл последовал за ним. Низина, скрытая от глаз путников песчаными барханами, являла собой жуткое зрелище. Лошадиных трупов больше не обнаружилось, зато челове-



ских... Кулл, на что привычный к подобным зрелищам, и то не сразу решился последовать за маленьким невозмутимым камелийцем.

Каравану не повезло... Мужчины, женщины, дети, со следами от торопливо сорванных драгоценностей... Они были свалены в кучу, и над побоищем висели тучи мух. У всех были вспороты животы.

— Желчь брали,— проговорил Дзигоро голосом, сдавленным от тихой ярости. Его приветливое лицо застыло каменной маской. Кулл понял, что он имел в виду. У разбойников существовало поверье, что конь обретет небывалую резвость, если смазать его губы свежей человеческой желчью. Этим, видимо, пришлось уходить от погони.

Неподалеку Кулл углядел торопливо сброшенные на землю седельные сумки и направился туда, решив, что неплохо бы их обследовать на предмет еды. В сумках оказалось сушеное мясо и хлеб, запеченный с фруктами. Видно, с голоду разбойники не умирали. Кулл хотел уже позвать спутника, когда наткнулся на крупное тело мужчины в обрывках дорогого халата. На месте головы и плеч темнел ровный срез, уже облюбованный мухами.

— Надо же! — невольно восхитился Кулл.— С одного удара! Хотел бы я встретиться с человеком, который так наказывает своих врагов...

Внезапно ему показалось... Ощущение было совсем детское, полузабытое, словно его поймали на чем-то не совсем хорошем. С тех пор как минула пора детства, Кулл успел повидать многое, и свою врожденную совестливость, если только она у него когда-нибудь была, он давно растерял, но отчего-то



варвар почувствовал себя неловко, когда увидел прямо над собой пронизательные глаза Дзигоро, которые, казалось, видели все его недавние мысли.

Камелиец смотрел на него с явным неодобрением, ошибиться в этом было невозможно. Положив легкую руку на широкий лоб собаки, Дзигоро проговорил:

— Будь же ты, наконец, осмотрительнее. Я ведь тебе уже говорил: не желай опрометчиво — твоё желание может исполниться.

Тут Кулл заметил, что спутник его вертит в руках срезанный кусок дорогого халата с узорной вышивкой. Он осматривал находку с непонятным вниманием и даже понюхал. Понюхал и Кулл, и для этого ему не пришлось подносить его к самому носу. Запах был отчетливо уловим и так, пахло чем-то знакомым и неприятным, пожалуй, даже опасным. Но что это — Кулл вспомнить не смог.

Наконец он бросил ломать голову и сел, а потом лег, наблюдая, как Дзигоро внимательно осматривается, разглядывает истоптанную полузасыпанными следами землю, садится на корточки и осторожно вынимает клочок конской шерсти, застрявший в спутанных узлах седельных сумок.

— Вот, дорогой мой,— проговорил Дзигоро подходя,— за что я и не люблю Турацию. Неумеренность — один из самых страшных пороков... Мудрец обогревается головней, а глупец ею же сжигает свой дом. А ведь он был неплохим человеком. Сильным, отважным даже, по-своему честным...

Был во времена не слишком давние такой случай. В Курдахаре, недалеко от базара, был постоя-



лый двор, где постоянно останавливались самые богатые купцы, и поэтому он был огорожен высоким забором, за который невозможно было проникнуть вора́м.— Услышав о подобном, серебристый пес иронически хмыкнул. Уловив его недоверие, Дзигоро согласно кивнул.— Ты прав, замки, они в основном от честных людей. От ловкого вора никакой замок не спасет. А на этом постоялом дворе был вырыт колодец, сразу же за забором — городская баня. Один ловкий вор прорыл подземный ход от банного очага прямо в тот колодец, и в полночь, когда постоялый двор закрыли и на дверь навесили увесистый замок, он забрался в подземелье, выбрался из колодца наверх, и все, что было самого ценного на постоялом дворе, унес тем же путем.

Ранним утром купцы подняли шум и потребовали найти вора. На постоялом дворе собрались городская стража и судья. Стали размышлять, как исчезли деньги и вещи, когда двери были на замке. Наконец решили, что это дело рук сторожа. А сторожем был уже старый человек. Привели его к судье, но тот не поверил в его невиновность, сколько тот ни клялся Валкой и всеми Богами. Тогда решили сторожа подвергнуть пытке — подвесить за большие пальцы рук. Вор стоял тут же и все слышал. Ему стало жаль ни в чем не повинного старика, он вышел вперед и сказал:

— Старик ни в чем не виноват, постоялый двор обокрал я.

Его спросили:

— Раз ты признался, тогда скажи, куда ты унес добро и что с ним сделал?



— Спрятал в колодце,— ответил вор.— Принесите мне веревку, и я достану ваше добро, но за это вы должны меня отпустить.

— Ишь какой хитрый! Он украл, и его же теперь и отпусти! — возмутился почтенный судья.— Нет уж! Сначала достань добро, потом я тебя судить стану...

— Хорошо,— согласился вор, и стражники принесли веревку. Один конец вор обвязал вокруг пояса, а другой схватили стражники. Вор спустился в колодец, развязал веревку, прошел по подземному ходу, выбрался наружу, схватил добро и был таков. Долго ждали его стражники, потом спустили в яму человека, и тот нашел подземный ход. И тогда только судья догадался, что вор сбежал.

— Хитер! — восхитились люди.— И безвинного освободил, и сам ушел, и добро унес.

С тех пор и прозвали вора — лисицей... Только вот благородства у него с тех пор заметно поубавилось. Хитра лисица, а в ловушку попадает, так и этот хитрый вор попал в ловушку, да в такую, из которой не выбраться ни хитрому, ни сильному, ни от важному...

С этими словами Дзигоро вновь поднес к лицу обрывок халата, и Кулл наконец догадался, чем он пахнет.

Внезапно Кулл сообразил, что, слушая притчу Дзигоро о собрате по ремеслу, непростительно увлекся. На горизонте возникло облако пыли, которое быстро приближалось к оазису, и вскоре Кулл различил глухой топот копыт по песку и высокие выкрики.



— Ты куда? — удивленно спросил Дзигоро, хотя Кулл еще с места не двинулся, но, видимо, его напряженная спина и подрагивающие уши были достаточно красноречивы. Отряд приближался со стороны Гайбары, которую Кулл не любил давно и прочно, еще с юности. А появление гайбарийской конной стражи доставило бы ему примерно такое же удовольствие, как тарантул за пазухой. Но камелиец с места не двигался, и волей-неволей остался и Кулл.

— Отряд сабель тридцать, не меньше,— оценивал пес.— Дранные халаты, грязные тюрбаны, а оружие в серебре... хотя сталь ни на что не годится.

Всадники меж тем окружили Дзигоро, с опаской поглядывая на пса. Один из них, в ярко-голубом халате, похоже, был здесь за старшего.

— Эй, оборванец! — крикнул он, не слезая с седла. Видимо, это было в обычае у всех военачальников, начиная с Хаджада.

Дзигоро не шевельнулся, чтобы подойти ближе, но смотрел на гайбарийца без неприязни, спокойно и доброжелательно.

— Ты давно здесь околачиваешься? Я преследую шайку Хайрама-Лисицы, ты его не видал?

Если до этого Кулл никак не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь до сегодняшнего дня лицо всадника, то, услышав его голос, больше не сомневался: Абад-шаан! От бывшего его великолепия не осталось и следа, видно, правитель Гайбары все же был парень не промах, знал, как наставить своих подданных на путь истинный. Северянин взглянул на камелийца.



Улыбка, осветившая его лицо, могла означать только одно — камелиец решил позабавиться.

— Господин имеет в виду невысокого,, толстого человека, который ездит на лошади саловой масти, носит зеленый, расшитый шелком халат, а за отворотом рукава прячет лепешку дурман-травы?

Едва Дзигоро начал говорить, как гайбариец насторожился. С каждым словом камелийца волнение его нарастало. Наконец он не выдержал и перебил:

— Да, это он! Куда провалилась эта грязная компания?

— Господин, я их не видел...

Лицо гайбарийца перекосила ярость. Он ястребом слетел с седла и скогтил Дзигоро за ворот:

— Ты что, оборванец, на солнце перегрелся? Или думаешь, что я не смогу развязать тебе язык?

Кулл почувствовал, как шерсть на его загривке приподнимается, а верхняя губа, подрагивая, ползет вверх, обнажая белые, похожие на сабли клыки. Словно по команде, гайбарийские стражники потянули свои скверные сабли из ножен. Сабли скверные, но три десятка!

Дзигоро осторожно обхватил запястья гайбарийца большим и указательным пальцами и отвел его руки без заметных усилий.

— Я не видел разбойника по имени Хайрам-Лисица,— повторил Дзигоро,— но я нашел клочки его одежды меж двух кустов, где худой человек прошел бы свободно. Масть лошади я узнал по клочку шерсти, а про дурман-траву догадался по запаху. Еще я видел неостывшие следы его шайки и



прочел их. Они направились на юго-запад, в сторону гор, и если вы поспешите, вы их еще нагоните. Хайрам слишком тяжело нагрузил своих усталых коней.

Гайбариец был, видимо, из тех, кому ничего не нужно объяснять дважды. Он не стал расспрашивать Дзигоро, по каким признакам тот догадался, что шайка уходит в горы. Взлетев в седло, он махнул рукой, и вскоре, подняв тучи пыли, гайбарийская конная стража исчезла за горизонтом.

Кулл-пес лежал в сарае, за запертой дверью, и слушал, как наверху суетится хозяин таверны, легконогие девушки торопливо разносят кувшины с вином, а на вертеле проворачивался аппетитный кусок жаркого. В желудке заурчало. Еще никогда он не был так зол на свою «собачью» жизнь. Если бы не проклятый колдун, не лежал бы он сейчас в мерзком сарае, облизывая собственные лапы, а сидел бы наверху, рвал крепкими зубами сочное мясо, обсыпанное сухарями, заливал вином и ловил на себе восхищенные взгляды молоденьких служанок. Вот жизнь была! Кулл едва не взвыл от тоски, но вовремя сдержался. Камелиец пристроил его сюда за две монеты, убедив хозяина таверны, что «собачка смирная, не кусается». При этих словах Дзигоро шерсть на загривке у Кулла встала дыбом, но легкая, сухая рука мягким похлопыванием по спине напомнила ему, где он находился и как нужно себя вести.



Через небольшое оконце в стене, до которого он смог дотянуться, пес оглядел улицу. Мимо проходил всякий сброд, жаждущий только дешевой выпивки.

«И чего Дзигоро занесло в эту зловонную дыру?» — проворчал Кулл, провожая взглядом выползающего из таверны длинного туранийца. «Вот ведь налакался», — облизываясь, подумал пес. Жаль, но вкус вина давно позабыт, как сладкий сон из прошлой жизни. Бывший хозяин Гайбары прополз на четвереньках мимо собаки и упал в сточную канаву. Через минуту уши Кулла уловили смачный храп.

«Человек привык жить в дерьме. Он вообще ко всему привыкает...» — закончить философские рассуждения ему помешали.

Несколько всадников круто осадили коней возле таверны и неловко слезли. Варвар узнал в них знакомых наемников, когда те проходили рядом. Их приземистые фигуры и горбоносые физиономии, заросшие густой растительностью, были остались в памяти еще с первой встречи. Он вспомнил Керама и его потасовку со стражниками. Пес проводил людей долгим взглядом горящих глаз. Первый широко распахнул дверь, и из таверны вырвались звуки пьяных песен на разные голоса. Разношерстная толпа шумно гуляла, отмечая только им одним понятный праздник. Стражники скрылись за дверью.

«Уж не забыл ли Дзигоро про меня?» — мелькнула в мозгу пса шальная мысль, когда он отошел от окна, не в силах больше смотреть на эти пьяные рожи, и вновь улегся, лелея мечту о сытном обеде.



На улице слышались негромкие голоса. Скорее от скуки и чтобы заглушить голод, Кулл прислушался.

— Я тебе говорю, это тот самый. Сейчас зашел в таверну и сказал старому Самилу, что желает сделать запас в дорогу.

— А чудище, которое с ним?

— Да какое там чудище, простая собака,— фыркнул первый голос.— Пес заперт. И мудрец сказал, что он у него мирный.

Кулл впервые подумал, что у его теперешнего состояния есть и свои преимущества. Например, обостренный собачий слух оказался весьма кстати. Он затаил дыхание, стараясь не пропустить ни слова.

— И сколько, говоришь, лемуриец обещал за этого сморчка?

— Пять тысяч туранийских золотых.

— Пять... тысяч... золотых? — переспросил второй голос,— Да кто он такой, этот Дзигоро? Князь камелийский?

— Ну, у мага с мудрецом свои счеты, нам в них вмешиваться не стоит. Но если пять тысяч разделить даже на пятерых, уже по тысяче получится.

Голоса стихли.

Кулл приподнял лобастую голову. Лемуриец? Уж не тот ли это лемуриец, который натянул на него собачью шкуру? Хотат заberi его потроха! Ведь Кулл же ясно помнил, как в ту злополучную ночь под его зубами хрустели кости, как лопнула жила в порванном горле мага и как Кулл долго сплевывал противную соленую кровь... Выходит, не добил! Как же он опростоволосился? Внезапно новая мысль



обожгла его, как удар плети. Стражники сговаривались схватить Дзигоро и продать его хозяину Призрачной Башни.

Эту мысль Кулл додумывал уже на ходу. И свелась она к холодной ярости, которая перебила даже беспокойство за мудреца.

Щеколда отлетела с первого удара, и серая молния метнулась через двор и по лестнице наверх. Жалобно вскрикнула перепуганная девчонка-служанка, со звоном покатылся поднос. Дверь выросла перед Куллом-собакой, и он не успел хорошенько обдумать, как преодолеть эту преграду, как та, сорванная с петель телом стражника, пролетела мимо и рухнула вместе с ним в придорожную пыль.

«Ух, Валка! Вот это удар!» — восхитился Кулл. А следом за первым по лестнице скатился следующий, и грохот падения утяжеленного кольчугой воина заглушил стоны его товарища. В дверном проеме показался Дзигоро.

— Ну, что, голубчик, заскучал? — Увидев своего друга, он мягко улыбнулся. Пес уставил на камелийца непонимающий взгляд. — Не желаешь миску похлебки? — неожиданно спросил он. При упоминании о еде у пса потекли слюни. — Заходи, — предложил Дзигоро, исчезая за дверным косяком. Кулл последовал за ним.

Внутри таверна пострадала незначительно. Пара сломанных стульев, перевернутый стол да несколько разбитых бутылок — обычное дело. А посетителям хоть бы что: сидят, пьют, как будто ничего не произошло. Только на полу не покрхтывает еще



один стражник. Дзигоро принес откуда-то миску с царевом и поставил перед собакой.

— Ешь,— произнес он, взглядом указывая на еду.— На чужой стороне и свой пес — земляк.

Кулл оглядел присутствующих и, убедившись, что на его порцию никто не претендует, приступил к трапезе. Оглушенный стражник, издав протяжный стон, приподнялся на локтях в так близко от миски атланта, что ему пришлось зарычать.

— Кушай, не отвлекайся,— погладив пса по холке, произнес камелиец. Он уселся на скамью рядом, охраняя покой друга. Для здорового пса миска оказалась не так глубока, как ему хотелось. Вдруг он уловил далекий стук копыт. Лихой бег коней нельзя было спутать ни с чем. Пес встревоженно поднял уши, вопросительно посмотрел на Дзигоро. Тот явно тоже что-то слышал. Его брови сдвинулись, и без того узкие глаза вытянулись в одну тоненькую полоску.

«Интересно,— подумал пес, узнав в надвигающемся шуме ровный стук копыт,— куда это могут спешить туранийские воины?»

Подковы зазвякали совсем близко и наконец замерли совсем близко. С улицы донеслись крепкие туранийские словечки.

«Видно, заметили стражников»,— догадался Кулл, уловив звон стали. Высокорослые воины Турании величаво, как истинные хозяева Гайбары, один за другим вошли в таверну. Их презрительные взгляды скользнули по посетителям и остановились на распластавшемся стражнике. Вперед выступил тураниец в красном плаще.



— Кто?!

Таверна притихла. Атлант прижался к ноге Дзигоро, ожидая дальнейший оборот событий. Камелиец наклонился над ухом Кулла, тихо сказав:

— Любопытно, не правда ли?

— Молчать! — взревел тураниец. — Я последний раз спрашиваю! Кто это сделал?!

Лицо его налилось краской, левая щека задержалась в нервном тике, и он продолжал орать на всю таверну:

— Вы что, воды в рот набрали? Никто не видел, куда делся преступник?!

Не дождавшись ответа, капитан махнул своим рукой. Блеснули клинки, покидая ножны.

— Господин, — учтиво поклонившись, произнес Дзигоро. — Разрешите мне сказать.

Капитан осмотрел неказистого камелийца с ног до головы и позволительно произнес:

— Если у тебя есть что сказать, говори. Выдашь преступника — я прощу твою дерзость, солжешь...

Он закончил свою мысль красноречивым жестом. Острые сабли уперлось Дзигоро в грудь.

— Я не намерен лгать, господин, — спокойно ответил он.

— Отлично! — чуть мягче произнес тураниец, не отнимая клинка.

— Они не смогли договориться между собой, кто первым из них должен выйти из дверей. И беседа их длилась столь долго, что был вынужден я прийти к ним на помощь, указав достойнейшего из них. Тот, кто согласно чину, возрасту и многим военным доблестям, украшающим его жизненный путь, на-



писанный нестираемыми знаками на премудром челе, и вышел первым,— слегка качнув головой в сторону неподвижного тела, все так же невозмутимо продолжал Дзигоро.

Только начав проясняться, лицо капитана вновь приняло багровый цвет.

— Ты? — не поверил стражник, озирая глазами тщедушного камелийца.

— Повелителю Гайбары стоило бы тратить больше денег на обучение городской стражи. Тем более, господин, ведь эти затраты всегда окупятся.

Такой неслыханной наглости капитан не ожидал. Мгновенная смерть была бы расплатой за такие слова! Дзигоро прочел это в его мгновенно сузившихся глазах. Левой рукой он мягко отвел саблю от своей груди. Стражник не шевельнулся, точно заколдованный. Правая рука камелийца метнулась к лицу гайбарийца, но в полудюйме от переносицы кулак Дзигоро вдруг превратился в открытую ладонь и замер. Капитан плавно опустил на колени, устремив в пустоту стеклянный взгляд. Дзигоро сделал шаг в сторону, и тело громыхнуло об пол.

Стражники переглянулись. На лицах гайбарийцев даже не слишком наблюдательный человек без труда прочел бы недоумение и страх. В землях Турании и Фарсуна колдунов не любили и боялись. Возможно, потому, что были с ними слишком хорошо знакомы. Лемурия была далеко, и хотя маленький человек был не слишком похож на лемурийца, но ведь любому ясно, что колдун может превратиться во что пожелает. Во всяком случае, этот огромный пес был точно воплощенным демоном.



Разве бывают собаки с такими холодными серыми глазами, собаки, величиной с жеребенка и с презрительной, чисто человеческой ухмылкой?

И поэтому, когда Дзигоро шагнул к выходу, никто не осмелился его остановить. Пес последовал за ним, пятясь задом и тихо рыча.

Оказавшись за дверью, камелиец быстро огляделся, нашел окно, ведущее во двор, и, проскользнув в него, бесшумно спрыгнул вниз. Кулл, не раздумывая, нырнул следом. Это было действительно неглупо. Не то чтобы стоило бояться встречи с двумя побитыми стражниками, которые наверняка уже пришли в себя, но для великого колдуна самым естественным поступком было бы бесследно раствориться в воздухе.

Но, видимо, это был несчастный день. Через высокий забор они перемахнули легко и быстро, но стражники Гайбары отошли от испуга еще быстрее. Их заметили. Возможно, капитан пришел в себя, и его гнев показался им страшнее, чем магия неведомого чародея. Или взыграла гордость. Сначала пес услышал, как по лестнице загрохотали сапоги, а потом, оглянувшись на бегу, увидел, как от полновесного пинка отлетел ставень и закачался на одной петле. Особо нетерпеливым путем через окно показался короче, и Кулл едва не взвыл, когда понял, что Дзигоро от всадников не уйти. Пусть так. Что бы там ни было, а друга Кулл не бросит!

Пес развернулся в сторону приближающейся опасности, злобно рыча и скалясь.

— Не надо, их слишком много. Нам с ними не справаться.— Дзигоро подошел к атланту и, поло-



жив на спину собаки руку, добавил: — Хотя выход, дружище, пожалуй, есть. Если ты согласишься понести меня.

Уловив на себе вопросительный взгляд друга, Кулл согласно кивнул.

— Вот и ладно,— с облегчением произнес Дзигоро, усаживаясь на спину пса.— Вперед, мой друг.

И Кулл понес его вперед по тропинке. Странно, но он почти не ощущал веса седока.

«Ну конечно,— подумал варвар,— жрет одну траву». Северянин с каждым новым прыжком ощущал необыкновенную легкость. Теперь он не чувствовал и своего веса. Он заглянул себе под ноги... лапы перебирали не сырую землю, а воздух...

...Одинокый фарсунский всадник от удивления вывалился из седла. Его кобыла беспокойно забила копытами и, позабыв про хозяина, умчалась в ночь. Фарсунец то боязливо поглядывал на небо, то принимался страстно молиться. Такого он в своей жизни еще не видывал. По звездному южному небу огромный белый ястреб нес свою жертву в гнездо. Животное в когтях птицы усиленно перебирало лапами, словно стремясь вырваться из плена. Мощный взмах крыльев — и фарсунца обдал ветер, доносивший тонкий звук поющих на ветру перьев.

В рыжие пески медленно опускалось яркое малиновое солнце. Темнело.

Дзигоро сидел, завернувшись в серый дорожный плащ, и задумчиво глядел на часто дышавшего пса.



— По-моему, это все уже было,— задумчиво проговорил он.— Мы с тобой сидели в овраге, и ты...

В этот момент пес извернулся и яростно зашелкал зубами в шерсти.

— Блохи? — посочувствовал Дзигоро.— Чего же ты не дал себя помыть?

Пес рыкнул, потом взвыл и вдруг разразился солдатским проклятием. Дзигоро в изумлении уставился на огромного голого варвара-северянина, с отборной бранью растиравшего укушенное бедро.

— Ну правильно,— кивнул камелиец,— теперь я вспомнил твоё имя. С возвращением в мир людей, Кулл из Атлантиды.

— Валка! — выругался варвар.— Не мог предупредить, что превращать будешь? Я бы хоть штаны в таверне прихватил.

Дзигоро весело рассмеялся, откидывая голову.

— Что я такого сказал? — нехорошо сощурился варвар.— Я тебе, конечно, благодарен и все такое...

Дзигоро смеялся, хлопая себя по коленям и мотая головой.

— Погоди! — всхлипывал он.— Дай опомниться! Уморишь ведь, северянин.

Кулл набычился, с неодобрением разглядывая развеселившегося мудреца.

— Ну и куда я теперь пойду в таком виде? По караванному пути пугать лошадей фарсунцев?

Дзигоро внезапно стал серьезным. Его темные глаза сочувственно улыбнулись в темноте.

— С рассветом ты опять станешь зверем, Кулл. Собачья шкура слезла с тебя оттого, что сегодня нолунне. Но солнечный свет вернет заклятие. Если



помнишь, я предупреждал тебя быть осторожным в желаниях.

— Что ты хочешь сказать? — Кулл сел, подтянув к груди длинные волосатые ноги.— С рассветом я опять стану собакой? — Дзигоро снова кивнул.— И ты ничего не сможешь сделать? — Кулл в волнении мотнул лохматой головой.— Как же так? Ты же великий маг, Дзигоро?

— С чего ты взял, юноша? — улыбнулся камелиец.— Я не маг. Не больше, чем ты.

— Но я же видел! Я видел, как ты на моих глазах превратился в ястреба!

— То, что ты видел, ничего не значит, Кулл,— Дзигоро отчего-то вздохнул,— не всегда стоит доверять глазам. Они могут обмануть. Тебе ли этого не знать, вошедшему в Призрачную Башню через Врата Заката. Я просто отвел глаза стражникам Гайбары. Магии в этом совсем нет. Они видели то, что хотели видеть. Могущество мага, страшную птицу, вспышку света... Теперь им будет чем оправдываться перед десятниками. Одно дело, если ты отпустил нищего камелийца с собакой, другое дело — если не смог сладить с великим чародеем.

— Значит, с рассветом я снова стану собакой,— угрюмо повторил Кулл.

— Боюсь, что так.

Варвар сдавленно зарычал и тут же осекся.

— Валка! Я был уверен, что убил лемурийца.

— Мага не так-то просто убить,— снова вздохнул Дзигоро,— так же как и оборотня. Против обычного оружия он неуязвим. Да и против необычного тоже.



У каждого мага есть свое слабое место, и, как правило, они это тщательно скрывают.

— Я убью лемурийца,— сообщил Кулл как о давно решенном.— Не отговаривай меня, мудрец. Мой Бог не запрещает проливать кровь.

К его изумлению, Дзигоро не спорил.

— Дело твое, Кулл,— тихо проговорил он,— только вряд ли это тебе поможет. Ты стал зверем не потому, что лемуриец пробормотал над тобой пару глупых заклинаний. Они ничего не значат, поверь мне.

— То есть как? — удивился Кулл.

— Надо мной он махал шкурами и бормотал свои посредственные стишки трижды, если не ошибаюсь, но, как видишь, ничего не добился. Мне удалось уйти оттуда. Не спрашивай как. Я начну объяснять тебе простые вещи, а ты снова увидишь в этом магию. На самом деле воля может разбить любые оковы, даже укрепленные черным колдовством. И никакого волшебства в этом нет.

Ты был наполовину зверем, когда лемуриец схватил тебя, залитый кровью, обезумевший от ярости, не рассуждающий, желавший только двух вещей — свободы и убить хозяина Башни.

— Откуда ты это знаешь? — потрясенно спросил Кулл.

— Я видел это в твоих глазах в тот день, когда ты чуть не убил меня.

Кулл ткнулся лицом в камни.

— Так что же, по-твоему, пусть живет и продолжает плодить своих непотребных тварей? — сдавленно спросил он.— А как же Керам? А Малика, ко-



торуя я убил, не зная, что она моя сестра по несчастью?

— Малика? — неожиданно заинтересовался Дзигоро.— Пантера? Она жива.

— Жива? — Кулл резко выпрямился.— Как жива? Я, вообще, в ту ночь кого-нибудь убил или мне все приснилось? А может, и Призрачной Башни не было, и то, что я был собакой...— Кулл замолчал, видя, что Дзигоро качает головой.— Откуда ты знаешь, что она жива?

— Я видел ее,— мягко ответил камелиец.— Я видел их всех. Малику, Керама и Кошифа, который меня сторожил... да не усторожил. Лемуриец разозлился на него и решил превратить в крысу. Но, так как эта гадина весьма ядовита, у него получилась помесь крысы с тарантулом. Оборотня так просто не убьешь, Кулл. И это, кстати, объясняет и то, что ты сам до сих пор жив. Любая нормальная собака от таких ран издохла бы на месте, а на тебе они затягивались на глазах.

— Так ты теперь скажешь, что я этого типа благодарить должен за собачью шкуру? — проворчал Кулл.

— Ну в некотором смысле — да. По крайней мере, он дал тебе возможность заглянуть в свою душу. Мудрец дорого бы дал за такой урок.

— К демонам такую мудрость,— обозлился Кулл,— бегай на четвереньках, нюхай землю. Ешь из миски. Блохи, опять же. Нет, Дзигоро, я все-таки убью лемурийца! И на этот раз убью как следует!

— Делай как знаешь,— пожал плечами камелиец.— Только имей в виду: поединок меж вами неиз-



бежен, и одни боги знают, чем он может кончиться. Возможно, ты снова станешь человеком. Если будешь готов.

— Готов? — переспросил Кулл.

— В каждом из нас с рождения сидит зверь. Он заставляет нас испытывать жадность, страх, бессмысленную ярость. Быть готовым — значит, быть уверенным, что сумеешь удержать своего зверя на привязи. Ты уверен в этом?

— А если я не сумею удержать зверя? — спросил Кулл.

— Останешься навсегда собакой, — просто ответил Дзигоро. — Думаешь, ты один такой? Э! Кто знает, сколько из тех гиен, которые рыщут вокруг, когда-то были могучими и хитрыми царедворцами при дворе владыки Турании.

Камелиец негромко рассмеялся. И Кулл присоединился к нему, хотя было ему совсем не весело.

Знакомый рисунок созвездий заметно сместился к западу. Ночь уходила. Луна скрылась, но солнце еще не взошло. В наступившем кратком сумраке глаза уже могли различить очертания барханов на восходе и украшавшие их колючие кустарники.

Кулл встал, с наслаждением выпрямился, потянулся.

— Пойду... пройдуся, — туманно объяснил он, — похожу на двух ногах... пока могу.

Дзигоро кивнул, не глядя на варвара. Едва могучий атлант скрылся, рядом послышался знакомый шорох. Дзигоро неторопливо обернулся и увидел того, кого, собственно, и ожидал увидеть, — огромного питона с головой маленькой смешной



обезьянки. Он поглядел под ноги и увидел крысеныша на паучьих лапах. За спиной раздался очень мягкий удар о землю.

— Здравствуй, Малика,— улыбнулся Дзигоро. Как и в прошлый раз, ответ на невысказанный вопрос возник в его голове.

— Нас послали за тобой, человек. Тебя ждут.

— А как же луна? — удивился Дзигоро. Он не спросил, где его ждут. Послать за ним эту троицу мог только лемуриец. Когда Кулл-пес притащил на его порог окровавленную тушу и Ранхаодда отвернулся от его жилища, эта встреча стала неизбежной. Пожалуй, он знал это.

— Сегодня Врата откроются до рассвета,— только губами ответил Кошиф.— Хозяин сделает это специально для тебя.

— Я тронут,— улыбнулся Дзигоро.

— Ты пойдешь с нами? — недоверчиво спросила Малика.

— Да, я пойду,— кивнул Дзигоро.— Я готов к встрече.

— Ты готов пролить кровь одного из нас?

— Нет.

— Значит... ты собираешься пролить кровь хозяина?

— Нет.

— Я не понимаю тебя.— Дзигоро почти воочию увидел, как Малика-женщина пожимает плечами.

— Это не страшно,— ответил Дзигоро.— Главное, чтобы понял Кулл.



ГЛАВА ШЕСТАЯ



Темневший вдали силуэт горной гряды задрожал и расползся неуклюжей кляксой, похожей на осьминога. Через минуту его скрыла стена белесого тумана, немного подкрашенного золотисто-алыми лучами солнца. Врата Заката, которые на этот раз стоило назвать Врата Рассвета, снова, уже второй раз закрылись за ним, и Дзигоро в сопровождении своего странного эскорта шагнул в тень зловещей башни.

Его окружила тишина. Ни голосов, ни шороха ветра в траве, ни шагов по мощеному двору, ни лязга оружия. Замок Чародея словно вымер, только узкие окна, похожие на бойницы, продолжали нее так же светиться колдовским зеленым светом. Неожиданно Дзигоро понял, что он один. Сопровождавшие его твари куда-то исчезли. Он оглянулся, но быстрый взгляд его не уловил даже мелькнувшей тени. Камелиец пожал плечами и потянул па себя массивную дверь.

Внутри его тоже никто не встретил. Никто не пытался остановить его или, наоборот, подтолкнуть



вперед. Замок был пуст. Впрочем, Дзигоро не соби-
рался поворачивать вспять. Врата Заката закры-
лись за ним, и идти ему было попросту некуда. Раз-
ве что вперед.

В пещере лемурийского мага не было ничего, что
могло бы поразить воображение Дзигоро. Подзем-
ный огонь был приглашен на время, как видно. Тре-
ножник над очагом пуст, а Дзигоро ожидал увидеть
на нем непременно чашу с магическим зельем.
Такой же пустой была и ниша в дальнем углу пе-
щеры, перегородженная толстыми железными
прутьями с острыми крючьями по всей длине. Со-
вершенно бесполезными и ненужными казались
цепи, врезанные в камень стен. Вот стол около од-
ной из них, почти совершенно пустой, не считая не-
скольких прозрачных флаконов с каким-то жидко-
стями, действительно показался Дзигоро подозри-
тельным.

— Ты все-таки пришел? Не слишком же ты торо-
пился.

Дзигоро обернулся на этот до дрожи знакомый
омерзительный голос и заметил маленького лысого
человечка в цветном халате до пят.

— Да, я не торопился,— кивнул камелиец.— Ни-
кто не может убежать от судьбы, но и за ней бежать
глупо и недостойно...

Лемуриец презрительно расхохотался:

— Ну-ну, твоя мудрость подобна слишком глубо-
кому колодцу. Из него можно любоваться звездами,
но трудно доставать воду.

— Зачем ты хотел видеть меня? — перебил Дзи-
горо.



— Станный вопрос,— лемуриец рассмеялся снова.— Чтобы убить. Помнишь предсказание: ты станешь источником моей гибели? Умный человек должен оградить себя от удара.

Камелиец повел плечами. Лицо его осталось бесстрастным.

— От судьбы не уйдешь, Тумхат, и если мне суждено стать причиной твоей смерти, значит, так оно и будет. Ты ничего не изменишь в рисунке своей судьбы, он начертан задолго до нашего рождения, и стереть его может лишь та рука, которая его начертила. Но, если хочешь, попробуй.

— Ты так уверен в своем искусстве? — подозрительно сощурился лемуриец.— Или в своем счастье? Или в покровительстве своего Бога?

Камелиец сдержанно покачал головой.

— Я уверен лишь в одном: свершится то, что предначертано Богами, и ничто иное, это единственная защита, которая у меня есть, и это единственная защита, которая мне нужна. Если хочешь меня убить, убей. Но предупреждаю, это будет нелегко.

— Ты не боишься? — Лемуриец с недоверием оглядел Дзигоро.

— Кто боится Богов, тот пусть больше никого не боится,— последовал ответ.

Внезапно худощавая фигурка камелийца как-то неуловимо изменилась. Он не стал выше ростом или шире в плечах, не сделал ни одного угрожающего движения. Но его тело словно облекли невидимые доспехи, лемуриец смотрел на него с недоумением, граничащим с ужасом. Дзигоро был без-



защитен, глаза мага говорили ему об этом, но острое чутье чародея предупреждало: любая попытка применить силу наткнется на силу еще большую, и неизвестно, кому будет хуже. Неожиданно лемуриец понял, что Дзигоро видит его замешательство, и это второй раз неприятно царапнуло его гордость. Он чувствовал, что сдерживает себя из последних сил. Внезапно пол пещеры заволокло туманом. Туман этот, пахнувший серой и болотными испарениями, быстро густел, набирал силу и плотность, с каждым мгновением подбываясь все ближе и ближе к неподвижному Дзигоро. Он был похож на хищное чудовище, которое проснулось, чувствует голод, видит добычу и аккуратно, чтобы не спугнуть, подбирается к ней на мягком брюхе.

Дзигоро не шевельнулся. Остановившимся взглядом он смотрел в одну точку на стене, не замечая или не желая замечать, как туман подбывается все ближе и ближе, облизывая его голые ступни и, поднимаясь выше, касается развернутых ладоней. Дзигоро не смотрел вниз. Не смотрел он и на Тумхата. Взгляд его светлых серых глаз был обращен вовнутрь. Камелиец был непостижимо, пугающе спокоен. Тьма поднялась почти до самого потолка, сгустилась и обволокла его плотным коконом, сквозь который уже нельзя было разглядеть одинокой неподвижной фигуры. Лемуриец шевельнул пальцами, и в коконе полыхнуло светом. Дом содрогнулся, склянки на столике отозвались жалобным звоном. Лемуриец жадно вглядывался в тусклый кокон. Но вот туман понемногу рассеялся, теряя черноту и плотность, и возникла фигура Дзигоро.



ро. Он был все так же каменно-неподвижен, спокоен и бесстрастен. И, провалиться ему на этом месте, совершенно неведим. Хотя должен был стать кучкой пепла, сгореть в пламени Кольца Силы!

— Это была всего лишь проба моего могущества,— сдавленно проговорил Тумхат,— сейчас ты узнаешь настоящее искусство.

— Я буду благодарен за урок,— снизошел до ответа Дзигоро.

Тьма снова сгустилась, но на этот раз она была более агрессивной. Она двигалась, выстреливая жадные языки серого дыма, похожие на щупальца гигантского спрута или тела жирных змей. Лемуриец скрестил руки на груди и устремил такой же неподвижный взгляд в центр им же устроенной бури. Узкий язычок белой молнии вырвался из тумана и ударил в камелийца... Но нет! Не в него! Молния словно налетела на какую-то невидимую преграду и с треском раскололась во взмахе ресниц от цели. Далекий-далекий гром прозвучал как запоздалое сожаление. Туман, угрожающе близкий, замкнулся вокруг Дзигоро в кольцо, это кольцо приподнялось с пола, поползло вверх и замерло на уровне груди. В треске разряда в нем изорвалась еще одна молния, еще... а потом они посыпались дождем, сотрясая замок Тумхата до основания.

В узком проеме окна было видно, как, словно привлеченные бурей, к Башне поползли самые настоящие тучи — седые, тяжелые, полные агрессивной злобы. Ветер рвал их в клочья, стараясь разметать по черному бесстрастному небу с редкими огнями звезд, но тучи неумолимо сгущались, завола-



кивая небо, и в их недрах зрела страшная доселе невиданная гроза. И она разразилась. Небо потемнело с ошеломляющей быстротой. Зримая, осязаемо плотная тьма неотвратимо и так же стремительно, как коршун на куропатку, упала с заоблачных высот на землю. В одно мгновение скрыв от человеческого взора все видимое пространство, заполненное до того желтыми песчаными барханами, а теперь — черными клубящимися волнами грозowych туч. Эти волны, пенящиеся по краям белыми гребнями, катили над пустынной землей вал за валом. И так же, как и морским волнам, не было им ни конца ни края, движение их казалось вечным. Не было уже неба, не было и тверди земной. Тьма. Одна тьма. Везде и всюду. Неразделимая. Слитая воедино чудовищным натиском враждебной всему живому воли.

Убивающее всякую надежду безмолвие воцарилось в мире. Ни шороха, ни звука, ни даже малейшего шелеста сухих чешуек песка. Ветер тоже словно умер, как будто до этого он сам принадлежал миру живых. Все замерло, погруженное во тьму. И вдруг где-то там, там, где должна быть середина того пути, что ведет с неба на землю, появилось нечто... Нечто не поддающееся описанию, как нельзя описать скользящую в воздухе тень крыльев ласточки или танец светлячка под пологом спящего леса. Края туч стали полупрозрачными и замерцали тихим, неярким сиянием, медленно перетекающим с вершин по бокам и оттуда к самому низу. От этого сияния время от времени, а затем все быстрее и быстрее начали отрываться искорки, точно капли ту-



мана собирались в одну широкую светящуюся ленту. Она растянулась от восхода до заката, заново поделив мир на два непримиримых лагеря.

Из облачных недр все текло и текло это мертвенно-бледное сияние. Земля безмолвствовала. И только, точно отблеск небесной туманной реки, по гребням песчаных волн пустыни засияли россыпи светло-голубых брызг, четко очерчивая контуры каждого бархана. Брызги, нет, скорее всего, что были капли земной влаги, выступающие на поверхность из глубин самого песчаного моря. Капли сливались друг с другом, поднимались над землей, и вскоре ярко-синее пламя сворачивалось в вихревые кольца, прорезая своими всполохами сгустившуюся тьму. Зрелище было одновременно и устрашающим, и завораживающе-жутким. Сочающаяся мерным сиянием тяжелая громада грозowych облаков, протекающая в уже начинающую вспухать от переполняющих ее сил реку света, и под ними море синего огня, в свою очередь поднимающегося все выше и выше. И вот вскоре между рекой и морем осталась лишь узкая полоска тьмы, не шире человеческой ладони, а сквозь них виднелись очертания ближних отрогов гор, но слабые и дрожащие, точно в жарком мареве солнечного дня.

Противостояние не могло длиться вечно. Мир пребывает в равновесии, потому что он в постоянном движении. Весь мир, казалось, теперь пришел в движение, рванулись к друг другу два света и два пламени, белый и синий. На один только стук сердца они стали одним целым, преодолев узкий черный разрыв между ними и, соединяясь, тут же были



стянуты могучей и неодолимой, неземной властью в тугой сверкающий кокон, изливающий вокруг себя нестерпимое сияние. Что могло случиться дальше, уже никто не взялся бы предсказать, такая безмерная сила была сосредоточена в том коконе, страшила даже сама мысль о возможности выхода этой энергии наружу.

Точно два толстых, плетенных из джута, багровых каната, как две руки, сверху и снизу, протянулись к сиянию во мраке. Границы миров разошлись, подобно краям зияющей раны. И... Все исчезло, словно весь сгусток энергии вырезали из плоти вселенной, оставив взамен черную дыру. Лишь только на мгновение после слепящей вспышки наступила абсолютно непроглядная темень.

Застигнутые бурей в пустыне караваны сбились с проторенных дорог, рассеялись по пескам в страхе и суеверном ужасе перед разбушевавшейся стихией. Животные: мулы, верблюды — не слушались ни людских окриков, ни ударов плетью. Разбрасывая в стороны поклажу, бежали рабы, безуспешно пытаясь найти убежище среди пустынных барханов. Когда же в округе вновь воцарился мрак, то у несчастных людей забрезжила в сознании слабая надежда на спасение, на то, что, может быть, им все-таки, несмотря ни на что, удастся избежать столь ужасающе-неотвратимой гибели в войне миров и начавшемся вселенском хаосе.

Но только они перевели дух, поднимая головы от земли, стряхивая с себя мертвый песок, как прямо над ними, на расстоянии всего каких-то нескольких лиг, в самой сердцевине облачных громад блеснула,



как зеркальная поверхность хорошо отточенного клинка, белая змея молнии. Она рассекла всю толщу колышущейся плоти туч сверху донизу, от самой недоступной ничьему взору вершины до почти ползущего по земле брюха. Тут же последовавший за этим удар грома был так силен и страшен, что едва не разорвал на части черепа оглушенных людей. Их многоголосый крик отчаянья и ужаса потонул в глухом протяжном гуле, который, уже не стихая, сопровождал все усиливающийся и усиливающийся ливень молний. Сначала одиночные разряды огненных стрел, затем стали свиваться в клубки светящихся змей между несколькими грозowymi облаками, соединяясь в гигантские извивающиеся плети, будто кто-то невидимый неистово нахлестывал стихию, и без того бушевавшую над миром, злобя ее еще больше, доводя до иступленного безумия. В какой-то момент рухнули наконец сдерживавшие этот разрушительный натиск силы равновесия энергий.

К земле устремился огромный извивающийся шнур-змея, первый проводник, прокладывающий путь другим пламенеющим и жалящим тварям. Началась война. Битва земли и неба. Они изрыгали друг в друга тьмы и тьмы огненных стрел. Песок плавился, воздух сгустился и кипел, выжигая жадно хватавшие его легкие людей и животных. Уродливые рубцы запекшейся земной плоти покрыли барханы, черный маслянисто-липкий пепел сожженных заживо реял над полем битвы. По обе стороны света, бок о бок, медленно всходили два гигантских светила, две звезды, белая и синяя. И по



мере того, как поднимались они над горизонтом, плавились и стекали к подножиям вершины каменных гор, скованные до того времени ледяными оковами.

В центре всего этого вселенского столпотворения стоял Дзигоро, бесстрастный, как вечное небо над его головой. Он был по-прежнему невредим.

— Я очень ценю твой урок,— произнес он.— Но не мог бы ты убрать бурю с равнины, не стоило вмешивать в наши дела ни в чем не повинных купцов и караванщиков. Если ты очень устал, пытаюсь меня убить, то так и быть, я сам займусь этим.

— Ты?

— Или?

— Ты же всегда презирал магию.

— Я и сейчас считаю, что нельзя приказывать тому, кто подчиняется лишь воле всемогущих Богов. Но если ты не против, я попрошу бурю успокоиться.

Озадаченное и злобное выражение лица лемурийца сменилось презрительным. Дзигоро, не обращая на него ровным счетом никакого внимания, свел ладони вместе и прошептал несколько слов, которых маг не смог расслышать. И о чудо! Произошло то, в чем лемуриец не мог признаться даже самому себе, так быстро смирить гнев стихий не смог бы даже его повелитель. Толщи грозовых облаков таяли прямо на глазах, превращаясь в легкую серебристую дымку, которую тут же унес вдаль свежий ветер с верховий гор.

— Впечатляет,— кивнул лемуриец и едко добавил,— но не слишком. Кто ты без своего Бога? Никто. Меньше, чем никто. Презренный червяк под



моей сандалией. Ты ни-ко-гда не сможешь меня погубить. Предсказатель ошибся, камелиец. Ты слишком ничтожен. Пожалуй, мне стоит отпустить тебя. Ты безопасен.

Губы Дзигоро дрогнули в едва заметной усмешке.

— «Никогда» — это слово, которое не пристало произносить смертным. Они не знают его подлинного смысла. «Никогда» — это слово Богов.

— И тех, кто равен Богам! — вскричал лемуриец.

— Героев? — Бровь Дзигоро слегка приподнялась, нарушая симметрию, отчего лицо его стало молодым и веселым.— Возможно. Их немного. И ты не из их числа.

— Ты думаешь, твой пес из их числа? — прошипел маг, наливаясь ехидной злостью.— И это слово пристало ему? Но как же быть, ведь он лишен дара речи.

Камелиец медленно покачал головой:

— Зря ты так поступил с Куллом. Время обретения утраченного еще не наступило, но оно настанет. Тумхат, я чувствую его приближение, и ты его чувствуешь, и вся твоя злоба от страха. Ты боишься, Тумхат, боишься и правильно делаешь. Этот человек не умеет прощать такие обиды.

— Я не боюсь собак,— огрызнулся лемуриец.

— Напрасно.— Дзигоро расслабился, повел плечами, разгоняя остатки морока, и сделал шаг.

Тумхат невольно попятился.

— Я не трону тебя,— мягко проговорил камелиец,— В моем сердце нет ни злобы, ни желания мстить тебе. Ты такое же орудие судьбы, как и я. Но



Кулл иное. Он решает сам. И своим прямодушием он рвет сплетенные вокруг него сети коварства. Ты уверен, что правильно понял предсказание? А что ты скажешь на то, если не я, а варвар из Атлантиды послужит орудием твоей гибели?

Лемуриец выпрямился. Высказанная Дзигоро мысль поразила его в самое сердце.

— Ты напрасно сказал мне об этом,— проговорил он наконец.— Теперь я точно найду и добыю этого шелудивого щенка.

— Во всяком случае попытаешься, это точно,— кивнул Дзигоро.— Что ж, удачи не желаю. Я читал знаки, которые судьба начертала над головой варвара. От твоей руки он не умрет. Ему суждено стать великим королем. Так что не советую тебе с ним ссориться.— С этими словами камелиец вышел и аккуратно прикрыл за собою дверь, оставив мага кататься от бессильной злобы среди разбитых склянок с вонючей жидкостью по прожженному его же молниями ковру.

Он шел по узким коридорам, освещенным ненавистным ему еще со времен заточения холодным зеленым светом, и чувствовал, как поверженная было тьма вновь набирает силу, густеет по углам, собирается под лестницами в недобром ожидании. Ему не дано было рассеять эту тьму навсегда. Он мог только выстоять в схватке с ней, если будет на то воля Ранхаодды, который, теперь Дзигоро знал это точно, все-таки не оставил его, несмотря на пролитую на его пороге кровь. Его Бог все еще был с ним. И что из того, что в свое время, быть может, за следующим поворотом, он потребует и возьмет пла-



ту за нарушения его заповедей. Это не страшно. Одна жизнь и одна смерть ничего не изменят на весах вселенной. Но по его следам пройдет другой — Воин, Герой — погибель магов, и если от шагов Дзигоро Призрачный Замок лишь содрогнулся, то от поступи могучего варвара он рухнет на голову своего хозяина. Так будет!

Дзигоро ничего не расслышал. Шаги лемурийца в мягких туфлях были легки, как походка большой кошки. Он крался по смежным коридорам, пока Дзигоро пересекал замок по главной лестнице. Рука мага сжимала страшное оружие. Легкий, как могло бы показаться со стороны, а на самом деле налитый смертоносной свинцовой тяжестью, короткий меч или, скорее, длинный кинжал с необычно извитой формой клинка. Клинок этот не отбрасывал блики отраженного света, а принимая их на свою полированную поверхность, поглощал целиком и безвозвратно. Магическое оружие — дасар старинной работы в умелых руках — это воплощение Смерти. Вдобавок сам лемуриец наложил на него знаменитое заклятье четырех стихий, которое едва уместилось на оружии, так много оно уже несло на себе.

Тумхат и не собирался отпускать маленького камелийца. И когда в пятне зеленого света показалась его худая фигура, а затем узкая спина, лемуриец не колебался. Он прыгнул вперед, занося руку с мечом, и со свистом вспоротого воздуха обрушил чародейскую сталь на голову Дзигоро. Вернее, хотел обрушить. Камелиец едва заметно отклонился, повернулся на самых кончиках пальцев ног и стремительно вскинул руку, ладонь его не была сжата в



кулак, лишь чуть-чуть согнута. Тумхат не задержал удара, предчувствуя, Как эта тонкая рука прямо сейчас упадет на пол жалким дергающимся обрубком. Но произошло иное. Его оружие, его великолепное орудие убийства, выкованное лучшими мастерами страны Заката и столь верно служившее хозяину до сих пор... наткнулось на вытянутую руку как на стену, и с жалобным звоном рассыпалось бесчисленным множеством мельчайших осколков, точно промерзшее стекло от пролитого на него кипятка.

— Дух отражающего удар был крепче, чем дух наносящего удар,— отрешенно констатировал Дзигоро.— Ты что-то забыл мне сказать, Тумхат? Тот, к кому был обращен вопрос, не отвечал, а в растерянности рассматривал обломок кинжала.— Не расстраивайся,— посочувствовал ему Дзигоро.— В конце концов, это всего лишь железный меч.

— И мое лучшее заклятие,— прошептал Тумхат.

— Всякое заклятие — ничто против Веры,— живо возразил Дзигоро и мягко улыбнулся.— Ты выбрал не ту стезю. Впрочем, это не твоя вина. Вряд ли у тебя был выбор. Служители Йог-Сагота не могут быть свободными. Это их плата за могущество.

Дзигоро говорил легко и непринужденно, но каждый нерв в нем трепетал. Он чувствовал, как в лемурийце закипает ненависть, черная ненависть, как беззвездное небо, как отражение мрака в бездонном колодце, как дары Йог-Сагота. Он видел воочию, как растет злоба в этом, разъеденном страхом и завистью сердце, как коварный мозг сплетает сеть заклятия, с которым нельзя спорить. Брошенное



вперед с силой и страстью Тумхата, оно вырвется наружу, превратясь в отравленный кинжал, золотую шаровую молнию или ядовитую гадюку. Дзигоро мог отклониться, но это не уничтожило бы силы заклятья. Оно вырвалось бы в мир, сея разрушения и усиливаясь с каждым мгновением горя, страха, боли, с каждым посланным ему вслед проклятием, пока не настигло бы свою цель, погубив на этом пути многие и многие невинные жертвы. За своей спиной Дзигоро почувствовал легкое дуновение. Он узнал его. Не мог не узнать. Всю жизнь он готовился к тому, чтобы ощутить за своей спиной этот легкий вздох. В этот миг он понял, какую плату требует от него Великий Ранхаодда. Понял. И согласился.

— Что с тобой, проповедник? — с усмешкой спросил лемуриец, почувствовав перемену в настроении собеседника.— Ты увидел собственную смерть?

— Да,— неожиданно согласился с ним Дзигоро.— Она здесь.

— Поздновато. Однако ты снова ошибаешься, она не там, куда ты смотришь. Она перед тобой.— Он еще не успел договорить, как свистящая сизая молния метнулась вперед. Дзигоро инстинктивно дернулся, пытаясь отклониться, усилием воли обуздал свой естественный порыв. Тело, послушное разуму, смирилось и на этот раз. Камелиец вздрогнул. Боль пронзила его с головы до ног, подобно копью. Жестокый удар встряхнул худое тело, заставил качнуться, но и тут Дзигоро устоял. Устоял, принимая в себя весь огромный заряд черной злобы и ненависти,



сминая его, гася в самом себе, встав на пути живым заслоном.

Он платил. И никакая плата не была слишком велика или несправедлива, если ее требовали боги. Потому, что боги иногда требуют невозможного, но они никогда не требуют больше абсолютно необходимого для сохранения хрупкого равновесия Вселенной.

Плоская рукоять кинжала торчала в груди Дзигоро, на два пальца выше сердца. Рана была смертельной, потому что холод заклęcia уже проник в кровь. Дзигоро чувствовал, как он расползается мертвыми щупальцами забвения. И все-таки он стоял.

— Ты получил, то, за чем пришел,— проговорил Тумхат.— Это конец.

Синеющие губы Дзигоро шевельнулись.

— Твой,— услышал он в ответ.— Я еще даже не начал.

И тут случилось странное. Легкий серебряный звон прозвучал над их головами светло и чисто под этими гнусными сводами, и вихрь, родившийся неизвестно как и откуда, и принес ароматы роз и крепко заваренного чая.

— Учитель! — ликующе прошептал Дзигоро. С этими словами воля наконец оставила ослабевшее тело, которое оно так долго поддерживало в жизни вопреки самой смерти, и оно рухнуло на пол... Или было бережно опущено на пол... а серебряный вихрь взметнулся под потолок и исчез, словно привиделся. Лемуриец, почти обезумев, смотрел на распростертого перед ним Дзигоро, на спокойное, даже радост-



ное лицо и плотно сомкнутые веки. Этого не могло быть. Его обманули. Кин-жал заклатья исчез. Исчезла и рана. Грудь мертвого камелийца была совершенно чиста, от пятен крови не осталось и следа, словно никогда и не было.

* * *

Кулл возвращался в настроении ровном, даже близком к хорошему. Он возвращался на четырех лапах, но недавнее происшествие вернуло ему почти утраченную было веру в то, что его превращение в бессловесную тварь носит временный и обратимый характер. Камелийский Учитель Дзигоро, по словам ученика, был личностью, почитаемой у себя на родине наравне с императором, но не за должность или великое богатство, а исключительно за свою мудрость и смирение. Конечно, такой человек запросто управится с заклатьем лемурийца и, поскольку смирен и скромен, наверно, не запросит, как иные жрецы, драгоценный камень величиной с кулак. Возможно, ему, как другу Дзигоро, вообще не стоит беспокоиться об оплате... Впрочем, этот вопрос не относился к категории тех, которые требовали немедленного решения, и Кулл просто наслаждался быстрым бегом, утренней прохладой и неожиданно обретенным покоем.

Его хорошее настроение испарилось вместе с первыми лучами солнца, повисшего над песчаными барханами, как рыжий апельсин на веревочке. Но светило тут было совершенно ни при чем. Место, где он оставил своего мудрого попутчика, было пустым.



Кулл торопливо спустился вниз, надеясь, что маленький камелиец просто задремал, и его близорукие, собачьи глаза не заметили того среди однообразной серой пустыни. Внизу никого не было. Краткая разведка местности выявила, что место ночной стоянки покинуто уже несколько часов назад. При чем покинуто каким-то странным образом. Кулл-человек, должно быть, ничего странного здесь не нашел: был человек — исчез, мало ли их исчезает в пустынях. Но Кулл-пес благодаря своим обостренным инстинктам отчетливо различил слабый, уже исчезающий запах магии. Запах Лемурии. Запах Призрачной Башни. Сомнения отпали. Дзигоро похитили слуги Тумхата. Полнолуние! Врата Заката! Разговор, подслушанный в таверне Гайбары... Правда, отсюда до Призрачной Башни было не менее трех дней пути, но, когда дело касалось магии, ручаться за что-либо мог только законченный глупец.

Он оставил Дзигоро, и его схватили!

При этом Кулл как-то совсем упустил из виду, что маленький камелиец мог отлично постоять за себя...

И что теперь?

Куда ему идти?

В Камелию? Но как он разыщет в огромной стране Учителя Дзигоро и, главное, как он с ним объяснится?

В Гайбару? Кто его там ждет, кроме изрядно покусанной стражи?



В Призрачную Башню? Но Врата Заката закрылись и откроются только во время следующего полнолуния...

Никто из людей никогда не признает в нем такого же человека. Он был пленником собачьей шкуры, и мир людей навсегда закрылся для него. Теперь он был одним из тех, на кого устраивают охоты и облавы. Кулл едва не взвыл, когда с ясностью отчаяния понял простую и страшную вещь:

Идти ему было некуда.

Едва уловимая дрожь земли, которую он ощутил широкими подушками лап, вернула его к действительности. Пес прислушался. Собачьи уши говорили ему, что кто-то приближается, что этот «кто-то» не один, их много, у них копыта и бегут они, спасаясь от погони... Кулл-человек сообразил, что загадка может быть только одна. Приближается не большое стадо куланов, и гонят его волки...

Сначала возникло серо-рыжее облако пыли, потом в этом облаке глаза различили длинные морды, прижатые уши и круглые, безумные глаза. А потом до его слуха донесся звук, который просто невозможно было не узнать или с чем-нибудь перепутать. Это был древний боевой клич — охотничий зов волчьей стаи. Почти со страхом Кулл ощутил, что его новое тело отозвалось на этот клич. Само. Пройдет немного времени, и он совсем позабудет, что когда-то был человеком. Зверь заменит его...

Они неслись по пустыне, как бесшумная, призрачная стая демонов. Быстрые тени, как язычки серого дыма, струились то рядом с бегущим стадом, то чуть позади. Ни один не вырвался вперед.



Стадо неслось прямо на него, и Кулл-человек понял, что нужно немедленно уходить в сторону, убираться с пути обезумевших животных и стаи безжалостных убийц. Но Кулл-зверь рассуждать не умел. Он принял другое решение, и его сильное тело уже приготовилось с прыжку. Совсем рядом мелькнули: длинная морда, палевое тело, в нос ударил острый запах — запах страха, мелькнули копыта. Пес прыгнул, но опоздал. Быстрым прыжком в сторону кулан ушел от его страшных клыков. Переживать свой промах не было времени. Пес вскочил, едва успев выметнуть свое тело из под копыт, и, не думая больше ни о чем, ринулся вперед, за уходящим стадом. За добычей. Краем глаза он заметил, что сбоку появилась стремительная серая тень — легкая и грациозная.

Молодая волчица, понял пес. Она струилась по пескам серым дымом — юное и отважное создание, не ведающее никаких сомнений в своем праве быть там, где она хочет быть. Она не собиралась мешать чужаку, это он понял сразу, но почему-то не отставала ни на шаг, не упуская его из виду...

Волки бежали в облаке пыли, а ветер дул со стороны стада. Пугающим безмолвием была окутана эта погоня, только глухой стук копыт по песку и сильное дыхание. Пес вырвался вперед, в какие-то мгновения настиг упущенную добычу — сильного и быстрого кулана, прыгнул, вцепился зубами в его горло и повис на бегущем всей массой своего тела. Кулан метнулся в сторону, пытаясь стряхнуть врага, но, ослабев, упал на бок, заливая песок кровью из порванной жилы. Копыта еще раз дернулись и



замерли. И стадо как-то сразу потерялось, сбился их стремительный бег, который, возможно, еще мог бы их спасти. Животные остановились и сбились в кучу. Пес свалил вожака.

И началась бойня! Серые молнии метались вокруг мирных рыжеватых животных, которые в предчувствии близкой, неминуемой гибели вдруг перестали быть мирными. Они были добычей, добычей загнанной, обреченной, но эту добычу еще следовало добить.

Куланы сбились в плотный круг, пряча в центре беззащитных детенышей, и, куда ни кидались волки, всюду их встречали точные удары мощных задних копыт. Тонкий, жалобный визг разорвал живую, тяжело дышащую тишину и закончился предсмертным хрипом. Пес взглянул туда и увидел окровавленное тело сильного, матерого волка, забитого насмерть безобидным мирным куланом. Этот зверь был первым, но не последним. Не прошло и нескольких мгновений, как еще один волк покатился в пески с визгом, больше похожим на стон. Пес понял, что может погибнуть в этой схватке. Наверное, благоразумнее было отойти. Чтобы насытиться, ему вполне хватило бы убитого им вожака, но стая еще не собиралась прекращать бойню. Остался и он.

Улучив момент, когда в плотном кольце куланов образовалась брешь, пес метнулся туда, вклинился меж животными, вынырнул из-под брюха, сжал челюсти на горле своего кулана и дернул его назад, вон из круга, пытаясь спастись от острых копыт. Он бы никогда с ним не справился. Просто не хватило бы сил, щедро потраченных на обгон стада и на бес-



толковые прыжки, свойственные всякому новичку. Но неожиданно рядом с ним возникло стремительное, гибкое тело, и еще одна пара челюстей с торжествующим рычанием сомкнулась на горле их общей добычи. Зеленые глаза волчицы сверкнули торжеством. Но в них было и другое чувство, древнее, первобытное, его пес тоже узнал. В это мгновение случилось то, чего так опасался Кулл. Человек исчез. Уснул. Растворился. Огромный серебряный пес окончательно победил и занял его место. Утрата мира людей, которая так печалила его еще этим утром, неожиданно перестала иметь значение. Зверь нашел свое место, свою подругу и свою стаю. Он больше не был одинок.

Впрочем, место в стае еще предстояло завоевать.

Они вместе лежали рядом с поверженной тушей кулана и жадно, рвали мясо с костей. Пес делился с ней охотно, без ревности и жадности, тем более что добыча принадлежала им поровну. Но постепенно вокруг стали собираться другие звери, которым не так повезло, которые решили, что большой, сильный чужак, который появился неизвестно откуда, в конце концов, менее опасен, чем задние копыта куланов.

Крупный серый волк, основательно израненный копытами, но ничуть не присмиревший, приблизился к ним и повелительно рыкнул. Это был приказ сильного более слабому — уступить добычу и убираться. Пес заметил его не сразу и понял, что передышка кончилась только тогда, когда лежащая рядом волчица злобно осерилась. Пес оставил добычу, вскочил на лапы и смерил взглядом против-



ника. Он был немного мельче его, ниже, но, судя по мягким, стелющимся движениям и горящим глазам, волк был гораздо злее и опытнее в драке. Это был страшный противник. Не раздумывая ни секунды, пес прыгнул прямо на него, метя в горло, но волк увернулся, и клыки пса вонзились в его плечо.

Пиршество было забыто. Волки бросили свою добычу и окружили соперников плотным кольцом. Тот же древний инстинкт, воспринятый вместе с собачьей шкурой, подсказал, что это тоже обычай — освященный веками и глубоко чтимый. Победит сильнейший, и только он сможет вырваться из образованного круга — круга смерти, и только он займет место в стае, место рядом с волчицей.

Они кружили, припадая на лапы, не отводя горящих, внимательных глаз. Пес был крупнее волка, гораздо сильнее и выносливее его, и, пожалуй, только на это и мог надеяться в смертельной схватке с опытнейшим бойцом. Измотать его, а потом, улучив момент, прикончить одним быстрым движением — так думал пес. Впрочем, он отлично сознавал, что волку его мысли известны и он, должно быть, посмеивается про себя, если только волки умеют смеяться. Он был уверен в себе. Но и пес не собирался сдаваться. В последней вспышке, порожденной смертельной опасностью, ожила его человеческая память, и именно она подсказала собаке, что хотя новое тело его слушалось еще неважно, но битым ему не быть. Он и в той, прошлой, жизни редко бывал битым.

Волчица не пыталась ему помочь. Здесь была не охота, а поединок чести, вмешиваться в его ход бы-



ло нельзя. Даже ей, ни у кого и никогда не спрашивавшей позволения поступить так, как хочется.

Уши волка были насторожены, тело прижато к земле, хвост был напряжен. Он выжидал, и в этом таилась опасность для пса, который впервые оказался в этом круге смерти и сейчас пытался разгадать, что задумал его соперник. Но знал, что все равно не угадает. Внезапно ему показалось, что волк хочет отскочить в сторону, он метнулся за ним, но серое тело оказалось вдруг сбоку, за спиной, и пес почувствовал, как острые клыки впились в его загривок. Он бросился на землю, пытаясь скинуть волка, но тот, коротко рыкнув, сжал челюсти еще крепче. Пес вскочил, припал на передние лапы, извернулся, пытаясь достать врага зубами...

Его новое тело было телом бойца, хоть и не знало этого. Шкура, лежавшая на загривке большими складками, легко отделилась, пес вывернул голову и крепко укусил врага за шею. Смертельная хватка разжалась. Почувствовав себя свободным, пес тотчас ринулся в атаку, как ему показалось, очень быстро... Волк не стал отступать. Он просто распластался по земле, резко вскинул голову и в то мгновение, когда пес, не рассчитав прыжка, пролетел над ним, рванул зубами беззащитное брюхо. Собака с воем припала к земле.

Волк, дважды раненный в схватке,— уже не боец. Но пес был сильнее и выносливее любого волка. И именно в этот миг, борясь с одуряющим приступом боли, прижимаясь порванным брюхом к земле, он понял, что победа достанется ему! Соперник,



уверенный в том, что ему осталось лишь добить поверженного врага, медленно двинулся к нему.

Отбросив волчьи уловки, пес встал, опустив голову с прижатыми ушами, поднял могучие плечи, молча и яростно ринулся на врага. Волк опоздал на долю мгновения. Мощные челюсти впились в загривок врага. Он попытался вырваться, но пес держал его мертвой хваткой, приемом, которого не знали и не могли знать волки. Что-то хрустнуло в загривке врага... и бой кончился.

Пес поднял тяжелую голову, пытаясь сквозь пелену усталости и боли разглядеть волчицу. Но увидел другого...

Это был огромный седой зверь, налитый тяжелой мощью, той, которой наделяют лишь долгие годы и опыт бесчисленных схваток. Пес понял, что этому зверю здесь соперников нет и не будет еще очень долго. Пожалуй, ему он и сам не соперник. Волк глядел на чужака внимательным зеленым взглядом, в котором псу смутно увиделось что-то знакомое. Этот взгляд, понял пес, и решит его судьбу.

Вожак молчал долго, так долго, что пес успел испытать смятение, возмущение, гордость, усталость и, наконец, безразличие.

— Чужак, ты можешь остаться,— седой волк мигнул зелеными глазами и пропал, словно при-
снился.

Одним прыжком волчица оказалась рядом.

Это была небольшая стая. После охоты на куланов их осталось всего восемь, но восемь сытых волков лучше десяти голодных...



Жили они прямо здесь, рядом, копая норы чуть ли не под стенами города. Там, где земля была крепче и не грозила осыпаться, погresti новорожденных щенков. Впрочем, вожак стаи был осторожен. Они проникали в оазис только ночью — бесшумные серые тени, проклятье караванщиков. В другое время волки, изнывая от жажды, разрывали сухой песок, в одних им ведомых местах, добирались до влажной земли и жадно лизали ее пересохшими языками.

Но и эти предосторожности не всегда спасали волков от коварных ловушек, которые устраивали люди у воды или на караванной тропе.

Большая Охота, на которую попал пес, была явлением нечастым, и, видимо, это объясняло ненасытную жадность волков во время пиршества.

Когда не было куланов или другой большой добычи, годились суслики и мыши. Когда не было ни тех ни других, волки сидели голодом с терпением воинов, поджидая лучшие времена. Если желудки совсем подводило к спине, Седой с большой неохотой выводил волков на караванную тропу. После охоты на двуногую добычу стая уменьшалась вдвое. Одиноких путников, заблудившихся в песках, волки называли «зубастое мясо», отдавая дань уважения трудной добыче. Стая Седого не брезговала человечесиной. Впрочем, иначе тут было нельзя. Стая никогда не углублялась далеко в выжженную солнцем пустыню, но и предгорья ее не манили. Там были охотничьи уголья их собратьев и иногда волки Седого вожака, Большого Пегого и Рваного Уха встречались на границе владений. Встречались вполне



мирно. Большой Пегий и Рваное Ухо — так звались два больших и лютых зверя, державших окрестности в почтительном страхе. Они были сыновьями Седого, о чем не забывали сами и стае не давали забыть. Родственные узы почитались в волчьих семьях так же свято, как и в человеческих. Седой поступил благородно и мудро, дав в надел молодым сыновьям лучшие земли. А сам остался водить стаю в самых опасных и голодных местах. Чтобы выжить там, где жили эти волки, мало было одной отваги, ловкости и силы. Нужна была мудрость, которой из всех вожakov обладал один Седой.

И все-таки выжить удавалось далеко не всем.

Возможно, поэтому сильного и храброго чужака так легко приняли в стаю.

Все это пес узнал от своей подруги. Она была удивительным созданием — своевольным и бесстрашным. Совсем юная, она уже прекрасно знала, что такое смерть. Знала... и не боялась.

«Волки уходят»,— говорила она с безмятежным спокойствием, которое доступно лишь очень мужественным сердцам.

Как-то пес спросил: «Куда уходят волки?»

Подруга подняла голову, взглянула на него дикими изумрудными глазами:

«А тебе что за дело, чужак? Ты все равно не сможешь уйти туда, куда уходят волки. Ты же не волк».

«Да. Я — собака»,— согласился пес, но получил в ответ лукаво-недоверчивый взгляд.

«Ты не собака».

«А кто?» — искренне удивился пес.



«Я этого не знаю,— после недолгого раздумья ответила волчица.— И не хочу знать. Волки уходят, когда голод. Когда идет Большая Охота. Они уходят после драк между собой и когда большую охоту начинают Двуногие... Я ничего не хочу знать, пока мне хорошо, и тем более не захочу, когда мне будет плохо».

«Я никогда не оставлю тебя»,— поклялся пес.

Молодая волчица взглянула на него со странной мудростью.

«Ты не можешь этого знать. Уходят не только волки. Не знаю куда, но уходят и собаки. Даже те, кому снятся человеческие сны».

Пес невольно вздрогнул. Она сказала правду. Нарушая покой его звериной души, по ночам к псу приходили странные сны. Он видел большие сражения и мелкие пограничные стычки. Кровавые сшибки и синюю сталь благородных мечей, жадно пьющих кровь. Он видел маленькие селения и большие города. Вертепы, где собиралось всякое отребье, и дворцы правителей. Он видел грязные улицы и прекрасные храмы, суровых воинов и юных гибких танцовщиц. Он слышал разговоры, которые были понятны ему во сне, но с рассветом тускнели и пропадали, как яркие ночные звезды с восходом солнца. Ему снился голос, который просил, требовал, убеждал найти свой потерянный топор. И после этих слов возникала таинственная и страшная Призрачная Башня, где ждал его неведомый враг. Голос знал про него все. Пес не знал ничего. Эти сны смутно тревожили пса, нагоняя дикую волчью тоску по чему-то дорогому, но навсегда утраченному



и крепко забытому, что приходило лишь в непонятных снах и больно ранило уходя. Тогда пес выбирался из норы, смотрел на худеющую луну, которая заливала песчаный мир мертвым, холодным светом, и долго, протяжно выл.

Однажды, в такую минуту, когда безраздельное одиночество владело псом, пришел голос...

Он не встревожил волков, потому что прозвучал не в холодном ночном воздухе, отражаясь от песчаных холмов, а словно где-то внутри, в таких глубинах сознания, о которых пес не знал и даже не подозревал.

— Наконец ты нашел себе подходящее место...

Голос произнес это с ехидным одобрением, но псу послышались в нем глубокая печаль и разочарование.

«Кто ты?» — спросил он. Спросил тоже мысленно. Он был уверен, что таинственный голос услышит его и поймет.

— Когда-то ты хорошо знал меня. Забыл?

Голос действительно был знакомый. Пес мог бы поклясться, что где-то уже слышал его — печальный и насмешливый, суровый и мягкий одновременно. Но тогда он звучал, как обычный голос. А теперь он словно доходил до него из немыслимой дали, такой, что можно стереть лапы по самое брюхо, но не добежать туда, не увидеть, не вернуть...

— Лапы по самое брюхо? Молодец! — одобрил голос.

«Да кто ты такой? — в смятении рывкнул пес. — Какую ночь жить мешаешь!»

Темнота ответила грустным смехом.



— Это не я тебе жить мешаю. Это душа твоя днем спит, а по ночам просыпается.

Вскинув к небу длинную морду, пес громко и горько взвыл-воззвал: «У-упуа!»

Завозилась в норе подруга. Волки появлялись ниоткуда. Кружок зеленых горящих глаз опоясал песчаный холм. Страстный, шелковый, глубокий вопль взлетел к прохладным небесам: «У-упуа!»

Ночное пение оборвал короткий рык Седого.

«Всем спать! Завтра на охоту».

Волки исчезали — бесшумные серые тени на рыжем песке. Вожак не двинулся с места. Круглые луны глаз, не мигая, смотрели на пса.

«У-упуа!» — мысль вожака во тьме коснулась мысли собаки, и пес понял, что это не призыв. Вожак произнес имя.

«Как ты назвал меня?» — встрепенулся пес.

«У-упуа,— повторил вожак,— или один из его псов-воинов, Бруданов... Давно не видели на земле ни одного из вас... Тебе снятся человеческие сны, чужак... И повелительный голос требует отыскать свой потерянный топор. Значит, ты тоже, подобно нам, когда-то был человеком».

Пес в волнении переступил лапами, но Седой не замечал его беспокойства.

«Тебе снилась Призрачная Башня,— продолжал он,— и это значит, что я не ошибся... Обычно волки избегают охоты на людей. Двунogie — страшная добыча. Но моя стая охотится на Двуногих и не знает волчьего страха. Я сохранил за собой и своими сородичами право, которое имеет человек, но не имеет зверь,— право охотиться на себе подобных.



Мы — потомки тех, кто когда-то вошел в Призрачную Башню на двух ногах, а вышел на четырех.

Поколения сменились с тех пор, но мы все помним. Зло неотмщенное — зло незабытое.

...Случилось так, что из великого города на юге вышел самый богатый караван. Караван этот вез невест для одного из здешних ханов. Вел его отважный человек У-упуа, самый первый разведчик и проводник. Он носил огромный топор и мощный лук. Никто не отваживался вступить с ним в единоборство.

Однажды караван остановился в Призрачной Башне. Тогда она звалась по-другому, но волкам незачем помнить ее прежнее имя. Достаточно того, что мы помним и проклинаям нынешнее... Хозяин встретил усталых путников ласково, и никто не заподозрил, что он задумал злое дело. А хозяин Башни был магом. Когда У-упуа ушел, чтобы разведать путь, маг разжег жаровню, бросил на угли шкуру убитого волка, и все, кто шел с караваном: купцы, воины, невесты повелителя, — вдохнув этот дым, опустились на четыре лапы. Они стали волками.

Маг завладел караваном и всеми сокровищами, которые там были, и выгнал волков за ворота. В пустыню. Сначала они голодали, не умея взять добычу, и многие погибли. Но потом один из волков встретил У-упуа, который возвращался в Призрачную Башню. У-упуа хотел убить волка, но тот назвал его по имени, и стрела дрогнула на тетиве... А потом человек обернулся зверем, и волки поняли, что он был Богом.



У-упуа научил нас охотиться, рыть норы и находить воду. А потом воздвиг вокруг Призрачной Башни непроходимую стену, оставив открытыми лишь Врата Заката, и ушел. Никто из волков не знает его дороги, но он сказал, что когда-нибудь вернется.

И он обязательно вернется, потому что в Призрачной Башне остался его топор, а таких вещей не бросают на дороге... Я уже стар,— неожиданно признался вожак.— Недолго мне осталось водить волков на Большую Охоту. Но мне бы не хотелось уходить, не встретив У-упуа и не окрасив свои клыки кровью дальнего потомка того гостеприимного хозяина. И если ты, чужак, которому снится Призрачная Башня и потерянный топор, если ты сможешь нам свершить давно взлелеянную месть... Тогда я поверю, что встретил У-упуа. И тогда, чужак... я отдам тебе стаю».

Изумрудные глаза горели во тьме. Взгляд был умным и жестоким. Лунный свет обливал седую шерсть жидким серебром. Могучий зверь встал. Встряхнулся. И исчез. Как в прошлый раз. Пес не успел заметить, в какую из четырех сторон метнулась светлая молния.

Кулл все еще сидел, не двигаясь с места, озадаченный сверх меры, когда снова прозвучал знакомый голос.

— Ну вот ты и на пути к тому, чтобы стать королем. И даже Богом... Правда, Богом собачьим, но тут уж ничего не поделаешь — сколько сумел поднять, столько и унесешь...



«Валка! Как ты мне надоел!» — рывкнул пес в дикой обиде.

Злость пробудила память.

Пес все вспомнил.

Седой вожак был прав. Он когда-то был человеком. Но звали его не У-упуа. У него было другое имя — грозное и гордое — Кулл из Атлантиды. И в Призрачной Башне он действительно оставил свой топор.

«Дзигоро?!» — позвал Кулл-человек. Но ночь не откликнулась ни словом, ни вздохом.

Удивительно спокойная ночь стояла над барханами. Ущербный месяц висел низко, и по залитым серебряным светом белесым холмам брела одинокая тень. Тень удивительного четвероногого создания, большого, светло-серого, с короткой гладкой шерстью, висящими, как тряпки, длинными ушами, широкой мордой в складках кожи, мощными, почти львиными лапами. Тень существа, невиданного доселе, по крайней мере в этих местах точно. Предания говорили, что далеко на юге, может быть, в Камелии, а может быть, еще южнее, когда-то водились такие звери, натасканные псы войны, их выпускали на слонов. Закованные в доспехи, громадные боевые псы бесстрашно бросались на живые серые горы и, случалось даже нередко, побеждали, хотя чаще всего просто останавливали ряды врагов, восседающих на этих громадах.

Но это было давно. Много поколений назад исчезли с земли огромные бесстрашные и гордые псы-воины. Но выходит, правду говорили старинные свитки ничто на земле ни исчезает навсегда. Пес-



воин, последний из этого некогда великого рода, понуро брел меж песчаных барханов, изредка приподнимая голову и прислушиваясь. В странных, не обычных для собаки пронзительно-серых глазах застыла тоска. Он покинул стаю. Ненадолго. Что-то гнало его сюда, какое-то мрачное предчувствие, с которым он не хотел да и не мог бороться. То, что он вначале принял за кучу старого тряпья, вблизи оказалось тем, что он в глубине души ожидал и страшился увидеть,— распростертым на песке телом маленького камелийца Дзигоро. Лицо его, обращенное к сияющей белой луне, как и при жизни, напоминало маску, но было лишено той странной, таинственной многозначительности, которая и притягивала, и раздражала. Это была пустая скорлупа. Жизнь ушла из своей обители. Это сделал, без сомнения, их общий враг, коварный лемуриец. Как сделал, загадка, на теле было не видно ни одной раны наверняка магией. Шерсть на загривке пса вздыбилась, верхняя губа некрасиво вздернулась, задрожав, обнажая то ли в горестной усмешке, то ли в угрожающем оскале страшные клыки, и короткий рык, напоминающий известное северное ругательство, вырвался наружу.

Ни в человеческой, ни в собачьей шкуре Кулл-атлант не умел оплакивать погибших друзей. Он умел сражаться с ними бок о бок, защищая себя, своих соратников, родных ему людей по духу и крови... и он умел мстить. Он снова был один среди враждебного ему мира людей, хотя Кулл уже привык к этому, но теперь он сам был чужой всем вокруг, и никто не мог ни понять, ни помочь собаке с



душой человека. Кулл опустился на задние лапы рядом с телом Дзигоро, таким же холодным и безучастным, как камни, на которых оно лежало, и что-то словно черными клещами сдавило горло: уже не рык, а тоскливый вой одинокого зверя взлетел к звездам, столь же отрешенно взиравших на еще одно крушение несбывшихся надежд.

Однако не стоило оставлять тело Дзигоро на растерзание пернатым и четвероногим хищникам, иначе душа его не будет знать покоя. И пес сделал единственное, что мог,— сильными передними лапами с мощными, точно железными, когтями он рыл яму другу. Песок, выбрасываемый им из углубления, стекал туда вновь с той же быстротой, острые края щебня впивались в незащищенные подушечки пальцев, вспарывая их, как бритва. Темные капли крови Кулла выстилали могилу Дзигоро.

«Хорошо еще, что собаки не потеют»,— подумал варвар, зализывая лапы, после того, как яма наконец показалась ему достаточно глубокой и простой даже для такого тела. Затем он осторожно, стараясь не задеть зубами кожи, за одежду стащил все, что осталось от его бедного незадачливого Дзигоро. «Не умерло то, что не похоронено»,— вертелось в голове Кулла, пока он забрасывал могилу сухим песком. После этого пес лег сверху и тяжело вздохнул. Будь он человеком, достал бы флягу и пропадай все напился бы до потери сознания. А потом пошел бы в Призрачную Башню и отвел бы душу в хорошей драке. Но что может собака против десятков вооруженных людей? И главное, против магии лемурийца. Проклятый прихвостень Йог-Сагота, он



хотел превратить Кулла в свинью — атлант содрогнулся от одного воспоминания об этом, Боги не допустили подобного непотребства, или же сам он оказался чересчур крепким орешком, даже для черной магии. Он остался воином. Псом-воином. Кулл усмехнулся в душе — даже заживает все, как на собаке». Он снова вздохнул.

— Вот интересно, что за печаль пригнула к земле такую умную голову? — Голос прозвучал совсем рядом и, Валка — м-м! Этот голос был ему знаком. Кажалось, он слышал его в своем сердце, когда хоронил Дзигоро. Пес вскочил, развернулся в одном прыжке, готовый бежать, догонять... Никуда бежать не потребовалось. Невозмутимый камелиец сидел на земле, скрестив ноги, прямо на своей собственной могиле, не испытывая, видно, никакого священного трепета или неудобства. Он выглядел так же, как тот Дзигоро, с которым Кулл расстался не по своей воле, в одном переходе от Гайбары. Даже карие глаза его смотрели также проницательно, пряча в глубине теплую усмешку. Кулл потянулся к нему, намереваясь ткнуться носом в бок Дзигоро, и остановился. Чуткий нюх его не приносил ему ни одного из тех запахов, которые могли бы сказать Куллу: «Это — Дзигоро», мало того, пес не смог уловить ни одной пахучей струи, которая заставила бы его поверить, что перед ним живой человек. Нос говорил ему об отсутствии какого бы ни было живого существа рядом. Глаза свидетельствовали обратное. Кулл сел на хвост.

Дзигоро добродушно посмеивался и не спешил успокоить варвара.



— Слушай, приятель, скажи сам лучше, живой ты или мертвый совсем? — решил все-таки разобраться в происходящем Кулл.

— Что есть смерть, как не новое рождение? — вопросом на вопрос ответил Дзигоро с прежней улыбкой.

— Я спрашиваю тебя по-человечески, живой ты или нет, ну так не будь гадом ползучим, ответь, как человек человеку.

— Тебе это так важно? — Дзигоро иронически приподнял левую бровь.

— Да. Если друг жив, с ним пьют за встречу. Если друг мертв, за него мстят,— отозвался Кулл.— Как это может быть не важно?

Дзигоро легко рассмеялся.

— Как просто,— и, посерьезнев, добавил: — И как мудро. Ты похоронил мое тело, спасибо, конечно, но не стоило стараться, но скажи, похоронил ли ты меня в своем сердце? Ведь главное только в этом.

Голос Дзигоро был тих и печален.

— Я сделал все, что мог. И если ты мертв, отошлу за тебя лемурийцу, и не только за тебя. Кулл угрожающе рыкнул.— Хотя бы это стоило мне жизни.

— И опять не верно! — Дзигоро нахмурился.— Мсть разъедает душу.

Сидевший напротив Кулл сделал довольно удачную попытку пожать плечами.

— Предлагаешь оставить все как есть? И пусть дальше развлекаются, как хотят и как могут!

— Вот сейчас ты на верном пути,— одобрительно кивнул камелиец.— Не мстить за мертвых ты дол-



жен, а защищать живых? И если твоя цель в этом, то я тебе помогу.

— Я так и знал, что ты это скажешь. А почему ты сам с ним не справился. Ты легко можешь это сделать.

— Мог,— поправил его Дзигоро,— я мертв, не забывай. А кроме того, я не воин. Я — врачеватель, ученый, путешественник, но мой Бог запретил мне, как и всем своим служителям, обнажать меч даже для самозащиты. Я не мог убить лемурийского мага, но и остаться в живых тоже не мог. Когда Боги требуют платы, надо платить.

Кулл непочтительно зевнул во всю пасть.

— Тебя убивают, а ты грудь подставляй, чтобы этим змеиным отродьям удобней было тебя зажалить! Так, что ли, по-твоему?

— Так,— подтвердил Дзигоро, внимательно глядя в лицо Кулла.

— А по-моему, так это очень глупо,— мотнул головой пес, смахивая свесившееся на глаз ухо. И на камелийца взглянули два глубоких серых озера, не замутненных сомнениями.

— Не скажи. Если люди, не дрогнув, идут на встречу смерти, ради того, чтобы не уподобиться своим убийцам, и не множить зло на земле, значит, в этом что-то есть. Ты не слушаешь меня, и правильно делаешь. Ты — воин. Но помни, трудно, взяв в руки меч, остаться воином и не стать убийцей. В мире есть две истины — истина того, кто творит добро, и истина того, кто искореняет зло. Для равновесия вселенной воин нужен не меньше, чем целитель.



— Успокоил,— сморщил нос Кулл, добродушно оскалясь.— А я уже было подумал, не зарыть ли мне вообще свой топор, со всеми собачьими потрохами, тем более что он сейчас где-то на дне этой проклятой Призрачной Башни, считай, похоронен тоже, и податься в жрецы какого-нибудь доброго Бога, который велит побольше есть, подольше спать да еще с девками гулять.

— Ну уж нет,— рассмеялся Дзигоро,— не стоит рядиться волку в овечью шкуру.

— А как насчет собачьей? — совершенно серьезно и без малейшего намека на иронию спросил Кулл.

— Об этом я и хотел с тобой поговорить,— сказал наконец Дзигоро.— Ты человек и должен стать человеком. Путь твой лежит через замок лемурийца. В этом нет для меня ныне сомнений.

Дзигоро молчал. Молчал и Кулл. Серп лупы поднялся еще выше, укорачивая тени, которых не было. Тишина стояла такая, что казалось, слышно было, как движутся по небосводу далекие ночные облака. Неожиданно пес завозился, резко изогнулся и яростно заскреб задней лапой за ухом.

— Короче. Что надо? — сказал он немного погодя.

— Видишь ли,— сказал Дзигоро медленно подбирая слова,— Никто не знает, чем может закончиться ваша схватка...

— Никто, кроме Богов, как ты говорил, не может знать, чем закончится любой поединок, как и любая битва,— наставительно произнес Кулл-воин.— Могу я его одолеть, может он меня...



— Дело не в этом,— мягко перебил его камелиец.— Даже если ты его одолеешь, знаешь ли ты, что будет тогда?

— То есть как — «что?» Стану человеком,— искренне удивился Кулл.

— Хорошо бы это так и было. Но кто знает, что за заклятье наложил на тебя Тумхат. Его смерть может и разрушить его, и может скрепить вечной печатью твоей длинной-длинной собачьей жизни оборотня.

— Не люблю я Гайбару, а Лемурия мне нравится так же сильно, как рвотный порошок,— задумчиво произнес Кулл и замолчал. Молчал и Дзигоро. Ночь вокруг них тоже хранила молчание. Прошло несколько томительных мгновений. Кулл еще раз глубоко вздохнул, и одним рывком встал на свои огромные лапы, шумно встряхнулся от кончиков ушей до хвоста и объявил:

— Я сделаю то, что должен, и будь, что будет. Я убью лемурийца.

— Ты уверен? — Темные глаза Дзигоро точно прожгли его насквозь.

— Зачем откладывать на потом хорошую драку, если это можно сделать сегодня? Видишь, твои уроки не прошли даром. Ты же сам говорил, что нельзя избегать предначертанного Богами.

— И опять не то.

Дзигоро чуть не всплеснул руками.

— Не бросаться очертя голову на меч лемурийца должен ты, дорогой мой, и не отчаянье должно вести тебя. Так ты не сможешь победить лемурийца.



— А не пойти ли тебе в преисподню, приятель? — рывкнул Кулл.— Помощи от тебя никакой, зато настроение человеку портить — великий мастер. Могила ему не понравилась! Знай лежи, где прикопали! Я ему не нравлюсь, так пойди найди еще таких дураков, которые бы с тобой, с призраком, разговаривали бы. Ну и сиди тут до скончания мира, а я пошел. Меня ждут.— И пес в несколько прыжков исчез, сокрытый серебристым пологом ночи от любопытных глаз.

Дзигоро стоял на своей могиле, провожая Кулла долгим взглядом. Невысокая, худощавая фигура камелийца светилась тем самым, невидимым до срока, внутренним светом, озарявшим его и при жизни, но никогда он не вырывался наружу таким ярким и сильным огнем. Дзигоро смеялся.

— Что ж,— сказал он самому себе по своей давней привычке.— Кое о чем я все же заставил тебя задуматься. Уже хорошо. Я бы сказал — первый шаг сделан.



ГЛАВА СЕДЬМАЯ



Тощая, поджарая лошаденка неопределенной, то ли чалой, то ли пегой масти неторопливо трусила по барханам, неуклюже выбрасывая вбок задние ноги с широкими неподкованными копытами. На спине у этого отважного покорителя барханов восседал такой же тощий человечиска в грязном халате. Видно, он не был великим наездником и забавно подпрыгивал в седле каждый раз, когда лошадь отрывала от земли задние копыта. В результате таких действий всадник сильно кренился в седле и постоянно съезжал набок. В конце концов ему это надоело, он натянул поводья, и смешной конек, скакнув еще пару раз, замер. Всадник сполз вниз и удачно опустился на свой собственный зад. Помянув всех Богов, он встал, потирая отбитое место, взглянул на небо, где оранжевое солнце уже заметно сместилось к западу, и, побряхтев, снял с лошади переметные сумки. Конек совсем по-человечески облегченно фыркнул и взглянул на хозяина большими карими глазами, как бы испрашивая разрешения отдох-



нуть. Но хозяину было не до бедной скотины. Встав тут же, рядом со своим скакуном, на колени, он торопливо выбрасывал из котомки какие-то тряпки, свертки, узорные платки, бархатные туфли и даже маленькую женскую шапочку с павлиньим пером и другие мелочи, столь же необходимые путнику в дальней дороге, как пятая нога лошади.

— Боги, не дайте свершиться несправедливости,— бормотал он, разбрасывая по песку свою поклажу, что, вернее всего, было его добычей.— Ну наконец-то! — Путник вытащил из сумы и лихорадочно ощупал большую бутыл из белого алебаstra, оплетенную лозой, с узким горлышком залитым смолой и запечатанным печатью самого правителя Тураии.— Цела! — пробормотал он.— Боги хранят меня. Доберусь до Гайбары — щедро одарю храм Валки. Его рука со мной. Лишних денег у меня нет, но пять-шесть монет... или, лучше, три-четыре.

До сих пор не известно, умеют ли Боги мстить, но то, что жадность им не по нраву, это не вызывает никаких сомнений. Только что горизонт был чист, и компанию путнику и его лошади мог составить лишь ветер, если бы захотел остановиться хоть на мгновение, но три точки, появившиеся внезапно, как из-под земли, были явно не миражом, а чем-то более материальным. Они быстро приближались, точно гонимые этим самым ветром клубки травы, и скоро стало видно, что эти три точки — три всадника в грязных халатах и тюрбанах, знававших лучшее время. Один из них, наполовину свесившийся с седла, разглядывал четкий след широких неподкованных копыт.



Лошаденка путника всхрапнула, он встрепнулся, вскочил на ноги, оглядываясь вокруг, заметя всадников, и, испустив душераздирающий вопль, метнулся было к пожиткам и принялся их лихорадочно запихивать назад в сумки, но тут же опомнился. Три всадника быстро и неумолимо приближались к нему. Человечек немедленно взобрался на спину своего скакуна и что есть силы ударил пятками в бока. Животное обиженно заржало и рвануло с места так стремительно, что бутыль, которую человечек зажимал под мышкой, выскользнула и упала в песок.

— Стой, скотина! — взвыл он и попытался было натянуть повод, но у лошаденки было свое мнение на этот счет. Прянув что было сил, она птицей взлетела на очередной бархан и кубарем скатилась вниз, едва не переломав кости себе и седоку. Однако все обошлось. Увидев, что жертва убегает, трое прибавили рыси, но, видно, лошади их уступали неказистому на вид коньку удиравшего, и расстояние между ними быстро увеличивалось, вскоре стало ясно, никого они не догонят, так что можно придержать коней и осмотреться.

Грудю разноцветных шелковых тряпок, впопыхах брошенных владельцем, никто из троих подобрать не озаботился. Старший из них — могучий, рослый детина с лицом цвета хорошо прожаренного куска баранины — лишь презрительно мазнул по ним безразличным взглядом и хотел было проехать мимо, но один из его напарников неожиданно остановил коня и спешился. Увидев, что привлекло вни-



мание их товарища, оба всадника споро последовали его примеру.

— Глянь на печать,— самый молодой из них щелкнул по горлышку бутылки длинными, гибкими пальцами,— из погребов самого султана, не иначе. Знатное должно быть вино...

— Само собой,— согласился третий,— Мердек всякой дряни у себя держать не будет, съешь демон мои потроха!

Старший, ни слова не говоря, протянул левую руку за бутылку, а правой достал из ножен на поясе широкий острый нож.

Под слоем смолы, отделившейся на диво легко, как и следовало ожидать, оказалась пробка, черного цвета, как и смола. Старший схватил ее широкими лошадиными зубами и дернул. Не тут-то было. Пробка не поддавалась.

— Дай я попробую! — протянулось сразу четыре руки. Бутылка пошла по кругу, и все по очереди сделали пробу, не жалея зубов. Пробка сидела так плотно в горлышке, что можно было подумать — вросла туда.

— Вот зараза,— высказал общую мысль молодой.

— Отрубить и протолкнуть внутрь,— посоветовал третий.

— А ну как не протолкнется? За какую... будешь ее назад тягать, умелец? — огрызнулся молодой.

— Ну тогда по дну постучать. Может выскочит.

— Мозги у вас выскочат. Давай быстрее стучи, нечего тут разговаривать,— рявкнул старший.— Да что ты делаешь?! Демон тебя заberi!



Пока суд да дело, злополучная бутылка кочевала из рук в руки и в какой-то момент выскользнула на песок. Солидная порция брани застряла в горле у предводителя маленького отряда. Пробка выскочила. Сама. Но странный, видно, хранился там нектар. На песок не пролилось ни капли. Средний быстро наклонился за драгоценным напитком, схватив бутылку в руки, он в предвкушении наслаждения потянул носом воздух, ловя чуть горьковатый аромат вина. Тут же лицо его внезапно налилось кровью, точно винные пары прошлых выпивок все разом бросились ему в голову, губы стали такого же синего цвета, каким отличался до этого его нос, и, постояв так мгновение или два, средний рухнул во весь рост наземь.

— Эх, Киркукк, Киркукк, подавился слюной, не иначе. Говорил я тебе, никогда не опережай друга,— со вздохом произнес старший, вынимая из ослабевших рук мертвого приятеля белый сосуд.

— Верно говорят поэты: «Как там — в мире ином? — я спросил старика, утешаясь вином в уголке погребка.— Пей! -г- ответил.— Дорога туда далека. Из ушедших никто не вернулся пока»,— почти нараспев, закрыв глаза, произнес молодой. Когда он открыл их, на песке лежало уже два трупа.

— Крепкое, должно быть, вино в этой бутылке,— сказал парень самому себе, почесывая затылок.— Попробовать все-таки или предложить кому, а может, там яд какой?

Молодой весь зачесался от раздиравших его противоречивых желаний.



— Ладно, если не решился пить, так хоть понюхаю,— нашел он согласие с самим собой и потянулся было к бутылке, но в последний момент инстинкт самосохранения пересилил жажду любопытства. Парень подобрал валявшуюся неподалеку пробку и, поставив бутылку на песок, с размаху засадил ее в узкое горлышко. Пробка вошла, но перед тем, как плотно сесть на свое место, она чуть дрогнула, уступая более сильному напору изнутри, и из белого алебастрового сосуда смерти истекло фиолетовое облако пара с чуть терпким запахом цветущего горного миндаля. Миндаль на горных склонах, последнее видение, промелькнувшее в гаснущем сознании человека, растаяло так же быстро, как и фиолетовое облако, словно и не было. А на желтом песке лежали три краснолицых и синегубых тела.

Они не возразили ни словом, ни жестом, когда спустя некоторое время к ним вновь приблизился непонятной масти конек, и Мердек, внимательнейшим образом оглядев бутылку со всех сторон, поначалу не взяв даже в руки, но убедившись, что пробка на месте, с удовлетворенным хмыканьем запер ее себе в переметную сумку.

Кулл был зол... как собака. И дикая звериная злоба толкала его на опрометчивый шаг — вцепиться зубами в это жирное грязное тело, сомкнуть их, сдавить что есть сил и услышать, как это подобие человека испустит последний вздох,— а там пусть рубят на куски. Но, как ни странно, не человек, а именно зверь, сидящий в Кулле, властно приказал



ему: «Не торопись. Ляг. Будь спокоен и готов. Сейчас не время, но время еще придет».

Кормили его вполне сносно — густой, наваристой похлебкой с бараньими потрохами. Хайрам, тот самый жирный, отвратительно пахнущий предводитель этой оравы, сказал, что зверь не должен терять силы. Зачем-то разбойникам нужна была его сила. Кулл попытался догадаться, но вскоре бросил бесполезное занятие. Бесплодные размышления утомляли его больше, чем бесцельные действия. Он поступил, как велел ему голос инстинкта,— затаился выжидая. Бесконечное терпение, свойственное зверю и воину, должно было сослужить ему хорошую службу, только бы не лопнула эта тетива натянутого лука, вспыльчивость и так уже подводила его множество раз.

После разговора с призраком Дзигоро он неся, не разбирая дороги, да и какая там дорога в пустыне, и, почуяв вдруг запах влажной, сырой земли, Кулл не раздумывая свернул к маленькому оазису, напиться воды. Он не был настоящим, диким зверем, затравленным, уходящим от погони, наученным опасаться даже тени куста над озерцом, иначе он никогда бы не подошел к водопою так открыто. Земля ушла из-под ног, тугая петля захлестнулась на шее. Кулл покатился в беспамятство.

Сколько прошло времени с того момента, как ни старался потом, он так и не смог вспомнить. Его привел в себя сильный пинок в живот и целый бурдюк воды, опорожненный прямо на «полудохлую псину». Кулл, как мог, извернулся и клацнул челю-



стями... но в воздухе, человек вовремя отшатнулся, а вокруг послышался одобрителный хохот.

Это был совсем небольшой оазис, но он располагался на самой удобной караванной дороге к городу, и один раз в два-три дня тут можно было смело рассчитывать на добычу. Толстый Хайрам не мелочился. Он был, как утверждал сам, по натуре «добр и справедлив», не любил крови. Действительно. Он избегал убивать. Купцов, неосторожно забредавших в оазис, он встречал, как князь. Кормил, поил, дарил лучшие халаты со своего плеча. Бурдюки путников Хайрам считал за честь собственными руками наполнить молоком «от самой красивой верблюдицы». Приятно удивленные таким обхождением, купцы покидали гостеприимный оазис... и больше их никто никогда не видел. Ни в Гайбаре, ни в других краях. Только таинственным образом возвращались к Хайраму дареные халаты, в основном зеленые, богато расшитые шелком. Об участии купцов в присутствии Хайрама не говорили... да и в отсутствии его старались помалкивать. Видно было что-то, что накладывало невольный обет молчания даже на эти закорженелые души.

Впрочем, нынешний повелитель Гайбары был кем угодно, только не дураком. Караваны пропадали, Гайбара несла убытки, и воины конной стражи время от времени делали вылазки, пытаясь поймать Хайрама-Лисицу. Но в оазисе их встречала благословенная тишина.

В этот раз они собирались быстрее, чем обычно, но все же без спешки. Увязали в тюки «походный лагерь», запаслись водой и, покинув оазис, цепоч-



кой двинулись на юго-запад. В горы. Шли быстро, и Кулл в полной мере сумел оценить преимущества собачьей шкуры и четырех лап вместо двух. На второй день его отвязали, а к исходу четвертого привязали опять. Сплошной песок сменился редкой, пожухлой растительностью, прятавшейся от солнца в основном по низинам. Потом как-то сразу выросли горы, до этого лишь смутно маячившие на горизонте.

— Здесь будем стоять до следующей луны,— отдуваясь, объявил Хайрам-Лисица,— пока доблестному Абад-шаану не надоест сторожить свою тень.

Кулла хорошо покормили, что его, впрочем, уже перестало удивлять, потом надели на него железную цепь и привязали к кольцу, вбитому прямо в каменную стену небольшой, но сухой и вполне обжитой пещеры. Видимо, здесь разбойники обычно пережидали облаву. Кулл невольно подумал, что кстати помянутый Хайрамом Абад-шаан дал бы себя высечь на площади, чтобы только узнать, где находится разбойничья стоянка. Но варвар был последним человеком, который сообщил бы ему об этом. И не потому, что оценил гостеприимство Хайрама. Просто не любил он Гай-бару, а конную стражу любил еще меньше.

Оставшись один, Кулл сразу же попробовал освободиться, но понял, что ни к чему хорошему это не приведет. Цепь была закреплена намертво, и Кулл не мог даже удавиться. Впрочем, он и не собирался. Разные мысли посещали его в эти долгие одинокие часы, все больше о том, как стать человеком и справиться с лемурийцем, с Хайрамом и по возмож-



ности, а точнее по острой необходимости справедливого возмездия, наложить руку на сокровища разбойников. Вернее, сначала отомстить, потом стать человеком, а потом — сокровища, именно в таком порядке... или наоборот, Кулл запутался окончательно, чего ему хочется больше. О том, что он может никогда не вырваться отсюда, навеки остаться собакой, погибнуть по прихоти толстого предводителя разбойников, Кулл и мысли не допускал. Нельзя их ему допускать, такие мысли, так и взвыть можно от безысходной тоски.

Вечером его впервые не накормили. Кулл потоптался на месте, погромел цепью и лег. Умение терпеть холод, голод и боль было его неразменным достоянием, однако он не собирался терпеливо спускать издевательства над собой. Поэтому планы места буквально роились у него в голове, один другого кровожаднее. Правда, поделиться ими было не с кем, а воплотить в жизнь немедленно не представлялось никакой возможности.

Ночь, несмотря на это, в разбойничьем лагере прошла спокойно. А под утро прибыл тот самый маленький остроухий человек на смешной лошаденке с широкими неподкованными копытами и умными глазами.

Он бросил поводья одному из разбойников и прошел к костру, где Хайрам-Лисица отогревал замерзшие пятки. Они у него почему-то всегда мерзли.

— Принес? — буркнул Хайрам, не утруждая себя дружеским приветствием гостя. Мердек упал на колени, уткнулся лбом в землю, точнее почти в



грязные туфли Хайрама, и зачастил, захлебываясь слюной и словами.— Что ты там бормочешь, Мердек? — недовольно прикрикнул Хайрам, испытывая сильное искушение ткнуть человечка ногой в его острую мордочку.— Она с тобой? — Мердек встал и быстро закивал головой. Хайрам протянул руку.— Повелитель отважных воинов, досточтимый Хайрам, сын Ремиза и отец Керама, конечно, знает, как обращаться с Дыханием Смерти.— Хайрам-Лисица передернул плечами.

— Тебя еще на свете не было, когда отец мой, которого ты, шакал, взял мерзкую привычку помянуть кстати и некстати,— предводитель повозился, устраиваясь на одеяле поудобнее, и продолжал,— рассказал мне о Дыхании Смерти и велел беречь его больше, чем мужчина нашего рода бережет свою жизнь.

— Отец повелителя был мудр,— проговорил Мердек с почтением.— И повелитель до сей поры поступал мудро, повелев хранить Дыхание Смерти вдали от своих шатров. Зачем эта страшная вещь понадобилась ему теперь?

— А это не твое дело, собака,— зевнул Хайрам, не спавший всю ночь, поэтому раздраженный сверх всякой меры.— Принес — так давай сюда.

Мердек поколебался мгновение или два, острый взгляд Хайрама, брошенный им из-под густых бровей, заставил маленького хитреца пошевеливаться.

— Будь осторожен, повелитель,— предостерег Мердек, протягивая бутыль.— С каждым разом Дыхание Смерти требует все больше и больше жертв. Аппетит его не насытит и целый город...



— Пошел прочь,— равнодушно отвернулся Хайрам-Лисица пряча под густыми бровями настороженный взгляд. «Дыхание Смерти»,— подумал он с нежностью и с восторгом, как о любимой женщине. Хайрам осторожно погладил ладонью гладкое горлышко и отдернул руку, словно обжегся. Палец коснулся пробки. Дыхание Смерти. Дырявые шатры, убогая роскошь разбойничьего лагеря и вечный страх перед городской стражей. Такая жизнь была по-своему приятной, волнующей кровь, но она не могла продолжаться вечно. Рано или поздно все разбойники заканчивали одинаково. Их головы украшали городские стены Гайбары.

Нужно вовремя уходить. Взять большую добычу и уходить. Но для того, чтобы удовлетворить алчность старого Хайрама-Лисицы, добыча должна быть не большой, а огромной. Хайрам нашел себе такую добычу, теперь осталось взять ее. Для этого он послал в неблизкий и небезопасный путь Мердека. Для этого ему нужна была бутылка с Дыханием Смерти. Но для того, что он задумал, ему были не нужны слишком проникательные помощники, которые не могут держать язык за зубами.

«Надо проучить Мердека,— решил Хайрам.— А то в парне уже вода не будет скоро держаться, не то что Обряд Посвящения,— Слуга должен любить хозяина больше жизни и бояться его больше смерти, только тогда слуге можно доверять».

Утром Кулла опять не кормили, но в этот раз он не стал греметь цепью. Он понял. Его не забыли. Его морили голодом нарочно, чтобы разозлить, и, съешь демон их потроха, им это удалось! Он лежал



у стены, положив большую голову меж передних лап, и размышлял, но не о бренности всего земного, а о том, как вцепиться в горло Хайраму-Лисице.

Неожиданно звонкую тишину подземных коридоров нарушили гулкие шаги и далекие голоса, и следом за ними пришел рыжий свет факела, рассеявший темноту. Кулл насторожился. У входа в его «клеть» возникли двое здоровенных разбойников, которые молчаливо и сосредоточенно волокли третьего, то ли мертвого, то ли в обмороке от страха. Разбойники доволокли его и, опасливо косясь на Кулла, пихнули внутрь, как мешок с верблюжьим дерьмом. Следом о камни звякнула сабля. Человек, слишком резко для недавнего покойника, вскочил на ноги и попытался было юркнуть назад, но его личная стража преградила ему путь и равнодушно и жестоко пихнула назад.

— Пусть он хоть объяснит, за что? — срывающимся голосом крикнул Мердек. — Уж не за то ли, что слишком верно ему служил?

Стражи не ответили. То ли не знали, то ли не имели желания болтать с обреченным. Мердек схватил саблю, бросив на разбойников быстрый, оценивающий взгляд, но, как ни быстр был этот взгляд, стражи его заметили. Их оружие, как по команде, поползло из ножен, но не для того, чтобы помочь Мердеку в неравной схватке, а для того, чтобы сразу окоротить его, если он вдруг — чего на свете не бывает? — решит, что они более легкая цель. И Мердек понял, что недавние собратья по ремеслу его не выпустят.



— Давай, Мердек, убей голубого демона,— издевательски подбодрил его один из разбойников,— а за это Хайрам подарит тебе жизнь, свободу и халат со Своего плеча.

Мердек похолодел. Ему ли, правой руке Хайрама, не знать про халат... И если эти, ни на что не годные здоровенные олухи смеют так с ним шутить, значит, он и вправду человек обреченный.

Неожиданно к Мердеку вернулось присутствие духа. Он выпрямился. Одним быстрым, внимательным взглядом прикинул величину пещеры и длину собачьей цепи, взвесил на руке саблю и оценивающе посмотрел на своих охранников. И у двоих здоровых, вооруженных разбойников отчего-то вмиг пропало желание веселиться.

— Правильно,— кивнул Мердек, заметив их настроение.— Не хватай змею за хвост, пока не отрубишь ей голову...

Знакомое, но давно забытое ощущение разлилось по жилам Мердека и согрело сердце. Он уже начал забывать, как это здорово — драться, не надеясь на победу, зная, что впереди ждет лишь смерть, заглянуть ей в глаза и не отводить взгляда, пока... Пока не случится то, что будет угодно Богам. Давно он не испытывал этого чувства. Пожалуй, с тех самых пор, когда Хайрам подобрал его на улицах Курдахара, где дрались отчаянно, пощады не просили и не давали и за лепешку могли выпустить кишки своими кривыми ножами. Он был благодарен хозяину и служил ему преданно, как пес, и в благодарность хозяин решил стравить его с другим псом, чтобы выжил сильнейший...



Да будет так!

Кулл лежал неподвижно, наблюдая за легким, скользящим шагом Мердека, и старался уловить момент, чтобы прыгнуть на врага, опережая удар. Но Мердек не торопился. Мягкие шаги его Кулл слышал то справа, то спереди, но, зная длину своей цепи, выжидал. Терпения ему было не занимать. И вот, когда Мердек стремительно приблизился, сделав короткий, невидимый замах, пес прыгнул. Когти его зацепили шелк халата, он с треском разорвался, и на груди Мердека мгновенно вспухла и засочилась кровью длинная, глубокая борозда.

Но Мердек мастерски владел оружием. Молниеносно отпрянув куда-то вбок так, что Кулл не успел уловить его движения, он снова коротко замахнулся и обрушил удар своей сабли на широкий лоб собаки. Пес мгновенно оглох и почти ослеп. Он дернулся назад, инстинктивно угадав второй удар и пытаясь его избежать, но Мердек и тут оказался хитрее, и второй удар пришел совсем с другой стороны, и был он еще сильнее первого, потому что враг бил с полного замаха. Кулл присел на задние лапы, мотнул головой, туда-сюда мотнулись длинные уши, и с дикой яростью ринулся на врага. Его челюсти клацнули у самого горла Мердека, еще немного, и... Но проклятая цепь дернула его назад, и он в отчаянии взвыл.

Если бы он родился собакой! Тогда, наверное, он бы лучше управлялся со своим великолепным, сильным и быстрым телом, а его острейшие когти и



страшные, смертельные клыки сейчас не казались бы ему таким жалким оружием против сабли, ловкости и (Кулл-человек смог это оценить) бойцовской сметки Мердека. Он привык драться на двух ногах, глядя на противника сверху вниз, и как же отчаянно не хватало ему топора, оставшегося в Призрачной Башне. Очередной, какой уже по счету, удар настиг его, и пес покатился в глухое беспамятство, еще успев подумать: «Сейчас добьет. Все...»

— Довольно, Мердек, уж больно ты лют. Хозяин велел побережь пса...

Стремительным, тигриным движением Мердек обернулся на голос, сабля его описала полный круг, и ошавевший от всего увиденного разбойник даже не успел вскинуть оружие в свою защиту. Его голова отделилась от туловища, и фонтан крови окатил второго разбойника. Мердек не смотрел, куда упала голова. Какая разница, куда падают головы поверженных врагов. А вот его приятель не удержался и на мгновение скосил глаза, и эта слабость стоила ему жизни. Стоя посреди кровавого побоища, Мердек восстанавливал дыхание, соображая, что делать дальше, когда его окликнул голос, которого он ожидал услышать меньше всего:

— Неплохо, очень неплохо. За двадцать лет ты совсем не переменялся, все так же ловок и лют.

Хайрам-Лисица, как ни в чем не бывало стоял в проходе и с явным удовольствием рассматривал поверженные тела своих бойцов.

С ног до головы забрызганный кровью, в основном чужой, Мердек исподлобья взглянул на Хайра-



ма, того, кого всю жизнь любил больше жизни и боялся больше смерти.

— Не боишься, что я и тебя, с ними заодно? — спросил он без всякого почтения.

— Нет, не боюсь,— отозвался Хайрам-Лисица, улыбаясь «козлиной» улыбкой. Конечно, козлы не улыбаются, но если б они это делали, то выглядели бы точь-в-точь как Хайрам. Неожиданно Мердек почувствовал, что напряжение схватки отпустило его, он дышит легко и ровно и разгоряченная кровь разгоняет по телу ощущение силы, такое знакомое раньше и почти забытое теперь. И злости на Хайрама совсем не было. Впрочем, не было и недавнего раболепия. Он посмотрел прямо в глаза хозяину — неслыханная дерзость! — и с любопытством спросил:

— Почему?

— А ты умный,— с этой самой загадочной улыбкой объяснил Хайрам.— Если ты меня здесь прикончишь, мои люди не дадут тебе уйти.

— Будто? — усомнился Мердек.

— Да, любят меня не слишком, но тебе мое место занять не дадут. И потом, на что тебе обижаться? Я дал тебе понять, кто ты есть и что ты стоишь. Ты должен мне быть благодарен за урок. И похоже, ты благодарен...

— Благодарен,— кивнул Мердек, и, кроме него никто не узнал, какой смысл вложил он в это слово.

Хайрам взглянул на исполосованную сабельными ударами собаку и непритворно вздохнул:

— Жалко будет, если подохнет.

— А мне так ни капли,— отозвался Мердек.



Шаги стихли. Факел последний раз вспыхнул и погас, но это не имело никакого значения для пса, который и так ничего не видел и не чувствовал. Кулл не часто задумывался, что такое смерть, но иногда такие странные мысли посещали его голову, и каждый раз он отвечал на этот вопрос по-разному. Сейчас, если бы кто-нибудь спросил его, что такое смерть, он бы ответил: смерть — это отчаяние...

— Не всякую битву можно выиграть, а проиграть битву — не значит проиграть войну.

Негромкий голос прозвучал совсем рядом. Кулл с трудом поднял голову. Призрак Дзигоро сидел на плоском камне в углу, по своему обыкновению, поджав ноги, и смотрел на него с мягкой улыбкой.

— О чем ты жалеешь? О том, что не омыл свои клыки в крови своего собрата по крови?

— Он хотел меня убить, а я не смог достойно ответить. Что же, по-твоему, я должен радоваться?

— Радоваться тебе нечему,— согласился призрак.— Но и печалиться ни к чему. Пожалуй, это хорошо, что ты его не убил. У меня такое предчувствие, что Мердек в этой истории скажет свое слово.

— Злости у меня на него настоящей не было, вот в чем дело,— буркнул варвар.— Если бы сюда зашел этот жирный пожиратель дурман-травы, я бы точно оттяпал ему голову!

— Он же не знал, что ты — человек,— возразил призрак.

Кулл вздохнул так, что цепь загремела:

— Я этого и сам не знаю. Боюсь, я стал привыкать к четырем лапам. И есть с пола. Вывусь — раздеру лемурийца в клочья, и будь что будет.



— Останешься собакой,— уронил Дзигоро, не глядя на серебристого пса.

— Что?! — рывкнул он. И, словно и не лежал только что истекая кровью, почти бездыханный. Стремительный прыжок не сумел бы предвидеть никто, даже Дзигоро. Другое дело — он и не соби-
рался отклоняться. Даже не вскинул руки для за-
щиты. Огромный шар, весь состоящий из тугих мус-
кулов, клыков и злобы, пролетел сквозь него и при-
землился, тяжело ударившись о камень. Забыв че-
ловеческое достоинство, Кулл взвыл.

— Хотел бы я знать, в каком месте ты зарыл свою
хваленую выдержку,— любопытствовал Дзиго-
ро,— я бы, пожалуй, не поленился сходить и вер-
нуть ее тебе. Без нее ты выглядишь очень глупо.

— Издеваешься? — хмуро спросил пес.

— Есть немного. Вставай. Не лежи на мне. Я
хоть и не материален, но выглядеть разорванным
пополам мне неприятно.

— Мне бы твои заботы.— Кулл возвратился в
свой угол и вывалил язык, часто дыша.— Кстати,
давно забываю спросить, что это ты так разболтал-
ся? Да и я тоже. Прежде, помнится, без слов обо-
дились. Почему не говорил, если мог?

— Не мог,— отозвался Дзигоро.— Ты кто, по-
твоему?

— Человек,— без тени сомнения отозвался вар-
вар,— заколдованный лемурийцем и временно по-
мещенный в собачью шкуру.

— Короче говоря — оборотень,— заключил Дзи-
горо и вскинул руки в предупреждающем жесте.—
Все нормально, Кулл. Ты — оборотень, я — при-



зрак. Если проще, мы оба — нечисть. Отчего бы нам не поболтать время от времени? Вот станешь человеком — тогда все... Исчезну я для тебя, и голос мой пропадет.

— Как? — рявкнул Кулл. — Как мне снова стать человеком?

— Чтобы обрести себя, надо отринуть себя, — произнес призрак медленно и весомо. Его глаза пронзительно глядели в серые глаза варвара.

— И что это означает? — озадаченно поинтересовался Кулл.

Дзигоро неожиданно рассмеялся:

— Откуда же мне знать? Ты и впрямь думал, что я всеведущ? Нет, друг мой четвероногий, путь от себя к себе долог и тернист, и проводника на нем Боги не посылают. Каждый должен пройти его сам в соответствии со своими мудростью, мужеством и честью.

С минуту Кулл пытался сообразить, серьезно говорит призрак или, по своему обыкновению, издевается, и вдруг злобно ощерился:

— А не пойти ли тебе... в преисподню! Вместе со своими загадками.

— И впрямь пойду, засиделся, — согласился Дзигоро и... исчез. Даже не попрощался.

Варвар улегся в своем углу, гремя цепью и недовольно ворча. Мертвецы, с которыми предстояло делить ночь, не слишком тревожили атланта. Спокойствию мешали непонятные слова Дзигоро: «Чтобы обрести себя, нужно отринуть себя».

— Да зарасти оно все травой по самые уши! — рявкнул пес, вскакивая на четыре лапы. — Являют-



ся тут всякие призраки, загадки загадывают, а ты
ломай голову...



ГЛАВА ВОСЬМАЯ



Несколько шатров, раскинувшихся среди гор на узенькой площадке, окруженной дикими неприступными скалами, покрылись на рассвете мелким бисером росы, сверкавшей в редких лучах солнца. Над лагерем поднимался пар, источавшийся из всех щелок временного прибежища человека. То тут, то там раздавался смачный утробный храп, прерываемый иногда посвистыванием. Костер, разведенный вечером внутри круга из шатров, успел поглотить все деревянные запасы, предназначенные для него, и теперь неторопливо тлел, даря людям больше дыма, нежели тепла.

Невысокого роста женщина копошилась возле очага, пытаясь поддержать огонь. После удавшейся попытки язычки пламени стали облизывать большой закопченный чан с непонятным содержимым, вероятно, оставшимся после ужина или вновь затеянным утром с похмелья.



Солнце поднималось все выше, освещая небольшую площадку и темный провал в скале, но жары, свойственной для этих мест, не было и в помине. Хайрам-Лисица встал почти с рассветом, выбрался наружу и оценил обстановку. Пытаясь заглушить храп, он прокричал:

— Поднимайтесь, пьяные свиньи!

На мгновение все вокруг затихло. Из некоторых шатров повысовывались заспанные лица с недовольными, едва слышными ругательствами. Хайрам поворошил с видом знатока угли, попробовал похлебку, которую варила его младшая жена Айсиль. Одобрительно крикнул, и тут из одного шатра вновь донеслось храпение. Окунув черпак в котел, Хайрам понес его к возмутителям спокойствия. Не успел он скрыться внутри, как воздух огласил душераздирающий крик, и из шатра вылетел здоровый детина, закрывая руками лицо. По бороде его стекала дымящаяся похлебка. Хайрам выбрался вслед за ним и оглядел стойбище:

— Ну, кто еще не проснулся?

Видимо, такой метод никто больше не захотел испытать на себе, так как остальные активно выби-
рались на свежий воздух. Удовлетворенный деятельностью своих воинов, Хайрам выбрался из кольца шатров и наткнулся на живую скульптуру. Он все еще стоял там — человек, вызвавший его гнев. Он стоял на коленях, уткнувшись лбом в сты-
лую землю, и не двигался. Возможно, он простоял так всю ночь, возможно, спал, свернувшись, как пес, у порога хозяина, лишь заслышав шаги, вскочил и принял прежнюю покаянную позу. Еще вчера он



голосил, призывая в свидетели Богов, клялся самыми страшными клятвами и лизал прах под подошвами Хайрама-Лисицы, но тот брезгливо отдернул ноги, которые почему-то всегда мерзли.

— Ты обещал вернуть долг, пять тысяч монет,— устало спросил он и, прервав вопли вперемешку с мольбой и лживыми клятвами, произнес: — Ты не сдержал слова и достоин того, чтобы тебя постигла смерть всех несостоятельных должников.

Увидев, что человек взмок, как мышь под метлой, глаза остекленели, а зубы выстукивают бешеный танцевальный ритм, Хайрам-Лисица счел возможным проявить милость. На свой, разумеется, манер. Людей, знавших Хайрама-Лисицу, гнев его пугал меньше, чем неожиданная доброта.

— Я, пожалуй, пощажу тебя,— медленно, как бы в раздумии, проговорил он. Но человек не кинулся целовать его туфли, вознося хвалу богам. Видно, он и вправду знал Хайрама или просто был догадлив.

— Эту ночь ты простоишь, касаясь своим недостойным лбом земли, которую ты осквернил лживой клятвой,— изрек Хайрам.— А завтра на рассвете ты принесешь мне шкуру голубого пса... Тогда я тебя помилую. И даже дам отсрочку. Еще на год.

— Шкуру голубого демона.— Смертельный испуг искажил тонкие черты человека,— Но, повелитель, все знают о страшном голубом демоне, которого ты держишь в своих пещерах. Еще никому не удавалось принести тебе его шкуру, но не счесть тех, кто пал под ударами его могучих клыков. Кое-кто говорил,— он понизил свой голос, оглянулся и закончил,— что отважному Хайраму удалось посадить на



цепь одного из слуг Йог-Сагота. А может, и его самого.

— Посадить на цепь? — Хайрам захохотал и брезгливо откинул голову должника мягким носком туфли. — Что ж, возможно, они не так уж и наврали. Завтра ты, лживая собака, недостойная называться мужчиной, увидишь этого демона без цепей. И принесешь мне его шкуру. Или умрешь. А сейчас молчи, твои вопли мешают мне размышлять о судьбах мира, и, вообще, я от них теряю аппетит.

С этими словами Хайрам ушел в свой шатер и вышел только на рассвете. Вчерашние сцены с должником вызвали у разбойной братии различные споры в предвкушении интересного и захватывающего зрелища. Никто из них не сомневался, что бедняге суждено умереть...

Лучники заняли свои места — забрались повыше на скалы вокруг всей площадки. Другие воины остались внизу, но разодеты были, как на битву. Бряцая оружием и доспехами, они образовали большой круг. Из пещеры появился дюжий полуголый разбойник, который, демонстративно играя мышцами, вел на цепи огромного серебряного пса — то ли собаку, то ли и впрямь самого властителя преисподней. Люди Хайрама, привыкшие к подобному зрелищу, и то не удержались, забормотали молитвы — страшен оказался смиренный демон так, что дальше уже просто некуда.

Пса вывели на середину. Разбойник наклонился и под сдавленные вздохи и перешептывания спокойно снял с него цепь и тотчас спрятался за спинами. Демон не двигался — словно застыл.



Когда это случилось в первый раз, он, исполняясь безумной надежды, сбил с ног своего стражника и рванулся из лагеря Хайрама, как ему казалось, быстрее ветра. Но стрелы оказались еще быстрее. Не успел он опомниться, как его утыкали, как ежа, и, залитого кровью, привязали на прежнее место, в подземелье.

Кулл думал, что умрет, и приветствовал смерть, жалея лишь об одном — что умирает, не отомстив...

Но он поторопился. Раны заживали... как на собаке, и полностью затянулись к вечеру следующего дня. А на рассвете он положил первый камень в здание небывалого могущества и власти разбойничьего главаря Хайрама-Лисицы, разорвав в клочья его несостоятельного должника. У него не было другого выхода. Кривая сабля наступала на него спереди, нож полуголого разбойника — сзади, а стрелы Хайрамовых лучников дрожали на тетивах со всех сторон.

У него и сейчас не было выхода. Если этот несуразный человек попытается его убить, ему придется отвечать. Но если он не станет драться, если бросит саблю в песок — тогда пусть Хайрам и его шайка делают что хотят. Кулл был воином. Он с детства готовился к суровой доле мужчины — убивать или быть убитым. Он не был образцом благонравия, он был пиратом, воином, наемником и топор его не раз обагрялся кровью людей, которые, как он смутно подозревал, порой были более достойны жизни, чем он сам. Но убивать безоружного на потеху публике он так и не научился. И учиться этому ремеслу счел бы для себя позорным.



Разбойники зашевелились и расступились, пропуская Хайрама. Тот неторопливо и важно проследовал к своему месту и опустил на сложенный вчетверо ковер.

Ах как хотелось достать его в стремительном прыжке и сжать на горле железные челюсти. Но лучники были настороже — видно, понимали, какие отчаянные мысли бродят в огромной голове голубого демона.

Вытолкнули в круг и должника. Он шагнул было назад, затравленно озираясь, не смея поднять глаза на собаку, но Хайрам двинул бровью, и круг разбойников сомкнулся за ним.

Медленно, нарочно красивым движением, Хайрам отцепил от пояса кривую, всю в драгоценных камнях, саблю и тонкий кинжал и бросил то и другое в пыль к ногам человека, вызвавшего его неприязнь.

— Принеси мне его шкуру,— почти ласково произнес Хайрам.

И в это время в освященный традицией (надоевшей, правда, но все-таки традицией) ход поединка вмешалась третья сила. Тощая темноволосая девчонка, закутанная в линялый бернес, растолкала дюжих разбойников, выскочила на середину и, не обращая внимания на страшного зверя, упала на колени перед Хайрамом. Это была его младшая, не слишком любимая, жена Айсиль. Больше прислуга, чем жена. Хайрам нахмурился, глядя на своевольную женщину и пытаясь сообразить, что ей надо, но Айсиль недолго держала его в неведении.



— Пощади моего отца, повелитель. Он не богат, но предан тебе всей душой. Он умен, повелитель, он очень умен. Он придумает что-нибудь, обязательно придумает, я его знаю.— Душераздирающий визг раздражал Хайрама. Он терпеть не мог своеволия в женщине, тем более в своей. Он медленно поднял руку и щелкнул толстыми пальцами. Двое разбойников, доверенные слуги-телохранители повелителя, рванулись вперед, как собаки, спущенные со сворки, и принялись охаживать тощую фигурку плетьюми. Девчонка заверещала так, что зазвенело в ушах, а близкие горы откликнулись эхом, но никто из разбойников не шевельнулся. Они смотрели на неожиданное представление равнодушно и терпеливо, как сам Хайрам. А девчонка Айсиль тонко кричала, цепляясь за битый камень:

— Пощади моего отца, повелитель. Разве плохую похлебку варю я тебе каждый день?

Пожалуй, и лучший друг не назвал бы Кулла-атланта благородным рыцарем, готовым умереть из-за какой-то тощей облезлой девчонки, тем более чужой жены. Он и сам не понял, какая блажь ударила в его собачью голову, но он рванулся вперед и ударился о разбойника широкой грудью и львиными лапами. Тот повалился, увлекая пса за собой. Кулл двинул плечами, дернулся и вскочил... вскочил на ноги. Разбойники шарахнулись в стороны. На их лицах интерес сменился суеверным ужасом. Лишь Хайрам-Лисица сохранил остатки достоинства, да и то потому, что сидел. Кулл осознал случившееся, когда копна черных волос упала ему на глаза.



Он стоял на человеческих ногах, оглядывая толпу растерявшихся разбойников холодными серыми глазами варвара-убийцы, сжимая в человеческой руке меч стражника, который прихватил, сам не заметив как.

Стоял, разумеется, в чем мать родила. Айсиль один раз глянула в его сторону и больше не стала. Пожалуй, она одна была больше смущена, чем напугана. Кулл недоумевающе взглянул на меч в своей руке, взвесил его и зловеще рассмеялся.

— Ну вот, так жить можно, — пробормотал он себе под нос. Но, оглядев плотное кольцо разбойников, с искренним сожалением добавил: — Только недолго.

Айсиль была заперта и плакала. Но это беспокоило Хайрама-Лисицу меньше всего. «Пусть хоть бы совсем подохла, дрянная девчонка, из-за которой почти дюжина ребят разрублена на куски, а остальные ранены. Если бы не умела так хорошо готовить, своими руками придушил бы негодную». Хайрама по-настоящему испугался того чудовища, которое сам же и приволок. Чудовища, в самый неподходящий момент обернувшегося здоровенным голым варваром, искрошившим отборных бойцов Хайрама и как ни в чем не бывало вернувшегося в первоначальное состояние. Стрелы его не пощадили, а кривые сабли изрубили в месиво, в котором было уже не различить, серебряным был пес или красным. Хайрам остановил расправу, когда сабля одного из разбойников — одноглазого Айдалы — расколола надвое собачий череп и чудовище наконец рухнуло



под ноги людей. Но не прошло и часу, как кровавое месиво зашевелилось и пришлось нести цепь. А к вечеру пес уже поднял голову, вздернул верхнюю губу, показав великолепные зубы, и зарычал. Хайрам-Лисица мог бы поклясться, что в рычании пса он расслышал зловеющий смех.

В это время к лагерю со стороны города приближался одинокий всадник. Заметив его, часовой прыгнул с камня, наложил стрелу и зычно крикнул:

— Кого там несет?

— Ювелир Рашудия к повелителю по важному делу.

Часовой был предупрежден и пропустил всадника беспрепятственно. Одиночество и скука способствуют размышлениям. Вот молодой разбойник и призадумался. И первая мысль была: «Смел же Рашудия. В одиночку в такую дорогу пускаться...» И вторая: «А чего ему бояться? Если он всем разбойникам в городе и самому Хайраму-Лисице отец родной».

А всадник меж тем продолжал путь и вскоре оказался в разбойничьем лагере.

Странное оживление царило здесь. Такое, что и слово-то к нему подобралось не сразу, а когда подобралось, то совсем не понравилось ювелиру. Оживление в лагере Хайрама было каким-то угрюмым. Казалось, разбойники чем-то подавлены, и если б Рашудия не знал так хорошо Хайрама и его отчаянную шайку, он предположил бы, что они, пожалуй, напуганы. И даже, возможно, не сделал бы ошибки.



В центре лагеря, у опрокинутого навзничь котла, толпилось с десятков кое-как перевязанных людей. Остальные слонялись поодаль с самыми мрачными лицами.

Попадись им в этот момент какой-никакой заблудившийся караван или даже сам господин Абадшаан с конной сотней, не пощадили бы даже лошадей. Над кострищем, привязанный к бревну, водруженному на массивные, кое-как вырезанные рога-тки, висел огромный серебряный пес. Огонь лизал его светлые бока и длинные уши, но, похоже, казнимый зверь страдал не столько от боли, сколько от скуки. Во всяком случае, выразительная морда его была усталой и безразличной.

— А что это вы здесь делаете? — спросил Рашудия, с интересом разглядывая странную сцену.

— А это мы оборотня сжигаем,— охотно пояснил молодой разбойник и подбросил в костер сухих веток. Взметнулись искры, обдавая серебристое тело собаки, языки пламени обняли серебристую морду и сошлись над ней, но пес не скорчился, только терпеливо вздохнул, словно хотел сказать: «Ну и надоели вы мне...»

— И давно сжигаете? — полюбопытствовал ювелир.

— С позавчера,— ответил тот же парень с тем же угрюмым оживлением.

— Не горит? — догадался Рашудия.

— Не горит,— вздохнул разбойник.

— Топором не пробовали?



— Пробовали. Не помогает... У-у, скотина! — Парень сжал кулак и издали погрозил оборотню, но тот лишь сморщился и равнодушно отвернулся.

Хайрам-Лисица откупорил старое вино, сам разлил его в две чарки, протянул гостю и махнул корыткопалой ладонью, велев челяди убраться.

Здешний этикет требовал, чтобы сначала хозяин расспросил гостя о том, хорошо ли он доехал и не причинил ли Хайрам высокочтимому Рашудии какого-нибудь беспокойства. А гостю полагалось справиться о здоровье хозяина и благополучии его жен и детей. Но Хайраму-Лисице было глубоко наплевать на беспокойства ювелира, тем более что он их оплачивал. А Рашудия отлично знал, что жены и дети волнуют разбойника еще меньше, чем дорожные приключения гостя.

— Развлекаются твои храбрецы? — Рашудия неопределенно мотнул головой в том направлении, где уже третий день, если верить молодому разбойнику, пытались сжечь оборотня.

Хайрам пожал плечами и, пригубив вина, одобритительно цокнул.

— Пусть их. Нам они не помешают.

«А оборотень?» — хотел было спросить ювелир, но передумал и придержал язык.

На красный шелковый платок упал золотой перстень с крупным прозрачным камнем необычной огранки. Ювелир потянулся к нему, но на полдороге замер и вопросительно взглянул на разбойника. Тот сидел, поджав ноги, и смотрел куда-то сквозь



стены шатра мимо Рашудии. Ювелир понял это как разрешение и осторожно взял драгоценность в руки.

— Прекрасный камень. Не меньше десяти тысяч монет,— проговорил он,— редкая огранка. Я такой не встречал. Желаешь продать его, господин?

— А ты хочешь его купить? Прямо сейчас?

Хищные глаза Хайрама неожиданно отвлеклись от своих блужданий и вцепились в хитрое лицо ювелира. Тот побледнел и невольно потянулся к поясу. Хайрам довольно рассмеялся:

— Не бойся. Я тебя не трону. Твои руки стоят дороже твоего кошелька.

— Ты хочешь, чтобы я сделал тебе копию этого прекрасного камня? — догадался ювелир.

— Шесть копий,— поправил Хайрам-Лисица.

— Я должен использовать горный хрусталь.

— Это, по-твоему, что?

Ювелир бросил на Хайрама быстрый пронизательный взгляд.

— Это, по-моему, алмаз,— спокойно ответил он,— но не хочет ли высокочтимый господин Хайрам предложить мне купить и огранить для него шесть крупных алмазов? Богатства моего отважного друга подобны морскому песку, никто не в силах пересчитать их, даже мерой для муки.— Тут ювелир невольно улыбнулся, припомнив старую сказку, но острый взгляд Хайрама приморозил язык к небу.

— Я заплачу тебе,— ответил он на незаданный вопрос и оскалил в усмешке желтые зубы.— Я знаю, у тебя есть алмазы.

Ювелир замялся, не зная, как соблюсти свои торговые интересы и уберечь голову. Хайрам терпеливо



ждал. Все сомнения ювелира были ему видны как на ладони. Но он не торопился их рассеять. Наконец разбойник сжалился над своим гостем.

— Я заплачу тебе, Рашудия. Но только не золотыми монетами.

Ювелир вскинул голову:

— Я заплачу добрым советом, и, поверь, он стоит всего золота мира, ибо в преисподней монеты не в ходу...

Тон разбойника показался гостю не столько зловещим, сколько печальным.

— Я слушаю тебя...— вздохнул ювелир.

— И хорошо делаешь. Ты получишь цену своих алмазов и сверх того еще сколько пожелаешь. Это обещаю тебе я, Хайрам-Лисица, который всю жизнь считал за честь обмануть врага, но с друзьями был честен. Я не враг тебе, Рашудия, ибо ты мне нужен. Когда будешь гранить шесть алмазов для меня и моих людей, сделай еще один перстень. Седьмой. Для себя.

Кулл уже привык к тому, что призрак Дзигоро появляется неожиданно и всегда не вовремя. Но когда камелиец прошел сквозь разбойничий лагерь, миновал угрюмую толпу и, никем не замеченный, преспокойно уселся у костра, он невольно вздрогнул. Не признаваясь себе, он был рад увидеть своего мудрого спутника. Пожалуй, он не слишком изменился, став тенью, и Кулл недоумевал, почему он всю жизнь так настороженно относился к призракам. Отличные парни, и с ними вполне можно иметь дело. Впрочем, Дзигоро быстро погасил слабый росток симпатии к призракам, потому что, уви-



дев Кулла, по своему обыкновению, первым делом съехидничал:

— Как себя чувствуешь, оборотень?

Пес оскалился:

— Как, как?.. Жарко!

Дзигоро сочувственно кивнул, но этим и ограничился.

— Слушай, сделай что-нибудь,— Варвар снизошел до просьбы, решив, что гордость подождет.

— Что же я могу сделать? — удивился Дзигоро.— Я же призрак. Не забывай, у меня и тела нет.

— Но голова-то у тебя осталась?

— А своя у тебя зачем? Лбом стены прошибать? Кстати, лобная кость толще, чем другие. Вполне годится для такой работы.

— А не пошел бы ты,— вяло огрызнулся Кулл,— в преисподню.

Дзигоро неожиданно стал серьезным. Он подтянул под себя ноги и уставился на собаку немигающим взглядом.

— Полнолуние близится, а с ним и час решающей битвы. Ты должен отвоевать у лемурийца свою человеческую сущность, это твой последний шанс, но одновременно это и мой шанс. Однажды, когда я был еще жив, и, да простит мне Ран-хаодда, беззаботен, мой Учитель, лучший и мудрейший из людей, рассказал мне о Призрачной Башне и пророчестве, которого так боится лемуриец. Оно гласило, что мне суждено выковать клинок, который принесет смерть двоим. И один из них — маг, хозяин Призрачной Башни.



— А второй? — спросил Кулл, помимо воли увлеченный рассказом.

— А второй перед тобой. Лемуриец не знал этого. Иначе никогда не поднял бы на меня руки.

— А... ты?

Кулл извернулся, пытаясь из своего неудобного положения разглядеть камелийца.

— Есть две мудрости,— повторил Дзигоро уже сказанное однажды.— Мудрость того, кто наносит раны, и мудрость того, кто врачует раны. Мудрость того, кто обнажает меч, и мудрость того, кто протягивает открытую ладонь...

— Ты можешь говорить проще? — с несвойственной ему мягкостью попросил варвар.

Дзигоро пожал плечами:

— Знал, конечно. Но моя вера учит двум вещам. И первая из них звучит так: смерть — это освобождение духа. А вторая — знание не должно влиять на решение. Если ты вышел на бой со злом, мериллом твоей мудрости может быть только долг.— И призрак встал.

— Ты куда? — опешил Кулл и рванулся, позабыв о крепости цепей. Разбойники тут же вскочили и засуетились. В костер полетели сухие ветки, и пламя взметнулось, на несколько мгновений скрыв серебряного демона.

— Я не уйду,— тихо и, как показалось, печально ответил призрак.— До полнолуния. До дня решающего боя мы будем вместе. Я не могу тебя оставить, хоть ты и отсылаешь меня упорно в преисподню. Дорогой мой пес, ведь ты и есть тот самый клинок, который я должен выковать. Мы оба скованы судь-



бой, но ты сбросишь свои цепи, а цепь моих обязательств не в силах порвать даже смерть.

Грохнула цепь, и пес в очередной раз покатился вниз, не устояв на двух лапах. Глухое рычание вырвалось из могучей груди и заколотилось о стены подземелья.

Он никогда не сдавался. Но это была уже не первая попытка и даже не десятая. Разбойникам наконец надоело их бесполезное занятие, и они, привязав пса-оборотня в одной из пещер подземелья, разошлись по своим делам, оставив Кулла одного. Точнее, их вдвоем с Дзигоро, о существовании которого они и не подозревали, иначе им пришлось бы отмахиваться еще и от призрака.

— Твоя ошибка в том, что ты пытаешься волевым усилием превратиться в человека.— Если призраки умеют вздыхать, то Дзигоро вздохнул.— Ты должен вообще забыть, что ты собака. Встать и пойти, как ты это делал всегда.

Кулл хмыкнул.

— Разве у тебя,— продолжал призрак,— когда-нибудь были трудности с хождением на двух ногах?

— Вообще-то случались,— признался Кулл.

— Ляг,— Дзигоро подошел, сел рядом,— усни...

Узкая ладонь невесомо легла на массивный лоб собаки.

— Ты человек, ты воин, ты должен победить своих врагов. Ты Кулл из Атлантиды, Кулл, который никогда не сдается...

Подчиняясь его монотонному голосу, пес опустил на пол тяжелую голову, вздохнул, закрыл глаза. И



пока Дзигоро говорил, незаметно для себя вытянулся в длину, плечи развернулись, исчез хвост и большие плоские уши, собака таяла, исчезала, уступая место могучему варвару с гривой нечесанных волос и жутковатой звериной усмешкой.

— Проснись,— тихо произнес Дзигоро, убирая ладонь,— Проснись и встань, человек. Ты — свободен.

Тонкий сдавленный крик взлетел под своды пещеры и замер. Тощая большеглазая девчонка в линялой юбке глядела на варвара из полутьмы с суевренным ужасом и изо всех сил зажимала рот ладонью.

— Айсиль?

Кулл сел, расстегнул ошейник и отбросил цепь, не слишком раздумывая о том, что он делает. Но стоило ему подняться, как девчонка в страхе метнулась назад и остановилась шагах в десяти, мелко дрожа.

— Что ты хочешь сделать со мной, оборотень? Я тебе не враг.— От испуга девчонка икнула. Заметно было, что она готовится дать стрекача при первом же движении оборотня.

— Что ты здесь делаешь? — спросил в свою очередь Кулл, по возможности мягче.

— Я пришла сказать тебе спасибо, оборотень,— тихо проговорила Айсиль,— и еще... Я кое-что принесла тебе, но... это не человеческая еда. Это кость. Мозговая.

— Давай,— обрадовался Кулл,— я голоден, как...

— Осторожно!



Призрак Дзигоро вырос, словно из-под земли, испуганный и гневный.

— Что ты делаешь? Хочешь опять?

— А что, и кости нельзя? — поразился варвар.

Камелиец невольно улыбнулся смягчаясь.

— Можно. Ради богов, если голоден — ешь. Но, видишь ли... Ты — человек до тех пор, пока держишь в себе зверя, волей своей не даешь ему одержать верх. Знаешь, как заколдовал тебя лемуриец? Он просто вывернул тебя наизнанку. Ты был человеком снаружи и зверем внутри. Потом ты был зверем снаружи, а человеком внутри. Сейчас я тебе помог, но если ты забудешься — все вернется. Остерегайся зверя в себе, Кулл. Он только и ждет твоей слабости.

— Ладно, я все понял, — поморщился варвар, — дадите вы мне, наконец, поесть, а? Хорошо призракам — не нужно заботиться, чем набить брюхо, но я то, слава Богам, пока не призрак...

Дзигоро, не дослушав ворчания Кулла, растаял в воздухе, по своему обыкновению, бесследно. Айсиль, вся дрожа, приблизилась.

— Кто это был? — спросила она почему-то шепотом.

— Где твой гостинец? Я голоден, как... воин после страшной битвы. Садись рядом, не съем. Я человечинкой не питаюсь.

Варвар ощерился и вонзил свои крепкие зубы в жесткое мясо с видимым удовольствием. Айсиль молчала и вообще старалась держаться как можно незаметнее, но удавалось ей это с большим трудом. Вид огромного голого северного варвара, к тому же



без цепи, смущал и пугал ее. Однако она не двигалась с места.

— Кто это был? — снова спросила она, когда Кулл утолил первый голод.

— Это ты про Дзигоро? — переспросил варвар, — Так это один мой хороший приятель. Призрак. Ты его не бойся, он добрый.

— А я и не боюсь, — возразила Айсиль и тихо рассмеялась. — Он напустился на тебя, как отец на непослушного ребенка.

— Он такой, — подтвердил Кулл, — иногда придушить его хочется за его дурацкие нравоучения. Только поди его придуши. Он же призрак. Надо было бы раньше это сделать, но раньше он не был таким вредным.

— Я сразу поняла, что ты — человек, — сказала вдруг Айсиль, — еще когда мой повелитель Хайрам привел тебя в оазис. Я могу видеть скрытое. И мать моя могла. И бабушка. Только ты никому не говори, ладно? Иначе меня убьют.

— Ладно, — кивнул варвар, думая о своем, о мужском.

— Ты сейчас уйдешь, оборотень? — тихо спросила Айсиль.

— Зови меня — Кулл.

— Ты уйдешь, Кулл?

Атлант кивнул, все еще занятый ее подарком. Внезапно он вспомнил, что за вкусный обед женщину-хозяйку полагается хвалить, и с набитым ртом буркнул:

— Спасибо, очень вкусно...



— Правда? — обрадовалась девчонка. Я хорошо готовлю, меня все хвалят. Это, пожалуй, единственное, что я умею.

— Ты можешь раздобыть какую-нибудь одежду и немного еды на дорогу? — перебил Кулл, которому наскучили ее излияния.

Айсиль вскочила, словно этого и ждала, и метнулась к выходу, но на пороге замерла — тоненькая, как былинка, испуганная и невероятно отважная.

— Ты возьмешь меня с собой, оборотень?.. Кулл?

Хайрам-Лисица не зря имел такое прозвище. Мало того, что он был хитер и ловок, так он еще и спал, как лесной зверь, — чутко, настороженно, вполглаза и вполуха. Услышав осторожные шаги и легкий шорох, он мгновенно проснулся, но продолжал лежать неподвижно, лишь приоткрыв глаза.

Осторожный шорох сменился легкими, скользящими шагами. Острый слух Хайрама различил их только потому, что разбойник напряженно прислушивался.

Внезапно перед глазами выросла широкая спина, и Хайрам-Лисица потянулся к кинжалу, который, засыпая, клал рядом.

— Эй, Кулл, а он не спит, — раздался вдруг тоненький голосок его младшей жены.

Барвар стремительно обернулся. Притворяться дальше было бесполезно, и Хайрам открыл глаза. Над ним возвышался человек-оборотень, страшный демон, которого Хайрам притащил в лагерь, видимо, в помутнении рассудка. Холодные глаза внимательно разглядывали разбойника.



— Не спит, говоришь? — неразборчиво пробурчал он. — Тем лучше.

Только сейчас Хайрам заметил, что челюсть бо́ротня двигается, а в лапе зажат кусок белого хлеба, запеченного с фруктами.

— Жить хочешь? — спросил он прожевав.

Хайрам, не думая, кивнул. Кто же не хочет?

— Тогда молчи. Айсиль, ты сможешь его связать?

Не говоря ни слова, девушка достала из складок юбки маленький нож, вытянула из-под тюков моток веревки и отмерила на локте нужную длину.

Заметив, что девчонка отлично справляется, Кулл забегал глазами по обиталищу Хайрама-Лисицы в поисках оружия. Кривые сабли были слишком легки для могучей руки варвара, а его испытанный топор остался лежать в Призрачной Башне. Там же, где и штаны, кстати.

Внезапно он наклонился, подцепил и выудил из груды подушек небольшую оплетенную лозой бутылку.

Хайрам сдавленно булькнул.

Кулл неторопливо обернулся и подивился разнообразию талантов Айсиль. Она явно скромничала, когда говорила, что умеет только готовить. Разбойник был связан, как гусь на продажу.

— Ты что-то хотел сказать? — спросил атлант.

— Оставь ее, — просипел Хайрам.

— Почему? — Кулл повертел бутылку, перевернул горлышком вниз, встряхнул.

Хайрам забился, рискуя перебудить весь лагерь. Кричать он не мог, в горло его упирался острый кинжал, который держала тонкая, но неожиданно



твердая, рука. Айсиль была полна решимости прикончить своего господина и повелителя, если этого пожелает сероглазый варвар.

Кулл потянулся к пробке. Хайрам покраснел казалось, его сейчас хватит удар.

— Послушай, не открывай ты ее,— неожиданно произнесла Айсиль и в ответ на вопросительный взгляд Кулла добавила: — Я видела твоего друга. Я и здесь что-то вижу. Что-то недоброе и страшное.

Кулл отставил бутылку, но не потому, что разбойник, явно напуганный сверх меры, мог не посчитаться с угрозой тонкого стального лезвия, заорать и перебудить весь лагерь. Варвар наконец нашел себе меч по руке и сверх того сунул за пояс кинжал с рукоятью, богато отделанной рубинами.

— Лезвие — барахло,— определил он,— но камни — настоящие. Можно неплохо продать и купить хорошее оружие. Заткни ему рот, Айсиль.

Девчонка выполнила и это, причем так, что придраться было не к чему. Кулл больше не дивился ее необычным познаниям, просто перестал беспокоиться, что девчонка станет обузой. Такие девчонки на руках не виснут.

Уже у самого входа он оглянулся.

— Мы ничего не забыли? — пробормотал он.— Вроде нет...

И к ужасу Хайрама-Лисицы, который просто забился в беззвучном крике, глупый варвар подхватил Дыхание Смерти и сунул в мешок. И похоже, горлышком вниз.

Потом он приподнял кайму, выглянул, выпустил Айсиль и растворился в ночи, оставив своего недав-



него хозяина задыхаться от страха и беспомощной злобы.

Серебряные лучи ночного светила отражались от гор, освещенными зарождающейся луной. Невидимым потоком они разливались по миру, смягчая непроглядную тьму. Лишь время от времени по небу пробегала одинокая тучка, и окружающий мир вновь погружался во мрак, в котором, как бездымные факелы, тлели снежные вершины гор.

Уведенные лошади, маленькие, приземистые, но очень выносливые звери, бежали ровной рысью уже два часа, когда Айсиль, которая ехала чуть впереди, вскинула руку.

Кулл натянул поводья.

— В чем дело? — недовольно буркнул он. — Нам нужно торопиться. Мы совершаем побег, ты, случаем, не забыла?

— Я что-то чувствую, — произнесла она едва слышно. — Здесь твой друг, призрак. И еще кто-то.

В это мгновение прямо из обступившей всадников тьмы возник светящийся силуэт Дзигоро, а вслед за ним появилась странная компания: огромный питон с печальной головкой обезьяны, грациозная черная пантера и жирная крЫса на паучьих лапах. Они словно вынырнули из небытия и обступили Кулла и Айсиль. Девчонка дернулась было назад, но остановилась на месте. А кони отчего-то вовсе не боялись.

— Рад видеть, — хмыкнул Кулл, по очереди разглядывая знакомую компанию, — А что вы здесь делаете, ребята? Я думал, вы все за Вратами.



— Нет, мы здесь,— тихо ответил Керам,— мы ждем тебя, Кулл из Атлантиды. Ты везешь с собой Дыхание Смерти. Мы будем нужны тебе.

— Я получил счастливый знак,— добавил призрак,— Учитель в Гайбаре, недавно прибыл с караваном, и я, конечно, найду его дом.



ГЛАВА ДЕВЯТАЯ



Улицами здесь именовались грязные закоулки, такие узкие, что едва разойдешься со встречным прохожим, не задев друг друга плечами. Они петляли меж такими же грязными и серыми от пыли домами, точно стараясь сбить со следа. Когда-то дома здесь были белыми, вечерами приветливые огоньки зазывали в гости припозднившихся путников. Теперь только жаркий суховей гонял вдоль заборов обрывки старых, уже потерявших цвет тряпок и войлока. Они сами стали как мягкие, большие куски пыли, в которые с каждым порывом ветра набивалась все новая и новая пыль, гонимая все тем же безжалостным дыханием раскаленной земли, вместе с колючими, похожими на мотки верблюжьей шерсти, вырванными с корнем большими пучками трав, торчавшими теперь из этих мотков в разные стороны. Вездесущая эта пыль скрипела, визжала, шуршала в городе, в самом пространстве, называемом городом, забивалась под одежду, как ни укутывайся по самые глаза, рассаживая кожу в кровь, и пребольно, хрустела на зубах, билась в за-



скорузлые доски закрытых ставен, из-за которых если и блеснет огонь, то разве украдкой. Плоские крыши домиков, превращающиеся в барханы во время песчаных бурь, а в остальное время мрачно нависающие над маленькими, точно язвительно прищуренными окошками, подобно нахмуренным лбам чем-то вечно озабоченных людей. Высокие, в рост человека заборы, выложенные из серых известковых камней с глиной, с сохранившимися кое-где следами облезшей побелки.

Не позволяли заглянуть в глубь дворов, разве только сидя верхом на лошади. Хотя вряд ли это доставило бы любопытному какое-нибудь удовольствие. Из-за оград несло чем-то кислым, причем из-за всех сразу, так что не было никакой возможности определить, что же является причиной появления столь непотребного зловония. С редкой ограды свешивалась ветка какого-нибудь дерева, почти без листьев, такая же запыленная, колеблемая порывами ветра, щедро осыпавшего серой мукой и деревья, и камни. Иногда мутная вода арыков приносила страшную болезнь, уносившую целые семьи. Тогда приходилось уходить за сотни лиг от города, чтобы найти чистую, не зараженную воду, и вода в городе дорожала в сотни раз, и тот, кого пощадила болезнь, умирал от жажды. Случалось, что город захлестывали полчища зачумленных крыс, и тогда он превращался в огромную могилу, где над сотнями непогребенных трупов носились тучи мух, которых называли здесь «синими бутылочками». И долго еще жизнь города не могла войти в нормальную колею.



Днем солнце нещадно палило, посылая огненные стрелы во все концы света.

Где-то они дарили жизнь и ласкали землю, но здесь они встречали только песок и камень, и снова камень и снова песок, раскаленный, как само светило. Зато ночью, когда пышущий жаром шар скрывался за краем земли и приходила вождеденная прохлада, люди выходили из дневных укрытий на ночной промысел. Кто на честный, а кто — на свой страх и риск. А остроты риску добавляла непроглядная чернота здешних ночей, без огонька, без малейшего просвета в заставленных окнах и плотно закрытых дверях, только слабый свет кованого слюдяного фонаря над дверями таверны. Фонарь горел не дымно, но, покачиваясь от порывов ветра, он отбрасывал на гладкую поверхность стены черные, зловещие тени. И что было самым тревожным, так это то, что черные тени двигались совсем не в такт пляшущим язычкам огня. Они подчинялись какому-то своему, одним им ведомому ритму, и двигались в четко определенном направлении, по одиночке, а то и группами, соблюдая определенный ритуал остановок и загадочных телодвижений, после которых одни из них исчезали, а другие снова появлялись. От этого танца теней веяло какой-то угрозой, неуловимой, но неумолимой.

В маленьком, незаметном домике, который располагался недалеко от таверны, но был настолько плотно закутан во тьму, что казался домиком-невидимкой, в комнатке, с двумя камышовыми ширмами, затянутыми белым шелком, в самом центре ее, на циновке, сидел, поджав ноги, человек.



Сказать, что он был стар, значило ничего не сказать. Он был древен, даже не как камни стен, а как земля вокруг этих камней, как вечное небо над головой. Седой, когда-то сильный и ловкий, а теперь высохший, точно каштан, он сидел без движения, глядя прямо перед собой бесцветными глазами. Но в них, в этих глазах, не было старческого слабоумия — они светились жизнью, мудростью, мягким добрым светом и глубокой уравновешенностью. Кожа его, когда-то смуглая, теперь казалась белее снега, прямо перед ним на полу стоял маленький светильник, блуждающий огонек которого точно плавал по темной поверхности масла. Белые ширмы, такие же древние, как и их хозяин, в полутьме казались огромными окнами в потусторонний мир. Сходство это подчеркивалось удивительными по тонкости и живости изображениями черного, с пятью золотыми когтями на лапах, тонкоусого Дракона на одной и красно-черной змеей, кусающей себя за собственный хвост, на другой. В комнате витал едва уловимый аромат роз и крепко заваренного чая.

Казалось, старик ждет.

И он дождался. Прямо перед ним, на линии его лучистого, говорящего взгляда, вдруг обозначился силуэт человека, мужчины, в просторном одеянии, не стесняющем движений. Он был невысокого роста, худ, но гибок, как веточка молодого дерева, и лицом весьма похож на старого Дзюока, только на несколько столетий моложе. Фигура уплотнилась, стала зримее, четче. Мужчина словно сошел с неви-



димой лестницы на раскрашенную циновку, поклонился старику и сел напротив. Тот все еще молчал.

— Здравствуй, Учитель,— произнес молодой,— рад видеть тебя.

Дзио-ка кивнул не отвечая.

Казалось, он не обращает никакого внимания на вошедшего и даже не видит его, но Дзигоро знал, как зорок этот бесстрастный взгляд его Учителя, как обманчива его отрешенность. Он, без сомнения, увидел и понял все, что только можно было увидеть и понять.

— Я тоже рад видеть тебя,— произнес старик глубоким и неожиданно сильным голосом.— Как далеко ты продвинулся в своих поисках после нашей последней встречи?

— Я умер, Учитель,— слегка удивленно ответил Дзигоро.

— Это я заметил,— невозмутимо кивнул старик.— Ну а еще что-нибудь ты сделал?

Дзигоро рассмеялся с явным удовольствием:

— Ты ничуть не изменился, Учитель.

— Ты тоже,— ответил Дзио-ка.— По-прежнему не отвечаешь на вопросы, а ведь я спрашиваю не о пустяках.

Дзигоро стал серьезен:

— Я видел его, Учитель.

— Делви?

— Нет, Учитель. Я видел Тумхата. Мне горько говорить об этом, но все же ты ошибся. В нем ничего не осталось от Делви, и я не хочу называть его тем именем, которое дал ему в тот день, когда он принял от меня Посвящение. Да они сам не вспомнит



это имя. Он Тумхат. Маг. Поклонник Йог-Сагота. Он погряз в своей грязной магии, как муха в паутине, и теперь сам Ранхаодда не разберет, собака крутит хвостом или хвост — собакой, он управляет своими заклятиями, или магия уже давно подчинила его себе. Когда ты говорил, что путь магии — путь в никуда, в тупик, я не верил. Если это так, думал я, отчего столько мудрых считают за честь ступить на этот путь. Теперь я понял, Учитель. Есть Знание и есть Мудрость. Истинно мудрый никогда не захочет быть магом.

— Ты дорого заплатил за этот урок,— произнес Дзио-ка,— но Мудрость стоит дороже, чем Знание. И если ты прав и Делви безвозвратно потерян для этого мира, тогда у нас остается только меч. Ты выковал его?

— Клинок, о котором говорило пророчество, ждет за дверью.— В голосе Дзигоро проскользнули торжественные нотки.— Я нашел его почти готовым. Его отковала жизнь, а она лучший кузнец, чем я. Он может войти, Учитель? С ним женщина, она видит незримое глазу...

— Пусть войдут,— величественно и просто произнес старик.

Когда маленький, но необыкновенно острый нож в руке старика аккуратно срезал оплетку, бутылка предстала перед глазами Кулла и девчонки Айсиль во всем своем древнем великолепии. Она оказалась сделана не из глины, а из белого алебастра, подобно сосудам, в которых хранились драгоценные масла. Теперь Кулл понял, почему она показалась ему тя-



желой. Варвару стало даже неловко, что такую изумительную вещь он так небрежно пихнул на дно своей котомки. Дзю-ка словно прочел его мысли.

— Случиться ничего не могло, северянин. Дыхание Смерти пережило века лишь потому, что запечатано величайшим заклатьем — подлинным именем Бога, древнего, Темного Бога...

Кулл мрачно кивнул. Он понял, о чем идет речь.

— Открыть ее,— продолжал Дзю-ка,— могло только это, подлинное имя, которое, насколько мне известно, передавалось из поколения в поколение в той семье, где хранилась погибель этого мира. Принимая сосуд на хранение, члены семьи и их ближайшие поверенные давали клятву беречь его больше, чем мужчина должен беречь свою жизнь. Они должны были беречь его так, как мужчина бережет свое мужское достоинство...— Лицо старика оставалось так же бесстрастно, но в голосе, несмотря на серьезность ситуации, проскользнул добродушный смешок,— из этой клятвы и родился обряд Посвящения в Хранители Сосуда. Их отмечали татуировкой с магическими знаками...— Взглянув на Ай-силь, старик усмехнулся и интересный рассказ не закончил.

— Вся беда в том,— продолжал он, снова став предельно серьезным,— что от времени ветшает все, даже заклинанья. Сейчас Дыхание Смерти очень опасно. У бутылки появилась дурная привычка открываться самой, когда кто-нибудь по злобе или по недомыслию скажет что-нибудь недостойное либо просто упомянет темного Бога тем именем, которое он взял для людей.



— Ее нужно уничтожить!..— воскликнул Дзигоро.

— Как? — коротко спросил старик.

— Учитель, мудрейший из мудрых, неужели даже ты не знаешь, как это сделать?

Дзиго-ка медленно покачал головой.

— Разве может человек быть настолько мудрым, чтобы спорить с Богами? — спросил он, обводя всю компанию внимательным взглядом. На мгновение взгляд этот задержался на Кулле, но почти тотчас скользнул дальше.— В бутылке вино, друзья мои,— продолжал старик,— обычное старое вино, но рука темного Бога касалась его и наделила силой и голодом. Когда бутылка открыта, она должна кого-нибудь убить. И с каждым разом ей требуется все больше и больше, чтоб насытиться. А загнать его обратно может лишь человек, владеющий Запирающим Талисманом. У меня есть такой.

Барвар подскочил, но старик властно вскинул руку, и Кулл опустил наместо, кляня склонность великих мудрецов к пустопорожней болтовне. Впрочем, помня о ненадежной пробке, клял он ее мысленно, проявив не свойственную ему сдержанность в выражениях.

— Запирающий Талисман — не редкость,— продолжал старик,— это всего лишь особым образом ограненный камень, чаще всего — алмаз, иногда — сапфир. Его используют для разных целей. Для прекращения ураганов или для наводнений. Я дам вам такой камень но, боюсь, не слишком он вам поможет. Талисман не запечатает Дыхание Смерти на века, сила у него не та. Талисман придумал человек



— мудрый, сильный, но человек. Для того чтобы спорить с Богами, нужно самому быть Богом. Или равным Богу.

— Богу? — пробормотал атлант, задумчиво поглаживая рукоять кинжала. — Хотел бы я знать, что значит — быть равным Богу.

— Этот человек должен быть мудрым, как звездочет, и чист, как младенец, — ответил без промедления Дзио-ка. — Он должен все иметь, но от всего отказаться. Идти дорогой Богов и платить жизнью за каждый шаг, но не жалеть об этом и не считать, что платит слишком дорого... Ты когда-нибудь встречал человека, который ничем не дорожит?

Кулл в своей беспокойной жизни встречал много самого разного народу и добросовестно порылся в памяти, но через некоторое время покачал головой.

— Вот именно, — кивнул Дзио-ка. — Такого человека на свете нет. Возможно, когда-нибудь он появится — живое воплощение Бога, герой или великий мудрец и найдет способ уничтожить Дыхание Смерти. Пока же мне очень жаль, друзья мои, но я вижу только один выход.

Воин, призрак и женщина не отрываясь глядели на строго камелийца.

— Я наложу еще одно Запечатывающее Заклятие. Мне потребуется много сил, и, возможно, их не хватит, но я сделаю все, что могу. Быть может, мне удастся отсрочить беду. Ничто другое мне не под силу. Человек не должен спорить с Богами...

— Хорошо, мудрец, дай мне этот Закрывающий Талисман, как говорят, если нет лошади, то и осел лошадь, а там посмотрим, — поднялся со своего мес-



та Кулл. За ним поднялась Айсиль и, наконец, Дзигоро, поклонившись на прощание Учителю.

Тем временем на улицах стемнело, и город, и так-то не слишком гостеприимный и добрый, сделался попросту зловещим. Айсиль испуганно жалась к Куллу. Ночных разбойников и воров она боялась больше, чем запечатанного в таинственной бутылке Дыхания Смерти. Откуда ей было знать, что тот, в ком она видела единственную защиту, водил довольно близкое знакомство с ночными собратьями по ремеслу, которые для оплаты своих долгов доставали кошельки из чужих карманов. И даже сам был одним из них.

— С тяжелым сердцем оставил я Учителя,— проговорил призрак, оглядываясь на слабоосвещенное окно,— он мудр, но уже очень стар. Ему может не хватить сил. То, что спрятано в бутылке... Я ощутил его силу и злобу и знаю, это больше, чем может выдержать любой из нас. Я тревожусь...

Кулл о чем-то напряженно размышлял. Айсиль терпеливо ждала, предоставив решение мужчинам.

— Надо поесть чего-нибудь,— решил наконец Кулл.— Зайдем в таверну подкрепимся, а потом всерьез подумаем, что делать дальше.

— Глядишь, мысли веселее побегут,— поддержала атланта Айсиль.

Дзигоро с сомнением поглядел на атланта и верткую девчонку.

— Вино превращает человека в скотину, только настоящий мужчина не становится животным даже после... Можешь ведь и обратно в собаку превратиться.



Кулл торопливо кивнул. В мыслях он уже видел жареные бараньи почки с кусочками золотистого сала, плавающего в опаловом озерце растопленного жира, которые отлично и недорого готовили в таверне «Золотой баран» как раз неподалеку. Последнее обстоятельство устраивало Кулла как нельзя лучше, по городу бродить он не хотел, так не без оснований думал, что городская стража надолго запомнила здорового варвара, и вряд ли память эта проникнута уважением и почитанием проявленной в бою с ними отваге и силе чужеземца, да и с Хайрамом-Лисицей он так же мало хотел встретиться, как и с Абад-шааном.

Туда он и направился, держась в тени. Дорогу он помнил отлично, Айсиль не отставала. Призрак, по своему обыкновению, растворился, не оставив следа и не сообщив о своих дальнейших намерениях. Улица опустела. И тут, в полнейшей тишине и безмолвии, из ниоткуда, из темных провалов узкого переулка, из неглубокой ниши одного из домов, просто из густой темноты, одна за другой, возникли три фигуры. Они действовали совершенно бесшумно и на удивление слаженно, и целью их вылазки был, похоже, дом старого камелийца, Учителя Дзиока.

Ох, не зря было беспокойно призраку Дзигоро...

Атлант с удовольствием уписывал жаркое, отдыхая душой и телом за «человеческой едой». Сейчас ему почти с ужасом вспоминалась старая жилистая лошадь, парочка мышей, проглоченных прямо со шкурой, и варево Дзигоро. Айсиль хоть и была голодна и не избалована, но насытилась быстро и с



хорошо скрытым отвращением отодвинула от себя местные деликатесы. Девушка недоумевала, как из такого хорошего, почти не старого еще мяса можно умудриться состряпать такую несъедобную дрянь. Спутник ее был, видимо, другого мнения, и Айсиль это ничуть не удивило. Она уже поняла, что желудок у варвара железный, а зубы еще крепче. Кислое вино Айсиль отставила, даже не пригубив, и теперь, не зная, что еще делать, смотрела по сторонам. Кулл насыщался обстоятельно, запивая скверную еду дрянным вином, и с каждым глотком настроение его становилось все более и более благодушным. Под конец он даже соизволил обратить на свою спутницу внимание.

— Послушай, Айсиль,— спросил он, лизнув жирный палец,— а с чего ты за мной увязалась? Чем тебя муж обидел?

От неожиданности Айсиль замерла, и Кулл увидел, что щеки ее горят.

— Так что там у вас случилось? — повторил он.— Не бойся. Я нем как рыба. Он, что...

— Он отверг меня,— быстро проговорила Айсиль, явно стараясь поскорее отделаться от назойливых расспросов варвара.— Когда отец привел меня, повелитель только взглянул один раз и отправил на кухню...

Щеки Айсиль пылали, как маки, а губы дрожали от обиды. Окинув взглядом ее тощее, совсем детское тело, Кулл подумал, что, пожалуй, как мужчина мужчину, вполне понимает Хайрама, но он был парнем не злым, а девчонка ничего плохого ему не сделала, напротив. Куллу захотелось ее утешить.



— Если ты печалишься, что мужчина отверг тебя, то этому горю помочь нетрудно,— произнес он с искренним участием.

— Дурак,— обиделась Айсиль и отвернулась. Разговаривать с Куллом ей расхотелось.

Музыка звучала уже давно, но занятые, один едой, другая своими невеселыми мыслями, они не замечали ее, а заметить стоило. Играл эульд, и песня его серебряных струн была песней тихого летнего ветра, безмятежного неба, быстрого хрустального ручья, сбегаящего с гор и превращающегося в бурлящий поток, поющий живительной влагой цветущую долину...

Айсиль повернула голову. У дальней стены сидел человек, на которого, раз увидев, второй раз по доброй воле не взглянешь. Он был ужасающе тощ, патлат и грязен. Рвань, в которую он облек свое тело, видимо, когда-то была халатом, но цвет его уже не поддавался определению вовсе. Нет сомнения, что с тех пор, как патлатый надел ее впервые, лет сто назад, никак не меньше, а следовало догадаться, что уже и тогда она была не новой, так больше и не снимал. Даже когда мылся, если такой обычай вообще был знаком неизвестному певцу. Закрыв глаза, запрокинув голову, он лениво и вдохновенно перебирал струны и что-то тихо напевал-рассказывал себе под нос. Против желания Айсиль прислушалась.

Ты — как цветок, мила, добра, чиста,
Я — ветер, срывающий роз лепестки,



Ты — как волна забвенья, холодна,
Я — солнца иссушающая сила,
Ты — как разлука любящих сердец,
Я — первый поцелуй при новой встрече,
Ты — темный страсти жар,
Я — крик, слетевший с губ от наслажденья,
Ты — огненный поток любви,
Я — бурный водопад в теснине,
Ты — океан безбрежный,
Я — его покой и сила.
Ты — зной пустынь,
Я — свежесть струй фонтана,
Ты — дрожь задетых струн,
Я — песня сердца,
Ты — буйный танец,
Я — неторопливая беседа,
Ты — аромат цветущих роз,
Я — легкое дыханье ветерка,
Ты — серп луны над спящим миром,
Я — россыпь звезд,
Ты — неисчерпаемый источник силы,
Я — пью лишь из него.
Ты — лунный свет в листе,
Я — блеск росы,
Ты — как предутренний туман,
Я — песня первой птицы,
Ты — яркий поднебесный свод,
Я — отражение его в долине,
Ты — путник, жаждою томимый,
Я — тихий шепот ручейка,
Ты — капля теплого дождя,
Я — гром сердец,
Ты — вечная весна любви,



Я — верный твой певец.

Айсиль так заслушалась, что не заметила, как в таверну вошла городская стража. Один из них, видимо старший, обвел внимательным взглядом людей, за несколькими грубо сколоченными столами. Увидел он и Айсиль, и Кулла, который сидел уронив голову на стол. То ли притворялся, то ли и впрямь задремал. Ничего страшного не случилось — поглядев на ее спутника, стражник отвернулся и неспешно подошел к сидящему в углу певцу. Тот прервал пение и поднял на стражника светло-серые глаза и смотрел на него без страха и недовольства, скорее с детским любопытством.

— Ты разве не слышал указа? Попрошайничать в тавернах запрещено! — строго и внушительно произнес начальник отряда стражников. Певец покачал головой:

— Я ни о чем не прошу, у меня все есть.

— Все есть? — Стражники переглянулись и негромко рассмеялись.— Ну, если у тебя, бродяга есть все, тогда ты богаче самого короля.

Певец улыбнулся, и словно солнце выглянуло из-за туч:

— А ты ответь мне, доблестный воин, кто может быть богаче, чем король?

— Откуда мне знать,— стражник пожал плечами — может, верховный жрец Валки или правитель Турании.

— Ты уверен, воин? — как-то загадочно улыбнулся певец.



— Что ты несешь, оборванец? — возмутился начальник стражи. — Я их золота не считал.

— И все же у загадки есть ответ, — проговорил певец куда-то в сторону, — очень простой ответ. Ребенок нашел бы его. Твой сын, воин, ответил бы верно. С годами мы приобретаем знания, но теряем ясность мысли.

— Ну вот что, — рявкнул стражник, которому надоело это глупое препирательство с нищим бродягой. — Поднимай свои кости и убирайся на улицу.

Певец не двинулся с места. Казалось, он просто не слышал приказа. Стражник наклонился, морща нос, и проорал в самое ухо нищему: «Убирайся!» Певец молчал, задремав. Взбешенный стражник мотнул головой, и два его спутника вытянули стрелы и наложили их на арбалеты.

— Я могу приказать застрелить тебя на месте за неподчинение приказу, — страж пихнул бродягу в бок сапогом. — Или ты убираешься отсюда сам, или тебя выволокут за ноги.

— Ты так и не нашел ответа на загадку? — Певец рассмеялся, вновь поднимая голову. — Ничего удивительного. Ты думал только о том, как бы та красивая девушка в углу не сочла бы тебя трусом, который не смог справиться с бродягой. Успокойся. Она не считает тебя трусом. Она считает, что ты — редкий дурак. — Певец беззлобно рассмеялся, и закончил. — Я никуда не пойду. Мне здесь нравится. Можешь убить меня, воин. Я уже закончил песню.

— Отстань от него, Суржак, — хозяин таверны подошел, переваливаясь с боку на бок, как большой толстый гусь, — он в самом деле ничего не просит,



только сидит в своем углу и играет. Гости не против. А по мне, так пускай.

— Давно сидит? — счел долгом службы поинтересоваться Суржак. Хозяин таверны задумался. Делал он это весьма примечательно, одной рукой почесывая плешь и загибая на другой пальцы.

— Дней десять уже будет,— неуверенно произнес он.— Пришел неизвестно откуда, да вот как раз на исходе праздника, вроде слегка навеселе, здесь немедленно добавил, сколько не хватало, и почитай с того дня так и не протрезвел. Да мне-то что, он тихий, не буянит, только играет, песни иногда бормочет да еще смешные загадки задает. Музыка хорошая. Людям нравится. Пускай сидит, а?

Стражник не был злым человеком. Не был он и упрямым человеком. Пошумев еще немного для острстки, он похлопал хозяина по плечу, а его не первой молодости, но бойкую родственницу по заду и, прихватив с собой кувшин вина, наконец оставил и гостей, и владельцев таверны в покое. Двое стражников с арбалетами последовали за ним. Певец не шелохнулся. Кулл поднял голову, он и не думал спать. Варвар отлично видел все, что произошло в таверне, и теперь с любопытством оглядывал нищего бродягу. Атланту случалось видеть смелых людей. Он и сам был не из робких, но знал, что всегда, пробуждаясь, отвага должна победить страх. В светло-серых глазах Певца, в его глубоком голосе Кулл не заметил никакой борьбы. Певец, похоже, просто не знал, что такое страх. Валка! С таким парнем стоило познакомиться поближе.

— Хозяин! — рявкнул Кулл.— Еще вина.



Хороший совет Дзигоро разделил судьбу всех остальных хороших советов.

Певец был не то чтобы пьян, но все-таки не сказать, чтобы трезв. Серо-стальные глаза его лучились добром и любовью ко всему живому и неживому. Он с ходу приметил вино, которое так и не пригубила Айсиль, осушил ее кружку и улыбнулся девушке. А та невесело улыбнулась ему в ответ. Кулл хотел было еще навести разговор на стражников с арбалетами, но певец беспечно махнул рукой с зажатым в ней эльдюзом.

— Один раз дело было в Эбере. Ты, приятель, был в Эбере? — Бродяга почувствовал в Кулле какое-то подобие интереса. — Значит, был. Ну так вот. Был я еще молод. И написал как-то песню для одного скупого господина по случаю торжества в его доме, спел ее, но никакого вознаграждения не получил. Ждал несколько дней. Ничего. Тогда я написал просительную песню и передал ее господину. Тот снова не проявил никакого интереса. Еще через несколько дней я написал песню, где зло высмеял его. Господин и виду не подал. Тогда я пришел к его дому и уселся у дверей. Вышел хозяин, увидел меня, удобно расположившегося у его порога.

— Эй, неисправимый наглец, — закричал он мне, — ты восхвалял меня, я ничего не дал тебе, просил — я не обратил внимания, высмеял меня — я не показал виду. С какой надеждой ты сейчас явился сюда и уселся у дверей?

— С надеждой, что ты умрешь, и я с легким сердцем напишу тебе похоронную песню.



Скупой господин разгневался, а был он далеко не последним человеком в Эбере, и велел выгнать меня из города. С тех пор и брожу по свету. На него я не в обиде. Спасибо ему, сам бы долго еще собирался.

— Хотел бы вернуться? — спросил Кулл, невольно задетый рассказом. Он сам с детства бродил по свету, но сам себя никогда не спрашивал, хотел бы он сейчас оказаться на родине или вернуться в одну из тех прекрасных и удивительных стран, в которых успел побывать.

Певец лишь пожал плечами.

Кулл собирался заказать еще вина и попытаться позабыть о своих бедах, хоть ненадолго. Но сегодня судьба была против него. Вместо третьего кувшина за столом возник призрак Дзигоро. С ним определено что-то случилось. Слова, которые он произнес, объяснили Куллу все:

— Учитель мертв. Бутылка пропала.

Дзигоро становился настоящим призраком
И вестником смерти.

Дзико-ка лежал на своей циновке, раскинув руки, и лицо у него было такое, словно в последний миг своей жизни он увидел самого Йог-Сагота или еще что-либо подобное, большое и мерзкое. Айсиль опустилась перед ним на колени и осторожно закрыла старчески бесцветные глаза Учителя. Случилось то, что должно было случиться. Так говорил и сам старый камелиец. Он все-таки выполнил то, что считал своей главной целью на этом пути. Дыхание Смерти запечатано вечной печатью. Все силы, вся уходя-



шая жизнь старика достались проклятой бутылке. По щекам Айсиль бежали слезы, но она не утирала их и не прятала, они текли как из самого сердца. Чистая печаль о том, кто прожил свою жизнь так, чтобы уйти, не жалея о тех, кого оставляешь. Чуть подрагивающие губы Айсиль раскрылись, произнеся, словно в полубеспамятстве:

Ночь, прими меня
В свой вечный союз
Света и тьмы.
Обними холодной рукой
За плечи.
Посмотри,
Как горят слезы
В черных провалах лиц
Тех, кто давно
Ждет с тобой
Встречи.
Ночь пришла,
Ты свободен,
Иди!
Это — не смерть,
То рождение души.

Кулл и Дзигоро молча стояли над ними.

— Как хочется спокойствия душе, простора не заполненного болью, как хочется оставить на земле хоть что-нибудь с тоскою и любовью,— тихо и нараспев проговорила Айсиль, поднимаясь с колен. Она внимательно огляделась и через некоторое



время убежденно заявила, что бутылки в доме нет. А ей можно было верить, нюх у нее на колдовство был прямо-таки собачий. Бутылку унесли. Совсем недавно. Куда? Возможно, она могла бы, но потребуются время... Времени у них не было.

Кулл внезапно понял, что призрак Дзигоро смотрит на него, и на этот раз требовательно. Он отвернулся, чтобы избавиться от потустороннего сияния этих темных глаз, и наткнулся на робкий и умоляющий взгляд Айсиль.

Варвар сморщился, будто вместо вина по ошибке хватил уксуса, помянул Валку и Хотата, мгновение помедлил.

— Ну конечно, позвали верблюда на свадьбу, а он сразу догадался: «Либо за водой пошлют, либо по дрова»,— проворчал он.— Хорошо! Только штаны подберите.

Призрак, по своему обыкновению, улыбнулся. Кулл злился и в другое время оторвал бы ему голову. Хотя как оторвать голову призраку? Возможно, и есть способ, и, скрипнув зубами, варвар поклялся, что он этот способ отыщет, вот только покончит с этой проклятой бутылкой и ненавистным лемурийцем из Призрачной Башни. Воспоминания о колдуне, башне и Вратах Заката помогли ему. То, что представлялось смутно, сделалось вдруг ясным, простым и понятным. Выпустить из себя зверя оказалось гораздо легче, чем стать человеком. Кулл чувствовал, как в нем поднимается глухая ярость, но не стал ее подавлять, напротив, дал ей волю, и она поднялась выше, отозвавшись в горле коротким рычанием.



Пес, точно из живого серебра, с серыми, горящими глазами и яростно вздыбленной на загривке шерстью, освобождался от человеческой одежды. Черный подвижный нос его уже втягивал гнилой и пьяный аромат Гайбары.

— Есть,— через некоторое время сообщил Кулл Дзигоро.— Они ушли навверх, в кварталы знати. Надо поторопиться, если... если уже не поздно.

Пес рванулся вперед, как стрела с туго натянутой тетивы. Серый демон, голубая молния...

Он летел по пустынным улицам, ясно различимый среди всех других, резкий, дразнящий и против воли злящий, запах вел его, исключая возможность ошибиться.

Через несколько прыжков Кулл, еще не видя своих спутников, почувствовал рядом их присутствие. Как всегда, они появились из темноты.

Из ниоткуда у правого плеча проступил грациозный силуэт гибкого черного тела — красавица пантера, чей бег не уступал бегу пса в стремительности и силе.

Питон с обезьяньей головой оказался у левого плеча Кулла, в темном, душном воздухе он струился, как шелковая лента, оставляя за собой светящийся след разбрасываемых голубых искр.

По этому следу с быстротой мысли двигалась огромная, толстая крыса, быстро перебирая своими паучьими лапами. Она не отставала. Никто из жителей не видел этого стремительного бега демонов, а если и видел, то не успел разглядеть, упав с размаху на колени, там же, где стоял, вознося горячие молитвы Богам земли и неба. Но молитва не оста-



новила компанию. И вряд ли во всем городе, да и за его пределами, нашлась бы сила, способная остановить их.

Четверка демонов промелькнула и пропала, словно привиделась, не успев породить ни особых страхов, ни легенд, ни удивления.

Никто также не заметил, как отстала и скрылась в одном из извилистых темных переулков девчонка Айсиль.

Их сумасшедший бег по ночному городу закончился перед богато украшенными дверями большого дворца. Белые стены его горделиво высились над деревьями небольшого садика, фонтан в глубине двора дарил драгоценную прохладу. В одном окне под самой крышей пробивался сквозь занавеси слабый отблеск огня.

Призрак Дзигоро отстал всего на долю мгновения.

— Это они,— объявил он,— Хайрам-Лисица и его люди. Еще с ними местный ювелир. Очень темный человек. Внутри. Я бы ему попону от дохлого осла не доверил.

— Что делают? — кратко поинтересовался Кулл, прерывая размышления своего наставника.

— Что и всегда,— призрак начинал говорить загадками.

— Пьют,— догадался Кулл.— Сколько их?

— Людей, не помню,— Дзигоро вздохнул,— но кувшинов было больше десяти.

— Значит, пятеро точно есть,— определил Кулл и сдавленно выругался.— Валка! Где там носит этого Суржака с его молодцами? Когда надо, городской



стражи днем с огнем не сыщешь! Зато появятся всегда в самый неподходящий момент.



ГЛАВА ДЕСЯТАЯ



— Что будем делать? — спросил у друга Керам. Кулл-пес в сомнении поморщился. — Неважно что, важно как. Дай подумать. Поспешность может нам повредить...

— Ты становишься философом,— похвалил Дзигоро.— Мудрость, достойная не только четвероногого...

— Ну да,— кивнул Кулл,— а пока мы тут будем высиживать цыплят из вареных яиц, Хайрам откупорит бутылку...

В самом деле, что взять с четверки демонов и одного призрака? Кто бы знал, что на самом, то деле вся их сила только и есть в том, чтобы человек сам испугался да от страха и умер. Только вот шайка Хайрама единственно, чего боится,— мало поесть. А больше этого — только мало выпить. Валка их забери, боятся они его только по привычке да по большим праздникам...

Дзигоро исчез.



Кулл сел. Потом лег, положив тяжелую голову на лапы. Отсутствие призрака затягивалось.

Одно радовало — убить его не могли, поскольку премудрый приятель Кулла был уже мертв, а двум смертям, как известно, не бывать.

Внезапно окно под крышей, едва озаренное слабым светом почти прогоревшей светильни, стало совсем темным.

«Опоздали». — Мысль обожгла не хуже зеленого факела, но спустя всего один стук сердца Кулл понял: Дзигоро. Его работа...

Барвар даже не увидел, а почувствовал, как застыли в ожидании рядом с ним Керам и Малика, а за ними тревожно перебирал паучьими лапами Кошиф.

Разбойники не были пьяны, хотя напиться им, возможно, стоило. Проклятая бутылка не открывалась. Хайрам-Лисица трижды нараспев прочел заклинание, где звучало подлинное, неизвестное людям имя Темного Бога, но результат оказался не совсем тот, которого ожидали. Вернее, вообще никакого результата не оказалось. Хайрам тупо смотрел на упрямый сосуд, отказываясь верить своим глазам.

— Может, ты... того... слова перепутал? — встрял Мердек, но Хайрам так зыркнул на него из-под нахмуренных бровей своим никак не лисьим, а почти волчьим, тяжелым взглядом, что тот счел за благо вообще замолчать.

Попытки открыть волшебный сосуд магией не увенчались успехом. Вконец утомившись и израсходовав весь запас молитв и проклятий, Хайрам-



Лисица оставил злополучную драгоценность и приказал подать вина. Хуже всего было то, что ювелир сдержал слово и огранил семь превосходных алмазов, а расплатиться с ним было нечем. Хайрам крепко рассчитывал на добычу с мертвого города и не предусмотрел никаких запасных вариантов.

— Разбить,— предложил Мердек,— поглядывая на растерянного Хайрама не без злорадства.

После недолгого совещания решено было пройти в место, наиболее удаленное от основных комнат и лишних глаз прислуги. В мыльню. Рабов-банщиков отослали, и, помолясь, чтоб сработал перстень-противоядие, Хайрам ударил по бутылке тяжелой рукоятью кинжала. Проклятый сосуд только качнулся.

Сначала осторожно, робея перед заключенной в сосуде колдовской мощью, бутылку попробовали разбить все по очереди. Ни меч, ни сабля ее не брали. Огромный, как гора, богатырь Джудраш, из всей своей немалой силушки хватил ее серебряным подносом, так что гул прошел по всему дому и закачались под потолком светильники, но проклятая бутылка даже не треснула.

— Слышал я об оружейниках из неведомой страны, лежащей далеко на западе, за семью горными хребтами,— проговорил Рашудия, похоже, не слишком расстроенный неудачей.— Они так изготавливают свои мечи: берут шесть целых частей черного железа, добавляют к ним восемь неполных частей очищенного белого золота, варят все это на умеренном огне длительное время в глиняном кувшине без доступа воздуха. Такая смесь, быстро остывающая и бу-



лучи закалена без отпуска, выкована и отточена, режет стекло, как алмаз, сечет железо и рубит камень, не тупясь и не лопааясь. Вот был бы у тебя, Хайрам, такой клинок...

— Слышал я о таком мече,— буркнул Хайрам,— но такие вещи на дороге не валяются, а отнимать его у хозяина рискнет только безумный. Лучше уж самому прыгнуть в пропасть.

— На свете нет ничего невозможного,— многозначительно произнес ювелир, потирая руки.— За звонкую монету тебе хозяин сам принесет свой меч, или кто другой ему поможет. А еще слышал я, что много разных мечей хранится в уединенном и таинственном жилище мага и чародея в предгорьях, на границе с Лемурией.

— Все-то ты знаешь,— с едкой усмешкой заметил Хайрам,— все-то ты видел, все-то тебе известно. А ведь и носа из Гайбары не показываешь, разве, когда я приглашу...

— Зачем ходить? Зачем глядеть? Надо деньги платить и слушать.— И без того широкое лицо ювелира расплылось в добродушной улыбке. Напоминание о деньгах не прибавило радости Хайраму. То-го, что было у него с собой, хватило бы разве что оплатить выпивку. Что он и сделал, крикнув куда-то в необъятно гулкое переплетение коридоров и комнат позади себя. Возня с бутылкой как-то незаметно стихла. Разбойники сидели на теплых мраморных скамьях вокруг бассейна. Разгоряченные, кто схваткой с бутылкой, кто сражением с волшебным содержанием других, менее магических сосудов, они, скинув одежду, барахтались в воде, стараясь



утопить друг друга, но сообщать это получалось плохо. Впрочем, не слишком они и старались. Масляные лампы, подвешенные к потолку, освещали всю компанию лучше некуда, а по углам густели сумерки. Кое-где поблескивали отраженным светом серебряные кальяны, кувшины для омовений и другая банная утварь.

— И чем только у тебя ее чистят? Ведь видно, что не вчера сделана, хотя сегодня куплена,— произнес Хайрам, желая задобрить хитрого ювелира. В голове его проскользнуло восхищение — немного,— как раз столько, чтобы польстить, и ровно столько, чтобы Рашудия не догадался, что ему льстят.

— Это мой собственный состав,— подобрел голосом ювелир.— Надо взять щелока, и не какого-нибудь, а именно персикового дерева, добавить тепловой мочи новорожденного белого ягненка, все это проварить строго определенный срок, в этом-то и есть главный секрет, и этим отваром начистить серебро или золото. И тогда металл не тускнеет долго и светит, как солнце, хоть ночь на дворе, хоть ясный день...

В кружке разомлевших разбойников тоже нашелся свой сказочник.

—...Было так,— говорил он.— Жил в Эбере хитрый человек, звали его Хамиль. Была у него скверная привычка — прийти в баню, помыться, побриться, выпить молодого вина, а потом обвинить банщика, что украли какую-нибудь вещь, и не заплатить. В конце концов он так надоел всем банщикам города, что они сговорились не пускать его



больше ни в одну баню. Промучался Хамиль две недели, потом не выдержал, пришел в баню и в присутствии свидетелей дал банщику клятву, что не будет больше обвинять его в пропаже и честно заплатит за все. Только Хамиль разделся и вошел в мыльню, банщик спрятал всю его одежду, оставил только пояс с кинжалом. Помылся Хамиль, побрился, выпил молодого вина, выходит — а одежды нет. И сказать ничего нельзя — клятва дана при свидетелях. Понял тут Хамиль, что банщик подшутил над ним, но не растерялся. Застегнул он на себе пояс с кинжалом и сказал банщику:

— Имей же совесть. Ведь не так я сюда пришел.

Банщик рассмеялся, вернул ему всю одежду и разрешил Хамилю раз в неделю мыться бесплатно...

За рассказами и разговорами никто и не заметил, как Хайрам поднялся со своего места и исчез, тихо, незаметно, ни сказав никому ни слова, точно лисица, махнув на прощание хвостом. Кто бы сказал «на прощание», а на самом деле — заметая следы. Как старый и уже не раз травленный зверь, он чувял опасность за сотни лиг, не то что уж совсем под боком. Также он знал, что уйти от облавы может далеко не каждый и редко когда удастся прорваться всей стаей. Чаще спасаются одиночки. Каждый — сам за себя.

Если Дыхание Смерти теперь ему неподвластно, то надо скрыться на время, чтобы найти выход из этого щекотливого положения, особенно с оплатой работы ювелира. Не делиться же с ним на самом деле! Хотя бы и частью награбленных раньше богатств, и теперь признаваемых Хайрамом за свои



кровные. Вот и исчез старый лис из мыльни. Словно и не было его там. И не сидел он рядом с ювелиром.

Дверь распахнулась внезапно, и на пороге возник человек — смуглый, могучий, с копной черных, растрепанных волос и... как сказать? Ну голый он был, по-другому не скажешь. От неожиданности разбойники утратили дар речи, лишь ювелир, как хозяин дома, более смелый или менее трезвый, икнул и спросил:

— Помыться решил?

Незнакомец обвел всю компанию ледяным взглядом, и у Рашудии мгновенно пропала охота острить. В этом взгляде читалась непреклонная решимость и еще что-то такое, что не поддавалось описанию. В любых других глазах это выражение могло означать только одно — отчаяние обреченного, но только не в этих. Взоры всех присутствующих остановились на человеке в дверном проеме. Его узнали. Разбойники, люди неробкого десятка, ждали, что скажет демон, что сделает и, вообще, как объяснит свое появление здесь в такое время и в таком виде. Безоружный человек шагнул вперед.

— Эй, приятели,— произнес он вдруг,— а хотите, я сделаю так, что искупаюсь в вашем бассейне и вы не возразите?

Разбойники с недоумением переглянулись.

— А хотим...— отозвался Рашудия и с чисто житейским интересом добавил: — И как ты это проделаешь?

— Побьюсь с вами об заклад.



— А откуда ты свой заклад доставать будешь? — сразу возрос интерес ювелира.

— А вот откуда.— С этими словами Кулл-варвар поднял едва поместившееся в ладони свое мужское достоинство.— Ставлю против бассейна, что мое копые длиннее всех ваших.

От неожиданности разбойники опешили.

— Ну что ж, заклад принят,— без тени замешательства произнес Рашудия.— А если проиграешь, что будешь делать?

— Тогда, делать нечего, буду ходить немывтым. С палец толщиной — не грязь, а в два — сама отвалится,— отшутился человек, улыбаясь кривой, не слишком доброй улыбкой.

— Ну что ж. Что с тобой делать — мы еще посмотрим,— проговорил ювелир.— А сейчас подходи к свету. А вы там, вылезайте-ка из воды да захватите поднос.

Кулл не был безумно самонадеянным, но в своей силе он был уверен, как в себе самом. И варвар беспретпетно прошел к подносу, правда, стараясь все-таки не касаться его. Атлант надеялся, что первым его вызов примет сам Хайрам, но нет. Старый лис где-то скрывался, очевидно обдумывая мерзкие планы наказания Кулла за подобную дерзость. Но варвару сейчас было не до этого. Темный смысл шарady старого Дзио-ка Кулл разгадал, еще сидя в таверне. Целью состязания был человек с татуировкой, только он сейчас мог помочь Куллу добраться до Хайрама, а точнее — до бутылки со Смертью.

Один за одним посрамленные и уязвленные завистью в самое сердце разбойники отходили от под-



носа, но ни одной татуировки Кулл не приметил. С сожалением смотрел он на редеющие ряды желающих посостязаться. Нет. Тут ему нет соперников. И посвященного, похоже, нет.

Внезапно в глаза атланту бросились знакомые черты — острое лицо и крупный нос, похожий на клюв хищной птицы. Мердек! Тот, кто едва не убил Кулла, прикованного цепью. Не отрываясь, Кулл смотрел в его глаза, испытывая почти непреодолимое желание плюнуть ему в лицо. Но в глазах Мердека он прочел точно такое же желание и передумал. Зато он нисколько не удивился, когда почти рядом с ним на серебряный поднос легла туго свернутая в кольца, готовая к молниеносному броску черная змея. Вот она. Татуировка...

— Баня... сейчас будет вам баня,— объявил демон и, сбросив с лавки на пол жалобно звякнувший поднос, грозно рявкнул: — Где бутылка?!

Бешенство охватило Кулла, подобно огню, и он почувствовал, уже знакомо, как на заливке поднимается шерсть.

Первым неладное заметил ювелир. Возможно, потому, что с самого начала не ждал от Хайрамовой аферы ничего хорошего. Там, где замешана магия, жди беды, а беда — она долго себя ждать не заставит. Ювелир поднял голову и прямо перед собой увидел картину, от которой волосы на голове зашевелились, а сердце ухнуло в пятки. Прямо из беломраморной стены лезла оскаленная крысиная морда с горящими глазами и, пропихивая неуклюжее тело, изо всех сил помогала себе тонкими паучьими лапами. Рашудия зажмурился, мотнул головой, на-



деясь, что видение исчезнет, но гут с другой стороны стола донесся сдавленный крик, и в круг света прыгнула грациозная черная пантера, неслышно упав на свои мягкие лапы.

Тут Рашудия толкнул Мердека, заорав что-то нечленораздельное, все повскакивали с мест, вращая безумными глазами, с грохотом опрокинулся стол, звон разбитых кувшинов перекрывал проклятия и крики ужаса. Еще не зная, какой кошмар может вылезти из четвертой стены, разбойники инстинктивно рванулись к двери, распахивая друг друга и беспорядочно махая кривыми саблями... и наткнулись прямо на оскаленную пасть.

Жуткое это было зрелище. Клубок беспорядочно мечущихся по комнате человеческих тел, безжалостно избиваемых созданиями магии, бестрепетно выносивших страшные удары сабель и даже не вздрагивавших от смертельных ран. Кулл не помнил себя, не знал, в какой ипостаси ему довелось участвовать в этом сражении, он помнил лишь оскаленные клыки Малики, перекошенное от ужаса лицо ювелира Рашудии, рваные раны, кровь, бледное лицо Дзигоро где-то в воздухе, над сражением, и голос его, слышимый только армией демонов.

— Сзади!

Кулл обернулся и как раз успел срубить или прикусить ювелира. А не якшайся с разбойниками, если ты честный мастер, а если связался — плати!

Он пришел в себя, когда бледный рассвет уже разгорался над городом, а темнота из непроглядно черной стала седой. Он увидел рядом Дзигоро и, не сообразив, хотел хлопнуть его по плечу, но рука



прошла сквозь, и только тут Кулл обнаружил, что кругом мертвые, растерзанные тела и среди них — прекрасная женщина в плаще из черных шелковых волос.

— Как они ее? — хрипло спросил Кулл.

— Серебряным подносом.

— А Керам?

Но призрак лишь пожал плечами. Судьба грабителя караванов была ему неведома. В голове варвара стоял гул от недавнего побоища, он все еще не мог понять, человек он, или собака, но, судя по тому, что Дзигоро смотрел на него снизу вверх, он стоял на двух ногах, только покачивался.

— Бутылка! — напомнил призрак. — Дыхание Смерти.

— Не знаю, где бутылка, — рявкнул Кулл. — Татуированный — вот он валяется. Вроде жив, только малость пришиблен. А Хайрам, похоже, все-таки удрал. Недаром его прозвали Лисицей.

Варвар почти растерянно глядел на кучу мертвецов и покалеченных, пытаясь сообразить, что же теперь делать, но мысли метались по кругу, как собака за собственным хвостом: Хайрам и бутылка, Мердек и татуировка, Дыхание Смерти и Дзио-ка... И мертвая Малика — прекрасная, бесстрашная женщина, которую любил Керам. Внезапно в тишине послышался звук, которого Кулл не ждал, — шаги. Легкие шаги на лестнице. Шли, похоже, двое. Один очень торопился и почти волок другого за собой. Кулл пошарил глазами в поисках оружия, но это были не враги. В дверях появилась запыхав-



шаяся Айсиль, а с ней — бродячий музыкант из таверны «Золотой баран».

Войдя, девчонка застыла на пороге, не в силах отвести взгляда от жуткой картины. Хотя, живя у разбойников, могла бы и привыкнуть. Одежда Кулла, заботливо сбереженная, посыпалась на пол. Казалось, Айсиль утратила дар речи и смотрела на своего «спасителя» с диким ужасом. Певец был гораздо спокойнее. Он обвел побоище взглядом, кивнул Кулле и почти сразу заметил в углу то, что не углядели ни Кулл, ни Дзигоро. Какой-то маленький, несуразный человек, прикрыв свои телеса ладонью, пытался незаметно выползти наружу, прижимая к груди...

— Стой! — рявкнул Кулл, но не успел. Глупая девчонка Айсиль повисла на руке и что-то горячо зашептала. Варвар стряхнул ее, но было уже поздно. Бродяга завладел бутылкой с Дыханием Смерти, без усилий вынул пробку... Кулла прошиб холодный пот, но ничего страшного не случилось. Певец понюхал вино, одобрительно крикнул, в три глотка опростал бутылку и небрежно отбросил за спину. Варвар еще глядел, как диковинный сосуд со стуком катился по полу, когда певец ухватил толстяка Кошифа за плечо.

— Ты куда? — добродушно спросил он.

Тот, глядя на бродягу несчастными глазами, жалобно пискнул:

— Халат бы мне.

Не спрашивая ни о чем больше, певец снял с плеч свою засаленную хламиду, оставшись в таких же грязных шароварах, и от всей души протянул ее



незнакомцу. Но тот почему-то не спешил взять подарок. Напротив, сморщил брезгливо нос и шарахнулся, будто ему подсунули ядовитого скорпиона.

— Ну, как знаешь,— не обиделся певец.— Кста-ти, чем отличается халат от джунглей?

Тот что-то неразборчиво пробормотал, пытаясь вырваться, но на этот раз самым умным оказался Кулл. Он наконец-таки понял, что произошло, и поразился сообразительности Айсиль. «Тот, кто ничем в этой жизни не дорожит, может выпить Дыхание Смерти, как обычное вино». Варвар свел концы с концами, с облегчением рассмеялся и ответил певцу:

— В халате одна обезьяна, а в джунглях много.

Именно этот момент бутыль выбрала, чтобы завершить свой земной путь. Сначала на гладкой поверхности появилась одна трещина, потом другая. Потом вся она покрылась мелкой сетью трещин и беззвучно рассыпалась в пыль. А город остался стоять, как и стоял. Погибели мира беззаботному пьянчужке хватило ровно на три глотка. Похоже, он и сам не понял, что натворил, да и не вникал. Хоть Айсиль и пыталась что-то ему втолковать, смеясь и плача, глядя на него влюбленными глазами, но он отмахнулся от объяснений, еще раз кивнул Куллу и толстяку, обнял Айсиль и вышел за дверь, слегка покачиваясь. Девчонка послала варвару извиняющийся взгляд, тот с пониманием кивнул и криво улыбнулся.

Над городом поднималось солнце, прогоняя тени, и в ярком свете его лучей все таинственное и страшное становилось простым и понятным.



— И долго ты намерен так стоять? — напомнил о себе Дзигоро.— Имей в виду, у тебя только два дня. Сегодняшний, и еще один. А вечером, после восхода луны, откроются Врата Заката. Ты должен успеть.

— Куда? — холодно спросил варвар.— Призрачную Башню охраняют лучше, чем Шипы Повелителя — его дворец. Тут одному не справиться. Пусть даже с призраком за компанию. Тут нужно войско...

— У тебя есть войско,— напомнил Дзигоро.



ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ



Стремительные южные сумерки скользили с последними лучами заходящего солнца к земле. Оранжевая звезда опускалась за горизонт, поджигая на прощание вечерние облака, которые горели погребальными кострами по уходящему дню. Иссиня-черная бездна распахивала свои чертоги, в недосыгаемой для смертных вышине. Сначала не слышно было ничего, кроме сумеречного ветра, поющего среди песков и скал. Как вдруг где-то невдалеке провыл волк. Это был не обычный волк, это был Предвестник. Предвестник кровного долга. Ненависть, смешанная с торжеством, бесстрашием отчаяния и пронизанная едва уловимой насмешкой — вот что такое Предвестник.

Когда раздается этот вой, слабым не место вне дома. Стая шла по безжизненной местности. Волки текли широкой желто-серой рекой, почти сливаясь в цветом попадавшихся на пути валунов. По бокам, охраняя стаю, шли самые опытные, матерые волки.



Они зорко следили за всем, что попадалось на-встречу, и чутко ловили малейшие шорохи, готовые тут же ринуться в бой, не дожидаясь приказа, на любого противника. Высланные далеко вперед разведчики должны были загодя предупредить о любой непредвиденной опасности. Всех этих крайне осторожных действий требовал суровый закон войны. Кулл, как никто другой, сознавал всю опасность начатого им предприятия. Но он не мог поступить иначе. Будь атлант в человеческом облике, ему было бы гораздо проще разобраться в создавшейся ситуации, но сейчас у него просто не было другого выхода. А битва предстояла жестокая. Насмерть.

«Волки, некогда бывшие людьми,— против людей, ставших волками. А между ними — пес... Ерунда какая! — мелькнуло у Кулла в голове.— Но, демон их всех поberi, как хочется увидеть свое настоящее отражение в кристально чистой воде реки!»

Вдалеке показались три быстро приближающиеся черные точки, которые превратились в три стремительные серые тени. И вот уже перед Куллом остановились, устало поводя боками после долгого бега, разведчики.

«Что там?» — взглядом спросил пес.

«У стен Башни пусто и тихо»,— отвечал молодой гладколапый волк, переводя дыхание.

«Ворота?»

«Закрыты»,— последовал ответ.

«Вот и добрались»,— эта мысль почему-то разве-селила и обрадовала Кулла.

Час освобождения приближался.



Стая подошла к воротам Башни в тот самый заветный миг слияния золотых и серебряных нитей света, однако огромные, окованные черными железными пластинами створки даже не дрогнули, не то чтобы разверзнуться перед ними в нестерпимом неземном сиянии и открыть дорогу к Башне.

Кулл в нетерпении прошелся несколько раз вдоль ворот, даже поскреб их лапой, не веря своим глазам. Нет, Врата Заката были заперты, причем наглухо.

— Я убью лемурийца! — это все, что мог сказать северянин сам себе в утешение.

Безмолвная лунная ночь окутала мир. Ее черные бархатные крылья, слегка траченные звездной моллю, ласково обволакивали все живое. Дневная жара легко забылась в прохладном, приятно освежающем ночном воздухе.

Но прохлада не радовала волков, стоявших одной огромной стаей вокруг пса-воина. Они, так же как и Кулл, безмолвно застыли в ожидании около ворот. Но чего они ждали? Разве только чуда...

«Стоят, проклятые! — в сердцах подумал Кулл, — Разрази их гром и молния!»

Внезапно небо содрогнулось от страшного грохота, прокатившегося над окрестностями. Пучок рваных молний впился тысячью зазубренных стрел в одетые панцирем ворота. Они задрожали, подались назад и рухнули, подняв тучи пыли.

Большой черный проем зиял на их прежнем месте.

Кулл снова не поверил своим глазам. Он торжествующе взвыл. Сотни мощных глоток подхватили



его боевой клич. Еще не успела осесть пыль, поднятая над грудой обломков, а Кулл ринулся в проем. Пес не оглянулся назад — зачем? Он был уверен в своей стае. И они пошли за ним. Клич стаи звучал все громче и громче в крошечной тьме. Все ярче разгорались хищно-неистовым зеленым пламенем глаза зверей. Они летели, как на пир. На пир.

Пес первым оказался у входа, мелькнул в проеме и растворился в темноте строения. За ним в крепость, заполняя собой внутренний двор, хлынули волки. Стражники спросонья выскочили из своих каморок. Но далеко убежать им не дали. Волки Большого Пегого и Рваного Уха, как и волки Седого, не знали запрета охоты на человека. Крики и стоны людей, которых заживо сжирали звери, летели вслед за их душами к бесстрастному ночному небу. Но Боги молчали, отгораживаясь от них непроливаемым пологом дождевых туч. И хлынул дождь, смывая свежую кровь.

Громада Призрачной Башни, сжатая со всех сторон такими же черными базальтовыми выступами скал, внезапно появилась из темноты ночи, как воплощенный ужас. У железных дверей Башни отчаянная горстка людей из охраны мага из последних сил отбивалась от зверей, обезумевших от ярости. Страх парализовал стражников. Они как завороченные глядели с суеверной дрожью в налитые кровью глаза, оскаленные пасти и на змеящиеся между зубов языки, с которых стекала слюна. Кулл метнулся к ним. Она была рядом — на полкорпуса позади его плеча.



Ощетинившись длинным копыями и плотно прижавшись к стене, стражники убивали всякого, кто отваживался на прыжок.

Когда подоспел Кулл, волки, сбившиеся в кучу, метались возле людей, не в силах что-либо поделать с ними. Волки проворны, хитры и бесстрашны в самой лютой схватке, но, когда надо идти напролом, им зачастую недостает простого отчаяния. Но Кулл показал этим серым бестиям, кого не хватало в их стае. Беззаветное мужество есть только у человека.

Воздух, пропитанный запахом крови, свинцовой тяжестью давил на грудь. Вдруг его разорвал глухой рык, тут же сорвавшийся в предсмертный визг. Еще какой-то один храбрец с лету угодил на копье.

Яростно огрызаясь, волки нехотя отступили. Места как раз хватило для разгона, и Кулл всей своей тяжестью обрушился на противника. Силой своего удара он разорвал строй, сбив с ног сразу двоих. В образовавшуюся брешь в обороне людей тотчас же устремилась вся волчья стая. Захрустели переломленные копыя. Десяток хищников упал, пронзенный насквозь, но другие достигли цели. У них не было оружия, но они и не нуждались в нем. У них был вожак несокрушимой смелости.

Поваленные наземь защитники Призрачной Башни захлебнулись в собственной крови, втоптаные в грязь. Буквально на плечах немногих из отступавших волки влетели в Башню.

В этот раз она встретила гостей менее приветливо, чем их далеких предков. Пришло время вернуть долг гостеприимства. Кулл обернулся назад — она



была рядом, такая же спокойная, как и перед началом похода. Подруга вожака.

Волки остановились, заполнив своими телами почти всю переднюю галерею, которая где-то посередине разделялась на три расходящиеся в разные стороны анфилады залов и комнат. Все ждали, когда Кулл подаст знак.

И пес опять взвыл, что своим стало радостно, а чужим страшно.

«Вперед!»

И стая потекла за ним, как горная река, разбухшая от талой воды. От стаи по негласному приказу отделились два отряда. Оставшийся центральный, самый многочисленный, продолжил путь вперед, остальные углубились в боковые коридоры Башни.

Серые тени, сверкающие зеленые искры во тьме, как отражения мертвенно-зеленого пламени белых черепов-факелов. Пес бежал и слышал доносившиеся звуки боя. Стоны раненых людей и вой волков смешался с лязгом оружия. Битва разгоралась повсюду — в самом темном и укромном уголке Башни нельзя было укрыться от безжалостных, не знающих промаха кинжалов волчьих зубов.

Никогда раньше Кулл не ощущал в себе такой жажды крови.

«Вперед, вперед!» — подстегивал его внутренний голос. Его голос? Неожиданно на его пути вырос темный силуэт. Враг. Перед глазами сверкнул меч, но человек, как казалось, слишком долго отводил руку для замаха. Прыжок — и вот оно, податливое горло врага. Клыки глубоко ушли в плоть, кровь обдала морду липкой струей.



«Труп убитого тобой противника приятно пахнет,— подумал пес, приканчивая следующую жертву.— Как слаб человек!»

И люди дрогнули, повернули вспять, ища спасения в бегстве. Искали и не могли найти. Волки рвали людей в клочья, оставались лишь тела, забранные кольчугами, и мечи, не поддававшиеся звериным зубам. Жесткая резня закончилась быстро.

Кулл медленно обводил взглядом поле битвы. Трупы в лужах крови, исковерканное оружие... Где-то он уже видел все это. Много раз. Но его бой еще не закончен. Хозяин Призрачной Башни. Он должен найти его!

И тогда Боги решат судьбу их поединка.

Отделившись от стаи, Кулл устремился к основанию Башни, туда, где находилась та самая пещера с вечным подземным огнем. За первым же поворотом к нижней галереи его окутал плотный, почти осязаемый мрак, знакомый ему еще с первого визита, погружая в океан безвременья. Кулл огляделся по сторонам, решая, что ему следует предпринять.

* * *

От стены отделился тусклый шар и завис над собакой. Из глубины его стал вырываться свет, разгорающийся с невиданной силой. Наконец, став подобным раскаленному угольку, он полетел по узкому коридору, маня за собой.



«Дзигоро»,— догадался Кулл, бросаясь вслед за шаром. Дышалось свободно.

Волшебный свет, что разрубил паутину колдовских заклинаний, опутывавшую коридоры. Вот и она, та лестница, что привела его сюда в прошлый раз. Он на мгновение замер. Но присутствие Дзигоро, пусть даже незримое, дало ему надежду. Шар взмыл вверх по ступенькам и исчез за поворотом. Кулл последовал за ним. Миновав лестницу, он очутился на площадке, на которой он лишился свободы. Пес осмотрелся, перевел дыхание, и тут...

Необъятная тень неотступно надвигалась на пса. Бестелесное существо обдало его могильным холодом, но нападать не спешило. Кулл стоял в полный рост, сжимая кулаки до хруста костей. Лемурийский маг смотрел на него ехидно.

— Вот мы и встретились, Кулл из Атлантиды.— Голос мага звучал как зауспокойная молитва.

— Я ждал этой встречи,— ответил варвар, совладав со своей яростью.

— Ты пришел, чтобы умереть? — медленно спросил лемуриец, делая шаг навстречу и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Тогда ты попал туда, куда надо. В прошлый раз ты улизнул. Ну что ж... Не волнуйся, сейчас я сделаю все так, чтобы ты подольше помучился.

— Я пришел получить должок,— спокойно произнес Кулл.— В нашу последнюю встречу мне помешали разделаться с тобой, колдун.

Лемурийца, похоже, не поразило, что Кулл очутился перед ним, стоя на двух ногах. Кулл удивился



еще меньше. За последние дни он начал привыкать к своим превращениям.

— Где мой топор? — деловито поинтересовался варвар. — Надеюсь, ты его не потерял?

— На базаре в Гайбаре.

Кулл опешил. Топор, верный спутник в рискованных приключениях, почти часть его самого... Да как он посмел?! Ярость захлестнула его, как петля капкана, не взвидя света, варвар двинулся на Тумхата с намерением разорвать его на части, и никак не меньше.

Маг вытянул руки, встречая выпад человека. Кулак атланта ударил по ним и отпрянул, словно налетел на непробиваемую стену.

Тень расплылась. Теперь вокруг стало совсем темно, только сердце напоминало о смертельной опасности. Внезапно тень вытянулась в узкую полосу и оказалась позади Кулла. Чьи-то руки резко схватили его за шкуру и рванули вверх, пытаясь поднять.

Он снова стал собакой, ничуть не желая этого!

Шкура натянулась, но выдержала. Изловчившись, Кулл попытался укусить незнакомца, но железная хватка врага приковала его к месту. Оставалось только действовать задними лапами, с мощными, почти железными когтями. Он уперся передними и с размаху ударил. Руки не ослабили давления, а пес все бил...

Он услышал за спиной рычание, шаги, бросок... Мгновенно ощутив себя свободным, пес развернулся, слыша глухой удар о каменный пол. Кулл готов был броситься на обидчика, но увидел волчицу. Она



силилась подняться, но лапы не держали ее. Из-под нее растекалась лужа крови. Зеленые глаза в последний раз мигнули и погасли, затянутые тусклой пеленой.

Кулл попробовал достать мага с другой стороны, и вновь стена встретила его выпад.

— Жалкий варвар,— насмехался лемуриец.— Ты пытаешься решить задачу, непосильную тебе.

Внезапно атлант почувствовал в себе полное спокойствие. Он безучастно посмотрел на мага и поднял взгляд к небу. Дождь прекратился. Мириады звезд манили, завораживали своей таинственной красотой.

«Дзигоро, где ты?» — подумал Кулл.

Одна, едва заметная, звездочка отделилась от прочих и поплыла на крыльях ветра к Башне. Звезда, приближаясь, увеличивалась. Она зависла над соперниками, излучая тусклый свет. Злоба, что накопилась за дни скитаний, бросила Кулла в атаку. Тумхат молниеносно сдернул свой синий плащ и кинул его на собаку. Кулл в прыжке перехватил тряпку зубами, отбросил ее, ринулся на врага, но невидимая сила отшвырнула его назад и сдавила его тугими кольцами.

— Время умирать, человечиска,— раздался за спиной зловещий хохот колдуна. Он сжал руки, выставив их вперед, и атлант увидел, как холодный свет стал вытекать из его ладоней.

С ужасом Кулл почувствовал, что очертания предметов вокруг него расплываются и медленно гаснут. Он завертелся, пытаясь ухватить зубами невидимого врага. Но только горький дым сдавил ды-



хание, забился в глотку, перекрыв доступ воздуха. Зверь чихал, а черный туман обволакивал тело. Ступаясь вокруг пса, он сжал его, приподнял над площадкой и выплюнул на каменистый пол. Пес заскулил, извиваясь от боли. Беспощадный мрак окружил его, оторвал от пола и с новой яростью швырнул вниз. Он отбил себе задние лапы и в бешенстве принялся рвать неуловимого противника. В третий раз пес ушибся скуластой мордой, вытянулся на холодном полу и затих.

Переливаясь всеми цветами радуги, в руках мага трепетал огонь. Он поднял его над головой, обращаясь к человеку:

— Ты пришел убить меня? Ты сам найдешь здесь смерть. Ты глуп, человек, как и все ваше племя.

— Ты все-таки ошибся, Тумхат. Почти во всем. Но в одном ты прав — я человек!

Под ногами в предсмертных судорогах корчилось его прежнее тело — тело большого серебряного пса древней породы собак-воинов. Но это было уже неважно.

Кулл замер над этим умирающим зверем, словно поднялся над собственной смертью. И ни страха, ни ярости не было в нем. И страх, и ярость остались внизу, там, где умирал пес — его звериная половина.

— Уж не этой ли штукой ты решил известить меня? — указывая на горящие ладони мага, произнес Кулл.

Маг плотнее сжал руки, и языки пламени выскочили наружу, ярко освещая площадку.



— Твоему телу этого вполне хватило,— невозмутимо изрек лемуриец, глядя прямо в глаза атланту.— Вот оно лежит, посмотри. Пададь,— смачно сплевывая, закончил мэг.

— Это тело мне не принадлежит,— спокойно отвечал варвар.

— Ах вот как,— презрительно слетело с губ лемурийского мага.

Огонь вырвался из рук колдуна и устремился к человеку. В то же время звезда сорвалась с места и разрежала огонь. Послышался звук удара, пламя рассыпалось на тысячи крохотных искр, осыпая площадку.

Кулл в один прыжок оказался рядом с противником. Рука его обвилась вокруг шеи мага и прижала кадык к хребту. Кости мага затрещали от неимоверных усилий, а атлант, вкладывая всю мощь закаленного тела, давил, пиная коленом врага. Кулл, подгибая ноги, потащил мага на себя. Они упали вдвоем. Ступни северянина уперлись в грудь колдуна, и он сильным толчком послал его через голову...

Волки, столпившиеся у подножия Призрачной Башни, шарахнулись в стороны, когда тело стража сокровищницы гулко врезалось в мощный двор, проломив под собой каменные плиты. Осколки черепа вперемешку с мозгами и кровавые ошметки брызнули во все стороны. Не успели останки Тумхата осесть на камнях, как над местом его падения закружился воздушный водоворот. С неотвратимой настойчивостью он стал разрастаться, вселяя ужас в свидетелей своего появления. Из каждой капельки



прежнего тела мага заструился прозрачный дымок. Сначала медленно, а затем все отчетливее и настойчивее. Приподнимавшиеся над землей струйки завлекались в водоворот. Они успевали сделать круг около невидимой оси, а затем поглощались и придавали ему. новую мощь, увеличивая и без того сумасшедшее вращение, Частички зла стягивались в середине водоворота в темное облако. Бешеный вихрь стал новым прибежищем черной силы некогда могущественного колдуна. Искаженные муками ада черты лица стали проявляться в бурных потоках.

Две светлые точки мигнули в темноте. Наперерез черному вихрю шагнули двое. Две невысокие, полупрозрачные фигуры, источавшие нездешний свет. Маленький камелиец и старик, древний, как этот мир.

— Ты ошибся дорогой Делви,— произнес призрак Дзигоро.

— Я — Тумхат!

Стены Башни вздрогнули от этого голоса, и сухое небо швырнулось пучком белых молний.

— Твой слуга, Кошиф, как-то задал мне вопрос,— проговорил Дзигоро, не пытаясь заслониться от молний.— Теперь я задам его тебе. Твоя вера стоит того, чтобы за нее умирать?

— Я бессмертен,..

— Ты так думаешь,— проговорил Дзигоро,— но все мы ошибаемся... Время от времени.

Он вскинул ладони.

— Нет! — Старик отстранил Дзигоро и приблизился к темной фигуре почти вплотную.



— Твой земной путь закончен,— уверенно произнес он,— нового рождения не будет. Ты исчерпал терпение Ранхаодды. Магия — это дорога в тупик. Я говорил тебе об этом, но ты не хотел слушать. Теперь пожинай плоды своего невежества...

Грозная черная фигура неожиданно стала оседать и блекнуть. Сила уходила, и не было способа ее удержать...

Прошло мгновение... другое...

Вихрь над проломленной плитой понемногу затихал. На его месте осталась лишь невесомая серая фигурка тощего человечка с узкой бородкой.

— Теперь ты понял, что такое — магия? — доброжелательно спросил старик.— Или дальше объяснять? Похоже, Делви, мне придется взять твое обучение в свои руки и начать все сначала...

С этими словами старик положил прозрачную руку на плечо Делви, и оба растворились в ночи.

Кулл трясся как в лихорадке. Его тело мелко колотила дрожь. Ужасная боль ломила кости и сжимала череп.

Он терпел, скрипя зубами, ибо тело его принимало прежний вид. Ради этого стоило потерпеть.

— Ты свободен, Кулл,— раздался голос камелийца.

— Только благодаря тебе, Дзигоро,— отозвался атлант.

— Отнюдь. Ты все сделал сам, я лишь немного помог. Теперь прощай. Мне приятно, что я знал тебя в жизни. Я буду помнить тебя, Кулл из Атлантиды. А ты все забудешь.



— Но я не хочу забывать,— возразил Кулл.

— К сожалению, Боги редко спрашивают о наших желаниях, и это правильно. Но хорошо уже то, что заглянул в свою душу, видел зверя и сумел его приручить. Таким ты останешься навсегда. Прощай!..

Кулл не успел ответить, призрак раздвинул первые проблески рассвета, шагнул внутрь, и они сомкнулись за ним.

* * *

...Верблюд оказался зверем вполне покладистым и неупрямым. Кулл покачивался на его спине, обхватив горб ногами, пока корабль пустыни медленно и величественно плыл по направлению к печально знаменитому «разбойничьему» оазису.

Варвар спешил покинуть Гайбару по многим причинам, и не последней из них была бойня в доме ювелира. Кулл слыхом не слыхивал о том, что там произошло, но чей-то длинный язык приплел сероглазого варвара и туда, и еще к паре-тройке странных происшествий в прекрасном и спокойном, до появления Кулла, городе, и он решил, что пора искать новые приключения, но только где-нибудь в другом месте, а для Гайбары и этого достаточно.

Как в его дорожной сумке оказались два драгоценных камня величиной с кулак, Кулл тоже не имел ни малейшего понятия. Тем более что нашел он эти камни вместе со своим неразлучным топором в изголовье кровати в маленькой комнатенке та-



верны со смешным названием «Одnogорбый верблюд», с точно таким же животным на вывеске, какое сейчас преодолевало бархан за барханом с Куллом на себе. Только нарисованный верблюд был синего цвета. Кулл заночевал там, перед тем как окончательно двинуться из Гайбары восвояси. Правда, атланту казалось, что он смутно помнит, будто владелец сокровищ вроде бы мертв и наследников у него нет.

Впрочем, этот вопрос был не из тех, которые занимали Кулла слишком долго.

То, что он издали принял за брошенную тыквенную флягу или бурдюк из-под воды, вблизи, оказалось человеческой головой. Голова была седовата, плешива и бешено вращала глазами. Увидев человека на верблюде, голова принялась орать, но, поскольку она занималась этим уже несколько часов, вместо крика из пересохшего горла вырвалось только надсаженное сипение. Впрочем, старалась голова напрасно. Кулл и так бы подъехал посмотреть, что там за чудо торчит в песке, потому что был любопытен и в данное время ничем не занят.

Верблюд послушно лег у самой головы. Варвар, не слезая, рассматривал лицо, которое ему крайне не понравилось. И к тому же что-то смутно напоминало.

— Кто это тебя так сильно не любит? — задумчиво проговорил, скорее размышляя вслух, чем спрашивая постороннюю голову. Однако голова сочла своим долгом ответить:

— Помоги...

Кулл задумался.



— Стоит ли? — в сомнении проговорил он. — Рожа мне твоя не нравится. И сдается мне, в землю тебя воткнули за дело. Кстати, ты так и не сказал, кто это был.

— Пи-и-ть... — просипела голова.

Даже во времена ранней юности, когда человеку свойственна мягкость и нерешительность, Кулл из Атлантиды не давал обета помогать всем страдальцам. Впрочем, вода еще была, а до оазиса — меньше дня пути.

Утолив жажду, голова сделалась вдруг разговорчивой.

— Кто он, кто он... Тот, кто и тебя вкопает в песок, по самые уши, только попадись. Он нашего брата не жалует. Абад-шаан. Слышал когда-нибудь это имя?

— Ага, начальник гайбарийской стражи, — кивнул Кулл без удивления. — Приходилось. Головастый тип, даром что гайбариец. А за что он на тебя так обиделся?

Голова фыркнула:

— Кто ж из стражей Гайбары любит Хайрама-Лисицу? Ты небось тоже не любишь?

Кулл насторожился.

— Да я ведь не со зла, — продолжала голова. — Ты сам пойми. Собака, собака, и вдруг — здоровенный парень, полшайки у меня порубил... Знал бы, что так все обернется... А вторая половина вон там, неподалеку, отдыхает. Абад-шаан налетел с отрядом туранийской конницы — и нет ребят... Должно быть, наткнулся он на нас случайно. Меня, видишь, почтил особо... А ты, значит, теперь в человеческом



обличье по земле ходишь? Дело твое, но выкопал бы ты меня, а? Тебе же нетрудно...

Слушая бессвязные бредни головы, Кулл окончательно решил, что от перегрева парень спятил. Однако лицо его действительно что-то напомнило варвару, и чем больше он в него вглядывался, тем меньше оно ему нравилось.

— У меня есть золото,— без особой надежды соврал Хайрам.

— Ну да... золото. После налета туранийской конницы.

Ладно, решил варвар для себя. Откуда-то выплыла в его голове загадка. Кто ее загадал и почему она не давала ему покоя?

— Ответишь на вопрос — откопаю. Нет — твоя беда.

— Задавай,— оживилась голова.

— Кто богаче, чем король?

— Два короля,— выпалила голова, вращая глазами.

Кулл мгновение подумал. Кивнул. И слез с верблюда...

* * *

Страшное чудовище вылезало из-под земли каждую ночь и заботливо обходило Призрачную Башню. Йог-Сагот больше не назначал сторожами своих богатств смертных, предоставив эту почетную обязанность одному из своих лучших слуг. В эту ночь демон-охранник вылез из-под земли злым, как никогда. Вековые камни да редкие кусточки слышали



из уст его одно странное имя. Не то Кулл, не то Керрам, не то еще как-то. Он так бурчал, что и не разобрать. Но проклятия сыпались отменные. Злоба и ненависть распирали демона.

Одинокая звезда, бледно светившая над Прозрачной Башней, вдруг ожила. Она разрасталась, выпуская из себя человека в лунном сиянии.

— Эй ты, как там тебя! — позвал человек, спускаясь на белом мерцающем облачке. — Ты куда собрался?

Страшилище подняло лохматую голову, уставив на гостя жгучий взгляд.

— Тебе-то что за дело, Дзигоро? — вопросом на вопрос отвечал демон. — Раз приняли тебя, так сидел бы тихо.

— Кулла решил отыскать? — пропуская в свою очередь его слова мимо ушей, задал вопрос Дзигоро.

При упоминании имени ненавистного ему человека у чудовища встала шерсть дыбом.

— Я убью его! — рявкнула подземная тварь.

— Стоит ли вмешиваться в земные заботы? — опять спросил Дзигоро.

— Я сам знаю свои дела! — огрызнулся зверь, н глаза его налились кровью.

— У них свой мир, у нас с тобой — другой. Оставим им их дела, а сами займемся своими.

— Ты предлагаешь себя вместо человека? Ха-ха-ха, — раздались громовые раскаты хохота демона.

— Рано смеешься. Еще неизвестно, кому выпадет удача, — как всегда спокойно произнес Дзигоро.

— Берегись! — выкрикнуло чудовище, кидаясь в атаку.



Дзигоро сделал шаг вперед...

ЖУЛА

ПОЖИРАТЕЛЬ
ОГНЯ







Выполнить обещание, данное им Шуршилу, Кулл не смог. Ни через несколько дней, ни даже через полгода выступить в поход против Шашонга не удалось.

И дело тут было не только в ранах Кулла, хотя они оказались куда серьезнее, чем атлант старался убедить Ту и Брула. Эл-Та и Кутулос, мужественно перенося ругань своего дарственного пациента, наконец отказались выпускать Кулла из дворца без присмотра по меньшей мере полудюжины своих учеников-подмастерий. Всех сил атланта не хватило, чтобы ускользнуть от этой вездесущей парочки мучителей.

— Можете приказать меня казнить, Ваше Величество, но я не могу позволить вам так относиться к своему здоровью! Вам непременно следует выпить вот это...— Решительно вскинув бороду, тряс какой-то микстурой перед носом атланта дворцовый лекарь.

— Своей упрямостью вы грозите свести на нет все наши усилия,— вторил ему придворный маг Кутулос, подсовывая пригоршню магических пилюль.



Но так или иначе, могучий организм горца справился и с тяжелейшими ранениями и с лечением. Куда большую проблему представляли государственные дела, пришедшие за время событий, следовавших за бегством Ренара, в запустение. Политическая обстановка в Валузии требовала от Кулла постоянного присутствия и пристального внимания.

И первое, что сделал Кулл, едва достаточно оправился, чтобы передвигаться без посторонней помощи, это безжалостно расправился со всеми участниками неудавшегося восстания, присягнувшими на верность Шашонгу. Если он готов был простить простых горожан, введенных бунтовщиками в заблуждение, то для участников омерзительных пиршеств в подвалах графа Фанары снисхождения быть не могло.

— Ваше Величество, вы ни в коем случае не должны казнить представителей древнейших валузийских родов Фанары, Блала и де Латомов! — попытался убедить Кулла седобородый Га-Нахор. — Это оттолкнет от вас всю валузийскую аристократию! И, кроме того, подаст отрицательный пример черни!

— Вот где я видал валузийскую аристократию! — взревел разъяренный атлант, потрясая огромным кулаком перед носом старейшего члена государственного совета, доставшегося ему в наследство от свергнутого им тирана Борна. — Я объявил свою волю, и так и будет!

Достаточно я слушался вас, старых болтунов, и проявлял милосердие к изменникам вроде Ка-нуба,



барона Блала! — Не на шутку взбешенный Кулл, швырнул на пол чашу с лечебным зельем, которую мгновением раньше взял у Эл-Та.— Ты посмотри к чему это привело? Стоило мне на несколько лун покинуть Хрустальный Город, как выкормыши этой ядовитой жабы Шашонга в открытую вершат непотребное колдовство в сердце моего королевства! Валузиец поднял меч на валузийца, а из-под земли вообще лезет невесть что! — несколько непоследовательно закончил атлант.

— Ваше Величество...— при упоминании о живых мертвецах, поднятых из могил страшными заклинаниями посланца Великого Змея, действовавшего под личиной графа Фанары, Га-Нахор побледнел,— Все истинно так, но может быть...

— Никаких «может быть»,— рявкнул Кулл и его серые глаза исполнились такого яростного блеска, что окружавшие его советники, пришедшие с прошением о замене смертной казни аристократам пожизненным изгнанием, в страхе попятились.— Ни одна тварь из тех, что добровольно пожирала плоть моих подданных и своих соотечественников, больше не будет осквернять своим присутствием землю!

Когда правитель великой Валузии был в таком настроении, спорить с ним решился бы только самоубийца. Даже Брул в такие моменты не осмеливался возражать Куллу. Хотя, на этот раз пикт полностью разделял мнение своего друга и лично взялся бы привести приговор Кулла в исполнение.

Кулл с тигриной грацией поднялся с обитого горностаевыми шкурами Топазового Трона и, выпрямившись во весь свой немалый рост, изрек:



— Мы, Кулл Первый, Повелитель Валузии, постановляем. Завтра на рассвете Кануб, барон Блала, и прочие змеинные прихвостни из рода графа Фанары, Тирона, Ренара и де Латома, чье добровольное участие в омерзительных и преступных деяниях доказано, будут переданы в руки палачей и распяты на городских воротах. При казни обязаны присутствовать представители всех дворянских родов и послы Семи Великих Держав и Малых Княжеств, которым разрешается покинуть лобную площадь лишь после смерти последнего из изменников. Можете удалиться—

Трясущиеся валузийцы, кланяясь, как заведенные, пятясь оставили Зал Совета.

— Ваше Величество совершенно правы, существа вроде Кануба не достойны называться людьми,— низко поклонился стоявший у подножия трона Ту.— К тому же я считаю, что эта казнь в полной мере послужит интересам государства и с политической точки зрения...

И чуть ли не впервые за время своего правления Кулл увидел в глазах пожилого валузийца, пережившего уже четырех правителей этой многострадальной державы, явное одобрение своих поступков.

Многомудрый Ту оказался совершенно прав. Решительность и бескомпромиссность Кулла, наоборот, укрепила его репутацию справедливого и грозного правителя. И валузийская аристократия и представители сопредельных государств лишний раз убедились в твердости руки повелителя Валузии.



В свою очередь горожане не забыли, как меж ними еще недавно расхаживали змеелюди и ожившие покойники. И дело тут было не только в страхе перед нечистью, но в настоящем оскорблении религиозных чувств почитателей Валки, которому исто-во поклонялись валузийцы. Морок слов графа Фанары и болтуна Кануба рассеялся, и люди ужаснулись, оглянувшись на деяния рук своих. Сознание того, что еще недавно они готовы были свергнуть своего законного повелителя — избранника Валки во имя ужасающего Сета, наполняло их стыдом и раскаянием. Поэтому, вопреки опасениям государственного Совета, казнь предателей рода человеческого была встречена с большим энтузиазмом и вызвала всеобщее одобрение.

После того как Кулл восстановил порядок в государстве, все его время уходило на подготовку к войне со Змеиным Королевством. Он поклялся, что черед кровавых деяний Шашонга будет положен предел, и отнесся к своим обещаниям очень серьезно. Рассказы командира Алых Стражей Келкора и рьяного почитателя Кулла змее-человека Шуршила о страшной участи рабов в городе Пирамиды зажгли сердца людей пламенем ярости и гнева.

Вновь разнеслись над землями человеческого предела древние полузабытые слова: «ка нама каа лайерама». Повсеместно изобличались принявшие человеческие личины змеелюди — лазутчики и посланники первосвященника Великого Змея Шашонга.

Только теперь сильные мира сего осознали, в какой страшной опасности они находились и как ши-



роко раскинул некогда поверженный древний Бог свои щупальца. Сотни и сотни лучших представителей рода людского — аристократы, воины, жрецы и ученые были принесены в жертву Змееголовому Сету, чтобы их место могли занять чешуйчатые демоны.

Кто в силах описать горе и ужас мужей и жен, отцов и матерей, чьи близкие внезапно оказывались не людьми из плоти и крови, а гигантскими рептилиями, ненавидящими все человеческое. Что говорить, даже сам Кулл не мог представить истинный размах деятельности владыки Змеиного Королевства Шашонга.

Вновь человечество обрело единого врага, пред лицом которого были забыты все распри. Между семью Великими Державами и Малыми Княжествами сновали послы и дипломаты. Кулл, Ту и Ка-Ну не знали ни мгновения покоя, ведя переговоры с прибывающими в Хрустальный Город царственными особами. Большинство правителей сочли за честь принять участие в Великом Походе за Стагус. Нашлось дело и для Шуршила с его драконом, которых Кулл отправил на Запад. Причем атлант даже ближайшим своим друзьям не обмолвился ни словом о целях экспедиции Шуршила.

Владыки Атлантиды, Лемурии, Валузии, Верулии, Каа-у, Фарсуна, Зарфхаана, Турании и Грондара еще не определили дату начала кампании. Но было ясно, что подготовка к войне займет не менее полутора лет. Нужно было не только снарядить огромнейшую армию — никогда доселе Человечество не бросало в бой такую силу против общего врага,



но и проложить дороги через Грондар, чтобы подвезти невероятное количество леса и камня для возведения моста через Стагус.

Повсеместно кипела работа, возводились новые дороги, мосты и виадуки, засеивались новые поля. За последнюю сотню лет ремесла не знали подобного расцвета.

Однако и силы зла не теряли времени даром. Под зеленовато-желтый стяг Шашонга стекались змеепоклонники и чернокнижники, некроманты и адепты разных человеконенавистнических культов. В своей ненависти к людям сторону Змея избрали жрецы Черной Тени и Господина Черной Бездны Верезаала. Увы, и среди людей нашлось немало предателей и отщепенцев, для которых власть презренного золота оказалась куда сильнее, нежели совесть и патриотизм. Именно на них теперь приходилось полагаться Шашонгу, в одночасье лишившемуся своей разветвленной шпионской сети.

Обе стороны, напрягая все силы, готовились к последнему сражению не на жизнь, а на смерть.

*К -К -К

— Тебе необходимо сделать перерыв! — обратился к атланту Брул Копьебой, верный друг и сподвижник Кулла. — Нельзя столько работать!

— Нам всем нужен отдых, — пожал плечами атлант. — И тебе, и Келкору, и Ту, и Ка-Ну...

— Да уж, — хмыкнул Брул, наливая себе вина из кувшина. — Я никогда не видел, чтобы старый лис так суетился. Он уже вдвое усох и вполне может от-



казаться от одежды, заворачиваясь в собственную кожу!

— Такова участь облеченных властью,— равнодушно отозвался Кулл.

— Брул совершенно прав,— поддержал пикта Ту.— Сколько ты еще продержишься, если будешь спать по четыре часа?

Кулл потер кулаками воспаленные глаза.

— Выплюсь после победы, сейчас же я должен...

— Сейчас же ты должен начать собираться в дорогу.— Дверь покоев Кулла отворилась, и в помещение вошел Ка-Ну, посланник пиктов и ближайший советник Кулла.

Атлант перевел на старика удивленный взгляд.

— Все уже решено, Кулл,— подмигнул ему толстый пикт.— Мы отправляемся к Муджарию. Мои гонцы только что доставили ответ Великого Хелифа. Он гласит, что Солнцеликий Асаф бер Барахия будет рад принять своего царственного брата Короля Валузии Кулла в своей скромной летней резиденции в Турхунгабаде.

— Но у меня еще столько дел! — возразил старому пикту Кулл.— Армия, оружие, продовольствие...

— Эти дела вполне по силам государственному совету и Келкору,— покачал головой Ка-Ну.— А вот заключить военный союз с Муджарией сможешь только ты.

— Но разве Великий Хелиф уже не обещал нам свою поддержку? — удивился Брул.

— Кто может сказать наверняка, что имели в виду дети пустыни под этим словом? — хмыкнул Ка-



Ну.— Нам желательно получить от Муджарии нечто большее, чем расплывчатые обещания.

— Истинно так, пикт,— согласился с ним Ту и повернулся к атланту: — Кулл, он прав. Признаться, я совершенно упустил из виду нелепые обычаи муджарийцев. У них принято, чтобы все важные дела решались лично между двумя владыками и за пиршественным столом или на охоте. И тем не менее это нация искуснейших воинов.

— Да,— подтвердил сказанное валузийцем Ка-Ну.— Без муджарийской конницы нам не обойтись. Кулл, ты просто не понимаешь, о чем идет речь. Видел бы ты этих чудовищных зверей размером с дом, которых муджарийцы зовут дроматариями! Эти огромные монстры крайне злобны и выносливы. Настоящие демоны смерти! Боюсь, без них нам в пустыне за Стагусом придется туго.

— А что, хорошая мысль,— оживился Кулл.— Если эти зверюги и впрямь так хороши, как вы их расписываете, они смогут дать отпор стадам гигантских ящеров.— Атлант сразу же определил неведомым дроматариям место в предстоящей военной кампании.

— Эти твари способны нести в бою трех воинов: погонщика пикинера и двух воинов лучников,— добавил Брул.— И главное, очень долго могут обходиться без воды! А сколько на них можно навесить груза!..

— Все, уговорили! — поднял обе руки Кулл, уже захваченный новой идеей.



Потянувшись так, что у него затрещали все кости, атлант понимающе улыбнулся, обращаясь к друзьям:

— Я догадываюсь, что всем хочется размяться. Знали бы вы, как мне самому не терпится вскочить в седло, пока государственные заботы не сделали со мной то, чего безуспешно добивались десятки наемных убийц. Решено, через два дня выступаем.

*К -К -К

Кулл скакал во главе отряда из нескольких сотен Алых Стражей и пиктов Ка-Ну. Лига за лигой стелились под ноги его неутомимого фарсунского скакуна. Зеленые долины Валузии сменились горячими песками пустыни Хонана, которые в свою очередь уступили место тучным нивам Малых Княжеств. Но вот уже и те перешли в бескрайние туранийские степи. И наконец, на юго-востоке еле различимой черной полоской показались горы Коф, в которых и брала начало река Стагус. Что лежало за этими горами, было никому не ведомо, и многие считали этот исполинский горный хребет стеной мира, на которой покоится край небес.

Впервые за много лун, пролетевших со дня его триумфального возвращения в Хрустальный Город из Змеиногo Королевства, Кулл по-настоящему наслаждался жизнью, вдыхая полной грудью воздух вольной степи.

Долгие дни лихой скачки принесли атланту больше пользы, нежели все усилия Эл-Та и Кутулоса. Может быть, теплая постель и приторные микстуры и хороши для изнеженных благами цивили-



зации валузийцев, но Кулл знал, что лучшее лекарство для настоящего мужчины — вольная жизнь.

Все заботы и труды остались позади, за стенами Хрустального Города, и сейчас перед ним лежали лишь бескрайние просторы, отделяющие атланта от далекой Муджарии.

— Валка! — крикнул он Брулу, стараясь перекричать безумный топот сотен копыт.— Что может быть лучше подобной скачки!

Копьебой радостно оскалился в ответ:

— Свист ветра и звон мечей — вот что придает жизни смысл!

— В засасывающей роскоши Башни Великолепия я чуть было не забыл об этом,— ответил пикту Кулл.— Но в душе я все тот же варвар, что и десятки лет тому назад!

От переполнявших его энергии и радости Кулл привстал в стремених и, запрокинув голову к небесам, во все горло проревел свой боевой клич. За его спиной степь содрогнулась от слитного ответного выкрика сотен глоток. Алые Стражи и пикты взвыли словно волчья стая, отвечающая своему вожаку.

Солнце уже садилось, когда Кулл подал знак сбавить ход. Пора было останавливаться на ночлег. До летней резиденции Великого Хелифа — города Турхунгабада — оставалось не более трех переходов.

Расположившись поздним вечером у костра Кану и Ту просвещали Кулла относительно обычаев и особенностей характера «детей пустыни», как муджарийцы сами себя называли.



— Больше всего муджарийцы почитают личную доблесть и честность,— говорил атланту Ту.— Данное ими слово нерушимо. Однако настоящий муджариец избегает обещать что-либо конкретное, пока не убедится, что его собеседник соответствует его понятиям о чести. Поэтому будь готов выслушать миллион расплывчатых заверений в дружбе и уважении...

— Ага,— кивнул Ка-Ну.— В искусстве ходить вокруг да около «детям пустыни» точно нет равных!

— Несмотря на то что все важные вопросы будут решаться во время пиршеств, сопровождаемых обильными возлияниями, постарайся не расслабляться, Кулл...— продолжал поучать атланта старый валузиец.— И не забывай, что основная твоя задача — добиться от Великого Хелифа конкретных обещаний...

— Слушай, я оставляю всю эту говорильню на твое усмотрение.— Куллу порядком надоел этот разговор.— Если твои слова верны и больше всего им по душе мужество и доблесть, я уж как-нибудь сам столкнусь с этими «детьми пустыни»! А если они просто досужие болтуны, что толку в подобных союзниках?

— Не скажи,— покачал головой Брул.— Мне один раз довелось столкнуться в бою с муджарийцами. Это было много лет тому назад, я тогда служил в армии Тураньи. Так вот, тогдашний король Тураньи Шобул, язви его в печень, надумал отхватить часть территории Великого Хелифа и во главе сорокатысячной армии вторгся в Муджарию.



— Этот недоумок решил, что дроматарии — не более не менее — чем выдумки, распространяемые коварными муджарийцами.— Брул хорошенько приложился к мехам с вином.

— Не успели мы закончить второй переход, как на нас обрушилась настоящая лавина этих «выдумок».— Брул сплюнул в костер.— Земля затряслась так, что все решили, будто началось землетрясение. Муджарийские боевые дроматарии, закованные с ног до головы в шипастую броню, прошлись по воинству Шобула словно бык по гончарным рядам. А то, что осталось после этого, можно было собирать с песка ложками.

— Я тогда потерял две трети своих конников, хотя мне и удалось вывести остальных своих людей с поля боя. С тех пор у фарсунцев новый король... и новая армия...— Брул покосился на Кулла.— Так что будь уверен, толку в подобных союзниках предостаточно.

— Ладно, скоро увидим, какие они вояки на самом деле,— хмыкнул Кулл, хотя на него произвел впечатление рассказ Брула, военный опыт которого он ценил.— Лучше расскажите мне, что за человек этот Великий Хелиф.

— Я уже говорил, что его зовут Асаф бер Барация,— сказал Ка-Ну, зябко кутаясь в толстую меховую накидку.— Но обращаться к нему следует именно Великий Хелиф. Это сын предыдущего Великого Хелифа Хекмета, павшего пять лет назад жертвой наемного убийцы, подосланного неким Масрудом, вождем аддитов — одного из кочевых племен пустыни.



— Похоже, нигде нет покоя королям,— заметил Кулл.— Но продолжай...

— На трон Муджарии взошел законный наследник Асаф, которому тогда было всего пятнадцать лет,— продолжил Ка-Ну, изрядно отхлебнув из меха со сладким зарфхаанским вином.— Если кто-нибудь надеялся, что сможет навязать мальчишке свою волю, то жестоко просчитался, потому что Асаф показал себя мудрым и жестоким правителем. Возглавляемая им армия обрушилась на племя Масруда, и все уцелевшие после побоища еретики — и мужчины и женщины — были посажены на колья, смазанные ядом песчаного скорпиона. Говорят, что несчастные умирали в страшных муках в течение трех дней.

— Клянусь железными перьями птицы Ка, решительный малый! — рубанул ладонью воздух варвар.— Правильно сделал, так мерзавцам и надо! Впредь и другим наука...

— Видишь ли, в Муджарии совершенно не уважают человеческую жизнь,— в ответ на взгляд Кулла поспешил оправдаться Ту,— В отличие от просвещенной монархии Валузии, эти дикари практикуют чистой воды тиранию!

— Править должен один человек,— поддержал Кулла Брул. К его мнению присоединился и Ка-Ну.

— Я не собираюсь обсуждать с необразованными варварами принципы справедливого государственного устройства! — рассердился Ту.

Кулл успокаивающе похлопал старого валузийца по плечу.

— Продолжай, Ту.



— А чего продолжать.— Старик все еще дулся.— Так вот он и правит Муджарией уже пять лет... Но слово его — действительно закон для «детей пустыни»,— признал Ту.

— А правду говорят,— обратился к валузийцу Брул,— что Великий Хелиф по ночам превращается в огромного филина и летает над страной, чтобы быть в курсе всех событий?

— Насчет превращений — полная чушь! — засмеялся Ка-Ну.— Но мои шпионы доподлинно выяснили, что Великий Хелиф действительно часенько переодевается в простую одежду и в сопровождении своего советника Фейсала бер Карима отправляется бродить по столичному Бархему.

— А он не опасается, что на него могут напасть? — удивился Брул.

— Во-первых, ни один из «детей пустыни» не нападет на своего господина — такова его популярность; во-вторых, сам Асаф — непревзойденный фехтовальщик и боец, а в-третьих, его советник Фейсал — не только великий государственный муж, но и колдун. Говорят,— Ка-Ну суеверно поежился,— он обучался искусству волшебства в самом Мегрибе!

— Бабы сказки,— возразил Ту.— Современные географы утверждают, что этой мифической страны, якобы населенной великими колдунами, вовсе не существует!

— Так или нет, люди в это верят.— Ка-Ну пожал плечами.

— А еще у муджарийцев существует такой любопытный обычай,— добавил он чуть погодя.— В ка-



ждое новолуние любой из подданных Великого Хелифа имеет право лично искать правосудия у своего владыки.

— Расскажи-ка поподробнее.— Слова старого пикта вызвали у Кулла неподдельный интерес.

— Во всех дворцах Великого Хелифа есть специальное помещение, именуемое Залом Справедливости,— начал рассказывать Ка-Ну.— Один раз в луну двери Зала Справедливости открываются настежь. В этот день любой из «детей пустыни» — будь он разбойник или опальный министр — имеет право обратиться с жалобой или просьбой лично к своему господину. Более того, любого, осмелившегося лишить кого-либо этой возможности, ждет смерть на колу. И насколько я знаю, эта традиция не нарушалась ни разу за последние несколько тысяч лет.

— Вот это я понимаю,— хлопнул кулаком по бедру Кулл,— действительно королевское правосудие! А то знаю я цену нашим продажным судьям!

Ту поспешил перевести разговор на более мирную тему:

— Ты, Кулл, не согласишься, но самую большую ценность для муджарийцев имеют не драгоценности и золото, а дроматарии!

— Как это так? — не поверил Кулл.

— Чистейшая правда,— подтвердил слова советника толстый пикт.— Вообще в Муджарии существует культ почитания дроматариев. «Дети пустыни» уверены, что дроматариев специально для них создал Голгор Пожиратель Огня, которому они поклоняются.



— Дроматарии живут многие сотни лет, но детеныши у них рождаются не чаще, чем раз в сорок лет. Гибель животного — невосполнимая утрата, а их количество — один из главных муджарийских секретов,— добавил Ту.— Если бы эти создания плодились, как обыкновенные лошади или там овцы, муджарийцы легко могли бы завоевать весь мир.

Так вот, самым популярным развлечением у муджарийцев являются дроматерьи гонки. Ставки на них непомерно высоки — из рук в руки, бывает, переходят целые состояния, дворцы, гаремы, а победитель забегов стоит больше, чем его вес золотом! А чтобы стать погонщиком дроматария, нужно быть лучшим из лучших,— закончил он свой рассказ.

Кулл в удивлении покачал головой.

— Клянусь Валкой, воистину чудной народ!

*К -К -К

Когда до Турхунгабада оставалось не более сорока лиг, отряд Кулла был встречен седобородым шайхом, распорядителем церемоний Великого Хелифа.

— Великий Хелиф Асаф бер Барахия приветствует славного из славных короля Валузии Кулла.— Высокий и тощий старец в небесно-голубой чалме, расшитой золотым бисером, склонился в низком поклоне.— Его ничтожному из ничтожнейших слуг, Амару бер Кутайябу, оказана великая честь проводить владыку владык Кулла и его доблестнейших из доблестных воинов, чья слава обгоняет даже их стремительных скакунов, в отведенный Его Валу-



зийскому Величеству, гордости владык земных, и его во всех отношениях достойнейшей из достойных свиты, единственно подобающей солнцеликому владыки Кулла, дворец.

Кулл наградил Ту уничтожающим взглядом, в ответ на который старый советник незаметно пожал плечами, и поблагодарил шайха Амара.

— Кулл Первый, Король Валузии, приветствует в лице достопочтенного шайха Амара бер Кутайяба Великого Хелифа Асафа бер Барахию, да осчастливит свет его славы всех его и так беспредельно счастливых подданных, пышно процветающих под мудрым водительством сего почтеннейшего из достопочтеннейших государя, чей взгляд подобно солнцу милостиво взирает на страну, что имеет счастье быть повелеваемой несравненным этим Государем,— ни разу не запнувшись сказал Кулл.

Он донельзя был горд собой — эту фразу он составлял в уме последние три дня и сейчас радовался как ребенок, глядя на оторопевшего шайха, несомненно наслышанного о короле-варваре. Стоявший за его спиной Брул, не выдержав, начал ржать, и Куллу пришлось хорошенько пнуть его в ногу, чтобы пикт замолчал.

Шайх Амар присоединился к Куллу во главе колонны, а его пышно разодетая в синий и золотой цвета Хелифата свита выстроилась двумя колоннами по сторонам отряда валузийцев. Всю дорогу старый шайх что-то втолковывал Куллу, но атлант, погребенный лавиной слов, вскоре перестал понимать вообще что-либо. Время от времени он просто кивал головой, соглашаясь, или издавал одобрительные и



восхищенные восклицания. На самом деле все его внимание было сосредоточено не дроматариях.

Это действительно были удивительные зверюги. Огромные, гладкие, мускулистые монстры песчаного цвета с рыжими подпалинами, высотой в девять локтей, словно гигантские дюны нависали над всадниками Кулла. Вытянутые и чуть приплюснутые головы дроматариев были украшены двумя парами вилообразных рогов, а огромные зубастые пасти роднили их со священными для Кулла тиграми. Высокое со спинкой седло погонщика пикинера располагалось на могучем загривке огромного хищника, а по обеим сторонам широченной спины крепились напоминающие длинные корзинки укрытия для лучников.

«Вот это звери! — подумал Кулл.— Эх, мне бы таких хотя бы дюжину, и кто знает, может быть, мне удалось бы отразить ту атаку гигантских ящеров за Статусом!»

Так, сопровождаемые почетным эскортом, валузийцы достигли стен Турхунгабада.

*К -К -К

Даже успевший привыкнуть к роскоши Башни Великолепия Кулл был поражен видом дворца Великого Хелифа. Ажурное строение было воздвигнуто целиком из белого камня. Шпили и купола его многочисленных башен и минаретов были покрыты золотом и цветной глазурью, лучи солнца дробились на мириады зайчиков во множестве высоких стрельчатых окон.



Весь огромный дворцовый парк был накрыт тончайшей, но очень крепкой сетью из чистейшего золота, не дававшей сотням певчих птиц улететь в пустыню. Среди буйной зелени возвышались прекрасные беломраморные статуи, а из многочисленных фонтанов в ослепительно голубое небо били струи умощенной розовым маслом воды.

Но больше всего Кулла поразили вход в летний дворец Великого Хелифа. Выполненный неведомыми мастерами из черного оникса портал представлял собой лежащую на земле голову льва. Зубы колонны поддерживали верхнюю челюсть, из ноздрей били струи дыма, а в гигантских глазах, изготовленных из цельных глыб горного хрусталя, метались языки багрового пламени.

Сам Великий Хелиф Муджарии оказался молодым юношей, одетым на удивление скромно и практично. В отличие от большинства муджарийцев, он был гладко выбрит и почти не носил драгоценностей. Лишь на его груди сверкала рубиновая семиконечная звезда — символ власти Муджарийского Хелифата. Асафа отнюдь нельзя было назвать великаном. Роста он был среднего, но наметанный глаз Кулла сразу же отметил гибкие крепкие мышцы муджарийца. Атланту хорошо был знаком подобный физический тип людей: гибкие жилистые силачи, не уступающие крепостью закаленной стали.

Атлант был уверен, что слава грозного бойца по достоинству заслужена Асафом.

— Если ты похож на могучего тигра, то этот Асаф — точь-в-точь стремительный леопард, — шепнул



Брул атланту.— Ставлю в заклад бороду Ка-Ну, это грозный противник.— Пикт тоже оценил стать владыки Муджарии.

— Рад приветствовать короля Валузии,— между тем обратился к атланту Асаф, поднимаясь с инкрустированного золотом костяного трона, украшенного тончайшей резьбой.

— Приветствую и тебя, Великий Хелиф,— вежливо склонил голову Кулл.

После обмена любезностями Асаф пригласил Кулла и его спутников в пиршественный зал, подготовленный к приезду высоких гостей. Валузийцы и пикты вместе с подданными Великого Хелифа расселись за длинными столами, которые буквально ломились от самых разнообразных яств и напитков. Кулл, Ту, Ка-Ну и Брул уселись же вместе с Асафом и каким-то пожилым муджарийцем в белой чалме. По описаниям Ка-Ну Кулл сразу же узнал в нем советника Великого Хелифа Фейсала бер Карима.

Многочисленная дворцовая челядь сбилась с ног, поднося все новые и новые блюда. Аппетиту мужчин, успевших за время долгого пути изголодаться по хорошей пище и выпивке, можно было позавидовать. А уж о том, какой успех у валузийцев имело выступление муджарийских танцовщиц, и говорить нечего.

Гибкие как змеи смуглые девушки, закутанные в полупрозрачную газовую ткань, буквально воспламенили сердца суровых воинов. Надо сказать, что муджарийским красавицам рослые и крепкие северяне также пришлись по нраву. То и дело то один,



то другой воин, соскучившийся по женской ласке, удалялся с щедрыми на любовь красавицами в сад. Любвеобильный Брул в сопровождении двух юных танцовщи, поспешил прочь одним из первых.

— Кулл, скажи на милость, чем тебе может помочь моя пустая голова? — Пикт игриво толкнул приятеля в бок. — Считай, что я отправился на разведку!

Кулл, глядя в честные глаза Брула, не сдержал улыбки:

— Иди уж, кобель. Но учти, если здесь объявится обманутый муж, — напутствовал Кулл приятеля, — я защищать тебя не буду!

К этому времени выпита, наверное, была целая винная река. Одна за другой звучали здравицы в адрес обоих монархов. Но постепенно тостов становилось все меньше и меньше — «дети пустыни» и валузийцы перестали обращать внимание на своих владык. Пир пошел своим чередом, и новые знакомые с азартом сошлись в привычном воинам всех стран соревновании — кто кого перепьет.

После того как Кулл и Асаф убедились, что досуг их подданных устроен, Великий Хелиф Муджарии, король Валузии и их советники — Ту, Ка-Ну и Фейсал бер Карим — прошли в отдельную комнату.

— Достопочтенный Великий Хелиф... — начал было Кулл, но Асаф, улыбнувшись, остановил атланта.

— Брось, Кулл! Забудь, что тебе наговорил нудный Амар. Для личной беседы вполне достаточно Асафа. Если ты каждый раз будешь величать меня по всем правилам, которые изобрел наш распоряди-



тель церемоний, то прежде чем ты произнесешь свою речь, у меня борода вырастет!

Кулл вздохнул с видимым облегчением, вызвав у всех присутствующих мужчин улыбку.

— Хорошо, Асаф! Скажу прямо, меня привело в твои земли желание добиться от тебя конкретной помощи в грядущей войне с Шашонгом.

— Да, я слышал историю твоего возвращения из Змеиноного Королевства,— кивнул юный хелиф. Глаза его заблестели: — То был великий поход! Но чем может помочь скромная Муджария такой великой державе, как Валузия? — Хелиф, словно извинясь, развел руками.

— Мои советники,— атлант кивнул в сторону Ту и Ка-Ну, о чем-то оживленно беседующих с Фейсалом,— рассказали мне о муджарийских дроматариях. Я считаю, что муджарийская кавалерия нам действительно необходима. Ни у одного из моих союзников нет армии, способной с такой эффективностью воевать в пустыне...

— Кулл, за все время существования Муджарии дроматарии ни разу не покидали ее пределов. Ты просто не понимаешь, чего требуешь! Я обязательно помогу тебе людьми, золотом, провиантом, но не стоит просить о невозможном. Ни одно из созданий Голгора Пожирателя Огня никогда не покинет его исконных земель!

— Это ты не понимаешь, что сейчас поставлено на карту! — Кулл так ударил тяжелым кулаком по столу, что опрокинул серебряный кувшин с вином.— Речь идет не о какой-нибудь междоусобице, не о захвате власти и территорий,— продолжал он,



совершенно не обращая внимания на пролившуюся жидкость.— Змеелюди нам бросили вызов, и проклятый Шашонг не успокоится до тех пор, пока хоть один человек на земле ходит свободным от его оков!

— Мне кажется, ты несколько преувеличиваешь,— пожал плечами Асаф.

— Преувеличиваю!? — Массивный атлант, упершись двумя руками в стол, навис над собеседником.— Побывал бы ты вместе со мной в ядовитом сердце Змеиного Королевства — Хадише!

Да что вы, муджарийцы, знаете о том, что происходит в мире! — распалился Кулл.— Вы спокойно живете под защитой гор и своих дроматариев, в то время как змеелюди прямо сейчас опутывают человечество сетями своего заговора!

На мгновение он остановился, страшная мысль пришла атланту в голову:

— Вот, Асаф, посмотри, например на эту вещь.— Кулл вытащил из поясного кошель магический браслет Брула, одолженный им у пикта.

Ничего не понимающий Асаф, с которого Кулл не сводил пристального взгляда, принял от атланта изящный браслет.

— Милая вещица...— повертел он в руках украшение.— Но в моей сокровищнице есть куда более ценные подделки. И что это такое?

Кулл вздохнул с облегчением:

— Это волшебный талисман, один только вид которого причиняет созданиям Змееглавца невыносимые муки.

— Так ты думал, что я...— возмутился Асаф.



— Да сменит гнев на милость безупречный владыка, но эти твари действительно умеют принимать облик любого человека,— поспешил успокоить разгневанного Асафа бер Барахию Ту.— Прости Кулла, выразившего тебе столь обидное недоверие, но у нас и впрямь есть причины опасаться подобной подмены.

— Ты не поверишь, если я скажу тебе сколько — Валка свидетель! — высоких вельмож на проверку оказались змеелюдьми,— продолжал ничуть не смущенный Кулл.— Сам правитель Верулии оказался одним из высокородных вельмож Шашонга.

— Опасность действительно велика, Асаф. Я, к своему стыду, даже не предполагал, что дело зашло так далеко...— К удивлению Кулла, неожиданная поддержка пришла от старого советника.— Но и ты зря опасаясь, чужеземец.— Фейсал бер Карим повернулся к Куллу.— Пока над Муджарией простерта огненная десница Голгора, ни одно из творений Сета Черного не осмелится войти под ее сень.

Однако, Асаф, Кулл даже сам не знает, насколько обоснованна его тревога.— Старик задумчиво поглаживал бороду.— Знаешь ли ты, о звезда очей моих, что человечество некогда едва уцелело в столкновении с детьми Древних Богов? Если боги Ктулхи вновь обретут власть над миром, ни одно человеческое существо не переживет их прихода!

Над миром опять воссияла Звезда-Демон, чье имя Алголь,— продолжил Фейсал.— Небесные светила выстроились в знак Черного Змея, что о многом говорит сведущему в небесной механике. Ближится переломный момент истории. Сила Молодых



Богов убывает, а Древних, наоборот, растет. Увы, как бывало прежде и будет еще не раз, миру людей предстоит стать местом сражения Высших Сил. И горе всем людям, если восторжествуют Создания Ктулхи!

— Но почему ты ничего не говорил мне об этом раньше! — воскликнул Великий Хелиф.

— Я надеялся, что ты успеешь подрасти и набраться опыта, прежде чем настанет нужда в подобных знаниях. Но ход светил неумолим, — развел руки Фейсал. — Даже мы, кто считает себя детьми Голгора Пожирателя Огня, будем в одночасье сметены с лика земли, если Древние Боги стараниями змеелюдей обретут хотя бы тень былой силы!

— Асаф, я ничего не понимаю в колдовстве, — перебил советника Кулл, — но твой советник дело говорит! Подумай вот о чем, Великий Хелиф: не лучше ли сейчас всем вместе обрушиться на проклятых змеелюдей, чем дожидаться исполнения каких-то ужасающих знамений?

— Ну что же, Кулл, теперь мне есть о чем поговорить с шайхом Фейсалом, — ответил атланту Великий Хелиф. — Мне нужно время подумать...

— Только не очень долго, Великий Хелиф, — ответил правителю Муджарии Кулл.

*К -К -К

Через день Асаф публично объявил о присоединении Муджарии к Великому Походу. К этому времени «дети пустыни» уже узнали от людей Кулла о том, что происходит во внешнем мире. Поэтому ре-



шение своего правителя воинственные муджарийцы приняли с энтузиазмом.

Пока Ту, Ка-Ну и Фейсал бер Карим обсуждали детали договора между Валузией и Муджарийским Хелифатом, владыки двух держав наслаждались столь редкой для них возможностью отдохнуть. Пирры, скачки, охота и демонстрации воинского умения следовали один за другим.

У Кулла и Асафа нашлось немало общего: уважение к силе и ловкости, стремление быть первыми, врожденное чувство справедливости. И если первое время мужчины старались доказать друг другу свое превосходство, то теперь оба сдружились и получали искреннее удовольствие от общения.

— Асаф,— обратился как-то Кулл к новому другу,— я слышал от своих советников о вашем удивительном обычае раз в луну выслушивать жалобы подданных.

— Совершенно верно,— согласился хелиф.— Это один из наших древнейших обычаев. Легенды утверждают, что завел его сам Голгор Неустрашимый, когда он еще жил среди людей.

— Если это не нарушит каких-либо муджарийских обычаев, я хотел бы посмотреть, как это происходит,— сказал Кулл.— Кто знает, может быть, я решу проделать дома то же самое?

— Да сколько угодно! — рассмеялся Асаф,— На твое счастье, как раз послезавтра открываются двери Зала Справедливости.

Больше всего Кулла поразило, что вопреки его ожиданиям просителей оказалось не очень много. Атлант в очередной раз подивился разумному уст-



ройству муджарийского хелифата. Великий Хелиф продемонстрировал недюжинный ум и знание законов.

— Неужели же никто не оспаривает твои решения и не ропщет? — высказал Кулл свои сомнения Асафу.

— А почему они должны роптать? — подивился вопросу атланта хелиф. — Я же сужу их по справедливости.

Дело уже шло к полуночи, когда в Зал Справедливости вошел последний проситель. Это был какой-то крестьянин, одетый в пропыленное рванье. Опустившись на колени, не выпуская из рук грязный холщовый мешок, муджариец заговорил.

— О, величайший владыка владык, Великий Хелиф Асаф бер Барахия, отдай мне твой слух и взор, — почтительно произнес крестьянин традиционную фразу.

— Мой слух и взор в твоем распоряжении, почтенный, — столь же традиционно ответил хелиф. — Как твое имя и что привело тебя к дверям Зала Справедливости?

— Зовут меня Мехмет бер Ишим, а вынудила меня приехать в Турхунгабад крайняя нужда, владыка, — прижал руки к сердцу селянин. — Родом я из селения Мизр, что расположено в сотне лиг к восходу от славного Турхунгабада. Селение наше маленькое, лежит оно на краю великой пустыни, и главным промыслом его немногочисленных обитателей служит разведение тулимы...

— Какой еще тулимы? — не понял Асаф. — Переходи к своему делу, почтенный Мехмет.



— ...чьи плоды используются для составления колдовских и лекарственных зелий, Великий Хелиф,— продолжал селянин как заведенный.— Она плодоносит два раза в год, и одного урожая хватает на то, чтобы кое-как дотянуть до следующего...

— Я не разбираюсь в выращивании растений, почтеннейший, может быть, тебе лучше обратиться к моему садовнику? — начал терять терпение Асаф.

— Не гневайся на ничтожнейшего из ничтожнейших своих подданных, владыка,— заголосил крестьянин.— Дело в том, что прошла уже целая луна, как пустыня зашевелилась и локоть за локтем пожирает плодородные земли...

— И что ты хочешь от меня, чтобы я велел ей остановиться? — удивился Асаф.

— Вода же в колодцах превращается в зловонную жижу,— добавил крестьянин, как будто это все разом объясняло. Кулл даже решил, что Мехмет малость придурковатый.

— Еще стали исчезать люди.— Казалось, жалобам Мехмета не будет конца.

— Может быть, твои односельчане просто уезжают из Мизра? — предположил хелиф.

— Никак не может быть, владыка владык! Они исчезают по ночам, а все их вещи остаются нетронутыми. А отряд доблестных стражей, что стоял в Мизре, пять дней назад отправился на их поиски, и больше этих смелых воинов никто не видел! — возразил крестьянин.

— С этого и надо было начинать, пустая голова! — рассердился Асаф.



Хелиф повернулся к сидевшему чуть поодаль советнику:

— Фейсал, я был уверен, что мы покончили с разбойниками!

— Так и есть, государь,— поклонился шайх,— Твои воины раз за разом прочесывают пустыню в поисках уцелевших аддитов, но уже много лет точные пески наслаждаются покоем.

— Никакие это не аддиты, безупречный владыка,— опять завел Мехмет.— Страшный демон объявился в наших краях, и он не успокоится, пока не пожрет все наше селение!

— При чем тут демоны?! — наконец не выдержал Кулл.— Если здесь кто-нибудь и виноват, то проклятые изменники, которым посчастливилось улизнуть после моего возвращения в Хрустальный Город! Ни в одной из Семи Великих Держав или в Малых Княжествах они не могли бы укрыться от моего гнева, вот и бежали сюда, в далекую Муджарию. Клянусь Валкой, сама судьба привела меня сюда в нужный момент.— Я лично разберусь с твоими демонами,— рывкнул Кулл Мехмету.— Старик, с утра мы отправляемся в Мизр.

— Да и мне надоел Турхунгабад,— решил Асаф.— Кулл, поехали вместе!

— Да воздаст Голгор тебе, владыка владык, благом! — простерся ниц крестьянин.

На миг Куллу показалось, что при этом Мехмет из Мизра довольно улыбнулся.

Но атлант решил, что старик просто обрадовался тому, что Великий Хелиф пообещал селянам свою помощь.



На следующее утро Кулл, Асаф и присоединившийся к ним Брул, воспользовавшийся возможностью улизнуть от своих красавиц, выехали в Мизр. Их сопровождал отряд из двух дюжин сабель, в который отобрали по дюжине особо опытных валузийских и муджарийских ратников.

Двумя днями позже перед ними на фоне пышной зелени пальм, показались серые глиняные строения Мизра. К удивлению Кулла никто не вышел навстречу их отряду. Не было видно даже детей, которые обычно во всех землях веселой оравой первыми спешат приветствовать путников.

«Может быть, муджарийцы считают неприличным публичное проявление любопытства?» — подумал атлант, который еще до сих пор толком не разобрался во всех странных и порой удивительных обычаях «детей пустыни».

— Мехмет, у вас принято выходить на поля всей деревней? — поинтересовался тоже удивленный Асаф.

— О многомудрый владыка владык, никак нет! — опять запричитал Мехмет. — Не стражась ли беда какая!

Кулл с трудом подавил раздражение. По совершенно неясным для него самого причинам этот замызганный крестьянин вызывал у него сильнейшую неприязнь. И хотя атлант не мог объяснить подобные чувства разумом, он привык полагаться на свою интуицию.

Соблюдая осторожность, всадники въехали в деревню. Мизр являл собой жалкое зрелище. Глиняные стены потрескались, центральная площадь за-



росла пустынной колючкой, дороги между домами занесло песком, а зелень огородов была выжжена жестоким солнцем.

— Такое впечатление, что люди отсюда ушли уже много дней назад,— заметил Кулл.— Слышишь, Мехмет, когда ты говоришь, уехал отсюда?

Старик, сидя за спиной одного из воинов, шевеля губами, начал загибать пальцы:

— Стало быть, два дня мы ехали сюда, день я ожидал у дверей Зала Справедливости, да пять дней у меня занял путь до Турхунгабада... Без четырех пальцев дюжина дней получается, господин,— наконец сказал он.

Между тем негромко переговаривающиеся всадники въехали на широкую улицу, что вела от центральной площади к пальмовой роще. Совершенно внезапно все умолкли. Над деревней повисла страшная гнетущая тишина, нарушаемая лишь скорбным завыванием ветра да зловецим шорохом песка.

Прямо посередине улицы кругом была вкопана дюжина свежесрубленных столбов. В первый момент Кулл решил, что кому-то в голову пришла дурацкая идея привязать к деревяшкам кульки из пакли. Но в следующее мгновение, к своему ужасу, атлант понял, что это были не тряпки, а донельзя изуродованные обезглавленные тела людей. Из-под изорванного в клочья тряпья проглядывали лишенные плоти кости. Судя по неестественным позам мертвых тел, смерть для несчастных крестьян явилась долгожданным освобождением от мук.



В центре страшного круга возвышалась плоская, черная, каменная глыба, на которой аккуратно была выложена пирамида из мужских, женских и детских голов. Мутные бельма глаз равнодушно таращились в белесое небо. Сам же омерзительный камень со всех сторон был изрисован какими-то дьявольскими колдовскими рунами. Станным образом начертанные знаки напомнили Куллу могильных червей.

— Проклятие,— пробормотал атлант.— Что, во имя Валки, здесь произошло?

— Боюсь, Кулл, нам теперь этого никогда не узнать,— покачал головой Асаф.

Юноша повернулся к Мехмету:

— Старик, чего же вы ждали! Ах, если бы ты приехал несколькими днями раньше...

Властитель Муджарии выпрямился в седле, погрозив небу стальным клинком:

— Клянусь огненной кровью Голгора, кто бы это ни сделал, человек или демон, он за все ответит сполна! — Глаза молодого хелифа сверкали черным огнем.— И в тот миг, когда я настигну это чудовище, тварь пожалеет, что покинула пределы преисподней!

— Осмотреть все вокруг! — велел хелиф воинам.

И вдруг, едва всадники поравнялись с глиняными хижинами, из окон и дверей полуразрушенных хибар с дикими криками повалили какие-то странные создания. Едва ли не шесть дюжин омерзительного вида тварей, размахивая кривыми клинками и раздвоенными пиками, обрушились на отряд Кулла и Асафа.



— Засада! — Крик одного из воинов Асафа в мгновение ока заставил всех остальных изготавиться к бою.

— Ий-ий-ийаа! — взлетел к небесам боевой клич «детей пустыни».

— Валузия! — вторили муджарийцам солдаты Кулла.

Кулл, сызмальства привыкший к любым неожиданностям, не растерялся и сейчас. Единственная тактика, которую он признавал на поле боя,— было нападение

— За мной! — взревел могучий атлант, ударив коленями своего огромного вороного скакуна.

Вышколенный боевой конь рванулся вперед, врезавшись в ряды нападавших и сметая всех на своем пути. Вот уже под его копытами треснул череп одного из монстров, оказавшегося недостаточно расторопным.

В образовавшуюся в живой лавине прореху хлынули пикты. Под ударами их коротких широких мечей звероподобные краснокожие твари падали одна за другой. Единым могучим рывком разорвав окружение, валузийцы развернули своих лошадей и напали на противника с тыла. Теперь уже полулюди-полузвери оказались в невыгодном положении, вынужденные сражаться на два фронта.

В мгновение ока деревенская площадь превратилась в арену жесточайшего побоища. В знойном полуденном воздухе смешались крики неведомых созданий и людей, лошадиное ржание и звон мечей, белый песок окрасился кровью.

— Кулл!



Атлант привстал в седле и увидел, как гнедая лошадь Асафа падает, пронзенная страшными пиками краснокожих демонов. И хотя хелиф успел вовремя соскочить с седла, теперь он оказался в центре вражеского отряда.

В его руках мерцал верный клинок, который он гордо именовал Каркадан — по имени древнего демона, слывшего непобедимым воином даже среди жутких созданий Ктулхи.

Надо сказать, это и вправду был удивительнейший клинок, вызывавший у Кулла искреннее восхищение. Муджарийские предания гласили, что Каркадан был выкован магами Мегриба в незапамятные времена из небесного камня. Меч этот обладал невероятной остротой и гибкостью — Асаф носил Каркадан вместо пояса.

Юноша проявлял чудеса владения мечом. Он приседал, подпрыгивал, вертелся, нанося во все стороны неожиданные выпады. Зверолюди даже не могли приблизиться к нему на расстояние удара.

Казалось, у Асафа было не две руки, а по меньшей мере полдюжины.

Длинный прямой меч юного хелифа раз за разом обрушивался на звероловцев, кромсая их на части. Твари падали одна за другой — вокруг него уже громоздился целый завал из тел, — но слишком уж их было много.

— Асаф, держись! — прорычал Кулл.

Двумя яростными ударами своего гигантского топора он развалил пополам наседавших на него противников. Высвободив ноги из стремян, атлант, встав на седло, выпрямился во весь рост. В следую-



щий момент, издав оглушительный боевой клич, он spryгнул со спины лошади прямо в центр окружавших Асафа созданий.

Присев для устойчивости, Кулл, словно гигантский дровосек, начал свою кровавую работу. Размерно взлетал его тяжелый боевой топор, сея смерть и опустошение в рядах нападавших.

Растерявший в одно мгновение налет цивилизации, Кулл превратился в алчущего крови дикого зверя. Вид его был поистине страшен — огромный полуголый дикарь, покрытый кровью с головы до ног, рычал словно бешеный тигр. С его уст слетало хриплое рычание, глаза бешено вращались.

Асаф, получивший долгожданную передышку, обессилено рухнул за спиной атланта на колени. Взирая снизу на превратившегося в берсерка товарища, юноша в этот миг готов был поверить, что это сам Голгор Пожиратель Огня, собирающий кровавую дань.

— Давай! — слышалось рядом, и чья-то крепкая рука подхватила хелифа, помогая муджарийцу прыгнуть в седло.

Это верный Брул поспешил друзьям на помощь.

Устроившись за спиной пикта, правитель Муджарии, задыхаясь, проговорил:

— Клянусь Вечной Пустыней, он же в одиночку перебьет их всех!

— Запросто! — снося голову одному из врагов, кровожадно рыкнул Брул.—Держись крепче! Сейчас мы им покажем!

Пока Брул отчаянно рубился с краснокожими, прикрывая спину Кулла, на помощь своему госпо-



дину подоспели и муджарийские всадники. Через несколько мгновений Асаф оказался в центре могучего отряда.

Хотя нападавшие твари превосходили отряд Кулла и Асафа числом, это им помочь уже не могло. Снедаемые яростью мщения воины бились словно демоны. Их сердца не ведали сомнений, а руки — пощады. Не успели тени удлиниться на ширину ладони, как деревенская площадь была завалена буквально изрубленными на кусочки телами зверолюдей.

Наступила тишина, нарушаемая лишь фырканием лошадей да стоном раненых.

— С тобой все в порядке? — отирая пот и кровь со лба, к успевшему спешиться хелифу подошел Кулл.

— Только благодаря тебе! — воскликнул юноша. — Хвала Голгору, ты меня услышал. Еще немного, и проклятые твари разорвали бы меня на части! Теперь я твой вечный должник...

— Уверен, ты для меня сделал бы то же самое, — не стал даже слушать юношу Кулл. — Пойдем посмотрим, что с нашими людьми...

Хвала небесам, отряд понес потери меньшие, чем можно было ожидать. Погибли всего трое воинов — двое муджарийцев и один пикт, и четыре лошади, считая лошадь Асафа. Однако ранеными, в той или иной степени серьезно, оказались многие.

Как только пострадавшим была оказана первая помощь, Кулл велел перевернуть деревню вверх дном. Как он и ожидал, поиски результатов не принесли. Обнаружить не удалось ни краснокожих тварей, ни людей. По крайней мере живых... Муджа-



рийцы лишь скрежетали зубами, находя обглоданные кости своих соплеменников: омерзительные создания были людоедами.

— Это что еще за уроды? — поинтересовался у Асафа атлант. Присев на корточки рядом с одной из убитых тварей, он с интересом разглядывал создание: красная, совершенно лишенная волос кожа, могучие мускулы, мерзкая звериная голова с рогами на человеческом теле, раздвоенные копыта, острые когти на руках...— Откуда вообще они взялись?

— Африды — пожиратели плоти,— ответил муджариец.— Я был уверен, что по эту сторону не осталось ни одной подобной твари.

В ответ на недоуменный взгляд Кулла он пояснил:

— По ту сторону гор Коф, что возносятся над облаками, живет немало страшных и омерзительных созданий,— пожал плечами хелиф.— Не мне тебе рассказывать, что за жуткие твари обитают в землях, лежащих за проклятой богами рекой Стагус.

— Ты прав,— соглашаясь, кивнул Кулл.

— Африды — создания Шаб-Ниггурата, одного из Древних Богов. Мы не сталкивались с ними уже многие сотни лет. Предания гласят, что это проклятое племя обитает где-то в горах Коф. Но как они здесь оказались? Не понимаю...— Асаф развел руками.

— Да пес с ними.— Кулл поднялся на ноги, отряхивая с рук песок.— Нам повезло, что их тут оказалось не в три раза больше. Конечно, бойцы они скверные, но нам пришлось бы здорово повозиться.

Асаф восхищенно покачал головой:



— Теперь я вижу, что ты и впрямь такой великий воитель, как утверждает молва! Кулл, я счастлив, что в грядущей войне буду сражаться бок о бок с таким героем!

Кулл хмыкнул. Да, из этого юноши когда-нибудь вырастет действительно великий воин.

Чтобы раненные могли восстановить силы, было решено задержаться в Мизре по крайней мере на три дня. Трупы афридов были стащены в кучу и забросаны песком, а лагерь разбили на краю деревни с подветренной стороны.

Кулл и Асаф отдыхали в палатке, установленной в густой тени пальм. Брул с воинами, что могли сидеть в седле, отправился в пустыню. Оставалась слабая надежда, что кому-нибудь из жителей Мизра удалось сбежать от афридов.

— Что-то я давно не видел Мухмата,— сплюнул на песок Кулл.

— Мехмета,— поправил атланта хелиф.— Наверное, старик поспешил в какое-нибудь укрытие, когда на нас напали африды. Брось, Кулл, не станешь же ты требовать от старика-земледедца, чтобы он сражался наравне с опытными воинами?

— Может быть, ты и прав, но что-то я ему не доверяю...— упрямо покачал головой Кулл.

И словно в ответ на его слова, полог палатки откинулся, и появился Мехмет бер Ишим собственной персоной.

— Горе-то какое, о могущественнейший Великий Хелиф,— запричитал старик, дергая себя за бороду.— Никого в живых не осталось! Моя бедная деревня, мои бедные соседи...



— Ты где был-то?— недружелюбно перебил крестьянина Кулл.

— Когда объявились эти жуткие чудовища, я так перепугался, что бросился в ближайший дом и спрятался в подполе.— Старик прижал трясущиеся руки к сердцу.— Там, в страхе, я просидел несколько часов. И лишь недавно я осмелился покинуть свое убежище.

— Чем мы можем облегчить твою горе, почтенный Мехмет? — участливо поинтересовался Асаф.

— Никому не дана власть оживить мертвых, Великий Хелиф,— развел руками старик.— Но я пришел сюда для того, что показать вам нечто удивительное.

— Нечто удивительное? — переспросил Асаф.— Что же это?

— Тут недалеко в пустыне есть одно загадочное место,— ответил Мехмет хелифу.— По причинам, которые вы поймете позже, я не упоминал о нем раньше. Вам необходимо на него посмотреть. Может быть, великий государь разберется в том, что оказалось выше понимания простого крестьянина!

— Давай посмотрим,— согласился Асаф.— Это далеко?

— Если Великий Хелиф соизволит разрешить взять ничтожнейшему из ничтожнейших лошадей, наш путь займет не более часа.

После недолгих сборов Кулл и Асаф, сопровождаемые Мехметом, отправились в пустыню. Хотя Асаф хотел тронуться в путь немедленно, Кулл настаивал на том, чтобы они упаковали седельные сумки и вооружились.



— Нам тут совсем рядом! — попытался было возразить Мехмет, но Кулл так на него глянул, что старик подавился языком.

— Кто знает, какие твари могут еще тут болтаться,— сказал Асафу Кулл.— Я всегда готовлюсь к худшему, поэтому и дожил до своих лет, хелиф. Тебе тоже следует запомнить, что опасность может таиться за любым углом!

— Преклоняю колени пред твоей мудростью.— Если в голосе Асафа бер Барахии и была насмешка, то лишь самую малость.

Спустя полтора часа они все еще скакали по барханам. Дюна сменялась дюной, а песчаные волны уходили до самого горизонта. И лишь на севере и востоке, по краю небесного окоема, монотонный желтый цвет пустыни сменялся черной полосой гор Коф, или как их называли в Муджарии — Краем Мира.

— Старик, сколько еще ехать? — спросил Мехмета Кулл.— Ты, часом, не заблудился?

— Как можно, владыка! — Крестьянин, ориентируясь по одному ему известным приметам, что-то прикинул и сказал: — Вот-вот мы будем на месте, грозный господин.

И действительно вскоре, поднявшись на очередную гигантскую дюну, всадники остановились, пораженные. Их взору предстало удивительнейшее и необычное зрелище.

— Голгор ослепительный! — вырвалось у Асафа.

— Что это, во имя Валки? — воскликнул Кулл.



Вот уже несколько часов отряд Брула, описывая расширяющуюся спираль, скакал по пескам. Муджарийцы и валузийцы, напрягая глаза, старались не пропустить ничего необычного. Несколько раз воины устремлялись к замеченным на горизонте черным пятнышкам, но это оказывались лишь иссохшие мумии песчаных шакалов.

Первым скорчившуюся на песке фигурку заметил остроглазый Брул.

— Человек! — закричал пикт, посылая коня в галоп.

Несколько мгновений бешеной скачки, и пикт соскочил со своего взмыленного скакуна перед лежащим на раскаленном песке человеком. Это оказалась девушка, почти ребенок

— Люди...— едва слышно слетело с запекшихся губ. Тень улыбки пробежала по изможденному лицу, и несчастная потеряла сознание.

— Воды! Скорее воды, разорви вас на части! — взревел пикт.

После того как девушке влили в рот полфляги воды, ее завернули в пропитанную водой ткань и закутали в шкуру песчаного кота. Особым образом обработанная шкура этого животного отличалась тем, что практически не нагревалась на солнце и прекрасно удерживала влагу.

Брул потратил еще немного времени, чтобы осмотреть место, где он нашел девушку.

Сделав буквально пару шагов, пикт наткнулся на накрытую занесенной песком шкурой глубокую яму. Судя по всему, это было убежище девушки, в



котором она укрывалась от безжалостного палящего солнца.

На дне песчаной норы Брул нашел две пустые фляги из-под воды и узелок с каким-то барахлом. Пикт подобрал сверток и прицепил его себе к поясу. Вдруг там были какие-нибудь ценные для спасенной им девушки вещи? По собственному печальному опыту пикт знал, что бегущий от смерти человек берет с собой лишь самое для него дорогое.

Оставив в пустыне несколько человек, выразивших желание продолжать поиски, Брул с остальными поспешили вернуться в Мизр. Когда они уже подъезжали к оазису, девушка пришла в себя.

Подскакав к шатру, в котором должны были находиться Кулл и муджарийский владыка, Брул спешился и, подхватив девушку на руки, внес ее внутрь.

К его удивлению, шатер оказался пуст.

— Нашли время для прогулок! — ругнулся Брул.

— Шу-Ва, тащи побольше воды и какой-нибудь еды! — велел он одному из своих пиктов, — Юнан, постарайся отыскать Мехмета, — скомандовал он дюжему муджарийскому сотнику.

— Как тебя зовут, красавица? — обратился Брул к девушке. — Что здесь, во имя Хотата, произошло?

— Меня зовут Маймуна, — прошептала девушка, — Я родом из этой деревушки... Я... Меня... Африды... — Юная муджарийка вцепилась в Брула и разрыдалась.

— Ну ничего-ничего, все уже позади. С тобой все будет в порядке, — утешающе проговорил пикт, поглаживая девушку по спине. — Ты жива, а это глав-



ное...— А теперь постарайся успокоиться и рассказать нам, что здесь произошло,— втолковывал девушке пикт.— Нам очень важно выяснить это. Подумай, может быть кто-нибудь спасся еще?

— Нет, лишь мне одной удалось сбежать.— По щекам Маймуны полились слезы.— Это было четыре дня назад... Солнце уже коснулось Края Мира, как вдруг из пустыни появились эти страшные существа — африды. Этих демонов, должно быть, было не менее пяти дюжин, потому что они окружили деревню со всех сторон...

Брул подал ей большую плошку воды, и девушка жадно к ней припала. Утолив жажду, Маймуна продолжала:

— Эти твари, да покарает их Голгор Пламеносный, не знали жалости и пощады. Они врываются в дома и убивали всех без разбору. Наши мужчины пытались оказать краснокожим демонам сопротивление, но что они могли противопоставить вооруженным до зубов бестиям?

Мой отец успел мне сунуть две фляги воды и узелок с едой и вытолкнул меня в заднее окошко. После этого он встал в дверях с ножом для разделки шкур и встретил смерть как подобает мужчине,— Маймуна всхлипнула, уткнувшись в плечо пикта.

Я успела влезть на крышу и увидела, как он упал, сраженный мерзкими тварями,— продолжила муджарийка, вытирая глаза.— А потом началось самое страшное... В деревне появился их предводитель. И это был человек!



— Не может такого быть! Африды не станут подчиняться человеку! — Муджарийцы, внимательно слушавшие рассказ Маймуны, зашумели.

— Я тоже не могла поверить своим глазам,— согласилась с ними девушка.— Но тем не менее это так... Старик, а это был седобородый старик, говорил с демонами на их мерзком наречии. Так вот, африды подчинялись этому человеку беспрекословно.

Пресытившиеся кровавой потехой африды перестали убивать направо и налево. Вместо этого краснокожие демоны только оглушали людей, вязали их и стаскивали на главную площадь. Гол-гор Повелитель Огня, лучше бы их сразу убили! — Муджарийка в отчаянии заломила руки.

По приказанию старика,— Маймуна продолжала свою страшную повесть,— африды нарубили пальм и запалили костры. Кровожадно завывая, краснокожие демоны вбили в землю заостренные деревянные стволы и привязали к ним людей. То и дело то один африд, то другой своими звериными клыками впивались в несчастных, вырывая куски плоти. Крики ужаса и боли взлетали к равнодушным мерцающим звездам. Когда страшный круг был готов, африды собрались вокруг него, а их нечестивый повелитель вышел в его центр. Старик извлек из-под черного балахона длинный кривой нож, который светился грязно-зеленым цветом. Предводитель афридов внимательно осмотрел привязанных к столбам истекающих кровью людей. Выбрав маленького мальчика, а это был сын нашего кузнеца Абу-Кир, с которым я так любила играть,— от



страшных воспоминаний Маймуна побледнела как полотно, но усилием воли заставила себя говорить дальше,— он вспорол ему живот и запустил в разверстую рану руку. Выдернув клубок внутренностей, проклятый колдун воздел руку с окровавленным ножом к небу и выкрикнул какое-то заклятие.

Девушка на мгновение остановилась. Стоявшие вокруг нее мужчины, пораженные ее рассказом, молчали.

— С острия ножа колдуна в небо ударила молния. Земля у его ног треснула, и из нее, словно чудовищный птенец, проклюнулся черный алтарь. Африды попадали на колени и затянули какую-то заунывную молитву,— Маймуна говорила все тише и тише.

Убедившись, что все твари полностью увлечены своим мерзким ритуалом, я решилась на бегство. Я бежала, словно за мной гнались все демоны преисподней. Да так оно и было на самом деле. И все время, пока я не убежала далеко-далеко в пустыню, меня преследовали страшные, полные нечеловеческой муки крики моих односельчан. Я вырыла яму в песке, укрылась шкурами и забилась внутрь, моля Голгора Пожирателя Огня, чтобы он укрыл меня от взора проклятого колдуна. Я старалась пить как можно реже, экономя воду,— продолжала Маймуна,— но она закончилась к вечеру следующего дня. Страшная жажда терзала мое тело и мозг, и я смутно помню, что было дальше. В очередной раз очнувшись от забытья, мне показалось, что земля дрожит от топота копыт. Не зная, грезится мне это или нет, я выползла из своего укрытия. Вот и вся



моя история. Не знаю, как мне удалось сохранить разум...— закончила Маймуна свой рассказ.

— Девочка, пускай тебе хотя бы послужит утешением, что мы перебили все афридское отродье,— закусил губу Брул, до глубины души пораженный мужеством Маймуны. На долю не каждой девушки выпадают подобные испытания.— Можешь быть уверена, что ваш Великий Хелиф позаботится о тебе и о твоём соплеменнике...

— Что ты говоришь, воин, какой соплеменник? Я же сказала, что спастись удалось лишь мне одной,— горестно вздохнула девушка.

— Хвала небесам, ты ошибаешься,— покачал головой пикт.— Нас привел в Мизр именно рассказ твоего соплеменника Мехмета бер Ишима.

— Не пристало смеяться мужественному воину над девушкой.— На глаза Маймуны навернулись слезы.— В Мизре никогда не было человека по имени Мехмет...

— Как это так? — удивился Брул,— Мехмет бер Ишим, такой тощий высокий старикашка с длинной белой бородой...

Пикт с надеждой оглянулся на собравшихся в палатке воинов.

— Ну, мне вроде показалось, что у него не хватает мизинца на левой руке,— пожал плечами один из муджарийцев.

— Ты описываешь проклятого предводителя афридов! — вскричала Маймуна, в ужасе закрыв лицо руками.

— Где Кулл и Асаф?! — страшным голосом взревел Брул. Пикт вскочил на ноги, опрокинув поход-



ный столик, на котором стояла еда.— Седлать лошадей!

*К -К -К

Кулл повидал за свою жизнь немало чудес, но никогда ему еще не доводилось сталкиваться с чем-нибудь подобным.

Прямо у него под ногами, в небольшой котловине, укрытой со всех сторон дюнами, бешено бурлил песчаный водоворот. Песок по краям огромной воронки то вздымался гигантскими волнами кверху, до опадал.

— Клянусь Голгором, не в царство ли мертвых ведет этот путь? — бросил Асаф Куллу.

— Кто может сказать наверняка? — В ответ пожал плечами атлант.— Мне это больше напоминает пасть, ведущую в ненасытную утробу некоего демона!

Атлант, потирая подбородок, напряженно вглядывался в центр водоворота, но рассмотреть ничего не смог. В уходящем в невесть какие глубины широко жерле жуткой воронки клубился мрак, нарушаемый лишь редкими синими вспышками. Кулл покачал головой:

— Эй, Мехмет, и давно это здесь? — спросил он у старика.

— Да уж почитай как за пять дней до моего отъезда эта штука объявилась, благородный господин,— ответил Мехмет. Странная улыбка блуждала по его морщинистому лицу.

— Кулл, смотри,— указал атланту Асаф.



Кулл обернулся. С вершины дюны хорошо был виден отряд всадников, мчащийся во весь опор в их сторону. Возглавлявший эту безумную гонку всадник вырвался далеко вперед. Он что-то кричал и размахивал руками. Атлант приложил руку к глазам:

— Это Брул. Неужели им кого-нибудь удалось найти?

— Молю Голгора чтобы ты оказался прав,— взволнованно произнес Асаф.— Скоро узнаем...

— О владыка владык, посмотри туда! — Голос Мехмета звучал так взволнованно, что оба мужчины обернулись к старику.

— Куда? — огляделся Асаф.— Я ничего не вижу...

Мехмет, взяв хелифа под руку, подвел юношу к краю дюны.

— Во-о-он там...— Старик указал рукой куда-то вниз.

Асаф бер Барахия нагнулся пониже, стараясь разглядеть, на что же ему показывал старик, и в этот момент из центра песчаного водоворота прямо в грудь Великого Хелифа ударила синяя молния. Муджариец вскрикнул и потерял равновесие. Какое-то время он балансировал в неустойчивости на вершине дюны, а затем начал падать вниз.

С яростным воплем Кулл рванулся к краю песчаного откоса. Стремительности движений этого человека позавидовал бы даже тигр, которого атлант считал своим тотемом. Сердце не успело ударить и двух раз, как Кулл, метнувшийся вперед свое тренированное тело, вытянув правую руку вперед оказал-



ся прямо над пропастью. И в последний момент он успел подхватить падающего Асафа за руку.

— Спокойно, я тебя держу! — прохрипел Кулл. Распластавшись на самом краю дюны он удерживал муджарийца буквально за кончики пальцев.

Внезапно здоровенный пласт песка подался и обрушился вниз. Кулл почувствовал, как под тяжестью тела Асафа он начал съезжать вниз.

— Спокойно,— повторил он, глядя в безумно распахнутые глаза юноши, под ногами которого яростно кипел песчаный водоворот.— Не шевелись, и все будет в порядке...

Куллу на мгновение показалось, что внизу действительно находится слюнявая пасть какого-то запредельного создания, алчно разинутая в предвкушении добычи. Он помотал головой, отгоняя дурацкое видение.

— Мехмет,— стараясь не шевелиться, позвал Кулл старика.— Давай, хватайся за ноги и потихоньку оттаскивай меня от края.

Заслышав приближающиеся шаги, Кулл ободряюще улыбнулся Асафу... Вдруг в голове атланта мелькнула странная мысль: а ведь походка-то Мехмета не стариковская! Уже понимая, что изменить что-либо он не в силах, Кулл повернул голову.

Мехмет опустил рядом с ним на корточки. Старик вовсе не торопился помогать атланту.

— Ты сказал, что это путь в царство мертвых, Кулл. Так вот, для тебя это так и есть!

— Но почему?..— выдохнул атлант.— Что я тебе сделал?



— Что ты мне сделал?! — Голос Мехмета изменился. Еще недавно дребезжащий старческий тенор сменился гулким басом.

Куллу почудилось, что слова старика доходят до него словно из глубины пещеры. Где же он слышал этот голос раньше?

Мехмет поднялся на ноги и, простирая костлявые руки к небесам, рассмеялся страшным смехом. Казалось, старик стал в два раза выше ростом, покрытое грязью тряпье превратилось в черный балахон. Черты его лица подернулись рябью, словно отражение в воде, в которую бросили камушек.

И к ужасу Кулла, вместо морщинистого коричневого лица теперь перед ним оказался омерзительно блеклый белый череп с пылающими жутким багровым огнем глазницами.

— Тулса Дуум! — воскликнул атлант.— Так это ты?

— Да, это я, смертный червь, твой господин! — Голос древнего колдуна был ужасен.— Помнишь, много лет тому назад я пообещал тебе, что вернусь, чтобы в полной мере насладиться твоей агонией? Я сдержал свое слово!

Как легко сейчас тебя убить, Кулл,— рассмеялся Тулса Дуум, снова присаживаясь на корточки.— Но мне этого мало! Ты, конечно, сдохнешь в страшных муках, но чуть погодя. Я хочу, чтобы ты сперва успел осознать тот факт, что теперь эта гнусная плесень, которую ты называешь человечеством, обречена!

Создания Ктулхи готовы к решительному бою, и остановить их, так определили силы, что превыше



Судьбы, мог только ты.— В глазницах умершего тысячи лет назад колдуна полыхнул зловещий огонь.— Но я решил по-другому!

Теперь, когда ты, как безродный пес подохнешь в мертвых песках, Муджария и Валузия не смогут заключить союз, predetermined вашими глупыми богами. Твои советники сочтут, что валузийская армия достаточно сильна, чтобы разгромить полоумного Шашонга и без твоего руководства. Пускай же дети Валки и создания Ктулхи истребляют друг друга в смертоубийственной войне! Те, кто выживет, станут моими слугами... Я буду править этим миром! — Тулса Дуум зашелся безумным каркающим смехом.

— Будь ты проклят! — проревел Кулл.— Ничего, клянусь Валкой, я еще доберусь до твоих гнилых костей, ходячий прах! Мы еще встретимся...

— Конечно-конечно,— издевательски поклонился атланту бессмертный колдун,— непременно встретимся. Когда ты будешь умирать от отчаяния, жажды и укусов ядовитых змей. И, можешь мне поверить, я приложу все усилия, чтобы твои мучения продолжались как можно дольше! Ты еще будешь вымаливать у меня смерть, пес. Помни, моя тень всегда будет лежать у тебя за спиной. Я появлюсь тогда, когда ты будешь меньше всего этого ждать.

— Сколько раз я разрушал твои козни, костяной урод, но тебе всегда удавалось скрыться! — прохрипел Кулл.— Клянусь Валкой, в этот раз тебе не удастся улизнуть от расплаты, бурдюк с квашеным дерьмом!



И настолько страшен был яростный взгляд атланта, что бессмертный колдун отшатнулся, словно отброшенный неведомой силой.

— Ну что же.— Тулса Дуум поднялся на ноги.— Вот-вот подоспеет твой тупой дружок-варвар. И ему найдется роль в нашем представлении...

Кулл, все это время старающийся незаметно высвободить левой рукой свой кинжал, наконец смог это сделать. И в тот момент, когда окованный железом тяжелый черный сапог обрушился ему на бок, атлант одним-единственным стремительным движением послал стальное лезвие в левую глазницу Тулсы Дуума.

И те несколько мгновений, пока они с Асафом падали прямо в центр неистово вращающейся воронки, жуткий крик Тулсы Дуума триумфально звучал в его ушах.

*К -К -К

Брул, безжалостно погоняя своего скакуна, мчался вдоль цепочки следов, уходящих вглубь пустыни. За ним, отставая на пару дюжин локтей, неся отряд муджарийских и валузийских воинов.

Ветер бешено свистел в ушах пикта, кожу секли песчинки, которые горячий ветер, словно насмехаясь, бросал ему в лицо. Брул сам не понимал, что именно гонит его вперед, но инстинктивно он чувствовал жуткую опасность, грозящую его другу и королю Валузии.

— Быстрее, быстрее! — шептал он на ухо своему скакуну — Ну давай же!



Пикт испытал огромное облегчение, когда на вершине одной из песчаных сопок он увидел фигуры Кулла и Асафа.

— Опасность! Опасность! — Пикт, размахивая руками, ревел словно раненый леопард, — Берегитесь Мехмета!

Но слишком далеко он находился, чтобы его можно было расслышать. Уже понимая, что опоздал, Брул безжалостно вонзил шпоры в бока и без того взмыленной лошади. Он еще больше оторвался от основного отряда и, словно черная молния, взлетел по песчаному кособоку.

Буквально в паре локтей от вершины дюны его скакун захрипел, роняя с губ клочья кровавой вены, и рухнул как подкошенный. Брул покатился по песку, но, совершив немыслимый кувырок, вновь оказался на ногах.

Как раз вовремя, чтобы увидеть, как закутанная в черный балахон фигура наносит Куллу, расprostершемуся на самом краю обрыва, страшный удар ногой.

Все, что произошло дальше, казалось свершилось одновременно. Брул увидел медленное-мед-ленное, будто во сне, движение руки атланта. Короткий выскерк стального лезвия — и Мехмет вскинул руки к голове. Черный капюшон откинулся, и, к своему ужасу, пикт разглядел голый мертвенно-бледный череп. Тулса Дуум!

Из левой глазницы чернокнижника торчала раскалившаяся добела рукоять кинжала Кулла. С раздирающим душу криком древний колдун растворился в воздухе. А Кулл исчез за краем обрыва.



Ни мгновенья не раздумывая, Брул бросился следом.

*К -К -К

Когда отряд воинов Кулла и Асафа достиг вершины дюны, глазам людей предстало странное зрелище. Песок покрывали следы четырех разных людей, но вокруг не было ни единого человеческого существа. А в котловине, что лежала прямо под обрывом, медленно успокаиваясь, бурлил песок...

*К -К -К

Яростный вихрь подхватил Кулла и закружил, сжимая в своих змеиных объятиях. Атлант почувствовал, как неведомая сила увлекает его в бездонный колодец, где не было места свету. «Должно быть, так чувствует себя человек, проглоченный морским драконом!» — мелькнула в голове Кулла странная мысль. Но не успел атлант подумать о чем-либо еще, тьма сгинула, и в глаза ударило ослепительное солнце. Земная твердь стремительно приближалась — казалось, на Кулла падает целый мир,— и в следующее мгновение удар жесточайшей силы начисто выбил воздух из его легких. Атлант погрузился в пульсирующую багровой болью тьму.

Кулл пришел в себя от льющейся ему в рот тоненькой струйки воды. Он закашлялся и сел, ощупывая огромную шишку на затылке.

— Где мы? — первым делом спросил он у Асафа, сидевшего рядом с ним на корточках.

— Об этом было бы неплохо поинтересоваться у твоего странного друга,— пожал плечами хелиф.—



Но могу поспорить, что где-то весьма далеко от Муджарии.

— Мне тоже почему-то так кажется,— скривился Кулл, отплеываясь от забившего его рот песка.

— Здоров же ты, валузиец, летать! — Асаф восхищенно поцокал языком.— Ты этому с детства обучался?

— Да уж.— Кулл, пошатываясь, поднялся на ноги.— Только вот в этот раз крылья прицепить забыл...— Проклятый Тулса Дуум! — Атлант погрозил белесому небу кулаком.— Клянусь Валкой, рано или поздно я до тебя доберусь, чего бы мне это ни стоило!

Кулл, не стесняясь в выражениях, поведал Асафу о своей вражде с древним колдуном.

— Клянусь хвостом великой птицы Ка,— заканчивая свой рассказ, Кулл в бешенстве ударил себя кулаком по бедру,— этому вонючему отродью праха и тлена даже честная сталь не приносит вреда!.. Валка будет свидетелем, но в этот раз мне таки придется что-нибудь придумать!

— Умеешь же ты выбирать себе врагов! — покачал головой Асаф, в голосе юноши звучала неподдельная зависть.— Как ты думаешь, куда нас забросило его колдовство? — Юноша повел рукой вокруг.

— А вот это, друг мой, нам предстоит выяснить самим.— Атлант, приложив козырьком руку ко лбу, огляделся. Вокруг, насколько хватал глаз, расстилалась ровная потрескавшаяся поверхность глинистого такыра.— Подозреваю, Тулса Дуум своим колдовством забросил нас на ту сторону Стагуса...



— Ну что же,— улыбнулся спутнику муджариец,— придется завоевать королевство Шашонга вдвоем!

— Клянусь богами, парень, мы так и сделаем! — Кулл в восторге хлопнул юношу по плечу.

«Вот это воин! — подумал атлант.— Да с таким напарником я горы переверну!»

— Сперва давай посмотрим, чем мы располагаем,— распорядился Кулл.

Великий Хелиф Асаф бер Барахия коротко кивнул, признавая старшинство Кулла.

Дела оказались отнюдь не так плохи, как могло быть, учитывая их положение. Выяснилось, что на двоих они располагают трехдневным запасом воды и еды.

Кроме того, Кулл сохранил свой меч и один из кинжалов, а Асаф — свой клинок Каркадан, с которым никогда не расставался.

— Славлю твою предусмотрительность, мудрейший из мудрых! — развел руками Асаф.— Но кто же мог предположить, что будет вовсе не рядовая поездка?

— Запомни, юный хелиф,— покачал головой варвар.— Даже если ты перешагиваешь порог своей опочивальни, лишь небеса знают, где ты можешь очутиться в следующее мгновение. И в тот момент, когда ты осознаешь, что ты один на один с целым миром, Асаф, ты станешь истинным хозяином своей судьбы! Досужие разглагольствования о том, что, дескать, кто же знал, что выйдет так, а не иначе,— удел глупцов. Запомни, Асаф,— везет тому, кто готов ко всему!



— Запомню.— Асаф был совершенно серьезен.—
Теперь запомню.

*К -К -К

Солнце упрямо пересекало небосвод, безжалостно обрушивая яростные лучи на мертвую почву. Но двое путников упрямством ничуть не уступали дневному светилу.

Вот уже третьи сутки Кулл и Асаф двигались на юг. Именно это направление они выбрали после недолгих раздумий.

— Если мы и впрямь находимся на восточном берегу Стагуса, то горы Коф лежат точно на юге,— сказал Кулл.— А там уж рукой подать и до Муджарии!

— А если нет? — спокойно поинтересовался Асаф.

— Тогда нам совершенно все равно, в какую сторону идти,— равнодушно ответил Кулл.— В любом случае нужно искать человеческое жилье.

— Твоя правда, горец,— согласился с атлантом Асаф.— Юг так юг!

Днем они отсиживались в яме, укрытой шкурой песчаного кота (глупое животное ошиблось в выборе добычи!), а шли преимущественно ночью, ориентируясь по звездам. Кулл, еще в молодости, будучи капитаном пиратского корабля, в совершенстве освоил расположение небесных светил.

К исходу третьих суток у них закончилась вода, но они размеренным шагом бывалых путешественников продолжали двигаться вперед.



— Кулл, мы погибнем? — Сиплый голос Асафа напоминал воронье карканье. Хелиф, шатаясь от слабости, брел по растрескавшейся глине.

— Нет,— покачал головой Кулл.— Не имеем права.

Глаза атланта глубоко запали, дочерна загорелая кожа натянулась на скулах, придавая ему сходство с мумией, но дух атланта пылал яростным пламенем мести.

— Клянусь Валкой, мерзавец Тулса Дуум дорого заплатит за каждое мгновение, проведенное нами в этой преисподней! — прохрипел Кулл.— Сколько раз я разрушал планы этого злодея, не сбыться его надеждам и на этот раз!

Через два часа потерявший сознание Асаф рухнул наземь. Кулл забросил бесчувственное тело юного хелифа на плечи и побрел дальше. Каждый шаг давался атланту с невероятным трудом. В глазах его плясали огненные пятна, раскаленный воздух обжигал измученные легкие, кровь бешено стучала в висках. Но он шел вперед, и не было силы, которая могла бы его остановить.

Перед его мысленным взором возникал отвратительный скалящийся череп с горящими багровыми угольями глазницами, в ушах звенели слова Тулсы Дуума: «Я буду править этим миром!», заставляя непослушное тело двигаться дальше. Добраться до врага любой ценой! Вцепиться в горло, разорвать на части!

Только это желание поддерживало на ногах горца, да еще врожденное упрямство. Не отступать и не сдаваться! Ни перед кем и ни перед чем...



Когда розовый диск солнца показался из-за небесного окоема, заставляя тень бредущего из последних сил человека убегать в бесконечность, на горизонте показалась зеленая роща оазиса.

*К -К -К

Кулл сперва напоил юношу, а затем принялся утолять свою жажду. Он с жадностью глотал прохладную чистую воду, не в силах остановиться. Но даже после того, как его живот раздулся точно бурдюк с молодым вином, Кулл долго-долго лежал в озерце, впитывая всей кожей животворную прохладу.

Тем временем Асаф пришел в себя в достаточной мере, чтобы говорить:

— Опять я обязан тебе жизнью, Кулл!

— Сегодня — ты мне, завтра — я тебе, — пожал плечами атлант. — Хвала Валке, мы живы!

Не в силах удержаться, Кулл опять начал пить.

— Смотри не лопни! — поддразнил его Асаф. — Или ты собираешься напиться впрок, как драматарий?

— А что, они вправду напиваются впрок? — поинтересовался Кулл, испытывавший неподдельный интерес к этим могучим зверюгам.

— Правда, — кивнул Асаф. — Драматарий пьет в течение трех часов, чтобы потом полторы дюжины дней обходиться без воды.

— Три часа? — не поверил Кулл.

— Да, — ответил хелиф и почему-то рассмеялся.

В ответ на непонимающий взгляд Кулла Асаф, задыхаясь от смеха, ответил:



— Просто я вспомнил одну притчу о воине Нур-ад-Дине, по прозвищу Наливайка.— Хелиф буквально всхлипывал.— Кто мог подумать, что, находясь в сердце неизвестной пустыни, куда нас закинула злая воля колдуна, я вспомню не что иное, как эту историю!

— Давай рассказывай,— поторопил Кулл.

После нескольких приступов смеха хелиф успокоился и начал свой рассказ:

— Это было в те времена, когда народ детей пустыни раскололся на два лагеря. И только по воле Голгора Пожирателя Огня тогда брат не поднял руку на брата. Но сейчас речь не об этом. Так вот два лагеря готовились к войне. Силы хелифов Ами-Зейбака и его единоутробного брата АмиДжаймама были примерно равны. И тогда хелифу Ами-Зейбаку пришла в голову идея научить дроматариев напиваться в срок меньший, чем отпустила им природа. Это сразу бы дало его армии преимущество над братом.

Призвал он мудрых советников,— продолжал свое повествование Асаф,— но не смогли убежденные сединой мудрецы помочь хелифу. Разгневанный владыка приказал было казнить мудрецов, но удержал его скорую на расправу руку главный советник которого звали Зурейк. Хитроумный Зурейк вспомнил о том, что никто не разбирается в драматариях лучше, чем могучий воин Нур-ад-Дин. Правда, когда не пьян. А пьян он был всегда, за что и получил прозвище Наливайка.

— Привели тогда Нур-ад-Дина, по прозвищу Наливайка, к грозному ликом хелифу. Ами-Зейбак



спрашивает воина: «А можешь ли ты научить дроматариев покрывать свою жажду быстрее?» Отвечает воин: «А то!» — «И что надобно тебе для этого?» — подивился владыка. «Дюжину горшков пальмового вина, большой шатер и трех прислужниц-танцовщиц с гибким станом», — отвечает хелифу воин.

«Да будет по-твоему,— кивнул хелиф.— Но помни, если ты не уложишься в срок пускай хотя бы на миг меньший трех часов, лишиться тебе головы!» — напевно произносил Асаф.— Кивнул, соглашаясь Нур-ад-Дин, по прозванию Наливайка.

Разбили на берегу бурной реки Айяс, что делит Муджарию пополам, шатер, доставили вино и танцовщиц. Привязал тогда Нур-ад-Дин дроматария хелифа Ами-Зейбака к могучему дереву. Откупорил первый сосуд с пальмовым вином и направился в шатер, откуда вскоре слышались звуки веселья.

Через час хелиф Ами-Зейбак начал раздувать в гнев ноздри. Еще через час схватил он хитроумного советника Зурейка за бороду и сказал, что отрубит не одну голову, а две. А еще через полчаса кликнул разъяренный хелиф стражу и велел схватить проклятого обманщика и пьяницу. Бросились стражники выполнять приказ своего господина, но попадали без чувств наземь, сраженные кулаком могучего Нур-ад-Дина. Но только собрался обуянный великой злобой хелиф свершить расправу над Зурейком, полог откинулся, и вышел Нур-ад-Дин...

На мгновение Асаф прервался, чтобы с головой погрузиться в воду. Отфыркавшись, юноша продолжал:



— Так вот, дошло до наших времен, что Нурад-Дин, по прозвищу Наливайка, икая, сказал хелифу Ами-Зейбаку следующее: «Умерь свой гнев, о светоч мира, и не сотвори сему почтенному советника вреда. У меня еще осталось полчаса — а это много, и полкувшина вина — а вот это мало!»

С этими словами подвел воин Нур-ад-Дин, по прозвищу Наливайка, охваченного жаждой дроматария хелифа Ами-Зейбака к реке. Опустился дроматарий на колени и припал к воде. Нур-ад-Дин поставил недопитый кувшин на землю и задумался глубоко. Понял хелиф, что сейчас будет воин творить свой заговор. Как же еще иначе можно было заставить животное напиться быстрее? И точно, обошел воин Нур-ад-Дин животное, воздел руки к небесам и замер на мгновение...

Асаф сделал паузу и Кулл затаил дыхание, ломая голову, как же воину Нур-ад-Дину, по прозвищу Наливайка, удастся выйти из создавшегося положения.

— ...да как пнет дроматария по мужскому достоинству!

Кулл на мгновение оторопел, потеряв дар речи.

— Фью-ю-ю-ть! — Асаф выпучил глаза и с характерным скворчанием всосал в себя воду, мастерски изображая жертву подобного удара.

Довольно долго двое взрослых мужчин, всхлипывая, взреывая и хлопая друг друга по спине, корчились от смеха на берегу озерца. Простая незатейливая байка Асафа сняла напряжение последних страшных дней. Жизнерадостный смех очистил ду-



ши воинов, укрепляя сердца, придавая уверенности в своих силах.

Отсмеявшись, Кулл поднялся, протягивая руку юноше.

— Пойдем, оглядимся. Вдруг здесь кто-нибудь живет? Если повезет, то разживемся едой и узнаем, где же, во имя Валки, мы находимся?

Но, к их великому разочарованию, признаков человеческого жилища обнаружить им не удалось. Хвала небесам, в оазисе росло множество съедобных растений, поэтому друзья смогли удовлетворить свой голод дикими дынями, виноградом, питательными корневищами шиясы и финиками.

Целый день Кулл и Асаф отсыпались в тени деревьев на берегу пруда. Проснувшись ближе к вечеру, они отправились на охоту, и им удалось подбить камнями трех крупных птиц, напоминавших куропаток.

Уже стемнело, когда друзья развели костер. Легкий ветерок разносил окрест запах дыма и мяса, запеченного с диким чесноком и другими травами. Потрескивали, прогорая, сухие ветки; на небе сыпались звезды.

— Что мы будем делать дальше? — обратился к Куллу муджариец. — Эх, знать бы наверняка, где мы находимся!

— Вы находитесь точно в сердце Великих Песков, отделяющих Край Мира от земель, принадлежащих грозному владыке Мегриба! — прямо за их спинами неожиданно раздался тихий шелестящий голос. — И это место станет вашим последним пристанищем!



В мгновение ока мужчины оказались на ногах, сжимая в руках мечи.

На колеблющейся границе света костра и тьмы ночи Кулл увидел закутанную в плащ фигуру. Атлант пригляделся повнимательнее, с удивлением отметив, что сквозь тело незнакомца отчетливо проглядывали звезды.

— Кто ты, призрак? — Голос атланта не предвещал неожиданному пришельцу ничего хорошего.

— Я — Повелитель Великих Песков Май Есумдун! — ответствовал призрак. — Трепещите, люди!

Ни Кулл, ни Асаф трепетать явно не собирались.

— Что-то ты не больно похож на повелителя чего-либо большего, — рассмеялся Кулл, похлопывая себя по бедру клинком, — нежели детские куличики из песка!

— Смотри, почтенный, чтобы тебя ветром не сдуло! — добавил Асаф.

— Замолчите, смертные! — зашипел старик, отступая в ночь, стараясь плотнее укутаться в свой удивительный плащ песочного цвета.

Кулл пригляделся повнимательнее и заметил, что плащ назвавшегося таким труднопроизносимым именем призрака шевелится, словно действительно был соткан из мириадов песчинок, живших своей собственной жизнью.

— Ты, презренный злоязыкий африд! Смейся над павшим величием, топчи поверженного гиганта! Если бы не этот сын могильной плесени Тулса Дуум, будь проклято его имя, я бы превратил тебя в песчаную блоху, я бы заставил тебя глотать песок, я бы...



— Ты сказал Тулса Дуум? — От удивления Кулл опустил меч.

— Не делай вид, шакалье отродье, что тебе неведомо имя твоего господина! — Голос призрачного старца был полон горечи и боли.

— Но почему ты считаешь нас слугами этого злодея? — удивился Кулл.

Любой другой человек, бросивший ему в лицо подобные оскорбления, был бы давно уже мертв, но это был особый случай.

Руку атланта удержало даже не сознание того, что меч не в состоянии причинить призраку вреда, а некое чувство, которое он привык называть чутьем. Сердце подсказывало Куллу, что Май Есумдун — такая же жертва Тулсы Дуума, что и они сами.

— Клянусь Валкой, — ударил себя в грудь Кулл, — я лучше, чем кто-либо другой, знаком с этим исчадием преисподней! Ты ошибаешься, старик, считая нас его слугами. Более того, именно по воле Тулсы Дуума мы сейчас находимся в твоих владениях!

— Истинно так, почтенный, — подтвердил сказанное другом Асаф.

Май Есумдун взгляделся в лица воинов.

— Я верю вам, — наконец сказал он. — Раз вы враги Тулсы Дуума, то вы мои друзья! — Призрак приблизился к костру. — Предлагаю вам свое гостеприимство, — поклонился он Куллу и Асафу, — хотя сейчас это лишь пустой звук. Не гневайтесь на меня, мужественные воины. Я принял вас за слуг проклятого злодея, явившихся мучить меня...



— Но чем ты, простой старик, мог помешать этому колдуну? — искренне удивился Кулл. — И почему ты называешь себя Повелителем Великих Песков?

— Не думайте, что я сошел с ума, — горестно покачала головой полупрозрачная фигура, — Но я действительно Повелитель Великих Песков, некогда могущественнейший волшебник Май Есумдун.

— Но каким образом Тулса Дуум смог превратить тебя в жалкую тень? — воскликнул удивленный Асаф.

— Моя история достаточно проста, — развел руками Май Есумдун, — Я родился триста лет тому назад и еще в детстве попал в обучение к величайшему из величайших Мегрибских колдунов Тамактану Даамду.

— А я считал, что Мегриб всего лишь выдумки краснобаев и сказителей! — удивился Кулл. — Неужели и впрямь существует такая страна, населенная могучими волшебниками?

— Существует, — ответил призрачный старец. — В ней я родился и рос, обучаясь искусству волшебства, приобщаясь к великим тайнам.

Когда я достиг успехов, то в непомерной своей гордыне решил, что сравнялся со своим наставником. Оставив учение, я поступил на службу к правителю одной из соседних стран, став его придворным магом. Затем я возглавил его армию и с помощью подвластных мне сил разгромил непокорных его воле соседей.

От Края Мира до Безвечного Моря гремела моя слава, — старик вздохнул, — но шли годы, устали



мои глаза от вида смерти и страданий, отвратилась моя душа от битв и сражений. Я оставил бранный мир, удалившись со своей верной женой Енгельдой сюда, в Великие Пески. И вот уже многие десятки лет я, оттачивая свой дух, предаюсь размышлениям под шорох песков вечности.

До недавнего времени я наслаждался покоем и не ведал горя. Но вот несколько лет тому назад в моих землях объявилась отвратная тварь, что носит имя Тулсы Дуума. Он рассказал мне о грядущей битве созданий Ктулхи и созданий Молодых Богов и сказал, что все, что ему нужно,— это переждать со своими слугами грозные события в

этом спокойном месте, столь далеко от поля битвы. Будь прокляты мои уши! Как я мог довериться этому демону?!

Я совершенно не обращал внимания на это существо, принявшее личину ищущего мира аскета. И лишь случайно я обнаружил, чем занимаются его слуги — омерзительные создания, восставшие со дна преисподней и демонические твари. Страшные человеческие жертвоприношения, мерзкая некромантия и непотребная волшба успели осквернить Великие Пески! Только тогда я понял, что Тулса Дуум готовит свои собственные войска, собираясь обмануть и Молодых Богов и созданий Ктулхи. Мне открылась истинная сущность этого демона, но было уже слишком поздно!

Май Есумдун на мгновение замолк, ветер трепал края его призрачного плаща.

— Тулса Дуум искал ключ моей власти над Душою Песков. Если бы ему удалось его получить, то в



распоряжении этого создания преисподней оказалась бы целая армия неуязвимых существ из песка. Я думаю, что еще жив, только потому, что колдун надеется пытками вырвать у меня это знание...

Колдуну удалось захватить меня врасплох.— Голос старика был тих и печален.— Обманом он лишил меня волшебной силы, превратив в жалкую тень, видимую лишь ночью! Злодей мог бы вообще меня уничтожить, но ему доставляет изощренное удовольствие наблюдать за моими муками и бессилием. Часто он является сюда, чтобы, наполнив мое тело былой жизнью, подвергать меня невыносимым мукам.

Кулл сплюнул в песок:

— Клянусь перьями великой Птицы Творения, я положу конец его деяниям!

— Скажи, как можно тебе помочь, почтенный Есумдун? — спросил в свою очередь Асаф.

— Нет ничего проще.— Печальная улыбка тронула морщинистое лицо правителя Великих Песков.— Нужно всего лишь разбить песочные часы Тулсы Дуума, которые хранятся в его покоях в некогда принадлежавшей мне Замке из Песка. Именно в этом магическом талисмане он удерживает мою силу. Как только будут разбиты оковы заклинаний, удерживающих мою душу, я снова стану тем, кем был раньше,— великим волшебником Май Есумдуном. И тогда преисподняя покажется Тулсе Дууму обителю покоя!

На мгновение глаза старика вспыхнули нестерпимым блеском.



— Увы, я в состоянии лишь скитаться по этому оазису, ставшему моей тюрьмой. И в ужасе глядеть на убывающую луну... Потому что в новолуние, когда небесная черепаха Варжва проглотит ночное светило, моя дочка, мой цветок пустыни...— Голос призрака стих.

— У тебя есть дочка, почтенный Есумдун? — поинтересовался Асаф бер Барахия, явно тронутый историей старца.

— Да. Шестнадцать лет тому назад моя любимая Енгельда покинула этот мир, оставив безутешному отцу дочь. С тех пор Таалана — моя единственная радость, мой смысл жизни. А теперь...— Взгляд старика погас.

— Что же с ней случилось? — спросил Асаф.

— В новолуние моя дочка Таалана, радость моей души, моя единственная улада, волей треклятого злодея обречена выйти замуж за вождя племени афридов-людоедов страшного Курашбаха. Этого цепного пса Тулсы Дуума! Колдун поклялся, что сломает мою волю, даже если ему потребуется вернуть мир наизнанку!

Призрачные слезы скатились по призрачным щекам.

— Но расскажите мне вашу историю, путники.— Май Есумдун взял себя в руки.— Кто вы, и что за напасть вынудила вас пересечь бескрайние просторы пустыни? И где ваш караван, я не вижу ни лошадей, ни верблюдов, ни ездовых страссов?

— Я — повелитель Валузии, Кулл,— гордо произнес атлант.



— А я, Великий Хелиф Муджарии Асаф бер Ба-
рахия.— В голосе юноши отчетливо прозвучали
царственные нотки.

— Напасть, которая с нами приключилась, носит
имя Тулсы Дуума,— выругался Кулл.— Что же ка-
сается каравана, то его никогда и не было.

— Но как вы оказались прямо в центре безжиз-
ненных песков? — удивился старик.

— Коварный колдун заманил нас в ловушку, и
мы свалились напрямик в гигантскую воронку в
песке,— ответил Асаф.

— Нас подхватил темный вихрь,— добавил ат-
лант,— и мы оказались здесь.

— Горе мне, горе! — вскричал Май Есумдун.—
Тулса Дуум прочитал мои свитки! Значит, теперь
он может перемещаться Путиами Песков. Пе-
чальную весть принесли вы, незнакомцы...

— Что такое Пути Песков? — спросил атлант у
призрака.

— Я могу открыть магический проход в любое
место, где есть хотя бы куча песка,— ответил Май
Есумдун.

— А ты можешь переправить нас обратно в Муд-
жарию? — оживился Асаф.

— Увы, смелые воины,— развел руками ста-
рик.— В своем нынешнем состоянии я не могу даже
покинуть этот оазис. Вот если бы моя сила была при
мне...

— Скажи,— спросил Кулл у призрака,— сколько
времени нам потребуется на то, чтобы пересечь Ве-
ликие Пески и достичь гор Коф?



— Вся жизнь,— ответил Май Есумдун.— И, поверь мне, владыка Валузии, срок этот будет короток. Никто не в силах в одиночку преодолеть эти безжизненные земли. Но даже если бы в твоём распоряжении был целый караван, тебе пришлось бы пробираться до Края Мира долгие-долгие луны.

— Значит, придется навестить Тулсу Дуума,— решил Кулл.— Ты как думаешь, Асаф?

— Только после того, как мы освободим несчастную дочь этого человека из лап афридов,— ответил юноша.

— Судьба прекрасной Тааланы предопределена,— покачал головой старик.— Лучше удалитесь в пустыню, чтобы избежать страшной смерти в руках Тулсы Дуума, и проведите оставшееся вам время в молитве и размышлениях. Ваша смерть ничего

не изменит... Да и что могут противопоставить два человека целому воинственному племени и могущественному колдуну, перед которым даже я оказался бессилён...— с горечью закончил старик.

— Многое! — не выдержал Кулл.— Смелость, мастерство, стальной клинок и силу духа!

Атлант был не на шутку рассержен.

— И главное из этого — сила духа, которой ты, старик, начисто лишен! Клянусь Валкой, ты забыл, что ты в первую очередь мужчина, а не колдун! Возьми себя в руки. Пока ты жив, ты должен бороться! Ты говоришь, что некогда был великим воином, а я слышу речи трусливого крестьянина... Ничья судьба не может быть предопределена, пока человек не сдаётся!



На протяжении всей речи горца глаза Мая Есумдуна разгорались странным пламенем.

— Ты трижды по три раза прав, воин! Благодарю тебя за то, что ты мне напомнил о том, что я мужчина! Проклятый Тулса Дуум почти добился, чтобы я превратился в живого мертвеца. И я буду бороться до конца!

— Вот эти слова более подобают мужу,— кивнул Кулл.— Итак, где находится деревня афридов?

*К -К -К

— Мы чуть не опоздали,— прошептал Асаф Кулл^у.

Муджариец, задрав голову, внимательно изучал темное звездное небо.

— Ничего, у нас осталось еще пара часов. Ты все запомнил, Асаф?

— Не волнуйся,— легко улыбнулся муджариец.— Все должно пройти как по маслу!

Глядя на молодого хелифа, охваченного возбуждением предстоящей битвы, атлант улыбнулся. В Асафе Кулл видел себя в юности: бесшабашного, уверенного в своих силах, верящего в свою счастливую судьбу. Впрочем, надо отдать должное, Кулл и сейчас оставался таким.

Они затемно подкрались к окраине деревни афридов, обойдя ее по совету Мая Есумдуна с востока. Именно в этом месте, прилепившись к высокому частоколу, располагались хозяйственные постройки и хлев.

На фоне звезд отчетливо выделялись силуэты часовых, что несли вахту на крыше деревянных



строений. Уверенные в своей безопасности, африды, которые прекрасно видели в темноте, время от времени лениво оглядывали пустыню. Трое рослых тварей, о чем-то переговариваясь, прикладывались в кувшинам с вином.

— Твой тот, что слева,— шепотом велел Асафу Кулл.— Ну, да поможет нам Валка, вперед!

Стремительной тенью он скользнул к высокой — в три человеческих роста — стене. Муджа-риец последовал за ним.

Петли на концах сплетенных из лиан веревок упали точно на заостренные колья, и две фигуры, сливаясь с темным деревом, начали бесшумно подниматься. Ухватившись левой рукой за ствол дерева, Кулл осторожно высунулся из-за частокола и огляделся. Так же, как и африды, он прекрасно видел в темноте.

— Проклятие! — про себя выругался Кулл.

Дело в том, что к троице часовых афридов присоединилось еще двое их братьев. Прислонив длинные копья с широкими стальными наконечниками к стене, мерзкие создания сошлись кружком. Откуда-то появились новые кувшины с вином, африды возбужденно размахивали руками и то и дело раздражались отвратительным хохотом, походившим более на ржание осла, объевшегося пьяных смокв.

— Клянусь копытом Шаб-Ниггурата, проклятый Курашбах не заслуживает такого везения! — ударил могучим кулаком по бедру один из афридов — молодой верзила.

— Ты говори, да не заговаривайся,— осадил его коренастый африд с шрамом через всю морду.— Хо-



тя кое в чем ты прав.— Его широкий рот открылся и длинный звериный язык облизал острые треугольные клыки.— Эта Таалана, с какой стороны ни поглядеть, в самом деле лакомый кусочек!

— Нет братцы, Курашбах — вождь, каких поискать надо,— вступил в беседу еще один африд. Судя по покрытому шрамами лицу и обломанному рогу, это был ветеран, прошедший не одну кампанию.— Будь уверен, нам всем перепадет от этой девки, когда Курашбах с ней наиграется.

— Ага, Хребтолом, наиграется...— сплюнул себе под ноги еще один африд, затачивая длинным кинжалом свои когти.— Если она к тому времени не помрет...

— А какая разница? — удивился Хребтолом.

— Для тебя может быть, и нету,— заржал молодой,— а мне нравится, когда они кричат и корчатся от боли!

— А ну кончай болтать! — приказал самый здоровый африд. В отличие от всех остальных он был одет в клепаный нагрудник и не выпустил из рук оружия. Кулл подумал, что это, наверное, начальник караула.— Как Курашбах скажет, так и будет, ясно!?

— Да кто же спорит, Костогрыз! — развел руками африд со шрамом.— Ну, ладно, вы тут стойте, а нам пора. Когда вас сменят, давайте к Столбу Шаб-Ниггурата бегом. А то как бы парни не сожрали этого здоровенного варвара. Как там его, Прул или Мрул? Крепенький такой, даром что пятерых положил, вкусный, наверное!



— Ты уж пригляди, Зубодыр, чтобы и нам по кусочку оставили,— заискивающе попросил приятеля молодой африд.

— Не бойся, Мосол, всем достанется,— хохотнул Зубодыр.

Брул?! А он-то как здесь оказался?

От волнения Кулл, забывшись, изо всех сил сжал кол, за который держался. Сухая древесина не выдержала хватки атланта и раскололась с громким треском. Африды мгновенно схватились за оружие, напряженно вслушиваясь в ночь.

— Ну-ка, быстро осмотреть все кругом,— велел Костогрыз.

Африды мгновенно рассыпались по крыше. Кулл, проклиная себя за несдержанность, скрылся за частоколом. Его план, построенный на внезапности атаки, грозил развалиться как тростниковая хижина в объятиях черного смерча.

Он услышал приближающиеся шаги, и над частоколом появилась черная фигура одного из афридов. Мосол, а это оказался именно рослый молодой африд, перегнулся через частокол, напряженно вглядываясь вниз.

Кулл решил, что настало время действовать. Попрочнее уперевшись ногами в деревянную ограду, он распрямился, словно атакующая кобра, и, ухватив Мосла за правый рог, изо всех сил рванул его вниз.

Африд, разинувший от удивления зубастую пасть, даже не успел вскрикнуть, когда заостренное дерево с мягким чавканьем вонзилось в его глазницу. Рывок Кулла оказался настолько силен, что кол



пробил голову африда насквозь и вышел из затылка. Из рта краснокожей твари хлынула кровь, Мосол судорожно задергался и умер. Используя рог убитого африда в качестве опоры, Кулл одним тигриным прыжком бросил свое тело за частокол.

Надо отдать должное ветерану Хребтолому, тот не растерялся и сразу же бросился навстречу атланту. Если бы Кулл замер хотя бы на мгновение, широкое зазубренное лезвие вошло бы ему точно в живот. Но атлант, вместо того чтобы приземлиться на ноги, упал на плечо и прокатился вперед, пропуская смертоносное жало над головой.

Словно выброшенный из катапульты живой снаряд, он сбил Хребтолома с ног и прежде, чем тот успел схватиться за меч, страшным ударом кинжала распорол африду живот и грудную клетку.

В следующий миг атлант был уже на ногах, поворачиваясь, чтобы отразить атаку нового противника. Но тут Кулл поскользнулся в луже крови, вытекшей из разваленного буквально пополам Хребтолома, и потерял равновесие...

Изуродованная длинным шрамом морда Зубодыра скривилась в кровожадной гримасе. Уверенный в отчаянном положении своей жертвы африд отвел руку с копьем, размахнулся, оскалился и...

На мгновение Куллу показалось, что у Зубодыра во лбу вырос третий рог. Африд замер, торжество в кровавых угольях его глаз сменилась выражением крайнего удивления, он пошатнулся и замертво рухнул на деревянную крышу. Из его переносицы, войдя в голову рогатой бестии по самую рукоять, торчал тяжелый кинжал Асафа.



Даже этой короткой передышке Куллу хватило, чтобы восстановить равновесие. Он развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как голова одного из оставшихся афридов, вращаясь, как набитый перьями мяч для игры в ракетку, перелетает через частокол и исчезает во тьме. «Да, владеть мечом Асафа действительно учили лучшие из лучших», — восхищенно подумал Кулл.

Перепрыгнув через поверженного Зубодыра, атлант нос к носу столкнулся с командиром стражи Костогрызом. Этот противник оказался посерьезнее предыдущих. Костогрыз сражался сразу двумя клинками — в правой его руке был тяжелый кривой клинок, а в левой — острый как бритва кинжал с крючком на конце. Африд отбил кривым клинком прямой выпад Кулла и, в свою очередь, полоснул по незащищенной груди атланта кинжалом. Из длинного пореза потекла кровь, Костогрыз довольно осклабился.

Африда, пережившего множество подобных поединков, подвела чрезмерная уверенность в своих силах. Вместо того чтобы поднять тревогу, он решил лично расправиться с дерзнувшими вторгнуться в его деревню сынами человеческими. Должно быть, он так и умер, не успев осознать, что же происходит на самом деле. Когда рогатый демон попытался покончить с Куллом боковым ударом в шею, атлант прыгнул вперед, перекидывая клинок из правой руки в левую. Правой рукой он заблокировал руку Костогрыза с клинком, а коленом отбил в сторону вторую руку африда, ту, в которой зверочеловек сжимал кинжал. От сильнейшего удара тонкий



клинок вылетел из рук командира стражей и, звеня, откатился далеко в сторону.

Неуловимым для глаза движением Кулл вонзил свой меч в незащищенный бок африда, прямо под кромку нагрудника. И хотя прямой муджарийский клинок Кулла был слишком короток и легок для привыкшего к тяжелому двуручному топору атланта, это не делало его менее смертоносным. Рука Кострогрыза разжалась, и клинокупал ему под ноги. Африд разинул пасть, но крик так и не вылетел из его глотки — Кулл стальными тисками сжал его шею. Еще мгновение, и атлант брезгливо отбросил в сторону бездыханное тело.

За это время юный хелиф успел покончить и со своим противником. Наступила тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Асафа и Кулла.

— Надо поставить их обратно к стенам,— бросил Асафу Кулл, подхватывая подмышки одного из убитых афридов.

— Ты хочешь, чтобы снизу казалось, будто они все еще живы и стоят на страже! — восхитился планом атланта хелиф.— Клянусь Голгором Пожирателем Огня, славно придумано!

Не мешкая, друзья привязали мертвецов к кольям частокола, вложив копыя им в руки.

— Ты слышал,— спросил Кулл у Асафа, когда они закончили свою грязную работу,— что в их руках Брул?

— Да,— кивнул юный хелиф, перетягивая куском ткани рану на предплечье.— Каким-то образом твоему другу удалось последовать за нами. Похоже,



наш план придется менять. Я думаю, нам следует разделиться.

— Хорошо,— на мгновение задумался Кулл.— Ты займешься дочкой колдуна, а я отправлюсь выручать Брула.

Атланту в голову пришла мысль, на первый взгляд показавшаяся ему совершенно безумной. Нет, полный бред! Хотя... Хотя...

— Значит, сделаем так...— обратился он к Асафу.

И по мере того как Кулл делился с ним своей дикой идеей, улыбка муджарийца становилась все шире и шире.

*К -К -К

На просторной площади, находившейся в самом центре деревни афридов, сейчас собралось все племя краснокожих демонов. Отсутствовали только часовые, несущие караул на стенах деревни. Неровный свет сотен факелов освещал море голов, дробясь мутными бликами в налитых кровью глазах созданий Шаб-Ниггурата, одного из первых Звериных Богов.

У западного края площади, между двух массивных деревянных строений, располагался высокий помост, сложенный из темного камня. Там, на троне, сделанном из человеческих костей, восседал вождь афридов — Курашбах. На бочкообразной груди Повелителя Людоедов красовалась гирлянда из маленьких черепов, судя по всему — детских, а заостренные длинные уши были украшены сережками из фаланг пальцев. Длинные тяжелые рога Курашбаха были покрыты золотом, а на голове кра-



совалась черная корона в форме копыта. Внизу помоста, оцепив его полукругом, стояла шеренга здоровенных афридов копыеносцев, одетых в кожаную с металлическими клепками броню.

У ног Курашбаха скорчилась стройная женская фигурка. Кулл понял, что это и была Таалана, дочка повелителя Великих Песков Мая Есумдуна. Девушка была обнажена, а ее кожу покрывала затейливая вязь магических рун. Рот Тааланы был заткнут кляпом, а тонкие руки безжалостно стянуты за спиной волосяным арканом. Такой же аркан был накинута ей на шею, а его конец крепился к поясу Курашбаха.

— Пришло время, братья мои,— поднимаясь с трона, проревел Курашбах.

Когда он поднялся на ноги, стало ясно, что рогатый вождь на голову выше любого из своих соплеменников. А огромным мышцам этого краснокожего гиганта позавидовал бы даже повелитель джунглей — саблезубый тигр.

— Сегодня — полнолуние.— Глубокий бас, более походивший на звериный рев, прокатился над площадью, заставляя смолкнуть все разговоры.— И сегодня мы почти жертвой повелителя нашего Шаб-Ниггурата, Скачущего во Тьме!

— Да потрясет цокот его копыт вершины мира! — нестройно проревели африды, опускаясь на колени.

— Пускай омоет копыта Черного Бога горячая кровь воина, чья смелость прошла испытание битвой! — провозгласил Курашбах, указывая могучей ручищей в центр площади.



Взоры афридов обратились на хорошо утоптанную земляную площадку, вокруг которой были вкопаны покрытые рунами каменные глыбы. В ее центре возвышались два каменных столба, между которых был привязан обнаженный человек.

Это был широкоплечий мужчина среднего роста. Темные спутанные волосы, пропитанные запекшейся кровью, ниспадали ему на плечи, и исподлобья сверкал бешеный взгляд. Рот его был заткнут клепом, поэтому он мог лишь злобно сопеть и фыркать. Было ясно, что воин этот не боится смерти, и единственное, что его пугает — это перспектива погибнуть, не отправив на тот свет пару-тройку врагов, должных проложить ему путь в рай.

— Также,— продолжил Курашбах,— сегодня я возьму новую жену.— Африд рассмеялся и злобно пнул скорчившуюся у его ног девушку. От удара под ребра Таалана упала, но сильным рывком аркана вождь людоедов вновь поставил ее на колени.— Такова воля посланца Шаб-Ниггурата Тулсы Дуума.

Курашбах с ненавистью посмотрел на Таалану.

— Он запретил тебя убивать, человеческое отродье. По крайней мере сразу...— Африд вновь радостно завыл.— А чтобы ты не могла навредить нам своими чарами, дочь колдуна, я сперва вырву твой язык, а затем отрублю тебе руки.

— Ну а потом мы отправимся в оазис старого колдуна в свадебное путешествие,— издевательски ощерился людоед-великан.— Я думаю, Май Есумдун обрадуется, когда узнает, что у его лядщей девчонки будет не один муж, а сотня! Ты прожи-



вешь еще несколько дней, чтобы твой непокорный отец смог раскаяться в своем упрямстве!

Слова своего вождя африды встретили радостным воем и улюлюканьем.

— Мои верные псы,— Курашбах оглядел беснующуюся толпу,— любой из вас может бросить вызов моим стражам! Клянусь Девятью Рогами Тьмы, победители получают право обглодать ее руки и познать ее тело...

Африды вскочили на ноги и дико завывали, стуча оружием. Казалось, на земле воцарилась преисподняя и ночное небо побледнело и съежилось, в ужасе отшатнувшись прочь.

Передав аркан с дрожащей и плачущей от страха, унижения и боли Тааланой одному из своих телохранителей, Курашбах спустился с тронного возвышения и направился к пленнику. Остановившись за пару шагов до распятого между каменных глыб человека, он воздел руки к небу и затянул ритуальное песнопение. Его нечестивая паства вновь опустилась на колени, вторя своему вождю.

— Йа, Шаб-Ниггурат, черный Владыка, яви свой лик на три стороны света, воздавая милость слугам своим. Дай нам силы, Рогатый, подобный грозному дыханию зверю хаоса, грядущему, чтобы пожрать мир! Да вкусишь ты от горячей крови героя и воздвигнешь свою длань над землями червей, что зовутся людьми! Йа, Шаб-Ниггурат!

Древние, оскорбляющие небеса слова, взлетали к равнодушным холодным звездам. Казалось, над площадью повисла звенящая тишина, а тьма за границей света факелов налилась клубящейся



жадной мглой. Ощутимо повеяло мертвенным холодом и тошнотворным смрадом разложившейся плоти.

Курашбах снял с пояса кожаный мешочек и сыпанул какого-то порошка в каменные чаши, стоявшие по обе стороны от пленника. Аффрид прошептал несколько слов, и в них вспыхнуло пламя. Но подчиняясь воле вызвавшего его существа, огонь угас. Из каменных чаш повалили клубы светящегося зеленоватого дыма, точно змея, свивавшаяся тугими кольцами.

Курашбах выпрямился во весь свой огромный рост. В руках его появился изогнутый черный обсидиановый нож, светящийся по краям трупной зеленью. Но не успел он всадить жертвенный кинжал в отчаянно бьющегося в оковах человека, как произошло следующее.

В противоположном от тронного помоста конце широкой площади, за спинами коленопреклоненных афридов раздался ужасающий рев. Так могло бы кричать какое-нибудь голодное божество из преисподней, требующее новых жизней.

Этот неожиданный и грозный звук заставил Курашбаха опустить руку, а его рогатых подданных содрогнуться от страха. Верховный африд резко обернулся.

Там, на границе света и тьмы, возвышалась гигантская косматая фигура в два человеческих роста. Жуткое существо словно возникло из небытия. На огромной бесформенной голове выделялись три огромных рога, из разверстой пасти торчали устрашающие клыки, а огромные — с кулак взрослого



мужчины — глаза ярко светились мертвенным бело-зеленым светом. Но самым страшным являлось то, что по бочкообразной груди и могучим плечам посланника преисподней то и дело пробегали жадные языки пламени; огненные же капли стекали из ноздрей чудовища.

Когда демон понял, что замечен, он задрал мерзкую морду к небесам и завыл. Ночь вновь наполнил страшный, заставлявший леденеть кровь в жилах, торжествующий рев.

— Йа Шаб-Ниггурат! — исторгло из недр могучей груди существо и проревело: — Падите ниц, смертные, перед посланником Черного Господина!

Не обращая ни малейшего внимания на распростершихся в пыли поскуливающих от страха афридов, пылающая тварь странной колеблющейся походкой направилась прямо к алтарю.

— Приветствую тебя, господин,— низко поклонился вождь афридов, когда косматый демон подошел к каменным столбам. В отличие от своих подданных Курашбах, сохранивший спокойствие и трезвость рассудка, на колени явно опускаться не собирался.

— Чем мы обязаны тому, что Черный Бог решил откликнуться на наш зов? — смиренно обратился вождь афридов к посланнику Шаб-Ниггу-рата.

— Шаб-Ниггурат велел мне забрать жертву.— Демон махнул могучей лапой в сторону пленника.— Ему понадобилось тело этого смертного целиком!

От очередного рева, исторгнутого посланником Древнего Бога, у Курашбаха заложило уши.



— Слушаюсь и повинуюсь,— опять поклонился африд.— Лучшие мои воины доставят пленного воина куда ты пожелаешь.

— Они не смогут пройти моим путем между мирами,— возразил демон.— По крайней мере, пока живы! — Существо рассмеялось странным лающим смехом.

— Да будет так! — согласился Курашбах.— Тогда до самого твоего возвращения к Черному Владыке тебя будет сопровождать почетная стража,— продолжал настаивать вождь афридов.— Ибо это самая малая честь, какую могут воздать мои соплеменники посланцу великого Шаб-Ниггурата!

По приказу Курашбаха к алтарю, то и дело кланяясь, подбежал отряд его личной стражи. На тронном возвышении остался лишь его личный телохранитель, державший на привязи Таалану.

— Мне некогда тут задерживаться,— рявкнул демон.

В мгновение ока в его лапе появился меч, короткий взмах и острое лезвие рассекло путы, удерживающие пленника.

— Иди за мной,— приказал посланник Шаб-Ниггурата человеку. Демон развернулся и все той же странной походкой направился в сторону, откуда появился.

К удивлению Курашбаха, человек даже не сделал попытки убежать. Глаза его остекленели, и он, безвольно свесив руки вдоль туловища, побрел за косматым чудовищем.

Повинуясь приказу своего господина, стражники африды двинулись следом. Страх перед своим вож-



дем оказался сильнее, чем перед неведомым чудовищем.

Демоны приходят и уходят, а что с ними может сделать Курашбах, им было прекрасно известно. Нет уж, лучше просто быстро умереть!

Курашбах, не спуская глаз, смотрел в спину удаляющегося посланника Шаб-Ниггурата. Лоб африда был наморщен, в голове вертелись странные мысли. Церемония обращения к Великому Богу была еще не закончена, а Черный Господин уже прислал одного из своих слуг. Почему же он не подал ему, Курашбаху, обычного знака? Что-то тут было не так. Но что именно?..

Демон и сопровождавший его человек уже почти пересекли площадь. Еще несколько шагов, и они растворились бы в темноте, когда Курашбах оглянулся на свой трон.

Что это?! У подножия костяного кресла валялся мертвый стражник, из его перерезанного от уха до уха горла хлестала кровь, а Тааланы, дочери непокормного Мая Есумдуна, нигде не было видно...

Вот тут в голове Курашбаха все встало на свои места.

— Схватить их! — Вопль разъяренного африда был ненамного тише рева демона. — Это самозванец!

В свою личную стражу Курашбах отбирал самых лучших воинов. Поэтому не было ничего удивительного в том, что они обладали куда лучшей реакцией, нежели большая часть племени афридов. Пока остальные соображали что к чему, личная охрана вождя, обнажив клинки, ринулась в атаку.



И в это мгновение с внушающим ужас посланником тьмы начали происходить разительные перемены. Он сорвал со своих плеч рогатую голову, а затем откинул покрывавшую все его тело косматую шкуру. Взору оторопевших афридов предстал мощный человек с развевающейся гривой черных волос. Спрыгнув с ходуль, он кинул своему «пленнику» кривой клинок Хребтолома.

— Давай, Брул, за мной! — взревел атлант, бросаясь бежать.

— Хо-хо, Кулл, ты как всегда вовремя! — Пикт, прихрамывая, помчался следом.

— Стараюсь,— на бегу хмыкнул Кулл.— Нам нужно успеть к загону с ездовыми строссами!

Друзья припустили во весь дух, преследуемые по пятам сворой разъяренных афридов. Кулл уверенно вел Брула к цели. Уроки Мая Есумдуна не прошли даром, и атлант с легкостью прокладывал путь между многочисленными постройками и кривыми заборами.

Хвала Валке, между ними и стражниками Курашбаха было шагов двадцать-тридцать, а остальные людоеды отставали от беглецов шагов на двести. Однако усталость и раны Брула брали свое, и пикт бежал все медленнее и медленнее. Увидев, что один из людей начал сбавлять ход, африды торжествуяще взвыли. Но их радость была недолгой, Кулл схватил друга в охапку и гигантскими скачками помчался дальше. Расстояние между беглецами и преследователями опять увеличилось.

Вскоре Кулл с Брулом оказались у огороженного высоким забором вольера с гигантскими птицами,



которые немногие живущие в пустыне люди и африды использовали в качестве лошадей. Строссы были очень неприхотливыми созданиями и обладали редкой выносливостью, хотя и отличались удивительно мерзким нравом.

— Туда! — Кулл поставил пикта на землю и указал Брулу на группу из четырех оседланных строссов, на одном из которых сидела Таалана.

Понимая, что сейчас от него нет большого толку, Брул подчинился: наверняка Кулл знает, что делает. И точно! Убедившись, что пикт заковылял к птицам, Кулл повернулся к загону и крикнул:

— Асаф, давай!

По команде Кулла муджариец запалил предварительно обмазанные смолой и обложенные хворостом стены вольеры.

Тем временем загона достигли и личные стражники верховного африда. Часть начала оттаскивать от стен горящие ветки, часть бросилась на Кулла. Атлант метко метнул кинжал в одного из мчавшихся к нему воинов. Стальное острие вонзилось в раскаленную пасть людоеда, кровь ручьем ударила у него из горла, и тот рухнул замертво. Уклонившись от клинков атакующих, Кулл стремительными ударами покончил еще с двумя афридами: одному он перерубил плечо, а второму разрубил голову. Удар атланта был настолько силен, что мозг из черепной коробки людоеда просто выплеснулся на утопанную землю.

Кулл вновь испустил тот самый ужасающий рев, что вкупе с его нарядом заставил Курашбаха поверить, что перед ним действительно посланец отвра-



тительного Шаб-Ниггурата. На самом деле атлант мастерски воспроизвел боевой клич владыки горных саблезубых тигров, обитающих в Приморских горах в Атлантиде.

Как-то много-много лет тому назад, когда Кулл еще был молод, он нос к носу столкнулся с этим могучим хищником. Тогда они дрались три часа, и хотя и человек и зверь были изранены, никто не смог одержать победу. Лишь Валка знает, как они смогли поговорить и о чем, но с тех пор ни один тигр не мог причинить Куллу вреда, а сам Кулл объявил этого зверя своим тотемом. Более того, на какое-то время присоединившись к тигриному прайду, он полностью истребил целое племя дикарей, объявивших горным тиграм войну не на жизнь, а на смерть.

Мгновение растерянности стоило противостоящим Куллу афридам еще одного бойца. Дюжий африд судорожно бился в пыли, зажимая обеими руками распоротый живот.

Однако этих бывалых вояк испугать было трудно. Оставшиеся в живых с новыми силами навалились на Кулла, обрушив на него шквал ударов. И хотя пока атланту удавалось отбиваться, кровь уже текла из нескольких ран на груди и руках — в отличие от афридов, Кулла не защищала кожаная броня.

Отпрыгнув в сторону, чтобы выйти из окружения, Кулл высоко подскочил в воздух, пропуская под ногами клинок одного из афридов. Инерция удара развернула краснокожую бестию боком. Атлант не преминул воспользоваться своим выгодным



положением и со всего маху обрушил удар кулака левой руки тому на голову — точно между рогов. Здоровенный африд закачался, кровь брызнула у него из глаз, ушей и рта, и он упал навзничь. Пару раз судорожно дернувшись, людоед испустил дух.

Перекатившись через плечо, атлант сделал подсечку африду левше, норовящему достать его прямым ударом длинного кинжалаа. Извернувшись со стремительностью и ловкостью тигра, Кулл отбил клинок рогатой твари в сторону и вскочил на ноги. Прежде чем его противник успел подняться на колени, атлант страшным ударом ноги в грудь отправил его обратно на землю. Судя по отвратительному булькающему хрипению африда, у того была разможжена грудная клетка.

Кулл едва перевел дух и огляделся. Теперь от основной массы афридов его отделяло не более полусотни шагов.

— Асаф, теперь! — рявкнул он изо всех сил, не прекращая сражаться.

Хотя афридам удалось сбить огонь вдоль восточной стены загона, остальные три уже всю пылали. Жадное пламя ревело, пожирая сухое дерево. Совершенно обезумевшие к этому времени от огня и жара птицы впали в неистовство. Они метались по охваченному пламенем вольеру, оглашая воздух пронзительным клекотом.

Тем временем Кулл поразил мечом своего очередного противника. Его клинок вошел африду прямо под обрез кожаного нагрудника. Удар атланта был такой силы, что стальное лезвие, перерубив позвоночник, вышло у рогатого демона из спины,



намертво застряв в кожаной броне. Аффрид бесформенной кучей сполз вниз, оставив горца безоружным.

И именно в этот момент хелиф, которому страшных трудов стоило бездеятельно ожидать приказа Кулла, распахнул ворота. Сплошным серым потоком гигантские птицы, сбивая друг друга с ног, бросились навстречу спасению.

Кулл едва успел отпрыгнуть в сторону, как стадо взбесившихся птиц промчалось по тому месту, где он только что находился. Противостоящие ему аффриды оказались не так расторопны и были превращены мчащимися со скоростью горной лавины строссами в кровавое месиво. В одно мгновение проскочив несколько дюжин шагов, отделявших их от передовых рядов аффридов, птицы не знаящим удержу живым тараном обрушились на набегающих краснокожих тварей.

Кулл подбежал к Асафу и радостно хлопнул хелифа по плечу.

— У нас получилось! — воскликнул атлант, указывая муджарийцу на вскипавший кровавой пеной жуткий живой вал, образовавшийся в месте столкновения двух живых потоков.

И если раньше аффриды, словно вырвавшиеся на волю легионы демонов, торжествующе улюлюкали, то сейчас они выли от боли и страха. За какие-то считанные мгновения стадо гигантских птиц уничтожило верную половину племени.

— Воистину безумная идея, — восхищенно пристынул юноша — Клянусь Голгором Пожирателем Огня, тебе покровительствуют небеса!



— Небеса покровительствуют смелым,— рассмеялся Кулл и так хлопнул муджарийца по плечу, что у того подогнулись ноги.

— Твоя правда, друг! Однако поспешим.— юный хелиф махнул Куллу, указывая на Таалану и Брула, удерживающих оседланных и подготовленных к дальней дороге птиц.

Ловко вскочив в седла, они направили своих двуногих скакунов в сторону ворот. Часовых не было видно — должно быть, несшие стражу воины оставили свой пост, присоединившись к погоне. Для отличающихся огромной физической силой Кулла и Асафа не составило большого труда сбить замки и откинуть здоровенный шкворень, соединяющий створки ворот.

Подгоняя своих птиц, компания направилась в пустыню, оставляя за спиной деревню афридов. Вскоре о пережитом ими приключении напоминало лишь далекое зарево на горизонте.

* К - К - К

Как только Кулл убедился, что их преследовать никто не собирается, он поравнялся с Тааланой, закутанной в накидку Асафа, и обратился к едва держащейся в седле девушке:

— Как ты, дитя?

Та всхлипнула в ответ:

— Н-но-ормально!

— Не бойся, теперь уже все позади,— как можно ласковее сказал Кулл, успокаивающе погладив Таалану по плечу.— Потерпи еще немного, скоро мы доставим тебя к отцу...



До сих пор не могущая поверить в свое воистину чудесное спасение девушка ничего не ответила, а лишь заплакала еще громче. Кулл меньше всего представлял как нужно утешать плачущих девчонок и, ища поддержки, умоляюще посмотрел на Асафа. Тот, улыбнувшись, подъехал к девушке и начал нашептывать ей что-то успокаивающее. Кулл только диву давался, каким ласковым и нежным голосом умел говорить Асаф. Увидев, что девушка перестала всхлипывать, Кулл поспешил отъехать прочь.

— Ты-то как сюда попал? — поравнявшись с пиктом, он дружески потрепал Брула по плечу.

— Я нашел в пустыне девчонку из Мизра и она объяснила нам, что же на самом деле произошло

в этой злополучной деревне...— Брул пересказал Куллу историю Маймуны.— Я сразу подумал, что проклятый Мехмет решил заманить вас с Асафом в ловушку. Мы помчались вдогонку, благо ветер еще не успел занести следы.

Можешь себе представить, что я почувствовал, когда понял, что этот сивобородый старикашка не кто иной, как Тулса Дуум! — воскликнул пикт.— Я загнал лошадь, стараясь поспеть вовремя, но опоздал...

Когда я увидел, что ты упал с обрыва, то прыгнул вслед за тобой, и меня засосало в песчаный водоворот, прежде чем он окончательно затянулся,— добавил Брул.— А потом меня подхватил черный смерч...



Кулл молча кивнул. Ему не было нужды выслушивать впечатления пикта — он все это сам испытал.

— В следующее мгновение я оказался один-одинешенек в пустыне,— продолжил свой рассказ пикт.— Не успел я толком в себе прийти, гляжу, как скачут эти уроды, ну, рогатые... А у меня из оружия всего-то муджарийская сабля да нож.

Брул перевел дух, жадно припав к поданной ему Куллом фляге.

— Но я показал этим красномордым кишкоедам, что может сделать настоящий воин! — Пикт довольно прищурился.— Глупым афридам следовало было бы затоптать меня своими птичками, а они решили скрутить меня сами... За что и поплатились! Рогатым бестиям впору только с крестьянами драться, да и то — втроем на одного. Эх,

Кулл, видел бы ты, как я сражался! Одному я — р-р-раз! — саблей голову долой.— Пикт бурно жестикулировал, демонстрируя, как именно он расправлялся со своими врагами.— Второму — ножом кишки наружу, третьему — хрясь рукоятью сабли в кадык, четвертому — коленом промеж ног! Следующих двоих я...

— Как же они с тобой сладили, гроза афридов?— Кулл, не выдержав, рассмеялся. Атлант слишком хорошо знал своего друга, чтобы отделить художественное преувеличение от истины.

Ни в малой степени не смущенный пикт тоже заржал.



— Нет, правда, я положил пяток этих шкуродеров. Прибил бы и больше, да они сообразили накинуть на меня сеть.

— А дальше? — поинтересовался Кулл.

— Доставили меня в свою деревню, избили, заперли в какой-то хибаре. А потом пришел этот здоровенный поганец — Курашбах — и сказал, что из меня выйдет достойное подношение его богам.— Брул сплюнул в песок.— Веришь, он смотрел на меня точно на кусок мяса в лавке мясника!..

— Расскажи лучше, как это вы сумели меня найти, Кулл? — после непродолжительной паузы спросил Брул.

— На самом деле я даже не подозревал, что ты последовал за нами,— покачал головой Кулл.— Мы прибыли сюда, чтобы спасти девушку. Дело же было так...— Атлант в нескольких словах поведал пикту историю их с Асафом приключений в Великих Песках.

— Сколько я тебя знаю, всегда поражался твоей способности появляться в нужном месте в нужное время,— развел руками Брул.— Чудны деяния судьбы, Кулл! Получается, что я своей жизнью обязан и этому колдуну, отцу Тааланы. Если бы вы его не встретили, к этому времени я был бы похож на освежеванного кролика! Ну дела...

Пикт замолчал, пораженный взаимосвязью событий, которые привели к его спасению. Однако долго ломать голову над устройством мира Брул не привык.

— Ты мне вот что скажи,— воскликнул пикт.— Как тебе удалось превратиться в это страшное соз-



дание? Клянусь Валкой, я чуть не обделался, когда увидел этого горящего монстра. А когда он разразился твоим боевым кличем, я вообще перестал соображать, что происходит!

— Ты не поверишь,— хмыкнул Кулл.— Но подобному трюку я выучился у одного отшельника в горах Зальгары. Я тебе говорил, что славно там покуролесил в свое время. Однажды кто-то распустил слух, будто отшельник, живущий высоко в горах, владеет волшебными доспехами Тигра, которые, дескать, делают своего хозяина неуязвимым. Позже выяснилось, что это полное вранье...

Брул уловил в голосе друга неподдельное сожаление.

— Так вот, когда мои головорезы после безуспешных переговоров решились взять жилище дедка штурмом, этот старый прохиндей, нарядившись подобным образом, так напугал этих горе вояк, что треть из них просто померла со страха! — Кулл покачал головой, вспоминая дела давно минувших дней.— А вторую треть этот старикан отходил до полусмерти своим посохом. Кто же мог подумать, что он — бывший наставник школы Огненного Спрута?

Брул восхищенно присвистнул:

— Ну тебе повезло! Надо же наткнуться на спрутобая!

— Ну, слово за слово, посох о посох, мы с ним изрядно друг дружку поколошматили,— продолжал Кулл.— А потом крепко сдружились... Я многому от него научился.



На самом деле весь секрет подобного «превращения» — пара-тройка шкур, несколько прямых веток или кольев, смола, особым образом смешанная с маслом, да пригоршня светляков. Благо все это оказалось под рукой. Ну а в том, что тебе прекрасно известен мой боевой клич — я не сомневался,— закончил Кулл свой рассказ.

— Отлично, с краснорожими людоедами мы разобрались,— Брул кровожадно ощерился.— Что дальше? Не будь я Брулом Копьебоем, если у тебе уже нет какого-нибудь плана!

— Конечно план есть,— согласился Кулл.— Причем проще некуда. Мы добудем один магический талисман для колдуна-призрака, и в благодарность за это Май Есумдун переправит нас в любое место!

— Действительно, пустяки.— Пикт улыбнулся.— Ставлю свое годовое жалование, что этот талисман хранится в каком-нибудь жутком месте и под надежной охраной. Ну, я прав?

— На все сто.— Кулл был совершенно серьезен.— Он находится в Замке из Песка в покоях Тулсы Дуума.

*К -К -К

Кто может описать встречу отца и дочери, не надевавшихся увидеть друг друга живыми? Кто может описать радость Мая Есумдуна, вновь обретшего дочь? И кто может описать ужас Тааланы, осознавший то чудовищное состояние полунебытия, в котором находился ее отец?



Мужчины, доставившие Таалану в оазис, поспешили удалиться прочь, когда дочь и отец увидели друг друга. Но долго еще в их ушах звенел крик ужаса Тааланы, попытавшийся обнять отца, в котором она души не чаяла.

— Злобный колдун, будь ты проклят! — вскричал Асаф, когда они уселись у костра на краю оазиса.— Но я еще доберусь до тебя! — По лицу юного хелифа текли слезы.

Пикт молча положил руку на плечо муджарийца и сжал его. Мудрый Брул понимал, есть горе, которому словами не поможешь.

И даже стальные глаза обычно невозмутимого Кулла подозрительно блестели.

— Клянусь всем сущим,— прошептал атлант в темноту.— Тулса Дуум, ты обречен!

*К -К -К

— А я говорю, что пойду с вами! — упрямо повторила Таалана.

— Ты пойми, дитя...— начал было Кулл.

— Никакое я не дитя,— топнула ногой дочка колдуна.— Я уже взрослая девушка!

— Ну хорошо, взрослая девушка.— Кулл изо всех сил старался сохранять спокойствие.— Мы отправляемся в путешествие, из которого, быть может, не вернемся. Асаф, Брул и я — все трое, опытные воины и грозные бойцы, и сможем постоять за себя. А что сможешь сделать ты, если на нас нападут враги? Более того, ты слабее нас и не такая выносливая. Пойми сама, что ты будешь обузой. На карту



поставлены не только наши жизни и жизнь твоего отца, вопрос стоит и о судьбе человечества!

Мы не можем рисковать провалить нашу миссию из-за какой-то упрямой девчонки!

— Но я знаю Замок из. Песка как свои пальцы! — попыталась было возразить Таалана. — Как вы обойдетесь без проводника?

— Твой отец рассказал нам обо всем, что встретится нам по пути. — Кулл был непреклонен. — И мы не нуждаемся в твоей помощи...

— Но, Кулл, может быть, действительно нам стоит взять ее с собой? — обратился к другу Асаф. — Не оставлять же ее тут одну?

Кулл старался не обращать внимания на страстные взгляды, которыми обменивалась парочка. Не то что бы атлант не одобрял возникшую между Асафом и Тааланой любовь, но сам Кулл относился к женщинам как к неизбежному злу, хотя время от времени проводил с ними время. Теперь он искренне надеялся, что его другу хватит ума не потерять голову.

— Я сказал — нет. — Кулл был неумолим. — Май Есумдун утверждает, что у Тулсы Дуума сейчас какие-то проблемы и он появится здесь не раньше чем через дюжину дней. А афридам, нашими общими стараниями, сейчас не до нее... Кроме того, кто может присмотреть за дочкой лучше родного отца?

И, подводя черту под неприятным для него разговором, он углубился в изучение карты, нарисованной им со слов старого колдуна.



Друзья, после непродолжительного прощания с Тааланой и ее отцом, выступили в путь на закате. Кулл решил прибегнуть к уже опробованной ими тактике двигаться по ночам, а отдыхать днем, укрываясь от испепеляющих лучей солнца под шкурами песчаного кота.

Отдохнувшие и отъевшиеся строссы, не зная устали, ровным шагом покрывали лигу за лигой. Время от времени Кулл останавливал отряд, вывешивая путь по звездам.

Понимая, что втроем они не смогут справиться со слугами Тулсы Дуума, Кулл тщательно следовал разработанному маршруту, который, по словам Мая Есумдуна, должен был в обход сторожевых постов колдуна вывести их к Замку из Песка.

— Главное, держитесь подальше от черных песчаных смерчей,— напутствовал их Май Есумдун.— Это разведчики Тулсы Дуума, а справиться с ними без специальных заклинаний вы не сможете. Не забывайте, все, что от вас требуется,— это, воспользовавшись отсутствием хозяина, выкрасть песочные часы.

Хвала Валке, удача была на стороне отряда Кулла, и путникам удалось благополучно избежать встречи с демонами-смерчами. Трое суток пути пролетело как одно мгновение, и на исходе четвертой ночи на горизонте показались величественные шпили дворца Мая Есумдуна, теперь, правда, поменявшего хозяина.

При первом взгляде на это строение становилось понятно, почему Повелитель Великих Песков называл свой дворец «Замок из Песка». И мощные



контрфорсы, и высокие стены, и уходящие в голубое небо стройные башни — все было сделано из этого материала. Оставалось только диву даваться, какие могучие заклинания удерживали мириады и мириады перетекающих с места на место песчинок вместе, придавая им крепость камня. Даже на таком расстоянии до ушей Кулла и его спутников доносилось легкое шуршание. Если закрыть глаза, можно было подумать, что находишься не в центре бескрайних песков, а на берегу моря.

— Значит, так.— Кулл проводил с друзьями последнее совещание.— Строссов оставляем прямо здесь. Потом,— он сверился с картой,— нам нужно выйти к южной стене между двух башен. Вот в этом месте.— Он ткнул пальцем в корявый рисунок.— Затем мы пробираемся по подземному ходу в коридор, из которого потайной ход ведет прямо в покои Мая Есумдуна.— Кулл оглядел внимательно глядевших на карту Асафа и Брула.— Берем часы и тем же путем обратно.

— Если Тулса Дуум до сих пор еще не нашел этого потайного хода,— выразил сомнение пикт.— Сам знаешь, какая это хитрая и осторожная тварь.

— Все равно выбора у нас нет,— пожал плечами Асаф.— Либо нам удастся заполучить этот талисман и в тогда колдун вернет нас домой, либо нам суждено погибнуть в этих песках. Если, конечно, Тулса Дуум не вернется раньше, чтобы предать нас мучительной смерти...

— Но не сует ли голову в ловушку мы сами? — возразил пикт.

— Даже если это и так, разберемся на месте.—



Решил Кулл.— Асаф прав, выбора у нас нет...

*К -К -К

Словно три бесплотные тени друзья крались вдоль уходящей ввысь стены гигантского замка. Три пары зорких глаз напряженно вглядывались в закатные тени, стараясь определить опасность, но все было тихо. Несмотря на четкость указаний Мая Есумдуна, у Кулла ушло немало времени на то, чтобы найти тайную пружину, приводящую в действие каменный блок.

Но как только атлант нажал на нужный выступ, раздался звонкий щелчок, и массивная глыба песчаника ушла отъехала вглубь стены, открывая темный лаз. Брул извлек из своего мешка три самодельных факела, запалил их и вручил Куллу и Асафу. Едва друзья нырнули в подземный ход, глыба с глухим скрежетом встала на свое место.

Кулл, высоко подняв факел, осмотрелся. Они находились внутри длинного коридора, конец которого терялся во тьме. Голые стены смыкались где-то наверху, а каменный пол был скрыт под кучами песка. Он прислушался, но тишина нарушалась лишь ставшим уже привычным шорохом песчинок да тяжелым дыханием Асафа и Брула.

— Вроде бы все нормально,— сказал Брул.— Вперед?

— Вперед,— согласился Кулл.— Но держите оружие наготове. Твоя правда, Брул, что-то тут не так...

Не успел Кулл закончить фразу, как песчаные кучи на полу словно взорвались, и из укрытий по-



лезли африды. В мгновение ока друзья были окружены десятками и десятками краснокожих людоедов, выставивших вперед длинные пики.

— Ну вот мы и снова встретились.— За спинами своих людей появилась исполинская фигура златорогого африда. Это был Курашбах.— Добро пожаловать, путники, во дворец великого Тулсы Дуума.

— Хозяин меня предупредил, что к нему должны пожаловать дорогие гости.— Гигантский африд оскалил свои страшные клыки в издевательской улыбке.— И велел подготовить достойную встречу...

Сейчас я не могу вас убить, мне велено захватить вас живыми. Впрочем, оно и к лучшему, ярость лишает месть остроты.— Глаза Курашбаха налились кровью.— Впрочем, господин оказал мне честь, решив убить тебя, Кулл Валузийский, когда он наиграется с тобой вдоволь. Хотя я считаю, что окажу тебе тем самым благодеяние.— Африд ненавидяще оглядел Кулла.

А что касается вас,— он ткнул когтем в сторону Брула и Асафа,— то вам уготовано удобное местечко на алтаре Шаб-Ниггурата.— Взять их,— велел рогатый своим воинам.

По приказу своего вождя африды обрушились на прижатых к стенке людей. И, несмотря на то, что друзья были лишены маневра, им удалось отбить первый натиск афридов. В отличие от людоедов им не было нужды сдерживать себя. Волна краснокожих тварей отхлынула, оставив на полу мертвые тела неудачников.

— Болваны! — яростно взревел Курашбах.— Я же сказал вам пользоваться сетями и древками пик!



В гневе могучий африд хватил кулаком по голове ближайшего к нему соплеменника. Раздался треск, и голова злополучного воина разлетелась на части, заляпав стены и стоящих рядом с ним воинов кровавыми ошметками.

— Вперед, шакальи отродья! — затопал ногами Курашбах.

Видимо, Курашбах внушал своим подданным страх больший, нежели клинки людей. Подбадривая друг друга воплями, изрядно поредевшая толпа афридов вновь навалилась на Кулла, Асафа и Брула. На этот раз друзья ничего не смогли поделать. Их острые клинки резали пальмовые веревки одну за другой, но, судя по всему, проклятые людоеды основательно запаслись сетями. Несмотря на все усилия воинов, они безнадежно запутались в силках краснокожих демонов. Убедившись, что их противники спеленуты по рукам и ногам и больше вреда не представляют, визжащие от удовольствия рогатые твари обрушили на пленников град ударов тупыми древками пик.

Курашбах какое-то время с явным удовольствием наблюдал за избиением беззащитных людей, а затем велел своим воинам остановиться. Надо сказать, те подчинились с явкой неохотой.

— Я люблю отбивное мясо,— облизнулся вождь афридов, ставя ногу на голову спеленатого сетями и поваленного Кулла, в отличие от Асафа и Брула все еще не потерявшего сознание.— Позже мы продолжим этот процесс, пока твоя плоть сама не начнет отделяться от костей.



— Я убью тебя! — прохрипел Кулл, кровавая пена выступила на его губах. Он, напрягая все силы, забился в удерживающих его путах — но тщетно.

— Только разве что в мечтаниях,— гнусно осклабился Курашбах.

С этими словами он взял меч Кулла за лезвие, коротко размахнулся и со смехом обрушил массивное навершие рукояти прямо за ухо атланту.

Словно кувшин с жидким огнем лемурийских пиратов взорвался в голове у Кулла, и он потерял сознание.

*К -К -К

Возвращение сознания было мучительным. Когда, отогнав усилием воли боль прочь, Кулл открыл глаза, то первым, что он увидел, были толстые железные прутья перед его лицом. Он попытался выпрямиться во весь рост, однако сделать ему этого не удалось. Помотав головой, чтобы прийти в себя, атлант понял, что находится в тесной железной клетке.

Сперва его поразила странная перспектива, но затем Кулл сообразил, что пребывает в пяти локтях над полом — его клетка была подвешена к потолку. Он огляделся по сторонам. На некотором удалении от него висели еще две клетки.

— Валка милостивый,— прошептал про себя Кулл.— Они живы!

И вправду, несмотря на потрепанный вид, многочисленные синяки и ссадины, Асаф и Брул были в полном порядке. Увидев, что их друг пришел в себя, они вздохнули с облегчением.



— Живой? — поинтересовался Брул.

— Да вроде,— ощупывая здоровенный желвак за ухом,— ответил Кулл.— Где мы?

— Я пришел в себя только здесь и не видел, через какие помещения нас несли,— сказал Асаф.— Но, судя по всему, мы находимся в бывшей лаборатории песчаного колдуна.

Кулл обвел взглядом просторную комнату, по углам которой громоздились покореженные остатки каких-то конструкций из меди и стекла, валялись разорванные книги, поломанные пучки трав и какие-то объедки. Каминная решетка была повалена, и на ней кто-то заботливо выложил инструменты, назначение которых не вызывало ни малейшего сомнения. Это были орудия пыток. Атлант также отметил недавно вбитые в стены крепления, крючья и шипастые зажимы. Да, злая воля Тулсы Дуума превратила обитель знаний в зал пыток. Судя по беспорядку, грязи и отвратительному зловонию, бывшая лаборатория была отдана на откуп афридам.

— Где бы ни появился проклятый Тулса Дуум, всюду он сеет смерть и разрушение,— вздохнул Кулл.

— Точно, его рук дело,— невесело согласился Брул.— Ну что, похоже, на этот раз мы влипли!

Тем временем послышались хриплые вопли, и в лабораторию ввалилась шумная орава афридов.

— Это точно,— злобно хрюкнул один из надзирателей — одноглазый коротышка.— Чирикайте, птички — пока... Появится наш господин, вы еще не так запоете!



Брул, не затрудняя себя поисками более подходящего ответа, ловко плюнул сквозь прутья. Его плевков угодил разговорчивому африду точно в налитый кровью единственный глаз, что вызвало у десятка дружков пострадавшего приступ бурного веселья. Африды, покатываясь от смеха, стали лупить друг друга по спинам.

— Ну, Кривоморд, эх он тебя ловко! — прохрюкал один из людоедов, тыча пальцем в пострадавшего товарища. — Эй, гляньте только на этого недомерка!

— Вот умора! — схватился за живот другой караульщик.

— Гы-гы-гы! — заржал кто-то еще.

Судя по всему, Кривоморд особой любовью у соплеменников не пользовался.

Взвыв от ярости, краснокожий демон схватил пику и обрушил тяжелое древко на клетку Брула. Железная клетушка раскачивалась и кружилась под шквалом ударов. Новая забава явно пришлась афридам по вкусу, и остальные людоеды последовали примеру Кривоморда. Когда злобные твари, пыхтя и отдуваясь, отложили в сторону пики, все тело Кулла ломило от боли.

— Теперь я понимаю, что должен чувствовать дворцовый гонг, когда в него ударяют колотушкой, — держась за бока, сказал Асаф.

— Клянусь Хоненом, я доберусь еще до вас, отродья могильных червей! — Брул погрозил кулаком мучителям.

— Сейчас, приятель, погоди, — рассмеялся один из афридов. — Вот отдохнем чуток и продолжим!



— Слышь, други, а может, под нашими курочками огонь развести? — предложил еще кто-то.

— Ага, сейчас развели,— вскинулся начальник караула — пузатый вислорогий африд.— А неровен час, помрут они или всякий вид потеряют? Я даже не говорю о Курашбахе, который нас наизнанку вывернет. Может, ты хочешь вместо них попасть в руки Мертвоголовому... для опытов...

— Это я так, Волчегрыз... будто я не понимаю? — Его собеседник вздрогнул от страха.— Я и в мыслях не имел ничего такого...

— А раз не имел, Толстопят, так и заткнись, а то я сам тебе язык укорочу...

Униженно кланаясь, Толстопят попятился и, проклиная себя за глупость, поспешил затеряться в толпе.

Кулл с удовольствием отметил, что африды панически боятся Тулсу Дуума, которого называют Мертвоголовым. По крайней мере с этой стороны немедленная опасность им не грозит.... Чем бы сейчас ни был занят чародей, в данный момент ему не до них. Отлично! Пока Тулса Дуум уверен, что его враги под надежной охраной, у них есть шанс выполнить задуманное! Вот только бы выбраться из проклятой клетки... Он должен что-нибудь придумать...

— Кулл, что это? — Напряженные раздумья атланта прервал шепот Брула.

Проследив направление взгляда пикта, атлант повернул голову к высокой стрельчатой нише, ведущий в коридоры замка. Скрытая выступом стены



от афридов, там шевелилась смутная расплывчатая тень.

— Кто бы это ни был, он явно не хочет, чтобы его видели наши тюремщики,— тихонько ответил другу Кулл.— А враг нашего врага — наш друг!

Кулл заметил, что клетка Асафа располагалась в дальнем от входа в лабораторию углу комнаты. Оценив обстановку и решив, что бы ни происходило в нише, афридам об этом знать не следует, атлант велел Брулу:

— Передай Асафу, чтобы тот по моему сигналу был готов отвлечь тюремщиков.

— Точно,— согласился пикт.— А вдруг это наш шанс?

Такой опытный воин, как Брул, моментально оценил все возможные направления развития событий и полностью разделял ход мыслей Кулла.

— Эй, Асаф,— тихонько позвал Брул муджарийца, которому с его места не был виден вход.— Тут вроде что-то затевается. Когда Кулл подаст сигнал, постарайся отвлечь на себя внимание афридов!

— Сделаем! — воспрял духом успевший приуныть хелиф.— Эх, лишь бы вырваться из этой клетки! Лучше погибнуть с оружием в руках, отправив на тот свет пару-тройку поганных тварей, чем быть принесенным в жертву каким-то древним паскудным демонам!

— Хорошо сказано,— кивнул головой Брул.— Буду рад умереть в хорошей компании...

Тем временем краснокожие бестии уселись кружком и решили перекусить. В их когтистых лапах появились сочащиеся свежей кровью куски мя-



са — Кулл старался даже не думать об источнике их возникновения. Давясь от жадности, пожиратели плоти с чавканьем, сопением и тошнотворным причмокиванием принялись рвать мясо острыми зубами. Уж на что многое повидал Кулл, но и он при виде подобной омерзительной трапезы содрогнулся от тошноты.

— Эй вы,— Волчегрыз оскалился в сторону пленников.— Не хотите подкрепиться?

Африд ловким броском послал полуобглоданную кость между прутьев клетки Брула.

— Хорошее мясо, мягкое, нежное... Кто знает, может быть, это была твоя жена или дочка? — захлебываясь смехом, заколотил себя по ляжкам командир афридов.

Брул, захлебнувшись в приступе тошноты, пинком отбросил страшный предмет прочь. Довольные своей шуткой твари гоготали и улюлюкали. Асаф начал выкрикивать проклятия, адресуя их отвратительным порождениям Шаб-Ниггурата, но те не обращали на муджарийца никакого внимания.

Удовлетворив голод, африды с набитыми животами отваливались на спинки импровизированных сидений, сооруженных ими из безжалостно разломанных на части книжных полок.

— Ну что, после такого обеда не грех и малость отдохнуть,— сыто рыгнул их предводитель.

В лапах Волчегрыза появилась кособокая глиняная трубка, которую он набил каким-то темным веществом, похожим на смолу. Примеру своего командира последовали все без исключения африды. К потолку потянулись коричневые струйки дыма, и по



лаборатории Мая Есумдуна распространился тяжелый и чуть горьковатый травяной запах.

— Бандж! — воскликнул Брул, поворачиваясь к Куллу. — Красномордые дряни курят бандж!

Кулл поморщился и сплюнул. Это страшное зелье было печально известно во всех Семи Королевствах. Оно давало своим поклонникам сладкие видения, за которые, однако, приходилось расплачиваться очень дорого. Человек, нанюхавшийся дыма от горящего банджа, через какое-то время становился безумным созданием, не понимающим, в каком мире он живет. Сладкие грезы сменялись жуткими кошмарами, и банджарин — так назывались кури-тели банджа — превращался в кровавого маньяка, несущего смерть всем, кто имел неосторожность оказаться на его пути.

Однако, несмотря на самые строгие запреты, остановить распространение этой отравы остановить не удалось. Даже в далекой Харкулии, где за продажу или покупку банджа полагалась конфискация имущества, у всего рода торговца смертью и страшная смерть в руках храмовых палачей. Но самым удивительным было то, что до сих пор не удавалось понять, откуда вообще бралась эта зараза. В землях Семи Королевств и Малых Княжеств не росло ничего подобного!

— Вот нам и удалось узнать, с какой стороны приходит эта гадость, — ответил пикту Кулл. — Я так и думал, что за распространением этой отравы стоит какой-нибудь колдун! Порой мне кажется, что Тулса Дуум несет ответственность за все то зло, что вершится под нашими небесами!



Время шло, африды замолкли, погружаясь в дурманные грезы. По их мордам расплылись довольные сладострастные улыбки, а из разинутых пастей некоторых тварей стекала слюна. При одной только мысли о том, что им может сейчас казаться, Кулл содрогнулся от омерзения.

Кулл попеременно поглядывал то на нишу, то на ничего не подозревавших афридов.

— Валка Великий, ну что он там копается? — прошептал он, обращаясь к Брулу.— Чего же он медлит?

— Может быть, он ждет, пока африды впадут в забытье? — Брул пожал плечами.

— От банджа в забытье не впадают,— покачал головой Кулл.— Просто в один прекрасный момент сладкие грезы незаметно уступают место кошмарным видениям. Именно в этот момент банджарин становится смертельно опасен!

Кулл отнюдь не понаслышке знал, что происходит с человеком, подвергшимся воздействию этого дурмана. Один раз ему еле-еле удалось пережить попытку покушения, когда один из жрецов Валки, предавший свою веру, во время моления, на котором присутствовал и владыка Валузии, высыпал огромное количество банджа в чаши для курения. Тогда нанюхавшиеся мерзкого зелья люди, повергнутые дурманящими кошмарами в самые глубины преисподней, калеча и убивая, набросились друг на друга. Чудом выживший во всеобщей резне Кулл наотрез отказался говорить, что же именно тогда он видел.



— Слышишь, Кривоморд...— Волчегрыз толкнул ногой коротышку.— Ты это... иди... к дверям... Сохрани нас Темный Рогач Шаб-Ниггурат, ежели нас застукает Курашбах...— Волчегрыз вновь глубоко затянулся.

— Чуть что сразу Кривоморд,— обиженно засопел одноглазый африд, но послушаться командира побоялся.

Увидев, что африд встал на ноги и, покачиваясь, побрел к стрельчатой нише, Кулл махнул рукой Асафу.

— Эй ты, урод одноглазый! — закричал муджариец, обращаясь к африду.— Похоже, тебе, недомерку бельмастому, свою задницу двумя руками не найти! Смотри, мимо двери не пройди, а то еще и рога обломаешь! Так ты иди сюда, я тебе пинка дам, чтобы ты в нужном направлении двигался!

Оскорбления юного хелифа пробились даже сквозь дурманную пелену. Кривоморд взвыл от ярости и, забыв про приказ Волчегрыза, бросился к клетке обидчика. Забыв про пику, разъяренный африд начал прыгать под клеткой Асафа, безрезультатно стараясь достать обидчика когтями.

Словно бы не замечая усилий впавшего в неистовство банджарина, Асаф продолжал поливать его отборной бранью. Брул даже восхищенно открыл рот, вслушиваясь в затейливые обороты и словесные конструкции.

Тем временем Кулл не сводил глаз с клубов дыма под потолком. Он был готов поклясться, что его было намного больше, чем могла бы надымить даже



сотня банджаринов. Что-то очень странное было в этом коричневом облаке...

И точно, только сейчас Кулл заметил, что струи дыма беспрестанно находятся в движении. Туманные дымные жгуты почему-то не смешивались, а извивались и скручивались, точно рассерженные змеи. Атлант отвел взгляд от гипнотического танца дымных струй, наливающих упругой силой. Их расплывчатые контуры в одно мгновение приобрели четкие очертания.

Но что это? Куллу показалось, что в дюжине локтей над его головой находится стая не то рыб, не то змей. Может быть, эти видения были вызваны банджем? Кулл потряс головой и протер глаза кулаками. Но нет, зрение его не обманывало, атлант уже определенно мог различить бусинки глаз и темные щели ртов ужасающих дымовых созданий.

На мгновение Кулл перевел взгляд вниз. Все краснокожие демоны, у которых состояние блаженства сменилось дикой злобой, столпились в дальнем углу лаборатории. Потрясая кулаками, людоеды собрались под клеткой Асафа. Юный хелиф бросил взгляд на Кулла, и тот показал ему знаками, что он должен еще немного удержать внимание афридов.

Асаф успокаивающе подмигнул другу. Муджари-ец, устраиваясь поудобнее, завозился в своей клетке, его лицо осветила довольная мальчишеская улыбка, и он... помочился прямо на головы беснующихся под ним людоедов.

Что тут началось! Оскорбленные африды ревели точно дикие звери, каковыми в общем-то и являлись, несмотря на умение говорить. Их глаза нали-



лись кровью, морды исказились в страшном оскале, с клыков слетали клочья пены. Презрев все последствия своего поступка, африды жаждали только одного — крови, крови и еще раз крови...

Не обращая внимания на вопли Волчегрыза, сохранившего остатки соображения, несколько людоедов рванулись к стенам, где располагались механизмы. Мускулы на руках афридов вздулись, слышалось скрипение и лязгание, и Кулл почувствовал, как его клетка пошла вниз. Клетки его друзей также начали опускаться. Вскоре последовал сильный удар об пол, заставивший болью отозваться избитое тело Кулла, и движение остановилось.

Когда Кулл увидел искаженные банджем и желанием убийства отвратительные хари, отделенные от него лишь редкими стальными прутьями, он подумал, что клетка, пожалуй, была вполне подходящим укрытием.

«Валка милостивый,— подумал Кулл.— Надеюсь, кто бы все это ни затеял, он знает, что делает!»

В следующее мгновение Кулл забыл обо всем на свете, приготовившись к своей последней битве,— он не строил иллюзий по поводу ее исхода. Что мог сделать страшно избитый, безоружный, сидящий в клетке человек против пары дюжин обкурившихся банджа вооруженных людоедов? Но и так просто атлант сдаваться не собирался — уж хотя бы несколько тварей он захватит с собой...

Ослепленным яростью и дурманом рогатым тварям явно было мало просто проткнуть пленников пиками. Африды желали выковырять людей из железных убежищ, чтобы вцепиться в податливую че-



ловеческую плоть когтями и зубами, почувствовать сладкий вкус крови. На то, чтобы сбить огромный висячий засов, им потребовалось лишь несколько мгновений.

Одна стенка клетки, протестуя скрипя ржавыми петлями, поплыла в сторону, и к Куллу потянулись десятки скрюченных рук. Он понадежнее уперся спиной и правой ногой в стенку и всей мощью своих огромных мышц бросил в смертельном рывке свое тело вперед.

И этот же момент дымные рыбозмеи выбрали для своего нападения.

Словно коричневые молнии обрушились с высокого потолка на головы афридов. В мгновение ока краснокожие людоеды были спутаны по рукам и ногам длинными мощными телами существ, порожденных волей неведомого колдуна. Страшные зубы впивались в красную кожу людоедов, руки и ноги которых моментально начали распухать от страшного яда.

Теперь афридам было не до кровавой потехи. Не встретивший ни малейшего сопротивления Кулл пролетел вперед и покатился по полу, с грохотом сбивая мебель. Застряв в куче досок, он с неподдельным ужасом смотрел, как тугие кольца рыбозмей сжимаются вокруг шей афридов. Ему показалось, что рогатых банджаринов заживо пожирают их самые страшные кошмары, неведомым образом превратившиеся в явь. Красные лица афридов наливались жуткой синевой, из распахнутых ртов, тщетно пытавшихся ухватить хотя бы малую толику воздуха, свешивались вздувшиеся языки. Подобное



не могло присниться Куллу даже в самом страшном сне — одно за другим гибкие змеиные тела исчезали в глотках афридов. И самым страшным было то, что все происходящее свершалось в полной тишине — мертвой тишине. Через несколько мгновений все было кончено.

Кулл, отряхиваясь, поднялся на ноги и огляделся. Кроме самого атланта и его друзей, все еще запертых в клетках, в бывшей лаборатории песчаного колдуна не было ни одного живого существа. На усеянном мусором и грязью полу скорчились две дюжины изуродованных краснокожих тел. Кроме кошмарных воспоминаний Кулла больше ничего не говорило об ужасающих рыбозмеях, в мгновение ока уничтоживших грозных бойцов Курашбаха. В нише тоже никого не было видно.

Кулл вовсе не собирался терять время на пустое глазение по сторонам. Враги были мертвы — это главное, а неведомый спаситель пускай сам решает, что ему делать дальше. Подхватив одну из валявшихся на полу пик (атлант выбрал оружие с окочеванным железными полосками древком), он поспешил к клеткам. Всего два удара потребовалось Куллу, чтобы освободить Брула и Асафа.

— Что это было? — первым делом поинтересовался у атланта Асаф. — Я никогда не видел ничего подобного!

— Я тоже, — кивнул головой Брул. — Но кто-то нам помог, и нам следует этим воспользоваться.

Пикт подобрал с пола длинный прямой клинок и теперь вертел его в кисти, привыкая к новому оружию.



— Так, раз мы находимся в лаборатории, значит, нам нужно идти по второму от лаборатории коридору налево,— прикинул Асаф.— Два поворота направо, а потом прямо до центральной лестницы. А там, двумя этажами выше, как раз находятся покои песчаного колдуна. Второй коридор направо, третий поворот налево...

— Ты что, держишь в голове карту всего замка? — удивился Брул.— Вот здорово!

— Тогда вперед,— кивнул муджарийцу Кулл, устраивая поудобнее тяжелую алебарду на плече.— Мы за тобой...

Асаф заткнул за пояс клинок с волнистым лезвием и поспешил к выходу в коридор.

Едва он поравнялся с нишей, как к нему, размахивая сверкающим клинком, устремилась массивная фигура.

— Берегись! — крикнул товарищу Брул.

Услышав крик, юноша, вытаскивая клинок из-за пояса, начал разворачиваться. Но слишком поздно! Кулл, отставший от муджарийца шагов на десять-двенадцать, понял, что тот не успеет блокировать выпад уцелевшего африда.

Волчегрыз, а это был именно он, вне всякого сомнения обладал превосходным чутьем. Буквально за миг до нападения волшебных рыбозмей он успел юркнуть ко входу и спрятаться в каком-то укрытии. Никто не мог назвать трусом этого прошедшего множество военных кампаний африда. Понимая, что он обречен, Волчегрыз тем не менее решил убить хотя бы одного из врагов.



Африд сознавал, что он находится в выигрышном положении и его противник обречен. Злобная улыбка исказила морду рогатого демона, глаза его горели безумным огнем, из оскаленной пасти вырывалось глухое рычание. И вдруг выражение жестокого торжества на лице Волчегрыза уступило место удивлению — как будто барышник, пришедший выкапывать свою кубышку, обнаружил, что она пуста.

Командир стражников замер на месте с занесенным клинком. Мгновение он стоял неподвижно, а затем колени африда подломились, и он как подкошенный рухнул лицом вниз. Из правого бока Волчегрыза — точно напротив печени, торчала рукоятка тяжелого кинжала.

Не успевший остановиться Асаф по инерции взмахнул клинком и, не удержав равновесия, сел на пол. Едва Кулл и Брул подскочили к упавшему юноше, прикрывая его с обеих сторон, как из

темноты дверного портала появилась закутанная в серую ткань фигура.

Неудивительно, что Куллу не удалось толком рассмотреть колдуна — складки скрывавшего его плаща клубились подобно дыму, заставляя носившего его человека сливаться со стенами. Даже с расстояния в несколько шагов атланту приходилось прикладывать усилия, чтобы удержать неведомого спасителя в поле зрения.

И тут человек в плаще поднял руку и откинул капюшон.



— Надеюсь теперь вы не будете возражать против моего общества? — устало улыбаясь, спросила у потерявших дар речи мужчин Таалана.

— Голгор, Пожиратель Огня! — воскликнул Асаф, поднимаясь на ноги.— Непослушная девчонка! Да тебе же могли убить!

Забыв о присутствии друзей, муджариец крепко-крепко обнял девушку.

— Я же не могла бросить тебя одного, мой господин.—Таалана прильнула к широкой груди юноши.— Кроме того, когда у меня свободны руки и не завязан рот, я в состоянии постоять за себя! — Девушка со значением посмотрела на Кулла.

Таалана выпрямилась во весь рост, глаза ее сияли.

— Отец меня многому научил, а он один из самых искусных магов по эту сторону Края Мира. Если бы проклятый Тулса Дуум не застал нас врасплох, мы бы ему показали!

— А где он сейчас? — спросил у девушки Кулл.

Атланту не давали покоя слова колдуна «я появлюсь тогда, когда ты будешь меньше всего этого ждать». Уж больно легко пока все у них получалось.

Куллу были ведомы границы могущества мертвого колдуна, и он не сомневался, что все, чем располагает Таалана, едва ли будет помехой для Тулсы Дуума.

— Мне не верится, что колдун просто бросил этот замок на произвол судьбы, оставив его под охраной тупых афридов. Кроме того, сам Курашбах говорил



о том, что весть о нашем прибытии ему передал Тулса Дуум.

— Ты совершенно прав, Кулл.— Таалана вновь стала серьезной.— Тулса Дуум постоянно следит за замком, но сейчас у него большие проблемы в Плоскости Богов. Старым Богам не понравились его планы захватить власть в этом мире исключительно для себя одного... Это порождение зла лишило моего отца физического тела и волшебной силы, но не вечного духа. Так вот, когда Маю Есумдуну удалось проникнуть в черные Миры Ктулхи, правда не надолго, он стал свидетелем сражения между Тулсой Дуумом и Йоосом, одним из слуг Нъярлатотепа. И тем не менее он может общаться с вождем афридов Курашбахом.

— Ну-ну,— с сомнением покачал головой Кулл. Рассказ Тааланы вовсе не поколебал его уверенности в том, что Мертвоголовый ведет с ними какую-то игру.— В любом случае, давайте поспешим, пока он не решил так или иначе свои проблемы...

— Ты совершенно прав, Кулл,— согласилась с ним Таалана.— Тулса Дуум наверняка уже сообщил Курашбаху, что пленникам удалось бежать. Так что у нас времени даже меньше, чем ты считаешь.

— Кулл, смотри!

Атлант обернулся на радостный крик Асафа. Муджариец, прижимая клинок к груди, ласково гладил свой верный Каркадан.

— Ясное дело, Волчегрызу удалось укрыть этот меч от глаз Курашбаха! — предположил Брул.— Да и какой дурак отдал бы такую вещь!



— Теперь нам никто не страшен! — взмахивая мечом, воскликнул сияющий Асаф.— Держись поближе ко мне, любимая, я сумею тебя защитить! — Муджариец с обожанием посмотрел на Таалану.

И тут друзья услышали яростный вой, исторгнутый сотнями глоток. С каждым мгновением он становился громче и громче. Похоже было, что все уцелевшие африды явились по души Кулла и его друзей. Слитный топот сотен ног заставил вибрировать даже твердый камень стен.

— Бежим! — решил Кулл.— Таалана, ты лучше всех знаешь дорогу, поэтому веди нас,— распорядился атлант.— Асаф, ни на шаг от нее, понял? Мы с Брулом будем прикрывать вас сзади...

Казалось, лигам пустых каменных коридоров не будет конца.

Ага, вот наконец и лестница на верхние этажи. Вверх, вверх, вверх! Новые коридоры... Поворот, еще поворот... Страшный звериный рев и лязг оружия за спиной...

Усталость и пережитые побои брали свое, дистанция между бегущими людьми и преследующими их людоедами неумолимо сокращалась. Бежавшие в первых рядах африды начали метать вдогонку Кулла и Брулу дротики, метательные диски и пики. Звон смертельного железа метался по коридорам, однако расстояние было еще слишком велико, чтобы рогатые бестии могли совершать прицельные броски.

— Где же эти проклятые покои? — прохрипел на бегу пикт, дыхание с бульканьем вырвалось у него из груди.



— Скоро уже.— Кулл отсчитывал повороты.— Ну-ка, давай покажем этим уродам, с кем они имеют дело.

Брул яростно рассмеялся:

— Ты думаешь о том же, о чем и я!

Подождав, пока Таалана и Асаф скроются за поворотом коридора, ведущего к покоям Мая Есумдуна, друзья развернулись и, уклоняясь от шквала смертельного железа, пробежали пару дюжин шагов навстречу преследующим их афридам. Брул, наклонившись, ухватил в каждую руку по парочке толстых коротких дротиков, Куллу же пришлось по вкусу тяжелые пики с широкими волнистыми наконечниками.

— Ну что, брат, готов? — повернулся Кулл к пикту.

Тот молча кивнул в ответ.

Друзья остановились, хладнокровно выжидая, пока мчащаяся за ними по пятам толпа зверолов окажется в узком месте, где по обеим сторонам коридора из стен выступали массивные колонны. И когда передовые ряды краснокожих людоедов оказались в рукотворной стремнине, Кулл с Брулом обрушили на них свой смертоносный груз.

Ни один из дротиков пикта не пролетел мимо цели и по меньшей мере четверо афридов пали, сраженные в голову. Людоеды, бежавшие за ними следом, ловко перепрыгнули через павших соплеменников, но тяжелые пики, со страшной силой пущенные Куллом, настигли их в воздухе. В мгновение ока коридор оказался перегорожен кучей по-



верженных тел, в которой увязли и остальные преследователи.

Атлант и пикт быстренько пополнили свой боезапас. Расставив ноги для упора, они с утробным рыком, вкладывая в броски все свои силы и ненависть, метали дротики и пики в живую стену, перегородившую коридор. Когда же вокруг кончились все метательные снаряды, они, выхватив свои мечи, рванулись в атаку, добивая уцелевших афридов.

Наконец, когда ни один из людоедов больше не шевелился, они удовлетворенно оглядели дело своих рук. Страшный завал, возведенный из мертвых тел и надежно спрессованный давлением врезавшихся в нее с разбегу афридов, надежно перегораживал коридор.

— Теперь у нас немного времени в запасе, — тяжело дыша, сказал пикт. — Они будут думать, что мы их поджидаем тут, и побоятся лезть вперед с налету.

— В самый раз, — согласился Кулл. — Ходу...

Они помчались по коридору к повороту, за которым скрылись их друзья. Пробежав чуть более двух сотен шагов, они замерли как вкопанные.

У массивных дверей, ведущих в покои Мая Есумдуна и где теперь разместился новый хозяин Замка из Песка — Тулса Дуум, замерли Асаф и Таалана. А прямо перед ними, удерживаемые короткими толстенными цепями яростно скалились гигантские черные тигры. Это были самые большие хищники, каких доводилось видеть Брулу. Ростом с хорошую лошадь, тигры, злобно рыча, клацали



страшными зубами, длиной с руку взрослого мужчины.

— Все пропало,— прошептала Таалана,— это скалистые тигры южного Мегриба. Я ничего не могу с ними поделать, эти животные не поддаются магии!

Кулл отдал свой клинок Брулу, отодвинул в сторону юного хелифа, сжимавшего Каркадан в победивших руках, и смело шагнул вперед.

— Арр-р-ргх! — взревел атлант, и тигры удивленно попятились прочь.

— Арр-ар-р.— Рык гигантских хищников выражал теперь скорее недоумение.

— Р-рр-х-хха! — Кулл встал между черными кошками и успокаивающе потрепал их за мощные челюсти.

— Асаф, дай мне твой клинок,— повернулся он к муджарийцу.— Обычным мечом тут, боюсь, не справиться.

Юный хелиф кинул Каркадан Куллу. Тот ловко поймал клинок за рукоятку, и пару раз крутанул меч, примериваясь.

Он что-то прошептал тиграм, ласково потрепав страшных кошек за уши. Громадные хищники облизали Кулла длиннющими розовыми языками и спокойно улеглись на камень. Кулл подошел к тому тигру, что был справа, тщательно прицелился, сжал Каркадан двумя руками и, вкладывая в удар все свои силы, рубанул по натянутой цепи.

Древний клинок тихонько дзынькнул, словно колокольчик на наряде валузийской модницы, и рассек толстенную цепь, словно та была сделана из



козьего сыра. Кулл довольно улыбнулся, повернулся ко второму тигру, и тот через миг был тоже свободен.

Атлант отошел от дверей и сел на пол, привалившись спиной к стене.

— Можно идти,— сказал он друзьям.— Путь свободен.

Таалана подошла к дверям, прикрыла глаза и выставила сложенные лодочкой руки вперед. Поставив одно мгновение, он довольно улыбнулась:

— Здесь нет никаких магических ловушек! Должно быть, Тулса Дуум целиком полагался на своих грозных стражей...

Как истинный рыцарь, Асаф первым открыл дверь, готовый отразить любую опасность, грозящую его любимой, но пока все было тихо.

— Заходите, друзья,— кивнул атлант на дверь своим спутникам.— Сейчас я тоже к вам присоединюсь.

Брул на мгновение задержался на пороге покоев песчаного колдуна и обернулся. Глазам пикта предстало самое удивительное зрелище, какое он когда-либо видел. Черные тигры положили свои массивные головы на плечи Кулла и прикрыли глаза. Все трое тихонько урчали и фыркали. Кто мог знать, о чем они сейчас говорят?

Пикт с удивлением смотрел на старого друга, с которым они прошли огонь, воду и горнила множества сражений. Никто в здравом уме не решился бы назвать повелителя Валузии чувствительным человеком. Отнюдь! Но в это мгновение испещренное многочисленными шрамами лицо безжалостного



владыки и не ведающего пощады воина осеняла блаженная улыбка. Впервые со времени своего знакомства с Куллом Брул видел своего друга таким умиротворенным и расслабленным. Никогда прежде не видел пикт в глазах Кулла столько нежности и безмятежности. И хотя сейчас каждый миг был на счету, Брул тихонько прикрыл за собой дверь, стараясь не потревожить Кулла.

— Каждый имеет право на счастье,— прошептал Брул.— Пускай хоть на миг...

Вскоре Кулл присоединился к своему отряду.

— Асаф, Таалана,— приказал он.— Вы ищите часы... А мы,— атлант повернулся к Брулу,— будем удерживать двери.

Они быстро накинули засов на железные скобы и принялись стаскивать массивную мебель, возводя импровизированный заслон.

Некоторое время все молчали, занимаясь своим делом.

— Нам нужно продержаться до тех пор, пока часы не найдутся,— начал размышлять вслух пикт.—

А как только они будут разбиты, волшебная сила вернется к песчаному колдуну, и он нас вытащит отсюда. Так, Кулл?

— По плану так,— хмыкнул атлант.— Но если мы не найдем этого проклятого магического талисмана, нам крышка...

Внезапно послышался чудовищный рык, а вслед за ним дикие крики, исполненные ужаса и боли. Таалана вздрогнула, побледнела, но ни на мгновение не прекратила поисков.



— Молодец девчонка,— одобрительно кивнул Брул.— Хорошая порода!

Крики и рычание не стихали некоторое время: тигры сполна возвращали свой долг Куллу. К тому же они очень проголодались...

Время уходило как песок между пальцами, Таалана перевернула всю комнату, залезла во все известные только ей тайники и укромные местечки, но тщетно... Часов не было.

Наконец какофония в коридоре смолкла — то ли афридам удалось победить черных хищников, то ли те, удовлетворив голод, наконец оставили их в покое.

Послышался грозный рев — Кулл узнал голос Курашбаха,— и на дверь обрушился град ударов. Но массивные створки пока еще держались.

— Их здесь нет! — Таалана уселась на пол, обхватила колени руками и расплакалась,— Все пропало... Все наши усилия напрасны...

Побледневший Асаф уселся рядом с девушкой, обнял ее за плечи и начал что-то нашептывать на ухо, успокаивающе покачивая.

— Они должны быть где-то здесь! — рявкнул Кулл.— Ищите! Не смейте сдаваться! Думай, Таалана, куда мог спрятать этот талисман чертов Тулса Дуум! Ты же сама колдунья...

Девушка перестала плакать и глубоко задумалась.

— Ну как же я не догадалась! — воскликнула Таалана, вскакивая на ноги.— Зеркало Ишмагаду!

Девушка бросилась к необычно толстому круглому зеркалу, стоявшему на низком столике, выре-



занном из громадного кристалла сверкающего черного кварца.

Толстенная дверь, содрогающаяся от мощных ударов, с оглушительным треском лопнула, но удерживаемая массивной железной полосой засова, все еще держалась в петлях.

— Мне нужно немного времени! — крикнула Таалана, в голосе ее слышалась радость.— Хорошие вы мои, продержитесь еще чуть-чуть, и все наши проблемы будут решены!

Мужчины, изготовившись к бою, бросились к расползающемуся заслону. И вовремя. Не выдержав ударов тарана, дверь раскололась на мелкие щепки, и в образовавшийся проход вломились размахивающие своими кривыми клинками африды.

Асаф, Брул и Кулл встали плечом к плечу и приняли бой. Кулл орудовал на дальней дистанции тяжелой алебардой, Брул крушил врагов тяжелым длинным клинком на средней, а верткий, как песчаный мангуст, Асаф выстроил непреодолимую стальную стену на ближней. Его Каркадан метался точно серебряная молния, разя наповал прорвавшихся сквозь защиту атланта и пикта афридов. Хвала небесам, в такой страшной толчее афридам не удавалось пустить в ход дротики и длинные пики.

Казалось, троица друзей превратилась в лютого шестирукого демона войны, Тайхабара (древние книги утверждали что это страшное существо, явившееся невесть из каких глубин мироздания, было непобедимо в бою; именно Тайхабар Шесть Лезвий отрубил Йог-Саготу все семьдесят щупалец



Тьмы). Их клинки сокрушали кожаные доспехи и шлемы афридов как бумажные, громоздя вокруг кучи изрубленных тел.

Африды валились десятками, кровь хлюпала под ногами, но слишком уж не равны были силы. Все новые и новые отряды зверолов, подгоняемый стальной волей Курашбаха, бросались в бой. И хотя за каждый сделанный вперед шаг рогатые бестии платили страшную дань своими жизнями, под их давлением друзьям приходилось отступать. И когда афридам удалось отбросить их от дверей, помещение в одно мгновение заполнилось бесчисленным количеством краснокожих тварей.

Покрытые десятками мелких и крупных ран, друзья окружили замершую у зеркала Таалану. Прикрывая девушку своими телами они, словно металлический еж, ошетинились клинками. Окружившие их со всех сторон африды взяли пики и дротики наизготовку, но опьяненных запахом крови людоедов остановил властный голос Курашбаха.

— Горец — мой! — взревел африд-великан, расталкивая своих подчиненных.

Злобная ухмылка исказила его морду, на губах выступила пена, в налитых кровью, как брюшко обожравшегося клопа, глазах металось безумие. Чудовищные мышцы бугрились на могучих руках и бочкообразной груди. Вид вождя племени звероловов был поистине страшен.

— Осквернитель! — взревел вождь афридов.— Ты посмел бросить вызов могуществу великого Шаб-Ниггурата! Я убью тебя своими руками... Я разруб-



лю тебя на тысячу кусочков, я сожру твою печень, я выосу твой костный мозг!

— Смотри не подавись, урод,— сплюнул на пол розовой слюной Кулл, отирая заливавшую глаза кровь.— Что-то я смотрю, твой повелитель не спешит тебе на помощь. Ну что, как, презренный трус, прикрываясь именем своего кривоногого божка, прикажешь растерзать меня своим рабам, или сразимся один на один, как подобает мужчинам?

Тяжелое дыхание с хрипом вырывалось из бурно вздымающейся груди Кулла. Атлант тянул время, давая Таалане шанс добраться до артефакта Тулсы Дуума.

— Ты — мертвец, человек! — Разъяренный Курашбах взвыл, как будто его заживо тащили в преисподнюю.— Твоя смерть будет страшна! Сперва я отрублю тебе руки, потом ноги, затем вырву левый глаз, распорю твоё брюхо...

— Не обделайся от напряжения,— рассмеялся Кулл.— Смотри, кишки застудишь, так языком болтая. Ты будешь сражаться или нет, чучело рогатое?

Вождь афридов страшно оскалился.

— Места! — проревел Курашбах, оборачиваясь к своим воинам.

Краснокожие людоеды попятились к стенам, освобождая центр комнаты для поединка. Кулл перехватил поудобнее свою тяжелую алебарду и шагнул в центр импровизированной арены. Он на мгновение замер, оглянувшись. Асаф и Брул надежно загораживали Таалану, по искаженному невероятным напряжением лицу которой стекали крупные капли пота. Несмотря на все происходящее, девушка так и



не открыла глаза, полностью сконцентрировавшись на своих чарах.

На мгновение воцарилась полная тишина. Сотни пар глаз были обращены на сошедшихся в смертельном поединке противников. Курашбах воистину был великаном. Ростом более пяти локтей, африд обладал могучими мускулами, которым позавидовал бы и лев. Каким бы высоким и крупным ни был Кулл по человеческим меркам; как бы ни была мощна его грудь и широки его плечи, все же по сравнению с троллеподобным афридом он казался подростком. Однако движения атланта, грациозные и обманчиво плавные, как у хищника, говорили о его невероятной физической силе. А те из его врагов, кто заглядывал в ледяные серые глаза Кулла, могли бы засвидетельствовать, если бы конечно они выжили, что в глубинах этих прозрачных колодцев таится сама Смерть.

Курашбах взмахнул своим огромным двуручным мечом и без предупреждения обрушил тяжелое лезвие на Кулла. Вернее на то место, где только что тот стоял. Зашипев, точно разъяренная кошка, Кулл отпрыгнул в сторону и, в свою очередь, попытался длинным выпадом снизу поразить Курашбаха в живот. Африд ловко увернулся, отведя алебарду плоскостью меча.

Противники, обмениваясь мощными ударами, танцевали вокруг друг друга. И хотя Куллу до сих пор удавалось или уворачиваться от ударов Курашбаха или их блокировать, видно было, что дается это ему с величайшим трудом. Если бы атлант был так



же прикрыт доспехами и полон сил, как Курашбах, течение боя было бы совершенно другим.

Но, увы, судьба подобные пожелания в расчет не принимает.

Вот уже глубокий порез лег на правый бицепс атланта, длинная рана тянулась по правому боку, а из задетого острием меча бедра текла кровь. Однако и Куллу удалось пару раз достать Курашбаха. Могучий африд все еще мотал головой, стараясь прийти в себя после неожиданной контратаки Кулла, сумевшего тяжелым древком нанести ему сильнейший удар в голову. А из глубокой раны на груди Курашбаха, в такт ударам сердца, стекали тяжелые крупные капли крови.

Курашбах наседал на Кулла, его тяжелый меч со свистом рассекал воздух. Атлант понимал, что, пропусти он хоть один подобный удар,— с ним будет покончено. Нельзя сказать, что Курашбах хорошо владел мечом,— Куллу попадались мечники куда сильнее,— африд брал скоростью и чистой силой. Ну что же, Кулл готов был побить рогатого великана его собственным оружием!

Кулл понадежнее уперся в каменный пол, мышцы на его спине и руках вздулись, а алебарда превратилась в размытый круг. Курашбах попятился, гадая, что предпримет его противник. Сперва вождь афридов думал, что Кулл попросту выплеснул все оставшиеся у него силы в последнем рывке, но атлант и не думал снижать скорость. Раз за разом он обрушивал на африда тяжелое лезвие.

Впервые с начала поединка в глазах вождя зверюдей появилась неуверенность. То, что он пона-



чалу счел легкой разминкой, грозило превратиться в смертельный поединок.

Человек вовсе не собирался умирать. Более того, он упрямо наступал! На губах Курашбаха выступила кровавая пена, африд совершенно потерял разум, превратившись в алчущего крови дикого зверя. С ревом он раскрутил меч и, подпрыгнув, обрушил тяжелый клинок на Кулла, вложив в этот удар все свои силы.

И хотя парировать его атланту не составило особого труда, атака африда все же увенчалась успехом. Толстое древко алебарды с жутким треском лопнуло в руках Кулла и тот остался безоружным. Побледневшие Асаф и Брул не успели ничего сделать, как Курашбах высоко занес свой меч и опустил его на голову атланта. Безумная радость отразилась в выпученных глазах людоеда, уже видевшего ненавистного человека разрубленным на две половинки.

Кулл, однако, до последнего момента сохранял ледяное спокойствие. И когда уже казалось, что острая сталь неминуемо поразит атланта, он резко бросился вперед. Кулл поймал крестовину меча Курашбаха и одновременно ударил вождя коленом в пах. Рев торжества сменился криком боли. Рогатый людоед выпустил меч и повалился на Кулла, сбив его с ног. Противники, изо всех сил молотя друг друга, покатались по полу.

Одного-единственного момента замешательства Курашбаха хватило Кулле, чтобы зажать шею краснокожего великана стальным захватом. Вождь афридов беспорядочно наносил атланту по голове и



корпусу страшные удары, но ничего изменить уже не мог — захват Кулла неумолимо сжимался. Обливаясь кровью из разбитых носа, бровей и ушей, Кулл сумел подняться на ноги, не отпуская Курашбаха.

С яростным звериным рыком атлант изо всех сил несколько раз ударил коленом в живот африду. И когда тот скрючился, глотая воздух, Кулл разжал руки, подпрыгнул и со всего маху опустил правый локоть на затылок Курашбаха. Тот, не издав ни звука, повалился на залитый кровью пол. Не дожидаясь, пока вождь придет в себя, Кулл подхватил его на руки.

Мышцы атланта вздулись в чудовищном напряжении, когда он поднял неподвижное тело Курашбаха над головой. Все, кто сейчас присутствовал в зале, затаили дыхание, не в силах оторваться от разворачивающегося действия. Кулл яростно взвыл и обрушил гигантского африда спиной на выставленное колено. Раздался страшный треск, и позвоночник Курашбаха переломился, точно сухая хворостина.

Кулл медленно выпрямился, обвел вжавшихся от страха в стену афридов безумным взглядом и, запрокинув голову, издал победный рев. Тот самый, воспоминания о котором еще не успели выветриться у афридов, уцелевших в ту роковую для них ночь, когда Кулл и Асаф освободили Таалану и Брула.

Когда же откуда-то издалека в ответ раздалось два ужасающих тигриных рыка, заставившие задребезжать стеклянные светильники на стенах, африды не выдержали. Давя и калеча друг друга,



краснокожие людоеды в ужасе бросились прочь. Теперь они были уверены, что злая судьба свела их с неким страшным демоном в человеческом обличье. А за их спинами жутко рычал и бешено хохотал могучий, яростный, окровавленный человек, голыми руками разорвавший на части их непобедимого вождя!

Вскоре Кулл, Асаф, Брул и Таалана остались одни в заваленном мертвыми телами помещении. Кулл перестал смеяться, зашатался и, обливаясь кровью, рухнул на руки вовремя подскочившим друзьям. Муджариец и пикт, изорвав на куски свои рубахи, стали перевязывать израненного Кулла.

— Ты самый великий боец, какого только я видел! — воскликнул пораженный до глубины души Асаф. — Благословен будь Голгор Пожиратель Огня, отпустивший тебе столько силы!

— Подожди, пообщаешься с ним подольше, увидишь и не такое! — грубовато пошутил Брул. — Видел бы ты, что нам пришлось перенести в жутких подземельях Черного Города, где один проклятый лемурийский колдун чуть было не оживил самого Повелителя Тьмы Верезаала!

— Да уж, — прохрипел более или менее пришедший к этому времени в себя Кулл. — Нельзя сказать, что Курашбах был сильным противником. Так, здоровенный тупой болван, который...

«Дзы-ынн-ннн!» Кулла перебил длинный хрустальный перелив.

Друзья обернулись к зеркалу Тааланы, от которого исходил этот удивительный звук. Девушка удовлетворенно улыбнулась и по локоть погрузила



руки в полированную поверхность. Какое-то время она что-то нащупывала в глубинах волшебного зеркала, а затем радостно вскрикнула:

— Вот они!

Еще мгновение, и Таалана выпрямилась, сжимая в правой руке массивные песочные часы. Эти удивительные часы были составлены из двух многогранных пирамид, наполненных странной изменяющей свой цвет субстанцией, отдаленно напоминающей тончайшую песчаную пыль. Но самым странным было то, что, несмотря на непрерывно сыплющуюся из верхней пирамиды струйку песчинок, песка в ней не убывало, а в нижней пирамидке, наоборот, не прибавлялось.

— Нам все-таки удалось сделать это! — воскликнул Асаф, — Я просто в это не верю!..

Страшная вспышка невероятного черного пламени помешала муджарийцу закончить фразу. Когда к ослепленным на мгновение друзьям вернулось зрение они увидели возникшую в центре комнаты фигуру, закутанную в черную накидку.

— И правильно делаешь. — Голкий голос ново-прибывшего сочился ненавистью и лютой злобой.

Первым понял, что сейчас произойдет, Кулл. Его реакция была мгновенной.

— Кидай часы! — крикнул он ошеломленной Таалане и, метнув обломок алебарды в Тулсу Дуума, прыгнул к девушке.

Но возможности Тулсы Дуума несравненно превосходили человеческие. Негодяй не дал им ни малейшего шанса. Щелчок пальцев колдуна, и Кулл повис в воздухе, словно застывшая в кусочке смолы



муха. Его друзья тоже замерли как статуи, остановившись на половине движения.

— Ты думал, что тебе удастся обмануть меня, атлант? — Тулса Дуум мотнул головой, и Кулл рухнул на камень. — Ты решил, что в союзе с развоплощенным чародеем и его ведьмовским отродьем сможете победить меня? Наивный глупец!

Тебе сказали, что я пленен слугами Ктулхи? Неразумная тварь, да все боги и демоны, вместе взятые, не в состоянии остановить меня! — Бессмертный колдун зашелся совершенно безумным смехом. — Оставь тщетные надежды!

Только сейчас Кулл разглядел, в каком состоянии находился Тулса Дуум. Весь странным образом скособоченный, он казался каким-то усохшим, мертвенно белая кость его черепа теперь была покрыта отвратительными желтовато-зелеными рыхлыми пятнами, а багровое сияние в левой глазнице погасло. Когда же он двинулся, заметно припадая на правую ногу, его плащ на мгновение распахнулся, и Кулл понял, что было с колдуном не так. Левый рукав его облегающего черного одеяния был начисто оторван — вместе с рукой...

Но он отнюдь не потерял своей силы и ненависти к Куллу. Тулса Дуум обращался только к атланту, не обращая на остальных равным счетом никакого внимания.

— Смотри на меня, червь! Из-за тебя опять разрушены мои планы! И мое тело... Но ты не переживешь своего триумфа, ничтожное порождение боганедоучки! У меня сейчас нет времени возиться с твоим телом, но я приготовил для твоей души осо-



бую преисподнюю.— Тулса Дуум захлебывался словами.

— Ты окончательно спятил, старый дурак.— Куллу потребовались невероятные усилия, чтобы разомкнуть губы и произнести эти несколько слов.— У тебя и так в голове вместо мозгов были могильные черви, а теперь, видать, и они расплозились!

— Ты... дрянь... отребье... ничтожество...— зашипел чародей.— Клянусь яйцом мироздания, ты обречен на вечность мук и страданий, которые заставят содрогнуться самые глубины преисподней! И пускай сейчас я вынужден оставить этот проклятый мир, позже я вернусь снова — но уже его господином!

Ну что же, глупейший из смертных и несчастнейший из них,— оскалился Тулса Дуум.— Вот и пришел конец твоей убогой жизни... Если хочешь, попытайся помолиться своему Валке, скоро и он последует за тобой во тьму!

Колдун повернулся к парализованной троице.

— Ты, муджариец, отруби голову этим двум,— Тулса Дуум махнул уцелевшей рукой в сторону Кулла и Брула,— А ты, девка, отдай мне часы...— поворачиваясь к Таалане велел колдун.

Относясь к людям, лишь как к покорным его воле марионеткам, злодей уже забыл о существовании Асафа.

Глаза муджарийского хелифа выражали страшную муку, он прокусил губу и по его подбородку стекала струйка крови, пот выступил на лбу, но заклятие Тулсы Дуума обладало невероятной силой. Несмотря на его ожесточенное внутреннее сопротивление



ление, юноша шаг за шагом приближался к Куллу. Остановившись у распростертого на полу тела, хелиф начал рывками поднимать Каркадан над головой. Кулл не сводил с него глаз.

В это время Таалана, силы которой не шли ни в какое сравнение с непостижимой разумом мощью черного колдуна, двинулась Мертвоголовому навстречу. Из глаз девушки капали слезы, но не подчиниться воле Тулсы Дуума она не могла. Пройдя несколько шагов и поравнявшись с Асафом, она протянула песочные часы злобно улыбавшемуся чародею. Тулса Дуум, снедаемый нетерпением, шагнул ей навстречу и требовательно протянул уцелевшую руку. Через мгновение магический талисман, в котором были заключены душа и сила Мая Есумдуна, оказался крепко зажат в его кулаке.

— Ценная вещьца...— прокрипел колдун.

На мгновение задумавшись, он, точно выбирающий себе лошадь воин, окинул внимательным взглядом Таалану.

— Пожалуй, она мне еще пригодится,— пробормотал Тулса Дуум себе под нос.— Да, определенно... Я найду достойное применение этому здоровому телу...

Он повернулся к Асафу, небрежно бросив дочке песчаного колдуна:

— Когда раб покончит с этими двумя, перережешь ему глотку. А потом отправишься со мной...

Точно серебряная молния устремилась к груди Кулла. Тулса Дуум с удовольствием следил за смертельным полетом клинка Асафа, вот-вот готовым пронзить сердце Кулла.



И в этот момент волшебный меч налился ослепительно-белым светом. Лезвие Каркадана раскалилось добела, и на нем проступила тонкая вязь древних рун. Может быть, сработало какое-нибудь заклятие, в незапамятные времена наложенное на Каркадан могучим Мегрибским магом, а может быть, Каркадан в какой-то мере обладал собственной волей, кто знает? Но вместо того чтобы пронзить яростное неукротимое сердце атланта, острая сталь обрушилась на все еще вытянутую в указующем жесте руку Тулсы Дуума.

От крика, исторгнутого чародеем, кровь хлынула из ушей околдованных им людей. Неразрушимая сталь с чистым тонким звуком разлетелась на мириады крошечных осколков, и отрубленная кисть колдуна шлепнулась на каменный пол.

Песочные часы выпали из извивающихся, точно страшный черный паук, горящих белым пламенем пальцев. Прокатившись пару локтей и ударившись об каменную ножку стола, они треснули по всей длине. Из расколотого хрустального сосуда вырвался желтовато-алый смерч, в мгновение ока налившийся золотым сиянием. И между людьми и Тулсой Дуумом вырос Май Есумдун.

— Вот мы и встретились вновь, Тулса Дуум,— грозно произнес Повелитель Великих Песков.— Пришла пора положить конец твоим козням, равно противным Порядку и Хаосу!

Кулл в изумлении смотрел на песчаного колдуна, в облике которого произошли разительные перемены. Кто теперь мог узнать в этом рослом седо-



бородом человек с благородным и мужественным лицом жалкую полупрозрачную тень?

— Проклятый Май Есумдун! — вскричал Тулса Дуум.— Ты возомнил себя равным мне противником?! Даже если бы все слуги Хаоса встали на моем пути, моих сил хватило бы, чтобы уничтожить тебя и ненавистного Кулла! Я даже не буду на тебя тратить заклинания!

Колдун в черном взмахнул обручком руки, и в грудь Мая Есумдуна ударила черная молния, отбросив чародея к стене. Тот, с силой врезавшись в камень, сполз на пол.

Тулсу Дуума сгубила ненависть к Куллу. Вместо того, чтобы добить песчаного колдуна, он, выкрикивая слова какого-то заклинания, направился к атланту. Если бы он сосредоточил свои силы, хоть и ослабленные столкновением со слугами Ктулхи, на единственном опасном для него противнике, и Кулл и его друзья были бы обречены.

Отвлеченный появлением нового врага, колдун забыл об удерживающих Кулла, Асафа, Брула и Таалану чарах. Почувствовав, что наконец свободны, друзья — кто как мог — атаковали Тулсу Дуума.

Оказавшийся позади Тулсы Дуума пикт, не мудрствуя лукаво, ухватил тяжелую скамью и обрушил ее колдуну на голову. Таалана выкрикнула какое-то заклинание, и черную мантию злодея охватило пламя. Оставшийся лишь с рукоятью Каркадана в руках Асаф подскочил к Тулсе Дууму и изо всех сил ударил его в лицо, используя тяжелую гарду как кастет. Лишь до полусмерти израненный



Кулл ничего не смог сделать, тяжело ворочаясь на каменном полу и безуспешно пытаясь подняться на ноги.

Но даже одновременное нападение трех человек не смогло причинить вреда такому могучему колдуну, каким являлся Тулса Дуум. Однако этой небольшой заминки вполне хватило Маю Есумдуну, чтобы оправиться от ужасного удара. Песчаный колдун смог подняться на ноги и, держась рукой за окровавленную голову, выкрикнул страшным голосом:

— Древние повелители, сокрытые мраком, явите свой грозный лик миру! Йа Шаб-Ниггурат, йа Нъярлатотеп, йа Йог-Сагот! Я, Май Есумдун, владеющий тремя ключами Силы и восемью словами Власти, открываю вам путь! Жертва принесена, и пусть Черный Бог, попирающий огненными копытами Бездну, взревет! Пусть свершится предопределенное и Боги Заката обратят свой мертвенный взор к Востоку! Хаос, возьми колдуна, возмнившего себя Богом!

Обмакнув раздробленные пальцы правой руки в собственную кровь, Май Есумдун, держась левой рукой за стену, начал чертить в воздухе руны, вспыхивающие мертвенно-зеленым пламенем.

Когда Тулса Дуум понял, что именно делает песчаный колдун, он издал вопль, описать который было невозможно. В этом жутком крике воедино слились ярость, безумие, отчаяние, воспоминания о страшной боли и ее же предчувствие и страх. Беспредельный страх, недоступный пониманию смертных...



Тулса Дуум попытался было произнести какое-то свое заклинание, но было уже поздно. Призыв Мая Есумдуна был услышан в той жуткой юдоли боли и зла, где, вне пространства и времени, обитали боги Ктулхи.

Шесть человек внезапно оказались заключены в гигантский прозрачный пузырь, заполненный мертвенным серым сиянием. За пределами этого исчезающе малого островка Порядка в безбрежном океане Хаоса пульсировали, сплетаясь и извиваясь, страшные ускользающие формы, которым в человеческом разуме просто не было определения. Удушливый, неподвижный воздух, ставший тягучим, подобно расплавленной смоле, был холоден, как в глубинах космоса, и вытягивал из человеческих тел последние крохи тепла.

Тулса Дуум, скуля как побитый щенок, выкрикивал разные заклинания и метался в поисках какой-нибудь лазейки. Но все его усилия были тщетны, и он лишь натыкался на невидимые стены. В этом месте, где бы оно ни находилось, не было места человеческому волшебству. Кулл, Асаф, Брул и Таалана, переполняемые запредельным ужасом и отвращением, инстинктивно сбились вместе в центре пузыря. Само человеческое естество содрогалось при виде тех омерзительных образов, порожденных Злом, которые со всех сторон облепили их эфемерное пристанище.

Внезапно они почувствовали дыхание некоего абсолютно чуждого всему живому Присутствия. Люди содрогались в конвульсиях, захлебывались в рвоте, кровь текла у них из всех естественных от-



верстий, ибо от близости запредельного абсолютного Ужаса начали рваться те невидимые узы, что удерживают душу в теле.

Несмотря на то что Кулл был изранен сильнее своих друзей, он все еще держался. И сквозь меркнувшее сознание атлант успел заметить три Лика Зла, возникших от них буквально в дюжине локтей.

Нет, не должен был человек видеть такое! Казалось, выражение лиц Древних Богов Ктулхи проходило бесконечную трансформацию — от Мерзости к Жути, от Страха к Кошмару. Ничего более определенного Кулл сказать не мог, ибо благословенная память тут же извергла из себя ядовитую блевотину омерзительных воспоминаний.

Видел ли в действительности Кулл то, что произошло далее, или же все это явилось болезненным бредом захлебывающегося ужасом воображения? Позже он и сам уже не был ни в чем уверен. Но в тот момент он стал свидетелем безмолвного разговора, состоявшегося между в мгновение поседевшим и постаревшим Маем Есумдуном и одним из Троицы Ктулхи. Атлант не понял, о чем они говорили, более того, он не хотел даже об этом знать, но, видимо, Древние Боги остались вполне удовлетворены речами песчаного колдуна.

К Тулсе Дууму со всех сторон потянулись беледые, алчные, длинные щупальца, свитые из омерзительных клочьев небытия, живущих каждое своей жизнью. Сперва тонкие, эти нити затем наливались силой и вздувались, бесстыдно обнимая воющего в запредельном ужасе колдуна. Они по-хозяйски ощупывали тело Тулсы Дуума, уминая его в бес-



форменный ком. Колдун уже съежился до размеров тыквы и продолжал уменьшаться. При этом он оставался живым и лишь хрипел от невыносимой боли. Похоже, участь, которую он пророчил Куллу, постигла его самого.

Перед тем как окончательно потерять сознание, провалившись в спасительное беспамятство, Кулл увидел, что конец одной из извивающихся конечностей тьмы наливается кощунственным бутонем. Затем этот бутон расцвел отвратительным алым цветком зубастой пасти, которая и поглотила Тулсу Дуума — одного из самых могущественных адептов зла на Земле.

— Отличное приключение, Брул! — Одетый в походную одежду Кулл с размаху рухнул на низкое сиденье рядом с пиктом, предававшимся поглощению уникальных вин из подвалов Замка из Песка.

Хвала небесам, по каким-то собственным причинам Тулса Дуум скрыл от афридов существование винных погребов Мая Есумдуна.

— Неплохо размялись,— хмыкнул Брул.— Это тебе не на троне задницу просиживать. Однако клянусь хвостом птицы Ка, оно чуть не стало для тебя последним!

Кулл, получивший в поединке с Курашбахом несколько тяжелейших ран, только на третьи сутки пришел в себя. К тому же он, впрочем как и остальные, потерял немалую часть жизненной силы во время пришествия Богов Ктулхи. Асаф, Таалана и Брул ни на мгновение не отходили от метавшегося



в бреду друга. Муджариец даже опасался, что тот умрет, однако Брул успокоил юного хелифа: «Раз он не помер сразу, значит, будет жить, знаю я его тигриную породу! Даже смерть ни за что на свете не решится подойти к человеку с такими кулаками!»

С того дня, хвала заботливому уходу Тааланы и целебным мазям и отварам ее отца, атлант стремительно пошел на поправку. Когда же утром третьего дня Кулл возмущенно отказался от жиденького целительного бульона с травами и потребовал жареного мяса с острым соусом, Брул начал прощаться с гостеприимными хозяевами.

Однако им пришлось задержаться еще на несколько дней. Май Есумдун тщательно обследовал могучего горца, пока, к собственному удивлению, не уверился, что Кулл абсолютно здоров.

— Так ведь не стало же! — Кулл закинул ноги на столик и нацедил себе полную кружку густого дынного вина, кроме сладости отличавшегося еще и отменной крепостью. — Посуди сам, как много мы достигли, заплатив всего кувшином крови и парой новых шрамов! Во-первых, мы избавились от проклятого Тулсы Дуума!

Рука Брула дрогнула, и он пролил вино себе на грудь. Хотя потерявший сознание пикт не был свидетелем явления Ктулхи, при одном упоминании о судьбе Тулсы Дуума он испытывал приступ леденящего душу ужаса.

— Как подумаю об этом, в голове темнеет, — пожаловался пикт Куллу. — Помню только, что наш старик какое-то заклинание произнес, а дальше —



темнота... Давай лучше выпьем...— Он жадно припал к полному кувшину.

Кулл, соглашаясь, кивнул. Он ни словом не обмолвился друзьям о том, чему оказался свидетелем. Подождав, пока пикт вместе с двумя пинтами вина вновь обретет уверенность в себе, он продолжил:

— Во-вторых Асаф сыскал себе достойную жену.— Хотя самому Куллу куда милее сладкого шепота женщин были звуки боя, он искренне разделял радость друга, к которому успел привязаться.— А, в третьих, какого союзника мы приобрели!

— Не будь я Брул Копьебой, если ты не сможешь завести себе друзей и союзников даже в брюхе у шакала! — расхохотался Брул, в восторге хлопая рукой по колену.— Я поражаюсь твоей способности из всего извлекать пользу! Наверное, это и есть то, что Ту и Ка-Ну называет «государственным мышлением».

— А знаешь, ты, наверное, прав,— Кулл на мгновение задумался.— Поверь мне, быть хорошим владыкой во сто крат тяжелее, чем быть хорошим воином... Кроме того, я до сих пор не уверен, что вообще можно быть «хорошим» владыкой!

— Да брось ты! — Пикт ткнул кулаком в плечо друга.— Знай себе отдавай приказы! Однако я тебе сочувствую, сам бы ни за что на свете не согласился занять твоё место или место Ка-Ну.

Выслушав рассуждения своего друга, Кулл рассмеялся.

— Ладно, собирайся. Пора в путь.

— Да уж, мы тут засиделись,— кивнул Брул.— А у нас еще вон сколько дел! Проклятый Шашонг ждет не дождется, пока мы с него шкуру снимем!



Одним глотком осушив свои чаши, друзья поднялись на ноги и направились во внутренний дворик Замка из Песка, где их дожидались Май Есумдун, Таалана и Асаф.

К тому времени, когда Кулл и его верный друг присоединились к ним, все слова уже были сказаны. Май Есумдун на прощание крепко обнял дочку и царственного зятя:

— Отец, вы будете самым почетным гостем на нашей свадьбе! — Асаф низко поклонился Повелителю Великих Песков. — А первого сына мы обязательно назовем в вашу честь.

Зардевшаяся Таалана опустила глаза и уткнулась лицом в плечо хелифа.

— И смотрите, чтобы у вас было не меньше трех сыновей! — напутствовал влюбленную пару Май Есумдун.

Старый чародей взмахнул руками, полы его волшебного плаща взметнулись, и в центре дворика возникла песчаная воронка. В отличие от подстроенной Тулсой Дуумом ловушки, в этот раз песок был удивительно светел и мягок. Казалось даже, что это не песок, а струи нежного персикового цвета дыма.

— Вы окажетесь на восточной окраине Мизра, прямо у лагеря, разбитого вашими воинами, — сказал Май Есумдун Куллу и Асафу. — По их зову сейчас в Мизр прибыли Фейсал бер Карим, Ка-Ну и Ту. Они вас продолжают искать, так как советник Асафа — мудрый Фейсал бер Карим — чувствует, что вы еще живы.



— Хорошо, что все они вместе,— сказал Асаф Куллу.— По крайней мере, не придется повторять нашу историю тысячу раз!

Первыми в воронку шагнули Асаф и Таалана, за ними последовал Брул.

— Подожди, Кулл.— Май Есумдун остановил атланта.— Я обязан тебе всем самым главным: свободой, жизнью, дочерью. И хотя истоки моей силы сокрыты в этих бескрайних песках, знай, по первому твоему зову я готов явиться тебе на помощь. Ты знаешь слова, которые нужно произнести,— главное, чтобы рядом была хотя бы куча песка.

Он на мгновение замолк, обратив глаза в пустоту.

— Тебе, Кулл, уготована великая судьба. Но и великие испытания выпадут на твою долю...

— Такова участь воина,— пожал плечами атлант.— Знаешь, старик, опасности меня не пугают.

— Знаю,— кивнул головой Май Есумдун.— Поэтому и дарю тебе на память это...

Старый чародей отстегнул удерживающую плащ массивную фибулу и снял его со своих плеч. Казалось, волшебный плащ этот был сделан из паутины, потому что, сложенный, он легко уместился в кулаке Кулла.

— Держи мой подарок в тайне ото всех,— сказал Повелитель Великих Песков.— Потому что настанет миг, когда лишь плащ великого Даамду сможет укрыть наш мир от алчного взора Изначальной Тьмы. И миг сей станет судьбоносным для жизни человека... и твоей тоже. И это будет время смерти



старого мира и рождения мира нового. Что же будет дальше с тобой, увы, мне не ведомо...

— Воин знает свою судьбу, чародей.— Кулла предсказание мага оставило совершенно равнодушным — в его жизни оно ничего не меняло,— А меч — свое дело... Но за подарок — спасибо!

Кулл поклонился Маю Есумдуну и шагнул в песчаную воронку:

— Прощай, чародей!

— До свидания, воин, до свидания...— покачал головой Май Есумдун.

Глубокая морщина легла между его седыми бровями.

СОДЕРЖАНИЕ

Роберто Диоталлеви
ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

5

Уильям Гордон
ПОЖИРАТЕЛЬ ОГНЯ

335

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И ДЫХАНИЕ СМЕРТИ

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Выпускающий редактор *Наталья Памфилова*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художники *Кирилл Рожков,*
Владислав Асадуллин
Художественный редактор *Андрей Татарко*
Верстка *Анны Новиковой,*
Корнея Дамаскинского, Владимира Сергеева
Корректоры *Алевтина Борисенкова,*
Вера Чаленко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.08.98.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Палатино».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Тираж 10 100 экз.
Заказ 2339.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197046, Санкт-Петербург, а/я 771.
E-mail: sevzap@infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск. пр. Ф. Скорины, 79.



ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Присылайте ваши предложения
и отзывы
о новой серии

«САГА О КУЛЛЕ»



по адресу:
197046 Санкт-Петербург,
а/я 771

или по электронной почте:
sevzar@info.pro.spb.su

•Северо-Запад®

РЫЖАЯ СОНЯ

Через пятьсот лет после правления Конана
Аквилонского, орды варваров предают
Хайборию огню и мечу.

В этот жестокий мир приходит воительница,
неустранимая гирканка Рыжая Соня,
встреча с которой ждет Вас в новом сериале
героической фэнтези издательства
«Северо-Запад»



РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ ПЕСКОВ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН СНОВ

•Северо-Запад®

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**

МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»

РОБЕРТА ГОВАРДА



**ВЫШЛИ В СВЕТ
СЛЕДУЮЩИЕ ТОМА:**

- Черный камень •
- Ночь волка •
- Гончие смерти •
- Проклятие океана •
- Клинок судьбы •
- Железный кулак •
- Кровь Богов •
- Лик смерча •
- Тень ястреба •
- Врата Империи •
- Знак огня •
- Воин снегов •
- Тропа войны •



Хроники Ричарда Блейда

ЧИТАЙТЕ

ПЕРВЫЕ ДВЕНАДЦАТЬ ТОМОВ СЕРИАЛА

«ХРОНИКИ РИЧАРДА БЛЕЙДА»

ТОМ 1

«Миддорский оборотень»

ТОМ 2

«Нефритовая Страна»

ТОМ 3

«Стальное сердце»

ТОМ 4

«Ветры Катраза»

ТОМ 5

«Раб Сармы»

ТОМ 6

«Тварь в лабиринте»

ТОМ 7

«Край Вечных Снов»

ТОМ 8

«Золотой скакун»

ТОМ 9

«Мятежник»

ТОМ 10

«Проигравший — умирает»

ТОМ 11

«Погибший мир»

ТОМ 12

«Корнуэлльский кровосос»

fantasy

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ «FANTASY»

ОДИН ТОЛЬКО ШАГ В СТОРОНУ —
И МИР ИНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ОТКРОЕТСЯ ПЕРЕД ВАМИ.
ВООБРАЖЕНИЕ — КЛЮЧ К ЕГО ВРАТАМ

МУЖЕСТВО И ВЕРНОСТЬ —
НАДЕЖНЫЙ ЩИТ ПРОТИВ ЗЛА



**БАРБАРА ХЭМБЛИ и МАЙКЛ МУРКОК,
РОБЕРТ ГОВАРД и ТЭНИТ ЛИ,
ДЖОН М. РОБЕРТС и МЕРСЕДЕС ЛЭКИ**

СТАНУТ ВАШИМИ ПРОВОДНИКАМИ
В ЗАГАДОЧНОМ МИРЕ ФЭНТЕЗИ





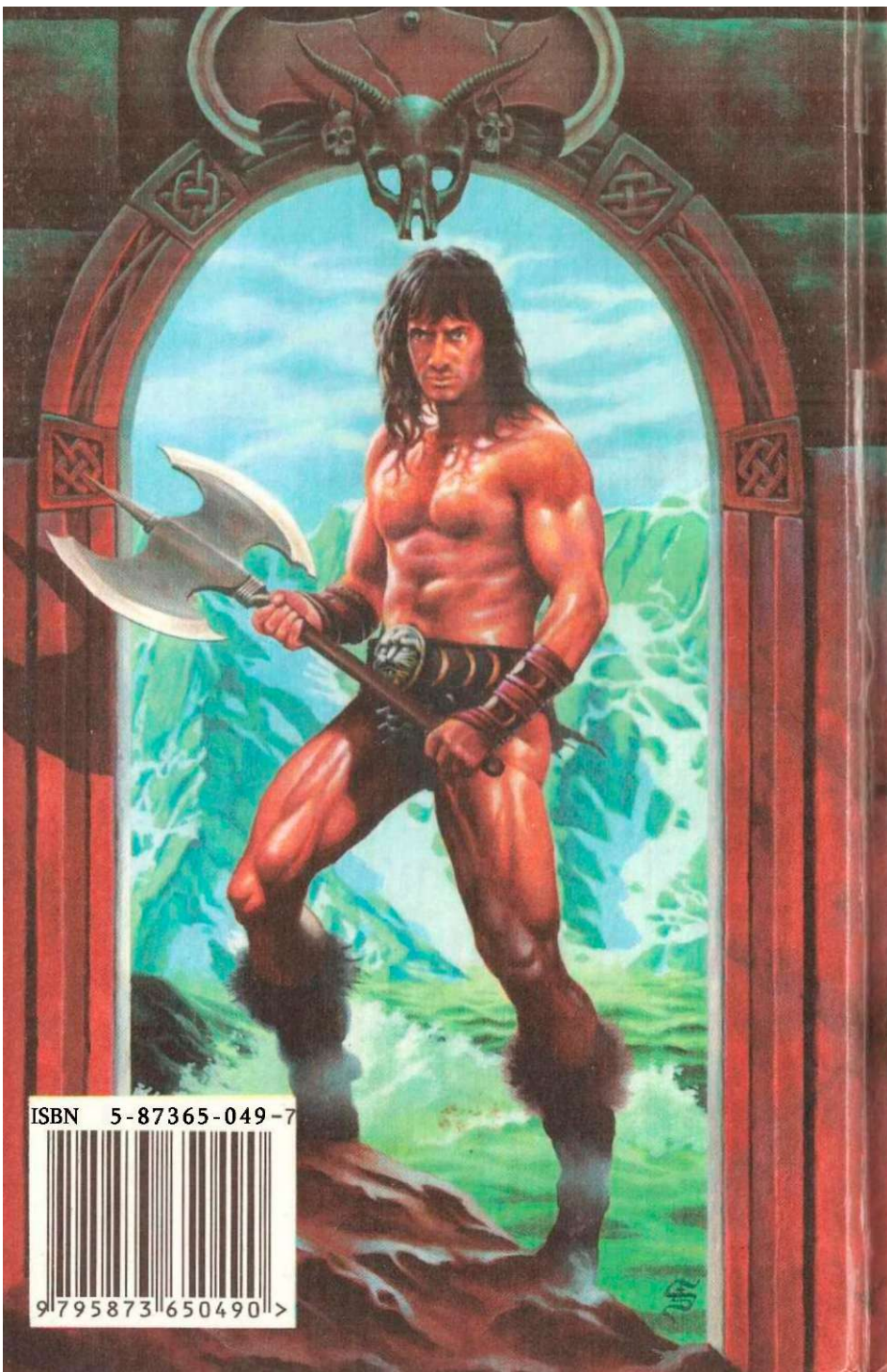
КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА
"СЕВЕРО-ЗАПАД"

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
"АСТ"

По вопросам покупки книг обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж.
Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140



ISBN 5-87365-049-7



9 795873 650490 >